КІЕВЪ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИМЪ ЕГО УЧИЛИЩЕМЪ

АКАДЕМІЕЮ.

Соч.

В. АСКОЧЕНСКАГО.

ЧАСТЬ I.

Кіевъ.

Въ Университетской типографіи.

1856.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ. 1855. Декабря 27 дня.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ, *Ор. Новицкій.*

Посвящается

ВСѢМЪ ВОСПИТАННИКАМЪ

КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ,

БЫВШИМЪ, НАСТОЯЩИМЪ и БУДУЩИМЪ.

На сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и градъ великъ имать быти.

Пророчество св. апостола Андрея первозваннаго

Кіевская Академія воспитала для всей Россіи знаменитыхъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей, государственныхъ чиновниковъ, и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ гражданъ.

Митрополитъ Евгеній

къ

ЧИТАТЕЛЮ.

Движимый чувствомъ искреннѣйшей признательности къ воспитавшему меня училищу, я давно желалъ написать Исторію его, по тѣмъ памятникамъ и актамъ, какіе сохранились въ разныхъ архивахъ и по моему крайнему уразумѣнію. Служебныя обстоятельства на долго отвлекли меня отъ этого, еще въ 1838 году задуманнаго, дѣла. Теперь Богъ привелъ меня исполнить мое намѣреніе, и трудъ мой предъ тобою, благосклонный читатель. Не прошу снисхожденія къ ошибкамъ, какія можетъ быть встрѣтятся въ моемъ сочиненіи, но скажу только словами древняго лѣтописца: „отцы и братія, оже ся писахъ, али не дописахъ, али переписахъ, чтите, „исправливая Бога дѣля, а не клените".

Авторъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начатки Русской грамоты въ Кіевѣ. Училища при св. князѣ Владимірѣ. Наказъ митрополита св. Михаила. Училища для женскаго пола при великихъ князьяхъ Кіевскихъ. Первая библіотека въ Россіи. Кіевъ разсадникъ училищъ. Церковное пѣніе. Первая училищная ревизія. Правда Русская. Баянъ вѣщій.

Кіевъ, бывшій купелію крещенія и обновленія Россіи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и колыбелію умственнаго просвѣщенія обновленнаго народа. Здѣсь впервые русское ухо услышало незнакомыя прежде пѣснопѣнія Церкви православной; впервые изрекались здѣсь слова вѣры, любви и христіанской надежды; впервые явилась грамота словенская, предавшая письмени то, что составило потомъ духовный насущный хлѣбъ просвѣщеннаго Евангеліемъ народа,—»и рады быша Словене, говоритъ Лѣтописецъ, яко слышаша величіе Божіе своимъ языкомъ« [1].

Но этимъ не ограничилось нравственное воспитаніе народа. Креститель Россіи, равноапостольный князь Владиміръ, первый изъ Русскихъ постигъ необходимость просвѣщенія. Грубое невѣжество могло идти рядомъ только съ языческими вѣрованіями въ деревянныхъ Волосовъ и полуметаллическихъ Перуновъ; оно даже необходимо было для жрецовъ, одною лишь недоступностью внушавшихъ простому народу уваженіе къ таинствамъ своей религіи,—ибо царство лжи любитъ тьму. Но все это должно было изчезнуть, какъ скоро свѣтъ Христовъ про-

свѣтилъ всѣхъ. Надо было учить народъ христіанскій евангельскому разуму, — и вотъ великій князь Владиміръ Святославичъ заводитъ въ Кіевѣ и по другимъ окрестнымъ городамъ народныя училища: »и пославъ, говоритъ Несторъ, нача поимати у нарочитыя чади дѣти и даяти на ученіе книжное«. Нельзя не видѣть, между прочимъ, особенной мудрости въ этомъ распоряженіи равноапостольнаго Князя. Владиміръ началъ образованіе своего народа сверху, съ высшихъ слоевъ общества, съ дѣтей »нарочитыхъ чади«, очень хорошо постигнувъ то вліяніе, какое неизбѣжно должны были произвести высшіе классы на низшіе; очевидно, что трудное дѣло народнаго образованія чрезъ это долженствовало много облегчиться. Державный учитель народа готовилъ себѣ ближайшихъ сотрудниковъ и пособниковъ. Но къ удивленію, и въ этомъ сословіи обнаружилась крайняя нерасположенность къ небывалому дотолѣ нововведенію: »матери чадъ своихъ, говоритъ намъ лѣтописецъ, плакахуся по нихъ, аки по мертвыхъ«. Но Владиміръ шелъ, — и достигъ своей цѣли. Мало того, что собственно русская грамота скоро перестала казаться дикою и неприступною для Россіянъ; они уже брались и за иностранные языки. Имѣя наставниками своими Грековъ и священниковъ болгарскихъ, »дѣти нарочитыхъ чади« неизбѣжно пріучались къ языку своихъ учителей, а вмѣстѣ съ этимъ усвояли и другія познанія, доступныя ихъ младенческому, по просвѣщенію, возрасту.

Наказъ перваго всероссійскаго митрополита св. Михаила, бывшаго самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Великаго Князя въ дѣлѣ образованія Россіи, можетъ быть и въ настоящее время высокимъ руководствомъ при обученіи юношества. Не учащіеся только, но и учители обращали на себя бдительное вниманіе сего знаменитаго и святаго педагога. »Призываше, пишется »въ Степенной книгѣ, всѣхъ учителей грамотныхъ, и наказованіе »ихъ правѣ и благочиннѣ учити юныя дѣти, якоже словесѣмъ »книжнаго разума, такоже благонравію и правдѣ, и любве, и

»зачалу премудрости страху Божію, и чистотѣ, и смиренно-
»мудрію. Учити же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣ-
»вомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ
»и сладкимъ проученіемъ и ласковымъ утѣшеніемъ, да не уны-
»ваютъ, ни ослабѣваютъ, прилежно и часто послушивати и на-
»казовати ихъ, предавати и комуждо ихъ урокъ ученія съ раз-
»сужденіемъ, противу коегождо силы, и со ослабеніемъ, да не
»унываютъ: но паче же всегда прилагати имъ ученіе отъ закона
»Господня на пользу души же и тѣлу, отъ безумныхъ же и
»неподобныхъ словесъ ошаятися« [2]. И такъ вотъ еще когда
святой Руси указана была настоящая программа воспитанія
юношества! Какъ отечески-снисходительно пріучаетъ великій
учитель сомнѣвающихся и робкихъ учениковъ къ принятію по-
лезныхъ уроковъ! Какъ твердо и незыблемо основаніе народ-
наго просвѣщенія, краеугольнымъ камнемъ котораго полагается
страхъ Божій и законъ Господень! Это былъ завѣтъ Кіеву, съ
которымъ онъ явился потомъ въ тяжкую годину искушенія,
когда судьбы Вышняго поставили его на стражѣ храненія
чистоты ученія православной вѣры.

Гордая Европа провозгласила древнюю Россію погруженною
въ невѣжество, а между тѣмъ эта невѣжественная Россія не
отставала и въ томъ, что считалось рѣдкостью даже въ высоко-
просвѣщенныхъ странахъ. Говоримъ о воспитаніи женщинъ.
Конечно, онѣ не составляли у насъ предмета безумнаго обо-
жанія; мы не ломали за нихъ копій на рыцарскихъ турнирахъ,
не разоряли городовъ и не объявляли себя оффиціальными за-
щитниками красоты и невинности,—ибо онѣ сами себя защищали,
скрытыя отъ нескромныхъ очей празднаго любопытства: но мы
давали имъ сильное оружіе нравственно-духовнаго просвѣщенія,
и дѣлали ихъ соучастницами того движенія, которое сообщено
Руси проповѣдію евангельскою. Стрыйковскій, историкъ XVI
вѣка, на основаніи русскихъ лѣтописей, пишетъ, что второй
всероссійскій митрополитъ Леонтій присовѣтовалъ великому князю

Владиміру Святославичу устроить два училищные монастыря, одинъ мужской, а другой женскій, для обученія дѣтей чтенію и письму [3]. Въ 1086 году великій князь Всеволодъ Ярославичъ, заложивъ въ Кіевѣ церковь св. Андрея, основалъ при ней женскій монастырь, въ которомъ постриглась и первая дочь его, дѣвица Анна. Благочестивая отшельница, не довольствуясь труженическими подвигами, учредила при монастырѣ школу для обученія дѣвицъ, принявъ на себя саму званіе учительницы. Въ этомъ первенцѣ всѣхъ женскихъ училищъ и институтовъ на святой Руси царственная наставница обучала дѣвицъ чтенію, пѣнію, письму и всякимъ женскимъ рукодѣльямъ. Такимъ образомъ Кіевъ является и здѣсь съ своимъ примѣромъ разумнаго вниманія къ нравственнымъ нуждамъ пола, почитаемаго у насъ, повидимому, отдѣленнымъ отъ общаго движенія къ современному просвѣщенію.

При такомъ святомъ началѣ народнаго образованія, не могло оно оставаться неподвижнымъ, и въ скоромъ времени пошло далѣе по пути, указанному первосвятителемъ великаго Владиміра. Сынъ его Ярославъ, искренно преданный наукѣ, завелъ въ Кіевѣ полный составъ переводчиковъ съ греческаго на славянскій языкъ, и основалъ первую въ Россіи библіотеку при новосозданномъ имъ Софійскомъ соборѣ. »Бѣ Ярославъ, говоритъ Не»сторъ, любя церковные уставы и книгамъ прилежа, и почитая »часто въ нощи и во дни, и собра писцы многи, и прелагаше »отъ Грекъ на Славянское письмя, и списаша книги многи, »ими же поучахуся вѣрніи людіе, и положи во святой Софіи« [4]. Нельзя не остановиться на замѣткѣ лѣтописца: »ими же поучахуся вѣрніи людіе«: — значитъ, библіотека Ярослава не оставалась мертвымъ капиталомъ во дворцѣ его и въ храмѣ Софійскомъ, а была открыта всѣмъ и всякому; значитъ опять, между народомъ было довольно такихъ, которые любили чтеніе и умѣли »поучаться«.

Слѣдуя мудрому примѣру своего отца, Ярославъ въ 1025

году открылъ училище и въ Новгородѣ. »И собра, говоритъ лѣтописецъ, отъ старостъ и отъ пресвитеровъ дѣтей триста, и повелѣ учити книгамъ«, вручивъ управленіе вновь устроеннымъ училищемъ епископу Іоакиму Корсунскому: »и бяше,—пишетъ препод. Несторъ, бывшій самъ воспитанникомъ Новгородскаго училища, — ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше«. Подъ руководствомъ сего-то Ефрема нашъ незабвенный лѣтописецъ изучилъ тотъ языкъ, который позволилъ ему бесѣдовать съ византійскими хронографами и повѣдать Россіи ея минувшую судьбу. Это не были какія либо отдѣленныя училища собственно для извѣстнаго только класса, или для приготовленія лишь достойныхъ служителей вѣры; — вся масса народа очищалась въ нихъ отъ прежняго своего невѣжества и суевѣрій, какъ это видно изъ самой цѣли учрежденія сихъ училищъ, чтобы »мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскую вѣру забывали« [5].

Кіеву суждено было также отъ древнихъ лѣтъ быть вводителемъ и въ послѣдствіи усовершителемъ церковнаго пѣнія. По сказанію такъ называемой лѣтописи Іоакимовой, еще къ Владиміру великому присланы были изъ Константинополя съ митрополитомъ Михаиломъ »демественники отъ Славянъ болгарскихъ«, передавшіе Россіи демественное или доместическое пѣніе, которое впрочемъ мало разнилось отъ столповаго [6]. При Ярославѣ явились въ Россію три греческихъ пѣвца, »отъ нихъ »же, какъ свидѣтельствуютъ Степенныя книги, начать пѣніе »изрядное осмогласіе, наипаче же быти въ Рустѣй земли ан»гелоподобное и трисоставное сладкогласованіе и самое красное »демественное пѣніе« [7]. Съ этой-то поры началось то удивительное пѣніе, которому ни подражать, котораго ни перенять нѣтъ никакой возможности, которое какъ-будто по одной нотѣ сносимо было цѣлыми вѣками и составило ту чудную и непостижимую гармонію, какая восхищаетъ до нынѣ во св. обители Печерской самаго глубокаго знатока музыки.

Не на безплодную землю пало сѣмя христіанскаго просвѣщенія. Какъ лучи отъ солнца, всюду распространялись отъ Кіева благодѣтельныя училища. Подъ 1097 годомъ упоминается, что препод. Несторъ ѣздилъ во Владиміръ, что на Волыни, для обозрѣнія училищъ и наставленія самихъ учителей: [8] — доказательство быстраго образованія Русскаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство, что и въ то время былъ уже учрежденъ правильный надзоръ за ходомъ наукъ и за внѣшнимъ благосостояніемъ училищъ.

Правильно устроиваемое государство требовало писаныхъ законовъ, приспособленныхъ къ мѣстнымъ потребностямъ и обычаямъ народа,—и въ слѣдствіе этого является *Правда Русская*. Наука правъ достойно уже оцѣнила этотъ вѣковѣчный памятникъ высокой мудрости и рѣдкаго просвѣщенія великаго князя Ярослава, а исторія записала на своихъ скрижаляхъ имя сего перваго законодателя Россіи, озаривъ его ореоломъ заслуженной славы, — и первый, сознательно-благодарный взоръ истинно-русскаго правовѣда обращается къ Кіеву, откуда »пошла есть« правда русская во всѣ концы обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи.

А вотъ и Баянъ вѣщій, соловей стараго времени, который »растекашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облаки«, который пѣлъ вдохновенныя пѣсни »старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Романови Святославичю«, который »не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія персты на своя струны вскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху«. Много прошло времени, пока остальная Русь прочитала въ мертвой буквѣ вдохновенную пѣснь только ученика того вѣщаго Баяна, а его самаго вживѣ когда-то слышалъ Кіевъ, возростившій и питавшій въ лѣсахъ и рощахъ своихъ этого »славія стараго времени«.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бѣдствія Кіева отъ междоусобія князей. Батый разоряетъ Кіевъ. Галицкіе князья дѣлаются владыками Кіева. Появленіе католиковъ на юго-западѣ Россіи. Распространеніе латинскихъ школъ. Миссіонеры доминиканскіе въ Кіевѣ. Виды папы Иннокентія IV на кіевскую митрополію. Societas Peregrinantium. Католическая епископія въ Кіевѣ Гоненіе на православныхъ при Ольгердѣ, Болеславѣ, Казимірѣ IV и при Людовикѣ, королѣ Венгерскомъ. Дѣйствія папъ Григорія XII и Урбана VI. Дѣйствія Societatis Peregrinantium. Кіевскій митрополитъ Кипріанъ Сербянинъ. Ягайло, великій князь литовскій. Доминиканцы хозяйничаютъ въ Кіевѣ. Владиславъ Ягелло и дѣйствія его. Князья и знатнѣйшіе дворянскіе роды — защитники православія. Два въ одно время кіевскихъ митрополита. Митрополитъ Григорій въ Римѣ. Учрежденіе постоянной католической епископіи въ Кіевѣ. Армяне въ Кіевѣ. Гоненія въ Литвѣ.

Но наступила тяжкая година и для Кіева. Междоусобія князей потрясли славу и могущество его въ своемъ основаніи, а полчища Батыя довершили паденіе сего новаго Царяграда. »Древній Кіевъ изчезъ, и на вѣки, говоритъ исторіографъ нашъ: ибо сія, нѣкогда знаменитая, столица, мать градовъ Россійскихъ

въ XIV и XV вѣкѣ представляла еще развалины« [9]. Единственные блюстители народнаго просвѣщенія, митрополиты Кіевскіе уже не находили въ немъ себѣ пристанища, и перенесли свою каѳедру во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ временно пребывалъ и престолъ великокняжескій. Галицкіе князья сдѣлались владѣтелями развалинъ не такъ давно великолѣпнѣйшей столицы всея Россіи, и занятые своими дѣлами, вовсе не заботились о возстановленіи первопрестольнаго града.

Но шла гроза страшнѣе Батыевой на развѣнчанный и разоренный Кіевъ. Въ 1213 году, Коломанъ, королевичъ венгерскій, овладѣвши галицкимъ княжествомъ, привезъ туда съ собою двухъ католическихъ епископовъ, отдалъ имъ двѣ православныхъ церкви, выгналъ православнаго епископа, и началъ обращать народъ въ римскую вѣру. Такимъ образомъ на горизонтѣ юго-западной Россіи уже показалось облако, ставшее потомъ тучею, которая пала на Кіевъ и окрестности его проливнымъ дождемъ кровавыхъ бѣдствій и лютаго гоненія. Пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ Россіи, стонавшей подъ игомъ Татаръ и отъ междоусобія своихъ же владыкъ, князья литовскіе начали покорять себѣ русскія западныя княжества, и въ короткое время завладѣли Новогродкомъ, Полѣсьемъ, Гродномъ, Брестомъ, Дрогичиномъ, Пинскомъ, Туровомъ и Полоцкомъ. Но тутъ еще далеко было до бѣды. Почти дикіе завоеватели охотно вступали въ нѣдра Восточной Церкви, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ и письмо русское; бѣда находила съ другой стороны. Ревнивые слуги папскаго престола не могли хладнокровно видѣть такое преуспѣяніе православія, и пользуясь горестнымъ положеніемъ юго-западныхъ областей, рѣшились прибѣгнуть къ дѣйствительнѣйшему средству, чтобы ниспровергнуть ненавистное имъ ученіе. Въ униженныхъ и разоренныхъ городахъ западной Руси не было уже училищъ; русское духовенство только по преданію держалось истинъ православія, не имѣя возможности изучить ихъ само собою, такъ что каѳедры

митрополитскія и епископскія по необходимости должно было предоставлять Грекамъ и Болгарамъ, приходившимъ на Русь. Хитрые противники православія воспользовались этимъ, и съ необыкновенною ревностію стали заводить училища, привлекая въ нихъ молодое поколѣніе. Основанные въ 1007 году Болеславомъ великимъ Бенедиктинскіе монастыри сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ академіями, и всему духовенству католическому поставлено было въ непремѣнную обязанность пещись о содержаніи училищъ; каждый приходъ долженъ былъ имѣть при костелѣ школу, а при каѳедрахъ и аббатствахъ предположено было завести преподаваніе высшихъ наукъ. Для довершенія образованія отличнѣйшіе изъ воспитанниковъ посылаемы были въ иностранные университеты, уже облеченные напередъ званіемъ канониковъ и обязанные такимъ образомъ оставаться навсегда вѣрными слугами папскому престолу. При такихъ дѣйствительнѣйшихъ средствахъ, перевѣсъ естественно переходилъ на сторону противниковъ вѣры православной,—и гроза быстро приближалась къ Кіеву.

Наконецъ, около 1235 года при кіевскомъ князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ первопрестольный градъ древней Руси увидѣлъ и у себя католическихъ миссіонеровъ Доминиканцевъ. Они основали Богородицкій монастырь на Оболонѣ, въ предмѣстіи Подола. Вмѣстѣ съ этимъ открыто было ими и училище для дѣтей,—и нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія этихъ пришлецовъ были крайне противны духу православія: ибо, какъ говоритъ польскій историкъ Длугошъ, Владиміръ Рюриковичъ выгналъ изъ Кіева Мартина Сандомирскаго, бывшаго пріоромъ того монастыря, со всѣми монахами, и строго запретилъ имъ возвращаться, опасаясь отъ нихъ заразы православнымъ[10].

Такая безуспѣшность не охладила однакожъ ревности въ кліентахъ папскаго престола. Оставивъ до времени виды свои

на Кіевъ, самъ папа въ 1233 году, учредилъ въ Галичѣ архіепископію, посвятивъ на оную доминиканца Бернарда, убитаго въ послѣдствіи Татарами, и съ этихъ поръ началъ серьозно помышлять объ учрежденіи и другихъ католическихъ епархій по заднѣпровской Руси и Литвѣ. Батыево нашествіе и опустошенія, принудившія кіевскихъ митрополитовъ перенести свою каѳедру во Владиміръ, подали мысль папѣ Иннокентію IV, что кіевская митрополія навсегда прекратилась, и что слѣдовательно это самый удобный случай присоединить церковь русскую къ римской. Съ этой цѣлію онъ льстилъ честолюбивой политикѣ Даніила князя галицкаго, даже далъ ему королевскую корону: но ошибся въ своихъ разсчетахъ. Православный князь не согласился измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ.

При всемъ томъ удаленіе митрополитовъ изъ Кіева усилило вліяніе западной церкви на заднѣпровскія епархіи. Миссіонеры всѣхъ орденовъ безпрепятственно селились въ юго-западной Россіи, къ явному ущербу Церкви православной, а когда Гедиминъ великій, князь литовскій, съ 1320 года завоевалъ и отторгъ отъ Россіи почти всѣ заднѣпровскія княжества, католики толпами начали стекаться въ Литву и Заднѣпровье съ своими проповѣдями, нисколько не опасаясь намѣстника Гедиминова Миндовга, князя гольшанскаго, исповѣдывавшаго вѣру православную и опредѣленнаго въ Кіевъ для успокоенія народа. Учрежденная, около 1252 года, папою Иннокентіемъ IV, такъ называемая, русская миссія, состоявшая изъ Доминикановъ и Францискановъ, подъ именемъ Societas Peregrinantium, дѣлала свое дѣло. Въ короткое время она настроила множество церквей и монастырей, и положила основаніе для будущихъ епископствъ въ Кіевѣ, Луцкѣ, Хелмѣ, Галичѣ, Перемышлѣ, Каменцѣ и Церетѣ въ Валахіи. Когда же, по смерти Льва, наслѣдовавшаго отцу своему Даніилу, королю галицкому, Чермною Русью овладѣлъ Болеславъ, князь мазовецкій; то въ странахъ этихъ

вдругъ появилось множество Поляковъ и Мазовшанъ, исповѣдовавшихъ католическую вѣру. Это обстоятельство было причиною того, что преемникъ Болеслава, Казиміръ великій имѣлъ уже подъ рукою гораздо болѣе способовъ къ обращенію Русскихъ къ папизму. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ облегла православный Кіевъ грозная туча враждебнаго ему ученія, и въ 1321 году онъ увидѣлъ у себя перваго католическаго епископа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и размноженіе костеловъ съ школами и училищами.

Ольгердъ, сынъ Гедимина, вступившій на престолъ литовскій 1340 года, хотя и принялъ православіе, по увѣщанію жены своей, тверской княжны Іуліаніи Александровны: но не запрещалъ латинскому духовенству проповѣдывать свое ученіе. За то на Волыни вѣра православная подверглась открытому гоненію. По прекращеніи поколѣнія великихъ князей галицкихъ, Волынцы около 1340 года поддались мазовецкому князю Болеславу, сыну Тройдена литовскаго, и хотя въ условіяхъ между ними было постановлено, чтобы онъ не нарушалъ ни гражданскихъ, ни церковныхъ уставовъ: но поддавшись вліянію католическаго духовенства, Болеславъ не только обратился самъ къ римской вѣрѣ, но сталъ принуждать къ тому и новыхъ своихъ подданныхъ. По смерти его, послѣдовавшей въ томъ же 1340 году, вся галицкая и волынская область поддалась королю Казиміру IV на тѣхъ же условіяхъ о вѣротерпимости: но король, принявъ бразды правленія, тотчасъ же явился лютымъ гонителемъ православія. Онъ вездѣ поселялъ между русскими католиковъ, обращалъ церкви православныя въ латинскіе костелы и притѣснялъ до того русское духовенство, что православные рѣшились было поддаться Татарамъ, которые по крайней мѣрѣ никого не гнали за вѣру. Пораженіе ханскаго войска и смерть Казиміра удержали православныхъ отъ этого опаснѣйшаго шага. Однакожъ положеніе ихъ не улучшилось и при Людовикѣ, ко-

ролѣ венгерскомъ, вступившемъ 1370 года на польскій престолъ. Желая присоединить Чермную Россію и Галицію къ Венгріи, а народъ обратить къ римской вѣрѣ, онъ вмѣстѣ съ опольскимъ княземъ Владиславомъ испросилъ у папы Григорія XI буллу на учрежденіе четырехъ католическихъ епархій: галицкой, перемышльской, хелмской и владимірской или луцкой. Обрадованный этимъ Григорій XI немедленно буллою своею 1375 года утвердилъ существованіе требуемыхъ епархій, возведши между прочимъ галицкую каѳедру въ достоинство митрополитанской и подчинивъ оной прочія три епископства. Православные архіереи, въ слѣдствіе повелѣнія папы, немедленно были удалены изъ епархій, и въ русскихъ церквахъ началось католическое служеніе. Въ 1381 году буллою папы Урбана VI открыта была во Львовѣ, знатнѣйшемъ тогда городѣ галицкомъ, и католическая инквизиція.

Соревнуя усердію коронованныхъ распространителей католицизма, члены Societatis Peregrinantium укрѣпляли моральнымъ вліяніемъ то, что доставляемо было имъ насиліемъ и страхомъ. Лишь только поступалъ въ ихъ вѣдѣніе какой либо православный храмъ, они немедленно открывали при немъ школу, и собирая въ нее безъ различія дѣтей всякаго вѣроисповѣданія, отсылали способнѣйшихъ воспитанниковъ въ знаменитую въ то время коллегію, названную по имени своей основательницы Гедвиги королевы польской Collegium Hedvigis Reginæ s. Reginense; отсюда ученики возвращались уже ревностнѣйшими католиками, дѣйствуя потомъ дѣломъ и словомъ противъ отринутаго ими православія. Въ тоже время католическіе миссіонеры всѣми силами старались удерживать православное духовенство отъ просвѣщенія, съ умысломъ выставляя потомъ его невѣжество предъ совращаемымъ народомъ.

Находясь въ ближайшей зависимости отъ государей непра-

вославныхъ, и лишенные пособниковъ, съ которыми можно было бы вести не безуспѣшную борьбу съ сильными противниками, кіевскіе митрополиты съ соболѣзнованіемъ усматривали уменьшеніе своей православной паствы. Ни уступки, ни благоразумная политика, ни смѣлое слово не спасали отъ этого блюстителей вѣры истинной. Напрасно митрополитъ Кипріанъ Сербянинъ, имѣвшій каѳедру свою въ Вильнѣ, снискивалъ благосклонность Ягайлы, великаго князя литовскаго: обѣщавъ, при вступленіи своемъ на престолъ, православнымъ свободу вѣроисповѣданія, этотъ король, при помощи доминиканцевъ и францискановъ, обратилъ къ римской церкви половину своей столицы— Вильно, и далъ латинскому духовенству значительный перевѣсъ предъ русскимъ, стѣсняя постепенно самую вольность и гражданскія права народа. Въ угоду властителю юго-западной Руси удѣльный князь кіевскій Владиміръ Ольгердовичъ далъ право въ самомъ Кіевѣ возобновленному доминиканскому монастырю собирать *поколодную*, то есть извѣстную дань или *помѣрную* подать съ продаваемаго на рынкахъ хлѣба, и кромѣ сего уступилъ ему деревню на Сыричѣ и потомственно-безоброчную пашню, подъ названіемъ Хлопачъ, что потомъ въ 1411 году было подтверждено и грамотою сына его князя кіевскаго Александра Владиміровича. А между тѣмъ Владиславъ Ягелло, король польскій, сеймовой конституціей 1400 года лишилъ православныхъ подданныхъ своихъ права имѣть гербы, пріобрѣтать дворянское достоинство и пользоваться привиллегіями гражданской службы. Все это предоставлено было лишь тѣмъ, кто исповѣдывалъ католическую вѣру. Русскія церкви безпрестанно были обращаемы въ латинскіе костелы, и хотя въ томъ же году краковскій сеймъ умѣрилъ строгость эту: но черезъ два года она опять возобновилась. Уже Владиславъ Ягелловичъ III, при коронаціи своей 1434 года, сравнилъ православныхъ мірянъ съ неправославными въ вольностяхъ и преимуществахъ.

Не смотря на такое гоненіе, на Волыни и въ Литвѣ еще

оставались нѣкоторые князья и дворянскіе роды, которые не захотѣли измѣнять восточному исповѣданію, и смѣло защищали православную Церковь на сеймахъ и предъ самими королями. Левъ Скиргайло Ольгердовичъ, княжившій въ Кіевѣ послѣ брата своего Владиміра, Ѳедоръ и Василій князья острожскіе, князья Чарторыйскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Сангушки, Полубенскіе и другіе, почивающіе въ православной издревле кіево-печерской лаврѣ, заслужили себѣ вѣчную память непреоборимою ревностію по православію.

Бѣдственное нестроеніе въ іерархіи, возникшее въ слѣдствіе взаимныхъ притязаній двухъ въ одно время кіевскихъ митрополитовъ—Фотія и Григорія Самблака,—одного Грека, а другаго Болгарина, — подало поводъ Витовту задумать подчиненіе русской церкви папскому престолу. Съ полной вѣроятностью можно утверждать, что событіе это, внесшее такой соблазнъ въ нѣдра Церкви православной, было дѣломъ римскаго духовенства, постоянно окружавшаго Витовта; самыя обвиненія, взведенныя на патріарховъ константинопольскихъ и всю восточную іерархію въ мздоимствѣ и незаконности притязаній, обличаютъ, кто собственно былъ составителемъ такой клеветы. Наконецъ отвѣтъ Витовта на убѣжденіе митрополита Григорія обратиться къ восточной церкви, — чтобы онъ ѣхалъ въ Римъ и вступилъ тамъ въ религіозное состязаніе съ папою и его богословами, свидѣтельствуетъ съ одной стороны то, что устами князя говорили хитрые доминиканцы и францискане, а съ другой, что они въ гордомъ убѣжденіи считали самаго представителя россійской іерархіи неискуснымъ въ дѣлѣ Богословія и не сильнымъ устоять противъ образованныхъ кліентовъ римскаго престола. Согласно волѣ князя, Григорій, въ сопровожденіи лицъ духовныхъ и Витовтовыхъ бояръ, ѣздилъ въ Римъ: но какое было слѣдствіе этого путешествія — неизвѣстно. Современный прусскій лѣтописатель Линденблатъ говоритъ, что дѣйствительно

въ 1417 году Витовтъ посылалъ своихъ епископовъ и священниковъ къ папѣ на констанскій соборъ съ увѣдомленіемъ, что будто бы они желаютъ покориться римской церкви; изумленные спросомъ объ этомъ лица духовные отвѣчали, что они и не думали о какомъ либо присоединеніи, а пріѣхали только по повелѣнію Витовта. Изъ этого сказанія не видно впрочемъ, чтобы Григорію предлагаемы были богословскіе вопросы, какъ этого лично требовалъ отъ него Витовтъ: но Линденблатъ замѣчаетъ, что пріѣхавшіе съ митрополитомъ Поляки были посрамлены и осмѣяны всѣмъ соборомъ[11].

Междоусобная война между Сигизмундомъ, получившимъ отъ Владислава Ягеллы великое литовское княжество, и Свидригайломъ, удержавшимъ въ своемъ владѣніи Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ и Витебскъ, а главное—вѣроломство Герасима, любимца Свидригайлы, возведеннаго имъ на кіевскій митрополитскій престолъ, и потомъ сожженнаго за измѣну въ Витебскѣ, было причиною того, что этотъ князь, хотя и католикъ, но благоволившій до сей поры къ православнымъ, сталъ неблагосклонно смотрѣть на нихъ. Онъ позволилъ латинскому духовенству построить въ Кіевѣ первый мірской костелъ и учредилъ уже постоянную кіевскую епископію, умаливъ до значительной степени права духовенства православнаго. Вслѣдъ за тѣмъ польскій король Казиміръ IV далъ позволеніе Армянамъ селиться въ Кіевѣ и имѣть свою церковь[12], а литовскій великій князь Александръ, король Сигизмундъ I и Стефанъ Баторій снабдили потомъ ее угодьями и различными пожертвованіями. Такимъ образомъ въ самомъ Кіевѣ явилось еще одно исповѣданіе, противное православному ученію.

Между тѣмъ въ Литвѣ усилившіеся католики начали съ большею жестокостію гнать и притѣснять православныхъ. По

свидѣтельству польскаго историка Кромера[13], они вскорѣ по смерти Витовта разрушили и сожгли всѣ русскія церкви, находившіяся въ Литвѣ. Сигизмундъ, великій князь литовскій, состоявшій подъ деспотическимъ вліяніемъ католическаго духовенства, хладнокровно смотрѣлъ на это, и только жителямъ Луцка далъ (1432 г.) охранную грамату, защищавшую ихъ отъ подобныхъ разореній и принужденія къ вѣрѣ католической.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Начало уніи. Митрополитъ Исидоръ на флорентійскомъ соборѣ. Прибытіе его въ Кіевъ. Бѣгство Исидора въ Римъ. Первое введеніе уніи. Письма Исидора изъ Рима. Кіевъ — уѣздный городъ. Княгиня Елена. Кіевскій митрополитъ Іосифъ. Козаки. Митрополитъ Іона II. Сигизмундъ I. Преслѣдованіе древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ. Завоеванія великихъ московскихъ князей и слѣдствія того. Реформаты въ Польшѣ и Литвѣ. Вѣротерпимость Сигизмунда Августа. Отвѣтъ его Іоанну Эку. Борьба реформатовъ съ іезуитами. Протестантизмъ въ юго-западной Россіи. Михаилъ Рагоза и Ипатій Поцѣй. Введеніе уніи во всемъ ея объемѣ. Бѣдствія православія. Сочиненіе Поцѣя. Іезуитъ Скарга. Апологеты уніи. Ученые защитники православія. *Рада* о сохраненіи вѣры въ русскомъ народѣ.

Наконецъ вполнѣ созрѣлъ давно таимый и любимый замыселъ римскихъ первосвященниковъ о подчиненіи церкви восточной своему престолу. Бѣдствія греческой имперіи представляли къ тому самый удобный случай. Условившись объ этомъ дѣлѣ съ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ, Евгеній IV, папа римскій, рѣшилъ вмѣшать въ этотъ вопросъ и церковь всероссійскую, сильную союзницу и дщерь константинопольской. Оставалось приготовить такого человѣка, который, бывъ облеченъ высокою властію архипастыря, согласился бы содѣйствовать осуществленію честолюбивыхъ плановъ римскаго владыки. Такимъ, къ несчастію, явился митрополитъ Исидоръ, родомъ Грекъ. Извѣстны всѣмъ дѣянія его на флорентійскомъ соборѣ: низкій предатель измѣнилъ своей клятвѣ, данной предъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, не отступать отъ православія, и вмѣстѣ съ греческимъ императоромъ и многими восточными духовными торжественно принялъ унію, признавъ папу главою вселенской Церкви. Прибытіе отступника въ Кіевъ было торжествомъ для него: духовенство встрѣтило Исидора, какъ единственнаго митрополита всѣхъ россійскихъ епархій, нимало не соблазняясь тѣмъ, что передъ нимъ несли крестъ латинскій и три серебрянныя палицы; — до того, значитъ, успѣли римскіе миссіонеры подчинить своему вліянію православныхъ на юго-

западѣ Россіи! Ихъ не изумила даже грамата, предварительно присланная Исидоромъ изъ Буддина, столицы венгерской, и наполненная положеніями, стоившими потомъ Кіеву и другимъ городамъ пролитія крови христіанской; — такъ мало, значитъ, было тогда людей, способныхъ истолковать народу это неправославное воззваніе!

Твердость и благочестіе великаго князя Василія Васильевича поразили отступника. Исидоръ, въ собраніи духовныхъ и мірянъ торжественно названный лжепастыремъ, губителемъ душъ и еретикомъ, постыдно бѣжалъ въ Римъ къ своему папѣ. Но зараза, занесенная отступникомъ въ западную часть Россіи, произвела смятеніе и пагубу между православными. Съ радостію ухватились за идею уніятства короли польскіе и великіе князья литовскіе, видѣвшіе въ этомъ дѣйствительнѣйшій и между тѣмъ благовиднѣйшій способъ къ преклоненію народа къ католицизму. Начались открытыя гоненія на всѣхъ, не соглашавшихся съ постановленіями флорентійскаго собора, и устрашенные чада церкви православной — одни начали переселяться въ Великую Россію, другіе принимали вновь вымышленное ученіе, а иные прямо становились католиками. Чтобъ ободрить новыхъ членовъ церкви римской и заохотить другихъ послѣдовать ихъ примѣру, Владиславъ III, король польскій, далъ имъ въ 1443 году привиллегію на всѣ права и преимущества, усвоенныя издревле исповѣдывавшимъ католическую вѣру. Между тѣмъ Исидоръ, находившійся въ Римѣ съ титломъ всероссійскаго митрополита, съ своей стороны присылалъ къ русскимъ епископамъ увѣщательныя и угрозныя граматы, и чтобъ довершить паденіе православія къ юго-западной Россіи, представилъ вмѣсто себя на митрополію всероссійскую любимца и ученика своего Григорія Болгарянина, бывшаго въ Константинополѣ архимандритомъ Дмитріевскаго монастыря и вывезеннаго оттуда самимъ Исидоромъ: но на этотъ разъ уже ни сѣверъ, ни юго-западъ Россіи не приняли ставленика папскаго и за-

ставили его быть безотлучно въ Литвѣ при великомъ князѣ, защитникѣ своемъ. Дорого обошлась такая твердость православнымъ епископамъ и вельможамъ западной Руси. Казиміръ IV, король польскій, издалъ указъ, которымъ запрещалось не только строить новыя православныя церкви, но даже починивать старыя, а Кіевъ, дерзнувшій, по смерти православнаго своего князя Симеона Олельковича, обновителя церкви печерской, не принять отъ короля воеводу Мартина Гаштольда, бывшаго католикомъ, былъ обращенъ въ повѣтовый или уѣздный городъ.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ больше обнаруживались непріязненныя дѣйствія латинскаго духовенства противъ православныхъ. Отъ его вліянія не защищали ни заслуги, ни права, ни даже самая власть королевская. Поразительнымъ примѣромъ этого можетъ служить обхожденіе великаго князя литовскаго Александра Казиміровича съ супругою своею, Еленою, дочерью великаго князя Ивана Васильевича III. Она также раздѣлила съ православными единовѣрцами своими чашу страданій и неутолимаго гоненія; она съ соболѣзнованіемъ видѣла, какъ паписты строили костелы среди селеній православныхъ, какъ привлекали на свою сторону дѣтей льстивымъ ученіемъ, какъ наконецъ употребляли насилія, чтобъ обратить хоть одного Русскаго въ римскую вѣру. Единственная въ томъ краю защитница восточнаго исповѣданія, великая княгиня Елена лишена была придворной греко-россійской церкви, и вынуждена ходить пѣшкомъ на богослуженіе въ приходскую; непримиримые враги православія оставили ее наконецъ безъ духовника и причетниковъ. Напрасно митрополитъ Іосифъ, проживавшій въ Вильнѣ, ходатайствовалъ за права и вольности угнѣтаемаго русскаго духовенства; его не слушали, и только по неотступнымъ просьбамъ княгини Елены дано было Александромъ Казиміровичемъ подтвержденіе судебной граматы кіевскаго князя Ярослава Владиміровича, которою дотолѣ постоянно пользовалось православное духовенство.

Въ сіе-то время лютыхъ гоненій и преслѣдованія греко-

россійской вѣры явились козаки, съ оружіемъ въ рукахъ начавшіе отстаивать то святое достояніе, для защиты котораго въ скоромъ времени не замедлятъ явиться люди, сильные словомъ и великимъ разумомъ.

Въ 1516 году жезлъ кіевской митрополіи принялъ Іона II, бывшій прежде архимандритомъ виленскаго Вознесенскаго монастыря. Онъ явился ревностнѣйшимъ защитникомъ православія и правъ своего духовенства. Многіе князья и граждане литовскіе, совращенные въ унію и католичество, снова вступили въ нѣдра церкви православной, бывъ убѣждены помазаннымъ словомъ мудраго архипастыря. Естественно, что при такихъ успѣхахъ блюстителя вѣры восточной, слуги римскаго владыки не могли оставаться покойными. Овладѣвъ умомъ и волею юнаго короля польскаго и великаго князя литовскаго Сигизмунда I, и подговоривъ приближенныхъ вельможъ къ содѣйствію своимъ замысламъ, они довели властителя юго-западной Россіи до того, что онъ 1522 года на сеймѣ гродзенскомъ обязался не производить въ сенаторы и высшіе сановники людей, не покоряющихся католической іерархіи, подтвердивъ это за себя и за преемниковъ своихъ 1529 года на сеймѣ виленскомъ; а 1543 года особымъ дипломомъ утвердилъ всѣ давнія привиллегіи, отъ предковъ его королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ данныя Русскимъ, лишь только за тѣми, кто присоединился къ римской церкви. Очевидно, противъ кого направляемы были такія несправедливыя ограниченія, — противъ образованнѣйшаго и лучшаго класса народа. Такіе сильные и знаменитые защитники православія, какъ князья Острожскіе, Друцкіе, Саломерецкіе, Пронскіе, Порыцкіе, Пеструцкіе, Путятицкіе, Олельковичи, Слуцкіе, Четвертинскіе, Вишневецкіе, Чарторижскіе, Збаражскіе, Сангушки и другіе были дѣйствительно страшны для латинскаго духовенства своимъ вліяніемъ на массу народа.

Завоеванія великихъ князей московскихъ дозволяли иногда

православнымъ христіанамъ отдыхать отъ неустанныхъ преслѣдованій папистовъ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III возвратилъ отъ Литвы всѣ княжества по Днѣпръ, исключая Смоленска, а сынъ и наслѣдникъ его Василій Іоанновичъ въ 1514 году завоевалъ и Смоленскъ и доходилъ до самой Вильны; царь Іоаннъ Васильевичъ IV въ 1553 году взялъ Полоцкъ, Витебскъ, Оршу, Дубровну, Копышъ, Шкловъ и потомъ литовскіе города, прилежавшіе къ Пскову. Во всѣхъ этихъ случаяхъ церкви и монастыри очищаемы были отъ католицизма, а жители, неволею и гоненіями увлеченные въ уніятство, охотно обращались къ родному православію; даже два полоцкихъ архіепископа—Гарабурда и Ѳеофанъ Рыпинскій присоединились къ восточной церкви. Вообще въ это время власть римскаго престола представлялась какъ бы ослабѣвшею, и съ этой стороны православіе, по видимому, меньше было обезпокоиваемо.

Но съ другой стороны ему угрожала новая опасность. Папскій деспотизмъ вызвалъ реакцію въ лицѣ Лютера; съ половины XVI столѣтія Польша и Литва также приняли участіе въ религіозныхъ волненіяхъ, колебавшихъ церковь западную, и не только міряне, но и лица духовныя и даже епископы католическіе охотно пристали къ ученію Лютера и Цвинглія. Кіевскій епископъ Николай Пацъ открыто проповѣдывалъ религіозную реформу, и ни опредѣленія сеймовыя, ни строгія постановленія католическихъ соборовъ, нарочно составляемыхъ для противодѣйствія распространявшемуся ученію, ни королевскіе указы не могли остановить пожара, быстро охватившаго области юго-западной Россіи. Въ самомъ сенатѣ польскомъ лютеране и цвингліане имѣли своихъ защитниковъ, и съ силою оспаривали у епископовъ право наказанія за вѣру лишеніемъ чести и жизни, такъ что съ этихъ поръ католическое духовенство увидѣло себя навсегда лишеннымъ сей власти. Король Сигизмундъ Августъ, въ первые годы своего царствованія ревностно притѣснявшій тѣхъ, которые не исповѣдывали католи-

ческой вѣры, подъ конецъ своей жизни хладнокровно слушалъ жалобы окружавшихъ его іезуитовъ, и въ 1563 году возвратилъ всѣмъ исповѣдующимъ вѣру греческую, вольности и права на чиновныя службы сравнительно съ католиками. Напрасно вопіяло противъ него ожесточенное католическое духовенство; напрасно подаваемы были ему сочиненія, направленныя противъ православныхъ и лютеранъ, и исполненныя упрековъ самому королю: Сигизмундъ не слушалъ ничего. »Съ измѣненіемъ вѣковъ измѣняется и духъ законодательства, отвѣчалъ онъ Іоанну Эку на сочиненіе его ad invictissimum Poloniae regem Sigismundum de sacrificio Missæ contra Lutheranos: предоставь мнѣ быть королемъ овецъ и козлищъ; будь покоенъ; пиши для славы своей и твоего отечества«. Хотя въ реформаціи, имѣвшей своими органами Лютера, Цвинглія, Кальвина и Меланхтона и не было внутренняго единства и согласія: но въ борьбѣ съ католиками всѣ они дѣйствовали единодушно, и смѣло поражали своихъ противниковъ. Видя на своей сторонѣ уже многихъ приверженцевъ, реформаторы въ 1555 году открыли первый свой соборъ въ Козлишѣ близъ Калиша, продолжавшійся съ 24 августа по 2 сентября, и потомъ 1570 года въ Сендомирѣ, на которыхъ утвердили свое исповѣданіе и приняли въ общеніе съ собою Гуситовъ или братьевъ Богемскихъ. Іезуиты не знали что и дѣлать, ибо видѣли самого короля, снисходившаго къ такимъ преобразованіямъ. Самъ Лютеръ посвятилъ свое изданіе нѣмецкой библіи Сигизмунду Августу, а Кальвинъ поднесъ ему свое толкованіе посланія св. апостола Павла къ евреямъ. Все это кончилось тѣмъ, что Король въ 1572 году обнародовалъ совершенную и полную свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Отъ сего-то, какъ говоритъ Бандке[11], въ малой Польшѣ большая часть шляхты и мѣщанъ сдѣлалась кальвинистами, а въ великой Польшѣ лютеранами; въ Литвѣ также большая часть кальвинистами, и едва десятая часть Литовцевъ осталась вѣрною папскому престолу, да кромѣ того появилось много и Социніанъ.

По видимому, такая религіозная реформа скорѣе могла быть признана благопріятствующею православію; она ослабила ея исконнаго врага; она дала ему какъ будто новыхъ союзниковъ въ борьбѣ съ католицизмомъ: но это было только на время. Какъ послѣ затишья, возстала потомъ сильнѣйшая буря гоненій на вѣру православную, и слабые союзники съ ужасомъ отступили предъ полчищемъ папистовъ, внесшихъ огонь и мечь въ страны, едва лишь успокоившіяся. Самое ученіе реформаторовъ, по существу своему противное православію, готовило ему новыхъ противниковъ, на которыхъ нужно было другое оружіе— разумное слово и крѣпкая наука.

Не доставало еще одного средства къ уничтоженію или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію православія въ томъ краю, откуда впервые возсіялъ свѣтъ вѣры Христовой; нужно было врагу истины внести въ дѣло свое еще одно оружіе, да во всей полнотѣ явится потомъ сила Божія, въ немощехъ совершающаяся. Жалкое отступничество Исидора было только тѣнію того соблазна въ Церкви православной, который внесли въ нее лжепастыри Михаилъ Рагоза и Ипатій Поцѣй. Преступному дѣлу служило и преступное начало. Безчестная жизнь Кирилла Терлецкаго[15], епископа луцкаго, заставила его опасаться лишенія сана. Чтобы избавиться отъ такой бѣды, онъ успѣлъ вооружить противъ бывшаго тогда въ Кіевѣ Іереміи, патріарха константинопольскаго, кіевскаго митрополита Михаила Рагозу, который тоже опасался суда патріаршаго, чувствуя себя не совсѣмъ правымъ. Душою совѣтовъ ихъ былъ Ипатій Поцѣй, воспитанникъ краковской академіи, человѣкъ ученый, хитрый и предпріимчивый. Съ общаго согласія они рѣшились подчиниться папѣ, предложивъ ему соединеніе греко-восточной церкви съ римскою, и чего не могъ произвесть папа со всѣмъ своимъ флорентійскимъ соборомъ, то сдѣлалъ одинъ русскій митрополитъ съ пятью своими сообщниками епископами. Исторія показала и достойно оцѣнила законопреступныя дѣйствія этихъ

вѣроломныхъ наемниковъ стада Христова, обагрившихъ кровію счастливую Украйну. Напрасно православные епископы, устраненные происками отступниковъ отъ присутствованія на брестскомъ соборѣ, подавали отъ себя протестъ, подписанный всѣми благочестивыми духовными и множествомъ мірянъ: протестъ ихъ не былъ уваженъ. Напрасно князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, поражалъ вѣроломныхъ пастырей словомъ обличенія: ему велѣли выѣхать изъ Бреста. Напрасно православные просили хоть какой нибудь особой церкви для открытія своего собора: имъ и въ этомъ отказали. Оскорбленные и униженные, они собрались въ одномъ частномъ домѣ, приглашая на свой соборъ митрополита и его единомышленниковъ: позовъ этотъ былъ оставленъ въ пренебреженіи. Тогда православные епископы единогласно составили и подписали приговоръ о низверженіи Михаила Рагозы съ произнесеніемъ ему анаѳемы; а чтобы болѣе утвердить это, они, на основаніи прежде данныхъ православной Церкви правъ и привиллегій, подали королю прошеніе, дабы онъ всѣхъ принявшихъ унію епископовъ отрѣшилъ отъ православныхъ епархій, тогда еще не отпадшихъ, и слѣдовательно имъ уже не принадлежавшихъ: но ни просьба эта, ни права, данныя прежними королями, ни подтвердительныя граматы патріарховъ александрійскаго и константинопольскаго не были уважены королемъ Сигизмундомъ III. Вмѣсто ожидаемаго успѣха, повелѣно было, для воспрепятствованія сношеній съ константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ, не впускать никого въ предѣлы царства польскаго изъ пріѣзжающихъ отъ константинопольскаго патріарха; запрещено строить православныя церкви и отняты всѣ права и вольности у православныхъ. Дѣло тьмы торжествовало свою побѣду. Монастыри православные подвергались грабежу; приходскія церкви по городамъ и повѣтамъ были разоряемы или запечатываемы; священниковъ ловили и заключали въ темницы, а народъ, собиравшійся уже въ полевые шалаши на молитву, немедленно былъ разгоняемъ.

Соревнуя своимъ клевретамъ-іезуитамъ, уніаты больше

всего старались истреблять православное духовенство, встрѣчая въ немъ сильнаго противника своему ученію. Съ этой цѣлію Ипатій Поцѣй, вступившій послѣ Михаила Рагозы на митрополитскій престолъ, исходатайствовалъ у короля указъ, чтобы не опредѣлять въ духовныя степени не учившихся въ школахъ, а между тѣмъ запретилъ православнымъ обучаться въ польскихъ училищахъ; съ этою же цѣлію учреждена главная уніатская семинарія въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ, утвержденная 1626 года совѣтомъ всего уніатскаго духовенства. Кіевъ наводнился католическими монахами всѣхъ орденовъ, которые, забирая имущество православныхъ церквей и монастырей, не щадили и частной собственности жителей. Составленная въ Вильнѣ 1599 года конфедерація православныхъ и шляхты протестантской, равно гонимой и притѣсняемой, мало защищала тѣхъ и другихъ; кратковременное снисхожденіе, имъ даруемое, стоило имъ потомъ тягчайшихъ бѣдствій, которымъ, казалось, конца-краю не было.

Въ эту-то пору начались полемическія состязанія защитниковъ православной церкви съ писателями уніатскими и католическими. Сигналомъ къ этому была книжка, явившаяся 1595 года въ Вильнѣ, подъ названіемъ: *Унна альбо выкладъ предней шыхъ артыкуловъ ку зъодноченью Грековъ скостеломъ Рымскимъ належачыхъ.* Авторъ этого сочиненія[16], для подтвержденія папистическихъ мнѣній, по извѣстнымъ спорнымъ пунктамъ, собралъ переиначенныя и даже вовсе подложныя свидѣтельства будтобы отцевъ восточной церкви. Знаменитый польскій проповѣдникъ іезуитъ Петръ Скарга употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы оправдать отступничество русскихъ епископовъ и возвеличить дѣло мнимаго соединенія церквей. Помощниками этихъ апологетовъ уніи явились: Мартынъ Бялобржескій, Яковъ Вуйкъ, Фабіанъ Бирковскій, греко-католикъ Петръ Аркуди, Левъ Кревза, Янъ Дубовичъ, Михаилъ Циховичъ, Ѳеофилъ Рутка, Іосифъ Веляминъ-Рутскій, Іаковъ Суша,

іезуитъ Янъ Алоизій Кулеша, Боймъ, Скулиновичъ и другіе — всѣ почти воспитанники знаменитой краковской академіи. Трудно было бороться съ такими блестящими въ свое время авторитетами; лишенные ученыхъ пособій, изгоняемые изъ школъ, бывшихъ во владѣніи враговъ истины, униженные и угнѣтенные, Русскіе однакожъ не унывали, и среди себя находили достойныхъ защитниковъ святаго и праваго дѣла. Львовскій епископъ Гедеонъ Балобанъ, Пахомій Война-Оранскій епископъ пинскій и туровскій, кіево-печерскіе архимандриты: Никифоръ Туръ и Захарія Копыстенскій, протопопы: Стефанъ Зизаній Корецкій, Василій Суражскій, Андрей Мужиловскій и Геласій Дилицкій, іеромонахъ Мелетій Смотрицкій, и священники: Азарій Хира и Максимъ заслужили себѣ этимъ вѣчную память. Строго держась правилъ, изложенныхъ въ *Радѣ* и способѣ, »яко въ народе Російскомъ вѣру и догмата церкви всходней заховати и ростити«, они успѣшно отражали ожесточенныя нападенія противниковъ вѣры православной. »Подобаетъ, совѣтовалось въ »означенной Радѣ, во всемъ вѣру, догмата и церемоніи церкви »всходней хвалити и залецати (одобрять) а иніи всѣ ганити »(отрицать), обличати. Духовнѣ еднакъ и розсудне, не зло»речачи, але писмомъ и важными прикладами и указами дово»сити (представляя то есть свидѣтельства писанія, сильные при»мѣры и доказательства), тоежь такъ и писмомъ освѣдчити »(обнародовать). Книги на оборону благочестія писати и презъ »типографію выдавати. Всею душею во смиренномудріи на »святыхъ отцовъ восточныхъ догматахъ и писмахъ и якъ до »нынѣ патріархове четыри вызнаваютъ (исповѣдаютъ) полѣгати »(основываться), а не на латинскихъ силіогизмахъ, а ни на »выкрутне (хитро) презнѣ переверненыхъ писмахъ (ими извра»щенныхъ писаніяхъ) вѣшатися, а не обучатися имъ«[17]. Какая безконечная разница между этими кроткими, благоразумными наставленіями и тѣми полными нетерпимости, лжей и брани пріемами, которыми ополчались на Церковь православную ученые гонители ея!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Появленіе православныхъ училищъ. Училища: Острожское, Львовское, Виленское, Полоцкое, Стрятинское, Луцкое, Кутеинское. Братская школа въ Могилевѣ. Сравненіе ихъ съ училищами католическими. Изчисленіе сихъ послѣднихъ.

Въ сіе-то смутное время стали появляться на юго-западѣ Россіи православныя училища. И прежде сего при знатнѣйшихъ церквахъ и монастыряхъ существовали школы: но ограниченныя преподаваніемъ самыхъ первыхъ начатковъ ученія, онѣ мало отвѣчали современнымъ потребностямъ. Вполнѣ сознавая это, просвѣщеннѣйшіе чада Церкви православной стали основывать училища, стараясь сколько возможно ставить ихъ въ соотвѣтствіе съ заведеніями, основываемыми отъ іезуитовъ. Такимъ первоначально явилось училище *Острожское,* основанное въ Острогѣ княземъ Константиномъ въ 1580 году, вмѣстѣ съ типографіею, первою въ Россіи. Состоя подъ управленіемъ архимандрита Кирилла Лукаря, образованнаго и крѣпкаго въ православіи мужа, это училище не долго однакожъ существовало. Съ кончиною своего основателя оно упало, а когда іезуиты успѣли совратить въ латинство сына Константина Острожскаго князя Василія Януша, — оно и совсѣмъ уничтожилось[18].

Неуспѣшность этого училища заставила православныхъ, для подкрѣпленія себя и въ защиту своего благочестія, завести при церквахъ и монастыряхъ конгрегаціи и братства, къ которымъ принадлежали не одни иноки и ученики, но и всѣ подписавшіеся въ пользу ихъ вкладчики, благодѣтели, защитники и самые прихожане. Знаменитѣйшія изъ этихъ заведеній были:

Львовское, основанное около 1586 года епископомъ Гедеономъ Балобаномъ, по благословенію всѣхъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ[19]. Впрочемъ граматою Іоакима, патріарха антіохійскаго, утверждено только основаніе церковнаго братства, безъ прямаго указанія на заведеніе при немъ училища[20]; за то въ подтвердительной граматѣ Іереміи, патріарха константинопольскаго, (1588 г.) поставлено братству въ особенную обязанность составить »шпиталь (богадѣльню) и зданіе для училища »и въ немъ учителей и учащихся въ возрастъ премудрости и »наказанія и славы Божія«. Изъ этой граматы видно, что до тѣхъ поръ было лишь одно предположеніе объ училищѣ, но ничего не сдѣлано по отношенію къ школѣ и типографіи[21]. Въ 1590 году послѣдовала другая грамата того же патріарха, въ которой повелѣвалось »не быть другому общественному училищу во Львовѣ, кромѣ одного училища братскаго — Успенія Пречистыя Богородицы, и только въ немъ учить дѣтей благочестивыхъ и православныхъ христіянъ божественному и священному Писанію, а также славянскому и греческому языку, если со временемъ найдутся для этого благочестивые и добродѣтельные учители«. Значитъ, и въ это время львовское училище еще не получило полнаго своего образованія. Заботливость о немъ патріарха простиралась до того, что онъ ограничилъ права домашнихъ учителей, и позволилъ мѣстнымъ священникамъ обучать только одного или двухъ дѣтей, да и то »для послуги«, то есть для пособія при исправленіи церковныхъ требъ, значитъ, никакъ не далѣе первыхъ начатковъ ученія — чтенія и письма. Такое ограниченіе частнаго преподаванія

объясняется тѣмъ, что осторожный архипастырь опасался поручить дѣло высшаго образованія людямъ, не искушеннымъ въ наукѣ, которые легко могли бы впасть въ опасныя ошибки и заблужденія и кромѣ того, дѣйствовали бы въ ущербъ общественной школѣ. Онъ завѣщалъ братству подавать возможную помощь дѣтямъ, которые не имѣютъ достатка, а хотятъ учиться свящ. Писанію, не освобождая и прочихъ христіанъ по всѣмъ церквамъ отъ обязанности оказывать ученикамъ необходимое пособіе. Утвердивъ за львовскою типографіей право невозбраннаго печатанія священныхъ и церковныхъ книгъ, патріархъ предоставилъ ей выпускать въ свѣтъ хроники и другія нужныя для училища книги, именно: грамматику, піитику, риторику и философію[22]. Въ послѣдствіи однакожъ Петръ Могила, опасаясь заразы со стороны отступниковъ православія, гнѣздившихся во Львовѣ, строго запретилъ печатать какія бы то ни было книги во львовской типографіи безъ его благословенія[23]. Въ 1590 году Михаилъ Рагоза, еще до совершеннаго своего отступленія отъ православія, судною грамотою брестскаго собора, оградилъ это училище отъ всякаго совмѣстничества, запретивъ заведеніе другихъ подобныхъ ему. Можетъ быть тутъ была и другая причина, ибо въ ту пору уже зародилась въ этомъ лжепастырѣ мысль объ отступничествѣ, и слѣдовательно, распространеніе училищъ православныхъ не могло не быть противно его преступнымъ цѣлямъ. Какъ бы то ни было, но Рагоза писалъ: »школу Соборную Братскую в мѣсте Львовѣ при храмѣ Успенна »Богородица науки грецкои и словенскои, благословенія патри»аршеского, тую едину благословляемъ и соборно ухваляемъ и »мѣти хочемъ. А прп иншихъ церквахъ по предмѣстяхъ и »везде при мѣсте томъ конечно быти имъ забороняемъ и мѣти »не хочемъ, подъ клятвою шире реченною въ правилѣ томъ »патріаршескомъ: да будетъ сей монастырь для потребъ благо»честиваго братскаго устроенія, для распространенія общест»веннаго школьнаго ученія, для прокормленія бѣдныхъ учени»ковъ, требующихъ помощи, для сохраненія типографскихъ при-

»боровъ и вообще на потребу всѣмъ христіанскимъ благочести»вымъ дѣламъ«[24]. Въ 1709 году львовское братство, не стерпѣвъ угнѣтеній отступника, епископа Іосифа Шумлянскаго, приняло унію[25], и навсегда исключило себя чрезъ это изъ сонма училищъ православныхъ.

Виленское, образовавшееся въ 1588 году, по благословенію константинопольскаго патріарха Іереміи II, иждивеніемъ доброхотныхъ дателей, виленскихъ православныхъ гражданъ, которые учредили при ономъ типографію, богадѣльню и странноприимницу со всѣми принадлежащими къ тому службами. На утвержденіе всѣхъ сихъ заведеній основатели испросили отъ королей польскихъ разныя привиллегіи: отъ Стефана Баторія въ 1585 году, отъ Сигизмунда въ 1589 и 1593; отъ Владислава IV въ 1633 и отъ Августа III 1744. Но въ прежнемъ видѣ оно не долго существовало; іезуиты, захватившіе все въ Вильнѣ, изгнали изъ сего училища ученіе православное[26].

Полоцкое Богоявленское, основанное около тогоже времени въ Полоцкѣ на берегу рѣки Двины, опустошенное и разрушенное въ началѣ XVII столѣтія католиками и уніатами[27].

Стрятинское, возникшее около 1596 года, по совѣту и благословенію Мелетія, патріарха александрійскаго. Оно имѣло при себѣ типографію и существовало до кончины основателя своего, епископа Гедеона Балобана[28].

Луцкое, основанное въ 1619 году, »для побожныхъ наукъ людей молодыхъ«, какъ сказано въ грамотѣ Сигизмунда III. Училище это преимущественно предъ всѣми другими пользовалось выгодами и правами, позволившими ему продлить долѣе прочихъ свое существованіе[29]. Кромѣ означенной граматы короля Сигизмунда, оно имѣло двѣ другихъ отъ короля Влади-

слава IV, изъ которыхъ одною (1645 г.) утверждалось построеніе дворяниномъ Александромъ Мозели при церкви луцкаго братства богадѣльни, назначаемой между прочимъ и для содержанія бѣднѣйшихъ изъ учениковъ[30]; а другою (1647 г.) укрѣплялось за тѣмъ же братствомъ все имущество, по завѣщанію того же Мозели. Кромѣ сего въ тотъ самый годъ, когда было положено первое звѣно этого братства, волынскіе дворяне дали листъ луцкимъ мѣщанамъ на охраненіе онаго, съ тѣмъ, чтобы они во всякомъ затруднительномъ случаѣ относились къ нимъ, какъ къ старшимъ[31]. Вселенскіе патріархи обращали на сіе училище свое особенное вниманіе; такъ Θеофанъ, патріархъ іерусалимскій (1620 г.) благословилъ сооруженіе кресто-воздвиженской церкви въ Луцкѣ, почтивъ самое братство правомъ ставропигіи[32]; Тимофей, патріархъ константинопольскій, какъ бдительный отецъ, снабдилъ оное своимъ посланіемъ, въ которомъ изложилъ краткое исповѣданіе вѣры православной, »да въ немъ твердыми, водруженными, непоколебимыми стоятъ«[33]. Въ 1623 году подтверждена означенная ставропигія Кирилломъ, патріархомъ константинопольскимъ[34], и сверхъ того дана грамата, заключающая въ себѣ полный уставъ для братства, гдѣ обращено вниманіе и на учрежденную при монастырѣ школу[35]. Кіевскіе митрополиты относились объ этомъ училищѣ съ особенными похвалами: »зѣло и обильно насладихся пред»сявзятію (рѣшимости) вашему,—писалъ въ 1623 году митропо»литъ Исаія Копинскій младшей братіи луцкаго братства, — въ »Бозѣ юностію цвѣтуще и растуще, яко лѣторасли масличныя, »при исходищахъ водъ множащеся и богатящеся въ добродѣ»тельныхъ дѣланіяхъ, злобою младенствующе, умомъ же совер»шенны бывше, горняя предъизбираете. Отроцы бо суще »возрастомъ, мужеская мудрствовати предначинаете еже во бла»гочиніи цѣломудренію церковному возслѣдовати наказанію«[36]. Уважая благочестіе и образованность луцкаго братства, Петръ Могила посылалъ туда письмо, приглашая ученую братію къ присутствованію при церемоніи посвященія его въ митрополиты,

совершившагося во Львовѣ[37]; другимъ же посланіемъ онъ просилъ какъ духовныхъ, такъ и »свѣцкихъ братій, ревнивыхъ въ благочестіи и вѣдомыхъ правъ церковныхъ« прибыть на кіевскій соборъ, состоявшійся въ 1640 году и имѣвшій предметомъ своихъ совѣщаній прежде всего одинаковость разумѣнія и твердость храненія догматовъ вѣры православной, и потомъ внутреннее и внѣшнее устройство храмовъ Божіихъ и святыхъ обителей[38]. Такіежъ знаки уваженія оказывали луцкому братству и митрополитъ Діонисій Балабанъ[39], и епископъ (въ послѣдствіи митрополитъ кіевскій) Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертенскій[40]. Князь Николай Чарторыйскій, именуя его »нашимъ монастыремъ«, записью своею опредѣлилъ извѣстную фундацію, не опустивъ изъ виду и имѣвшуюся тамъ школу, положивъ »на учителя по петдесятъ злотыхъ польскихъ«[41]. Іеродіаконъ Сильвестръ, игуменъ чорненскаго монастыря, отписалъ луцкому братству свою типографію[42], а нѣкто Анна Мельницкая, отказала ему же по завѣщанію значительную, по тогдашнему времени, сумму[43]. Такая знатность луцкаго братства и училища не могла быть пріятною іезуитамъ и уніатамъ. Съ злобою и ожесточеніемъ нападали они на него неоднократно[44], и кончили тѣмъ, что довели до совершеннаго упадка.

Кутеинское, учрежденное 1623 года при кутеенскомъ богоявленскомъ оршанскомъ монастырѣ близъ г. Орши, Могилевской губерніи. Основателями онаго были шляхтичъ Богданъ Вилимовичъ Стеткевичъ, подкоморій брацлавскій и жена его Елена Богдановна, урожденная княжна Соломерецкая. Первоначально впрочемъ была построена только церковь во имя Богоявленія Господня, а потомъ заведены при ней школа и типографія. Въ 1655 году игуменъ монастыря сего Іоиль Трупцевичъ, вмѣстѣ съ братіей и типографіею переведенъ, »во время гоненія отъ развращенныхъ уніатовъ«, въ Великій Новгородъ, »понеже въ то время, сказано въ житіи Никона патріарха, нѣсть

»можно бѣ отъ Кіева никако архіерею жительствовати тамо«. Съ отбытіемъ Іоиля кутеинское училище пало [45].

Братская школа, бывшая въ г. Могилевѣ, при могилевобратскомъ богоявленскомъ монастырѣ, который начатъ строеніемъ во время жестокаго гоненія, бывшаго въ Польшѣ на православныхъ въ 1621 году. Князь Иванъ Богдановичъ Огинскій, подкоморій Троцкій, пожертвовалъ для постройки землю, а могилевскіе мѣщане, при помощи шляхтича Богдана Стеткевича, испросили у патріарха іерусалимскаго Θеофана грамату, которою благословлено было имъ построить на означенной землѣ храмъ Богоявленія Господня и учредить при ономъ общежительный монастырь и школьное братство. Это указано 1633 года и въ привиллегіи польскаго короля Владислава IV, съ дозволеніемъ преподавать въ школѣ языки: русскій, греческій, латинскій и польскій, и сверхъ того имѣть типографію для печатанія всякихъ книгъ на сихъ языкахъ. Все это подтверждаемо было и другими польскими королями. Съ учрежденіемъ въ 1788 году могилевской семинаріи, училище монастырское упразднено [46].

Но всѣ эти училищныя заведенія ни въ какомъ отношеніи не могли идти въ сравненіе съ тѣми, которыя безпрестанно являлись между католиками, имѣвшими неутомимыхъ въ этомъ случаѣ дѣятелей—іезуитовъ. Вильна, Полоцкъ, Волынь были наполнены малыми школами; въ Гнѣзнѣ, Варшавѣ, Видавѣ, Львовѣ и другихъ мѣстахъ цѣлыми десятками являлись училища, состоявшія въ завѣдываніи важнѣйшихъ коллегій. Таковыми были: академія *Замойская,* основанная Яномъ Замойскимъ и почитавшаяся дщерію академіи краковской; коллегія *Любранская* въ Познани, такъ названная по имени основателя своего епископа Яна Любранскаго, учредившаго оную въ 1516 году; коллегія *св. Малыгораты* въ Липцѣ; *Хелмская* надъ Вислой; *Пинчовская* въ Пинчовѣ; коллегія въ м. Бѣломъ, въ Тарновѣ и

многое множество другихъ. Всѣ онѣ ректоровъ и профессоровъ получали отъ краковской академіи, которая въ то время была центромъ учености и образованія.

Исторія этого знаменитаго училища необходимо должна остановить на себѣ наше вниманіе, особенно потому, что оно было во многихъ отношеніяхъ образцомъ, по которому устроивалось и слагалось и наше первое въ Россіи православное училище — Кіевская Академія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основаніе краковской академіи. Внутреннее ея устройство. Раздѣленіе на факультеты и коллегіи. Бурсы. Училищный порядокъ въ бурсахъ. Академическія степени. Обязанности членовъ факультета. Призваніе (vocatio). Содержаніе коллегіатовъ. Полученіе ученыхъ степеней. Persona promota. Patres Universitatis. In cathedra mori. Фундуши коллегіальные. Приходъ и расходъ академическихъ суммъ. Запасная сумма. Жалованье профессорамъ. Денежныя награды ученикамъ. Права академіи. Вторженіе іезуитовъ. Борьба краковскихъ ученыхъ съ іезуитами. Вліяніе іезуитовъ на академію.

Казиміръ Великій, принявъ бразды правленія, захотѣлъ, чтобы духовенство получало докторскую степень въ Краковѣ, а не въ Парижѣ, куда нѣкоторые ордена присягою обязывались обращаться за пріобрѣтеніемъ ученыхъ званій. Съ этою цѣлію онъ рѣшился учредить въ Краковѣ училище высшихъ наукъ, по образцу парижской академіи, избравъ для сего мѣстечко Казимірово, гдѣ было прежде селеніе Баволъ. Папа Урбанъ

V, утверждая буллою существованіе сего училища, не позволилъ однакожь преподаваніе въ ономъ наукъ богословскихъ, конечно, опасаясь повѣрить еще не вполнѣ окатоличившимся сарматамъ толкованія свящ. писанія и догматовъ вѣры. Вскорѣ послѣ кончины Казиміра Великаго, отъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, оставленное Людовикомъ I, королемъ польскимъ и венгерскимъ, училище это пришло въ совершенный упадокъ и возобновлено уже при Владиславѣ Ягеллѣ, по просьбѣ и завѣщанію Ядвиги, первой его супруги, въ честь которой оно нѣкоторое время именовалось *Коллегіею Ядвиги*. Въ эту пору исходатайствовано Владиславомъ сему училищу и титло академіи и право преподованія въ ней богословскихъ наукъ, съ чѣмъ она и оставалась даже до временъ курфирстовъ саксонскихъ, испытавъ въ это время всевозможные перевороты.

По внутреннему и внѣшнему своему устройству, по правамъ и привиллегіямъ, краковская академія походила на университеты Оксфордскій и Кембриджскій. Въ ней было три факультета: философскій, богословскій и юридическій; каждый факультетъ имѣлъ свою коллегію. Такимъ образомъ въ *меньшей* коллегіи, называвшейся иначе *коллегіей artistarum*, находились философы и математики; коллегія *высшая* состояла изъ профессоровъ старшихъ, или такъ называемыхъ королевскихъ профессоровъ наукъ философскихъ, физико-математическихъ и богословскихъ. Коллегія *юридическая* предназначалась собственно для докторовъ и профессоровъ права. Въ извѣстныхъ случаяхъ всѣ эти коллегіаты собирались въ общій Совѣтъ: но при рѣшеніи вопросовъ, относившихся до внутренняго или внѣшняго благосостоянія училища, не подавали отдѣльно каждый свой голосъ, а представляли общее мнѣніе отъ своей коллегіи. Въ этомъ совѣтѣ участвовали иногда и доктора медицины, не входившіе впрочемъ въ составъ академическихъ ученыхъ, и не имѣвшіе коллегіи отдѣльной: ибо въ краковской академіи не было тогда преподаванія наукъ медицинскихъ во всей ихъ пол-

нотѣ и цѣлости. Всѣ доктора и профессоры, участвовавшіе въ совѣтѣ и распоряженіяхъ, относившихся до академіи, назывались *внутренними* или *наличными*, и проживали въ самомъ корпусѣ академическомъ изъ процентовъ фундуша, положеннаго въ венеціанскій банкъ Лопацкимъ, архипресвитеромъ краковскимъ. Профессоры же и наставники, содержавшіеся на своемъ иждивеніи и называвшіеся *внѣшними* или *экстраординарными*, проживали въ домахъ академическихъ, назначаемыхъ для студентовъ и именовавшихся *бурсами*. Эти профессоры обязаны были имѣть надзоръ за учениками въ ихъ келейномъ образѣ жизни и въ случаяхъ важныхъ доносить о произшествіи подлежащей коллегіи для доклада общему Совѣту.

Такихъ бурсъ краковская академія имѣла шесть, да кромѣ того десять домовъ при школахъ приходскихъ въ самомъ городѣ. Профессоры и студенты, находившіеся въ бурсахъ, имѣли даромъ помѣщеніе, отопленіе и столъ, а жившіе при школахъ, кромѣ даровыхъ комнатъ, все прочее должны были добывать сами. Каждая бурса имѣла своего инспектора или провизора изъ старшихъ коллегіатовъ, назначеніе котораго зависѣло отъ совѣта. Обязанности провизора состояли въ томъ, чтобы онъ заботился о доходахъ, содержаніи и порядкѣ бурсъ, повѣрялъ приходъ и расходъ и докладывалъ объ этомъ академіи. Такая должность обыкновенно предоставлялась настоятелю костеловъ Кромѣ того, для надзора за учениками, были избираемы изъ среды же ихъ такъ называемые *сеніоры* (seniores), которые получали небольшое жалованье изъ общей бурсацкой суммы и изъ пожертвованій учениковъ, поступавшихъ въ училище. Отъ взносовъ этихъ освобождался только самый бѣдный; если же у поступающаго въ училище былъ хоть небольшой достатокъ, то непремѣнно долженъ былъ заплатить сеніору восемь злотыхъ, а то и осмнадцать.

Ученики никуда не могли выходить изъ своихъ бурсъ безъ

позволенія начальства и безъ особенной надобности; въ прогулкѣ непремѣнно сопровождалъ ихъ надзиратель; къ столу и въ классы они были приглашаемы звонкомъ. Каждую субботу, по окончаніи уроковъ, всѣ ученики, жившіе въ бурсахъ, собираемы были въ общую академическую залу, гдѣ по прочтеніи отчета о недѣльныхъ занятіяхъ каждаго, главный сеніоръ дѣлалъ приличныя наставленія и тутъ же наказывалъ лѣнивыхъ и неисправныхъ. Утромъ и вечеромъ ученики созываемы были на общую молитву.

Что касается до академическихъ степеней, то онѣ были весьма многообразны. Внутренніе или наличные ученые дѣлились на *кандидатовъ* перваго и втораго разряда, на *баккалавровъ*, *лиценціатовъ* и *магистровъ* искуствъ (artium). Сіи послѣдніе съ теченіемъ времени прямо получали степень доктора; всѣ прочіе обязаны были держать экзаменъ, и удостоиваемый степени, на примѣръ, магистра считался получившимъ *лавръ первый* (lavrea prima), а степени доктора — *лавръ второй* (lavrea secunda). Кандидаты, баккалавры и лиценціаты обязаны бывали непремѣнно давать въ недѣлю по четыре лекціи, рапортовать о ходѣ экзаменовъ и вести отчетность по ученымъ занятіямъ какъ преподавателей, такъ и учащихся. Магистры и доктора философіи безплатно давали публичныя лекціи и имѣли голосъ въ своемъ факультетѣ, подъ предсѣдательствомъ декана. Число членовъ этого факультета не было опредѣлено; отъ того онъ почитался обширнѣйшимъ всѣхъ, имѣя у себя до нѣсколькихъ десятковъ членовъ. Деканъ былъ перемѣняемъ по истеченіи каждаго полугодія, и преемника ему избирали то изъ старшихъ, то изъ младшихъ коллегіатовъ. Помощникъ декана тоже оставался на одно полугодіе, избираемый непремѣнно изъ младшихъ коллегіатовъ. На вакантное мѣсто въ *высшей* коллегіи *юридической* вызывали младшихъ коллегіатовъ; а въ меньшую коллегію на упраздненное мѣсто избирали одного изъ экстраординарныхъ профессоровъ, смотря по старшинству въ

рангѣ академическомъ, или по таланту и заслугамъ, оказаннымъ той или другой наукѣ. Такіе выборы въ коллегіяхъ назывались *призваніемъ* (vocatio). Избранный на вакантное мѣсто профессоръ обязывался, при вступленіи своемъ, представить отпечатанное уже разсужденіе, и въ общемъ собраніи всѣхъ коллегіатовъ защитить оное изустно. Послѣ сего долженъ былъ дать пирушку для всѣхъ коллегіатовъ, и особенно для новыхъ своихъ товарищей. Пирушка эта на академическомъ языкѣ называлась *jucundus ingressus.*

Каждый *внутренній* коллегіатъ имѣлъ жилье, столъ и не слишкомъ богатую мебель отъ фундуша: все это доставлялось ему, во первыхъ, отъ той коллегіи, которой онъ былъ членомъ, во вторыхъ, отъ факультета, къ которому принадлежалъ, и въ третьихъ, отъ общихъ доходовъ всей академіи. Молодые люди, поступавшіе въ это училище собственно для полученія ученыхъ степеней, должны были учиться и быть на своемъ иждивеніи, кромѣ этого платить за всѣ издержки, сопряженныя съ выдачею дипломовъ и разныхъ другихъ вещей на степень академическую; а получившіе потомъ званіе доктора обязаны бывали давать безплатно публичныя лекціи или быть преподавателями въ краковской или въ какой нибудь провинціальной гимназіи,—и все это для того, чтобы заслужить себѣ почетное званіе коллегіатовъ, и достигнуть въ послѣдствіи высшихъ степеней и выгоднѣйшаго мѣста. Замѣтить нужно, что въ коллегіяхъ были нѣкоторыя мѣста, гдѣ преподаватели получали за свои уроки значительные доходы, не относившіеся къ тѣмъ доходамъ, которые обращаемы были на всѣхъ коллегіатовъ; но полученіе такого мѣста не легко обходилось: оно требовало большихъ заслугъ въ ученомъ мірѣ. Такіе люди, при самыхъ важныхъ вакантныхъ мѣстахъ, напримѣръ при перемѣнѣ декана, всегда бывали на примѣтѣ и титуловались persona promota. Кромѣ этого академическія отличія и повышенія всегда брались въ

разсчетъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ быту, и открывали дорогу къ важнѣйшимъ государственнымъ должностямъ. Докторы богословія, юриспруденціи и медицины, коль скоро признаны были таковыми общимъ собраніемъ всей академіи и провозглашены нарочнымъ для этого церемоніаломъ, получали названіе *отцовъ* (patres universitatis). Впрочемъ можно было имѣть степень доктора и не принадлежа къ разряду этихъ *отцовъ*, потому что титулъ этотъ давался преимущественно тѣмъ, кто прослужилъ академіи двадцать лѣтъ и болѣе того; а такихъ ветерановъ бывало всегда немного. Для того, чтобы получить званіе *отца*, надобно было, кромѣ долговременнаго занятія извѣстной каѳедры, выдержать непремѣнно экзаменъ на доктора, и хотя бы эта степень и была присвоена претенденту какимъ либо другимъ высшимъ училищемъ, — краковская академія не признавала его *лавреатомъ*, а заставляла имѣть публичный диспутъ и защитить свою диссертацію. За тожъ такіе люди составляли предметъ особеннаго почтенія, и пользовались уваженіемъ всего ученаго общества; ихъ не обремѣняли ничѣмъ, и только разъ въ недѣлю обязывались они давать лекцію; увольненія для нихъ не было, развѣ только старость и неизлечимая болѣзнь избавляли ихъ отъ этой легкой обязанности; да впрочемъ они и сами никогда не желали покидать своей должности, потому что in cathedra mori было верхъ славы тогдашнихъ ученыхъ краковскихъ академистовъ. Медики однакожъ не слишкомъ дорожили этой честью, особенно когда оскудѣвали финансы ихъ факультета; съ трудомъ удерживали ихъ на своихъ мѣстахъ выдачею денежной награды изъ общихъ академическихъ суммъ.

Каждая коллегія имѣла свои помѣстья и пользовалась доходами отъ нихъ. Главный провизоръ былъ казначеемъ и распорядителемъ суммъ, собираемыхъ всей академіей. Помощникомъ его былъ синдикъ, который завѣдывалъ судебною частію всѣхъ учебныхъ заведеній, и адвокатствовалъ въ судебныхъ

мѣстахъ по дѣламъ училища. Онъ же выдавалъ жалованье по факультетамъ, которое уже члены дѣлили сами по себѣ. Общая академическая сумма дѣлилась на всѣхъ по ровну, исключая ректора и провизора, которые, не имѣя опредѣленнаго жалованья, брали себѣ вдвое противъ одного члена.

Кромѣ этихъ суммъ, была еще сумма запасная, называвшаяся coecus, въ которую при всякомъ дѣлежѣ откладывали количество, равное доли одного члена; ее расходовали въ случаѣ только чрезвычайныхъ академическихъ надобностей. Философскій факультетъ, самый многочисленнѣйшій, былъ и самымъ бѣднѣйшимъ. Годовой доходъ его простирался до нѣсколькихъ тысячъ злотыхъ, которые раздѣлялись на членовъ не по равной части, а по достоинству той или другой каѳедры. На главнаго профессора приходилось въ годъ отъ осьми до сорока злотыхъ, смотря по числу учениковъ, выставленныхъ имъ для экзамена. Даже такъ называемые королевскіе профессоры этого факультета и члены коллегіи получали въ этомъ раздѣлѣ только отъ сорока до ста злотыхъ.

Изъ общей же академической суммы выдаваемы были денежныя награды бѣднѣйшимъ и прилежнѣйшимъ изъ учениковъ, которые проживали въ бурсахъ. Каждую субботу они являлись въ академію съ письменнымъ удостовѣреніемъ о своихъ успѣхахъ и поведеніи, и тотъ, кто имѣлъ аттестацію лучшую предъ своими сотоварищами, получалъ награду. Это дѣлалось два раза въ годъ.

Права краковской академіи, заключались въ привиллегіяхъ, данныхъ ей королями, въ буллахъ папскихъ, въ мѣстныхъ постановленіяхъ, въ предписаніяхъ епископскихъ и самихъ основателей и благодѣтелей сего училища, въ уставахъ, касавшихся всей академіи, ея отдѣльныхъ коллегій и факультетовъ. Сущность этихъ правъ состояла въ слѣдующемъ:

1. Каждый академикъ, учащійся или учащій въ какомъ бы то ни было факультетѣ — первый лично, а второй со всѣми своими домочадцами, освобождается отъ гражданственнаго суда, исключая дѣлъ уголовныхъ; всѣ прочія дѣла предоставляются суду и рѣшенію ректора академіи.

2. Совѣтъ докторовъ и магистровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, въ дѣлахъ, касающихся академіи, коллегій и факультетовъ, можетъ давать предписанія и правила, которыя имѣютъ такую же обязательную силу, какую и королевскія привиллегіи.

3. Каждый публичный преподаватель, какого бы онъ ни былъ факультета, и къ какому бы рангу и сословію ни принадлежалъ, былъ личнымъ дворяниномъ. Преподававшій въ академіи двадцать лѣтъ сряду получалъ право потомственнаго дворянства и поступленія на важнѣйшія мѣста въ государствѣ.

4. Академія краковская есть высшее училище во всемъ королевствѣ; непосредственному ея распоряженію подлежатъ всѣ школы безъ исключенія.

Принимая къ себѣ молодыхъ людей всякаго вѣроисповѣданія, академія въ первые годы своего существованія отличалась рѣдкою въ то время вѣротерпимостью. Но вторженіе іезуитовъ въ это знаменитое училище, обративъ его въ притонъ полемической распри съ тѣми, кто не исповѣдывалъ вѣры католической, положило конецъ его блистательному существованію. Таланты Вуйка, Скарги и другихъ знаменитыхъ своею ученостью мужей, вступившихъ въ число послѣдователей Лойолы, поддерживали вѣсъ этого ордена при самомъ дворѣ и во всемъ королевствѣ. Выдумавъ узаконенія и небывалыя права, іезуиты простерли свое вліяніе на краковскія, львовскія и познанскія училища; для подкрѣпленія своихъ притязаній они достали себѣ нѣсколько королевскихъ указовъ и буллъ папскихъ, которыя

толковали по своему произволу. Позволеніе Сигизмунда III имѣть при костелѣ св. Петра школу іезуитскую, не выходящую однакожъ изъ подъ надзора академіи, распространено было ими далѣе надлежащаго. Самовольно отторгшись отъ нея, они начали заводить въ предмѣстіяхъ и другія школы. Краковская академія вышла изъ терпѣнія, и въ концѣ царствованія Сигизмунда III начала открытую борьбу съ своими лукавыми противниками. Предъ лицомъ всего свѣта выставляла она угрожающія ей несчастія отъ вторженія іезуитовъ; горячо пророчила упадокъ просвѣщенія, если не будетъ обуздано неумѣренное своевольство учениковъ Лойолы; но ослабѣвшее отъ безпрестанныхъ смутъ польское правительство, сознавая справедливость такихъ жалобъ, по неволѣ должно было хладнокровно смотрѣть на беззаконные поступки іезуитовъ, — и вражда разгоралась болѣе и болѣе. Между тѣмъ іезуиты не дремали и все захватывали въ свои руки. Школы существовали только іезуитскія и піарскія; въ самой академіи изчезла прежняя вѣротерпимость, и кто оказывалъ болѣе ревности въ преслѣдованіи разновѣрцевъ, тотъ считался ученѣйшимъ изъ академистовъ, на того сыпались почести и ученыя отличія. Типографіи, вмѣстѣ съ цензурою, поступили въ вѣдѣніе іезуитовъ; уже не выходило никакихъ другихъ книгъ, кромѣ богословскихъ и молитвенниковъ; да и тѣ искажаемы были неумѣренною полемикою противъ иновѣрцевъ, и вмѣсто молитвъ и набожныхъ размышленій заключали въ себѣ ядовитыя укоризны, обвиненія и проклятія на диссидентовъ.

Ученые краковскіе рѣшились прибѣгнуть къ рѣшительной и послѣдней мѣрѣ. Они предстали предъ Сигизмунда III, и сложили передъ нимъ всѣ права и привиллегіи, данныя училищу его предшественниками, оставляя навсегда обезсиленную и угнѣтенную академію. Мѣра эта подѣйствовала; іезуиты увидѣли себѣ побѣжденными[47].

Но зараза, внесенная ими въ училище, быстро распростра-

нилась. Факультетъ богословскій съ большею хитростію и осторожностію продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ нетерпимости и гоненія другихъ вѣроисповѣданій. Ядъ, вливаемый въ чашу ученія и образованности, сдѣлался тѣмъ опаснѣе, что замѣтить его было слишкомъ трудно. Дѣти Церкви православной, поступая въ это училище, выходили оттуда или открытыми папистами, какъ Поцѣй, или не крѣпкими въ православіи, какъ Смотрицкій.

И съ такимъ-то училищемъ суждено было Кіевской Академіи вступить въ неравное соперничество и борьбу. Чѣмъ кончилась эта борьба, кто побѣдителемъ пошелъ въ путь свой,— увидимъ далѣе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Основаніе кіевскаго училища. Митрополитъ Іона IV. Королевская привиллегія. Братство. Ослабленіе власти и вліянія католическаго духовенства. Предметы, преподаваемые въ православныхъ училищахъ. Состояніе кіевскаго училища въ первую эпоху его существованія. Упись. Гоненія отъ уніатовъ на православныя училища. Причины вѣдствія кіевской школы. Іезуиты и Доминиканы основываютъ въ Кіевѣ свои училища Войны — причина упадка кіевской школы. Воспитанники первобытнаго кіевскаго училища: Карповичъ Леонтій. Копыстенскій Захарія. Плетенецкій Елисей. Саковичъ Кассіанъ-Каллистъ. Транквиллионъ-Ставровецкій Кириллъ. Хмельницкій Богданъ. Наставники: Смотрицкій Мелетій. Борецкій Іовъ.

Основаніе кіевскаго училища относится къ той эпохѣ, когда конституціею сейма люблинскаго, въ 1569 году, окончательно утверждено начавшееся еще съ 1501 года, соединеніе Литвы съ Польшею, и когда Кіевъ съ прочими своими городами причисленъ къ польскому королевству. Король Сигизмундъ Августъ, обрадованный счастливо совершившимся событіемъ, которое безплодно, а между тѣмъ такъ много занимало его предшественниковъ и стоило большихъ, но напрасныхъ жертвъ, обѣщалъ всѣмъ новымъ своимъ подданнымъ равныя съ прочими права, вольности и преимущества, не смотря на разность вѣроисповѣданій. Въ это время (1568 г.) кіевскою митрополіей управлялъ *Іона IV Протасевичъ*, посвященный, по благословенію константинопольскаго патріарха Митрофана III, въ санъ митрополита изъ епископовъ туровскихъ и пинскихъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ ревнителей православія, которые, за свою твердость въ благочестіи и правовѣріи и за распространеніе оныхъ, заслужили отъ католиковъ, а потомъ и уніатовъ достославное порицаніе[48]. Въ слѣдствіе упомянутой королевской привиллегіи, существовавшія при церквахъ приходскія школы, состоя подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ митрополитовъ, день ото дня становились обширнѣе и цвѣтущѣе. Обрадованные успѣхами

воспитанниковъ приходскихъ училищъ, Кіевляне стали думать объ образованіи братства, и обратили особенное вниманіе на приходскую школу, уже существовавшую при Богоявленской церкви на Подолѣ. Лѣтописи не передали намъ памятниковъ заботливой ревности первосвятителей кіевскихъ о благосостояніи такихъ училищъ; но извѣстно только то, что со времени митрополита Іоны I до Иліи Кучи (1482—1577 г.) власть и вліяніе римско-католическаго духовенства во всей Литвѣ, Волыни и Бѣлоруссіи значительно были ослаблены, а восточное православіе замѣтно приходило отъ силы въ силу[49]. Съ полной вѣроятностію можно предполагать, что такой перевѣсъ православія надъ католицизмомъ не могъ произойти безъ распространенія просвѣщенія въ народѣ, чему неизбѣжно должны были содѣйствовать училища.

Трудно также опредѣлить съ точностію, что было преподаваемо въ этихъ училищахъ: но только, конечно, не одно чтеніе и пѣніе. О митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ извѣстно, что онъ еще до поступленія своего въ священники къ Кіево-воскресенской церкви, былъ ректоромъ львовской школы, гдѣ и самъ получилъ воспитаніе, училъ тамъ по гречески и по латинѣ, а перешедши въ Кіевъ, открылъ при своей церкви школу, скоро заслужившую уваженіе образованныхъ людей[50]. Если предположить, что программа тогдашняго школьнаго образованія ограничивалась только чтеніемъ, пѣніемъ и письмомъ: то нельзя понять, какимъ образомъ Іовъ могъ обратить на себя вниманіе современниковъ преподаваніемъ такихъ скудныхъ предметовъ, и изъ чего могли бы заключить и единогласно свидѣтельствовать объ умѣ и просвѣщеніи его всѣ русскіе и польскіе лѣтописцы. По этому болѣе нежели вѣроятно, что въ приходскихъ училищахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, были преподаваемы, хоть и не въ обширномъ видѣ, и высшія науки, а особенно богословіе, какъ главнѣйшій и необходимѣйшій предметъ всегда и во всякое время, а тѣмъ болѣе тогда, когда Церковь

православная отовсюду была обуреваема разными лжеученіями и кривотолкованіями. Принимая опять въ соображеніе ту статью устава львовской школы, даннаго ей менѣе чѣмъ чрезъ тридцать лѣтъ по основаніи кіевскаго училища, которою позволялось печатать львовской типографіи »хроники (исторію), грамматики, піитику, реторику и философію«, какъ »нужныя для училища книги«, естественно должно придти къ тому заключенію, что нужда эта обнаружилась, во первыхъ, въ слѣдствіе уже существовавшаго преподаванія означенныхъ наукъ, а во вторыхъ, отъ усмотрѣнія трудности имѣть школьныя записки. Такимъ образомъ, что было во львовской школѣ, то очень могло быть и въ кіевской: ибо уставы для братствъ и училищъ сего рода, сколько ихъ сохранилось доселѣ, всѣ одинаковаго свойства и разнообразить ихъ не было никакой надобности, да кромѣ того и первымъ ректоромъ кіевскаго училища былъ человѣкъ, знавшій всѣ порядки и уставъ братства львовскаго, къ которому онъ самъ принадлежалъ нѣкогда, сначала какъ ученикъ, а потомъ какъ учитель.

Не должно при семъ выпускать изъ виду и того, что училища православныя, не смотря на свое младенчество, имѣли прямое и рѣшительное назначеніе противодѣйствовать школамъ католическимъ, а возможный успѣхъ этого условливался не преподаваніемъ только извѣстныхъ начатковъ ученія: но предметами болѣе важными и серьезными. На противника съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ нельзя идти съ палкою. Значитъ, какъ ни несовершенны были первоначальныя православныя училища, но они достаточны были къ тому, чтобы воспитать достойныхъ защитниковъ гонимаго въ то время православія.

Кратковременное управленіе митрополіею Иліи Кучи[51] ничѣмъ не ознаменовалось по отношенію къ кіевскому училищу. Въ это время вся западная Русь наводнилась послѣдователями Лютера, Кальвина, Цвинглія и Социна, а между тѣмъ королевскимъ указомъ 1572 года объявлена была полная свобода всѣмъ

всякаго вѣроисповѣданія. Нѣтъ сомнѣнія, что кіевскія школы не упустили случая употребить въ свою пользу такого распоряженія высшей правительственной власти: при всемъ томъ не видно однакожъ, чтобы первенствующее училище въ Кіевѣ, даже при преемникѣ Иліи, митрополитѣ Онисифорѣ, отличалось чѣмъ либо особеннымъ; ибо иначе патріархъ Іеремія, проѣзжавшій въ 1588 году въ Москву черезъ Кіевъ, обратилъ бы на него свое вниманіе, какъ это онъ сдѣлалъ во Львовѣ и въ Вильнѣ. Уже на обратномъ пути изъ Москвы Іеремія, остановившись на время въ Кіевѣ, получилъ отъ братства просьбу, которою испрашивали у него благословенія преобразовать существующую при Богоявленской церкви школу въ высшее правительственное училище. Благословеніе патріарха было первымъ и основнымъ камнемъ того училища, которому суждено было потомъ возвыситься до званія Академіи, и которое съ того самаго времени рѣзко стало отличаться отъ другихъ совмѣстныхъ и современныхъ ему.

Содержаніе кіевскаго училища вполнѣ зависѣло отъ братства, къ числу котораго принадлежали и знаменитые защитники православія, обладавшіе значительнымъ достаткомъ. Для этого была составлена особая книга пожертвованій, называемая *Упись*, въ которую вносили свои имена благодѣтели училища, иногда съ означеніемъ жертвуемыхъ статей. Изъ этого накоплялась сумма и запасъ жизненныхъ потребностей, которыми начальство распоряжалось съ вѣдома благотворителей, по мѣрѣ возникавшихъ надобностей училища. Такимъ образомъ въ выписи, взятой изъ гродскихъ книгъ воеводства кіевскаго, подъ 1593 годомъ значится, что въ этотъ годъ кіевскій нагорскій священникъ *Филиппъ Аѳанасьевъ* положилъ предъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевскаго, для подтвержденія принадлежащихъ къ церквамъ Трехъ-святительской и Кресто-воздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями и для передачи ихъ потомъ со всѣми принадлежностями кіево-богоявленскому брат-

ству; а по купчей обывателя кіевскаго *Андрея Обухова* пріобрѣтено отъ него кіево-братскимъ монастыремъ дворовое Сверчековское мѣсто и сѣножать на Оболони за тридцать копъ литовскихъ[52].

Но не успѣла кіевская школа выдти изъ младенческаго состоянія, какъ на нее обрушились такія бѣдствія, которыя трудно было бы перенести и окрѣпшему въ силахъ училищу. Отступничество кіевскаго митрополита Михаила Рагозы и фанатическое изувѣрство преемника и клеврета его Ипатія Поцѣя, повергнувъ весь юго-западный край въ бездну золъ и кровавыхъ междоусобій, неизбѣжно должно было отразиться неблагопріятнымъ образомъ и на всѣ вообще училища, существовавшія въ Кіевѣ. Не могли жаловать и щадить ихъ отступники православія: не будь этихъ школъ, Рагоза не слишкомъ бы боялся простаго народа, и легче бы отуманилъ его дымомъ льстиваго ученія и обѣщаніемъ выгодъ отъ папскаго престола; не назначилъ бы онъ своего законопреступнаго собора въ Брестѣ,—мѣстечкѣ, входившемъ въ составъ Ипатіевой епархіи; не пришелъ бы въ такое отчаяніе отъ выпущеннаго въ народъ сочиненія, въ которомъ почтили его названіемъ Іуды, измѣнника своей вѣры и поставили на ряду съ нехристями[53]. Не будь этихъ училищъ,—книжка объ Уніи, — издѣліе другаго отступника Поцѣя, исполненная лжи, кривотолкованій и несправедливыхъ ссылокъ на отцовъ Церкви, не встрѣтила бы такого равнодушія въ народѣ, а напротивъ, окружная грамата Мелетія, патріарха александрійскаго, не была бы принята съ такимъ уваженіемъ и покорностію.

Но главнѣйшее изъ нихъ Богоявленское болѣе всѣхъ должно было испытать гоненій отъ лжепастырей. Оно было возведено на степень первенствующаго училища тѣмъ самымъ патріархомъ Іереміею, котораго отступники ославили клеветникомъ, мздоимцемъ, возмутителемъ[54] и бродягою[55]. Оно, за неимѣніемъ православныхъ митрополитовъ, состояло подъ покровительствомъ Кіево-печерской Лавры, отказавшейся повиноваться Рагозѣ и

не согласившейся признавать его своимъ архимандритомъ, не смотря на привиллегію, данную ему Сигизмундомъ III и на три особыя королевскія граматы[56]; оно считало въ числѣ первѣйшихъ своихъ благодѣтелей и заступниковъ Никифора Тура, ревностнѣйшаго противника католиковъ и уніатовъ, силою своей власти и вліянія затворившаго для лжепастырей святыя врата Кіево-печерской Лавры. Не мудрено послѣ этого, что враги православія обрушили на богоявленское училище всевозможныя бѣдствія. Рагоза, отнявъ у Лавры знатнѣйшія владѣнія, лишилъ ее чрезъ то способовъ быть полезнымъ училищному братству; уніатское духовенство, вторгаясь во всѣ православные монастыри, отнимало у обителей средства не только къ поданію помощи другимъ, но даже къ своему собственному существованію. Если даже народъ, собиравшійся на молитву въ полевые шалаши, не имѣлъ спокойствія и безопасности, и былъ разгоняемъ вѣроотступниками[57]: то тѣмъ болѣе долженствовало подвергнуться такому насилію братство, образовавшееся съ цѣлію, совершенно противною законопреступнымъ видамъ враговъ православія. Въ 1604 году, по ходатайству Ипатія Поцѣя, королевскимъ указомъ отдана кіевскому бискупу цѣлая часть Кіево-Подола за канавою къ горѣ Щекавицѣ; за тѣмъ бискупъ самъ уже собою отнялъ изъ подъ магистратскаго вѣдомства и все пространство съ дворами до бывшей іорданской обители; наконецъ захватилъ и это мѣсто и все урочище Кожевники[58]. Значитъ, католики заняли тѣ мѣста, гдѣ преимущественно жили ближайшіе члены братства; а съ этимъ вмѣстѣ, какъ властители, они конечно стѣснили прежнихъ благодѣтелей въ ихъ усердствованіи къ училищу. Іезуиты, Доминиканцы, соревнуя другъ другу, заводили въ самомъ Кіевѣ училища, гдѣ съ свойственнымъ только имъ искуствомъ внушали ненависть ко всему русскому и любовь и уваженіе къ западному. Этимъ они искусно подготовляли упадокъ ненавистнаго имъ богоявленскаго училища, и конечно, не безъ тайной радости смотрѣли они на пламя страшнаго пожара, истребившаго въ 1614 году Богоявленскую церковь и бывшую при ней школу.

Inter arma silent musae, говоритъ старинная пословица. Не до наукъ было въ ту пору, когда все Запорожье подняло знамя отмщенія за притѣсненіе своихъ единовѣрцевъ, за осквернение храмовъ Божіихъ, за попраніе всѣхъ правъ человѣчества. Слишкомъ близокъ былъ къ сердцу каждаго вопросъ, чтобы не принять участія въ разрѣшеніи его огнемъ и кровью. Молодые люди толпами оставляли тихое убѣжище наукъ и спѣшили на шумное поле брани, мѣняя скромную долю ученыхъ на блистательное званіе вооруженныхъ защитниковъ православія и своего народа. Въ этомъ случаѣ южная Русь, заслонившая собою народность и православіе отъ гибельнаго вліянія запада, достойно отплатила Руси восточной, принесшей себя въ жертву для защиты оной отъ татарскаго наводненія. Дружины малороссійскихъ гетмановъ Косинскаго и Наливайка постоянно увеличивались выходцами кіевскихъ школъ, убѣгавшихъ отъ невыносимаго преслѣдованія враговъ вѣры, и что съ большею твердостію и терпѣніемъ переносили мужи и старцы, то не могло не волновать юношей, кипѣвшихъ силами и жаждою воинской славы. Когда генеральный сеймъ польскій 1596 года опредѣлилъ истребить всю запорожскую Сѣчь, усиливъ въ тоже время преслѣдованіе всѣхъ тайно или явно благопріятствовавшихъ этому воинственному племени,—въ Хортицахъ, главномъ его пристанищѣ, сдѣлалось тѣсно отъ прибывавшихъ отвсюду молодыхъ людей, становившихся въ ряды ожесточенныхъ защитниковъ обагряемой кровью Украйны и всего юго-западнаго края Россіи. Дѣло вооруженной обороны православія, конечно, отъ этого много выигрывало: но просвѣщеніе страдало, ибо лишалось лучшихъ и способнѣйшихъ своихъ адептовъ. Дорого поплатились за свою привязанность къ іезуитамъ слабый Сигизмундъ III и неблагоразумные его преемники; увидѣли они, что значитъ борьба съ народомъ, у котораго затронуты самыя живыя струны, звучавшія надъ колыбелью его и разрѣшающіяся полнымъ аккордомъ надъ его гробомъ. Къ стыду своему, они должны были наконецъ увидѣть ничтожность своихъ кровавыхъ опредѣленій,

и уступить той силѣ, которую сначала презирали такъ легкомысленно. Постановленіемъ короннаго сейма 1601 года запорожскимъ козакамъ возвращены всѣ прежнія ихъ привиллегіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ открылась возможность возстановить и утвердить и престолъ православной кіевской іерархіи, святотатственно осквернённый такими лжепастырями, каковы были Рагоза и Поцѣй.

Не смотря на свое младенческое, кратковременное и бурное существованіе въ первое пятидесятилѣтіе, кіевская школа воспитала мужей, стяжавшихъ себѣ потомъ вѣчную славу защитою православія и ревностію ко благу воспитавшаго ихъ училища. Исторія не показываетъ числа всѣхъ получившихъ образованіе въ древней православной школѣ кіевской; она неясно указываетъ даже на тѣхъ, которые между современниками отличались своими талантами и просвѣщеніемъ, позволяя въ этомъ случаѣ только гадательно заключать о томъ священномъ мѣстѣ, которое послужило для нихъ богатымъ музеумомъ »належныхъ« познаній. При всемъ томъ, не распространяя нашихъ догадокъ на счетъ другихъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ того времени, упомянемъ только о тѣхъ, воспитаніе которыхъ неотъемлемо принадлежитъ древней кіевской школѣ.

Карповичъ Леонтій. По окончаніи курса наукъ въ кіевскомъ училищѣ[59], онъ принялъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, гдѣ и проходилъ всѣ степени послушанія. Свыше одаренный великими талантами, онъ не зарывалъ ихъ въ землю, и явился ревностнымъ защитникомъ угнѣтеннаго тогда православія. Будучи еще іеродіакономъ лаврскимъ *Карповичъ*, въ 1608 году написалъ *Обличеніе на унію*, обратившее на него вниманіе какъ поборниковъ, такъ и противниковъ истины. Быстро вслѣдъ за симъ пошелъ онъ по степенямъ іерархическимъ, и въ 1615 году былъ уже архимандритомъ виленскаго святодуховскаго монастыря. По духу проповѣдничества, современники

называли *Карповича* »подобнымъ Златоусту« [60]. *Леонтій* скончался въ 1626 году епископомъ владимірскимъ и берестенскимъ на Волыни, заключивъ собою рядъ православныхъ архипастырей этой епархіи, захваченной уніатами [61].

Копыстенскій Захарія, бывшій сначала намѣстникомъ Кіево-печерской Лавры, и потомъ въ 1624 году возведенный въ званіе архимандрита оной. Этотъ образованнѣйшій мужъ всего себя посвящалъ великому дѣлу обороны гонимаго въ то время православія. Опытно зная силу отеческихъ писаній, какъ сильнѣйшаго оружія противъ враговъ истины, онъ первымъ дѣломъ поставилъ себѣ исправленіе древнѣйшаго славенскаго перевода *Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на посланія св. апостола Павла и на Дѣянія св. Апостолъ*, издавъ потомъ оба эти сочиненія въ 1623 и 1624 годахъ. *Копыстенскій* являлся кромѣ того, и ораторомъ на каѳедрѣ церковной [62], издалъ *Номоканонъ, сирѣчь Законоправильникъ:* но важнѣйшимъ изъ его сочиненій почитается большая книга, подъ названіемъ *Палинодія,* написанная противъ виленскаго игумена Льва Кревзы, издавшаго сочиненіе: *Оборона Уніи.* Въ книгѣ своей *Копыстенскій,* исторически изслѣдовавъ вопросъ о значеніи церкви греческой, неразрывно связанной православіемъ съ церковію русскою, показываетъ строгую подчиненность ея іерархическаго порядка, въ духѣ христіанской любви и единенія, патріаршему константинопольскому престолу, и разоблачаетъ причины, побудившія католиковъ вымыслить унію, какъ средство къ распространенію беззаконной власти. Вслѣдъ за историческими изслѣдованіями, *Копыстенскій* приступаетъ къ разбору догматовъ, и вообще тѣхъ пунктовъ ученія христіанскаго, которыми церковь западная разнится отъ восточной. Съ строгимъ спокойствіемъ глубоко-ученаго испытателя, онъ слѣдитъ начало и развитіе догматовъ вѣры, обращаемыхъ къ видамъ честолюбія римско-католической іерархіи, и въ самыхъ обличеніяхъ своихъ сохраняетъ характеръ тишины и спокойствія, совершенно противоположный бранчивой шумли-

вости противника своего Кревзы. *Копыстенскому* приписывается также сочиненіе съ именемъ Азаріи: о вѣрѣ единой, святой, соборной и апостольской церкви, направленное также противъ уніи[63]. *Копыстенскій* скончался 1626 года[64].

Плетенецкій Елисей. возведенный въ санъ архимандрита Кіево-печерской Лавры около 1615 года[65], и бывшій возсоздателемъ разореннаго іезуитами и истребленнаго пожаромъ братскаго богоявленскаго училища. Онъ скончался 1624 года.

Саковичъ Кассіанъ Каллистъ, къ сожалѣнію омрачившій имя свое постыднымъ отступничествомъ отъ православія. Такъ далеко простиралось вліяніе враговъ вѣры восточной — іезуитовъ, что и утвержденные въ истинномъ ученіи увлекались льстивымъ мудрованіемъ! Что *Саковичъ* былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка, это показываютъ всѣ его сочиненія, изъ которыхъ въ однихъ онъ вооружается оружіемъ святой истины, а въ другихъ прибѣгаетъ ко лжи, изобрѣтеніе которой непремѣнно требуетъ хитрости и изворотливости ума. *Саковичъ,* кромѣ всего этого, можетъ быть почтенъ первымъ и древнѣйшимъ піитою кіевской школы[66]. Кромѣ *виршей* на смерть Сагайдачнаго, онъ написалъ въ стихахъ: Dezyderos Polski o mytarstwie и проч. Когда и гдѣ онъ скончался, — неизвѣстно.

Транквилліонъ-Ставровецкій Кириллъ, проповѣдникъ Кіево-печерской Лавры и потомъ архимандритъ въ Черниговѣ. Онъ первый изложилъ въ нѣкотораго рода системѣ науку богословія, служившую, можетъ быть, руководствомъ какъ для него самаго, такъ и для послѣдовавшихъ за нимъ преподавателей въ кіевской школѣ. Сочиненіе это, имѣвшее три изданія, называется *Зерцаломъ Богословіи.* По обязанности проповѣдника, *Кириллъ* составлялъ поученія, изъ которыхъ образовалась въ послѣдствіи особая книга подъ заглавіемъ: *Евангеліе учительное, или поученія* на дни воскресные и праздники всего года. Какъ ученый витія, онъ никому не уступитъ въ полнотѣ и обиліи мыслей, хотя витіеватость его часто доходитъ и до

многорѣчивости, всегда впрочемъ пріятной и увлекательной. Кромѣ этого *Кириллъ* составилъ *Перло многоцѣнное,* въ которомъ, между рѣшеніемъ важныхъ богословскихъ вопросовъ, позволялъ себѣ иногда и стихотворство. Въ послѣдствіи, на московскомъ соборѣ (1690 г.) сочиненія Транквилліона признаны противными православію[67], и до того еще времени, по указу царя Михаила Ѳедоровича и патріарха Филарета, повелѣно было ихъ отыскивать и предавать сожженію. Это впрочемъ не лишаетъ произведеній *Кирилла* принадлежащихъ имъ достоинствъ[68].

Хмельницкій Богданъ, знаменитый защитникъ православія и славный гетманъ войска запорожскаго, первоначальнымъ образованіемъ своимъ обязанъ также кіевской школѣ[69]. Здѣсьто получилъ онъ то крѣпкое убѣжденіе въ истинахъ православія, которое дѣлало его непобѣдимымъ и противъ іезуитовъ, имѣвшихъ его потомъ въ своихъ училищахъ, и въ пору неудачъ на полѣ бранномъ, когда ему оставалось одно лишь утѣшеніе, что онъ стоитъ за правое дѣло. Знаменитый воспитанникъ училища явился потомъ благодѣтелемъ и охранителемъ его, въ годину кровавыхъ смутъ и страшныхъ нестроеній всего юго-западнаго края Россіи.

Здѣсь же получили воспитаніе и знаменитые потомъ сподвижники Хмельницкаго *Тетеря* и *Якимъ Самко.* Первый изъ нихъ отличался между современниками отличнымъ знаніемъ латинскаго и польскаго языковъ; а послѣдній, притворяясь безграмотнымъ, удивлялъ всѣхъ своей письменностью и образованіемъ[70].

Еще скупѣе древнія хроники въ передачѣ достоуважаемыхъ именъ первобытныхъ учителей и наставниковъ кіевской школы. Мы знаемъ только двухъ: *Смотрицкаго Мелетія* и *Борецкаго Іова.*

Смотрицкій Мелетій происходилъ отъ благородныхъ родителей греческаго вѣроисповѣданія. Получивъ первоначальное образованіе въ виленской іезуитской коллегіи и докончивъ оное

въ краковской академіи, *Смотрицкій*, съ дѣтьми одного литовскаго вельможи, въ качествѣ наставника, ѣздилъ за границу для посѣщенія тамошнихъ университетовъ, и по возвращеніи своемъ, около 1610 года, поступилъ учителемъ въ кіевскую школу[71]. Здѣсь-то составилъ онъ свою грамматику, которая имѣла сильное вліяніе на развитіе въ Ломоносовѣ такой любви къ ученію; здѣсь-то образовалась въ немъ мысль о введеніи въ русскіе стихи тоническаго размѣра, вопреки общепринятому тогда обычаю писать силлабами. Со всей вѣроятностію можно заключить, что *Смотрицкій* былъ преподавателемъ собственно русской словесности, удержавъ за собой эту каѳедру до поступленія своего въ архимандриты виленскаго и дерманскаго монастырей. Къ сожалѣнію, непомѣрное честолюбіе и оскорбленная гордость повели его къ отступничеству, содѣлавшему его гонителемъ вѣры православной и навсегда запятнавшему доброе имя одного изъ первѣйшихъ и образованнѣйшихъ наставниковъ кіевской школы[72].

Борецкій Іовъ. самъ бывшій воспитанникомъ львовскаго училища, до поступленія своего въ игумены Михайловскаго монастыря проходилъ при кіевскомъ училищѣ должность наставника: princeps scholarum, сказано въ одной замѣткѣ рукописной книги, относящейся къ древнѣйшей эпохѣ[73], qui causa necessitatis illustrissimus ipse professor fuerat haurientibus sacra studia,— и »бѣ, говоритъ св. Димитрій Ростовскій въ божественномъ пи»саніи искусенъ, греческій и латинскій языкъ добрѣ умѣвый, »и тѣхъ языковъ иныя въ школахъ учивый«[74]. Нѣтъ сомнѣнія, что каѳедра *Борецкаго* была особенно по предмету богословскому, и что преподаваніе языковъ, о которомъ упоминаетъ святитель Ростовскій, было лишь предуготовительнымъ средствомъ къ уразумѣнію наукъ высшихъ, для изложенія которыхъ русскій языкъ того времени былъ мало способенъ. Какъ бы то ни было, но кіевское училище со всегдашней признательностью произносило и будетъ произносить имя этого и ревностнѣйшаго подвижника православія и душеполезнаго просвѣщенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Королевская привиллегія. Лавра возвращаетъ свои помѣстья. Богоявленское училище начинаетъ возрождаться. Анна Гулевичева. Запись Гулевичевой. Исаія Копинскій, фундаторъ кіевской школы. Дѣйствія кіево-богоявленскаго братства. Братскія засѣданія. Обязанности дидаскала. Порядокъ поступленія учениковъ въ школу. Старшіе. Обязанности учениковъ, по отношенію къ Церкви Божіей. Занятія въ школѣ. Домашнія занятія учениковъ. Частныя обязанности школьниковъ. Поведеніе учениковъ внѣ училища. Лица, имѣвшія право поступать въ кіевскую школу. Раздѣленіе учениковъ по разрядамъ. Науки, преподаваемыя въ кіевской школѣ. Іезуиты. Прибытіе въ Кіевъ патріарха Ѳеофана. Обозрѣніе училищнаго порядка. Грамоты Ѳеофана братству и училищу. Стеченіе народа къ 15 августа. Посвященіе Іова Борецкаго въ митрополиты. Клеветы уніатовъ. Гоненіе на православныхъ отъ Сигизмунда III. Сочиненіе Мелетія Смотрицкаго. Посланіе Іова Борецкаго. Ужасы уніатскаго гоненія. Разореніе кіево-братской школы. Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Сочиненіе его въ защиту православія и кончина. Слѣдствіе, произведенное Сигизмундомъ III о патріархѣ Ѳеофанѣ. Дѣйствія по сему случаю іезуитовъ. Козаки—гроза гонителей православія.

Въ 1615 году, Кіево-печерская Лавра, по ходатайству архимандрита своего Елисея Плетенецкаго, получила отъ короля прежнія свои привиллегіи и возвратила помѣстья, отнятыя у нея Рагозою и Поцѣемъ [75]. Съ этимъ вмѣстѣ и братское богоявленское училище начало возраждаться изъ пепла, еще дымившагося вокругъ него. Состоя въ непосредственномъ попеченіи Лавры, и за отсутствіемъ православныхъ митрополитовъ, нашедши въ бывшемъ воспитанникѣ своемъ архимандритѣ Елисеѣ сильнаго себѣ покровителя, кіевская школа въ тотъ же самый годъ увидѣла плоды просвѣщенной, отеческой его заботливости. Жена мозырскаго маршалка Степана Лозки, урожденная Гулевичева, записью, явленною въ актахъ кіевскаго земскаго суда

1615 года октября 15, съ согласія своего супруга, подарила и отказала въ вѣчное владѣніе »наслѣдственныя свои имѣнія, пользующіяся правами и вольностями дворянскими, подъ монастырь ставропигіи патріаршеской, подъ школу дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ и сверхъ того подъ гостинницу для странниковъ духовныхъ вѣры восточной каѳолической Церкви«. Благородная благодѣтельница кіевскаго училища въ записи же своей показала причину, побудившую ее къ такому пожертвованію: »живя, говоритъ она, постоянно въ древней святой, православной вѣрѣ восточной Церкви, и пылая къ ней побожною ревностію къ распространенію славы Бога въ Тройцѣ Единаго, изъ любви и приверженности къ братіямъ моимъ — народу русскому, для спасенія души своей, я съ давнихъ временъ умыслила сдѣлать добро для Церкви Божіей«.

Записью этой Гулевичева отказывала свой собственный дворъ и землю въ городѣ Кіевѣ, находящіеся между извѣстными границами[76], со всѣми, къ тому двору и землѣ относящимися угодіями, доходами и со всѣми принадлежностями, съ тѣмъ, »чтобы монастырь тотъ и школа и весь чинъ и строеніе распоряжаемы и устроиваемы были по закону и чину каѳолической восточной Церкви греческаго обряда, по семи вселенскимъ соборамъ и по преданію святыхъ отцевъ греческихъ«. Между условіями, охраняющими цѣлость жертвуемой ею фундаціи, положено, что ежели бы кто изъ живущихъ на оной и обязанныхъ защищать утвержденныя уже права, въ случаѣ какого либо тяжебнаго дѣла, касающагося какъ самой фундаціи, такъ и цѣлаго общежитія, отказался защищать его интересы, то таковой лишается навсегда права имѣть участіе въ благотвореніяхъ дѣлаемой записи, а равно ни сама Гулевичева, ни потомки ея не должны простирать никакихъ претензій къ фундаціи, подъ опасеніемъ штрафа въ десять тысячъ злотыхъ польскихъ и вознагражденія всѣхъ убытковъ и потерь, безъ судебнаго разслѣдованія и безъ всякаго спора, »на голое реченье слова«. Обязывая за тѣмъ всѣхъ

потомковъ своихъ »никоимъ образомъ не дѣлать препятствій живущимъ въ той поссессіи инокамъ и школьникамъ«, Гулевичева предостерегаетъ, что »если бы какимъ либо угнѣтеніемъ или несправедливымъ судомъ проживающіе на той фундаціи были вытѣснены«, а пожертвованіемъ ея захотѣлъ бы кто завладѣть, то »весь тотъ дворъ и земля цѣлостно должны быть возвращены ея дому и перейти къ потомкамъ дарительницы, по какой бы линіи они ни происходили«. Принимающій такимъ образомъ во владѣніе жертвуемыя статьи обязывается изъ своихъ собственныхъ грунтовъ выдѣлить для изгнанныхъ и вытѣсненныхъ съ фундаціи такогожъ достоинства и цѣнности земли, съ правами и вольностями земель дворянскихъ, или денежную сумму, по оцѣнкѣ надежныхъ людей. »А чтобы та фундація возъимѣла свое дѣйствіе, то я, пишетъ Гулевичева, тотчасъ же въ тотъ дворъ съ землею, духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ, именно: правовѣрнаго священноинока отца Ісаію Купинскаго и другихъ изъ монашествующихъ, также и школу ввела и ввожу, отдавая имъ то, равно и всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, пребывающимъ въ православіи восточной Церкви въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе« [77].

Уполномоченный такою записью и возведенный того же года въ званіе старшаго іеромонаха богоявленскаго братства, Купинскій немедленно принялъ въ свое управленіе всю фундацію Гулевичевой, и приступилъ, согласно волѣ дарительницы, къ постройкѣ гостепріимнаго дома и училища, заложивъ при нихъ домовую церковь, во имя ангела благотворительницы, св. пророчицы Анны [78]. Въ тоже время начало свои дѣйствія и кіевское братство. Люди обѣихъ сословій—духовнаго и свѣтскаго—цаловали крестъ, »одинъ за всѣхъ и всѣ за единаго«, поклявшись неуклонно пребывать въ православіи, нести всѣ братскія повинности и соблюдать порядки, »на утѣшеніе и утвержденіе во благочестіи россійскому роду, на выхованье (воспитаніе) учениковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, къ по-

даваню наукъ учтивыхъ и къ цвиченю (просвѣщенію) дѣтей народу христіанского« [79].

Въ Упись или присяжный листъ братства тогда же вписались новые покровители и благодѣтели училища, число которыхъ съ тѣхъ поръ стало возрастать годъ отъ году. Въ непродолжительное время по основаніи училища на землѣ, подаренной Гулевичевою, внесли въ упись свои имена: *Аѳанасій Пузина*, епископъ луцкій и острожскій, архимандритъ Жидичинскій; нѣкто *Андрей Литынскій* — изъ Литыничъ; *Исаія Трофимовичъ*, вписавшійся въ кіевское братство »душею и рукою«; *Сильвестръ Коссовъ*, префектъ школъ кіевскихъ братскихъ; *Антоній Пацьвскій*, инокъ монастыря печерскаго; *Іоиль*—іеромонахъ; *Софроній Почасскій*, инокъ монастыря печерскаго; *Аѳанасій Ивашковскій*, инокъ того же монастыря; *Иларіонъ Симовскій*, тоже; *Іоиль Глынковичъ*, намѣстникъ монастыря св. Николая; *Антоній Горбацкій*, іеромонахъ; *Арсеній Бережницкій*, инокъ монастыря печерскаго; *Ѳеодосій Оранскій*, іеромонахъ; *Захарія Копыстенскій*, отличившійся отъ прочихъ особенностью своей подписи: »и ненавидящи злое, пишетъ онъ, прилѣпляющеся благому, со»ставленное въ Кіевѣ градѣ братство пріимаю и облобизаю, по»винующеся Апостолу, глаголющу: братолюбіемъ же другъ ко »другу любезни; на сіе же и руку мою подписую«. Писалъ дня 4 генваря, по старому *правдивому* »року 1616« [80]. *Тарасій Земка*, подписавшійся такимъ образомъ: »азъ во іеромонасѣхъ »худѣйшій братство православныхъ кіевское при храмѣ святыхъ »Богоявленій похваляю и самъ въ немъ быти и при немъ стояти »желаючи въ реестръ и имя свое вписую рукою«. Еще больше усердія высказалъ *Іезекіиль Куневичъ* въ своей подписи: »азъ »треокаянный Іезекіель Куневичъ, архимандритъ монастыря »трехтемировскаго, видя, яко врагъ и ненавистникъ спасенія »нашего пакоститъ во благочестіи нашемъ, и сего ради видихъ »вещь зѣло добру составленія братства во градѣ Кіевѣ, и того »ради всегда есмь готовъ съ нимъ пострадати добро и зло и

»кровь мою за благочестіе дати, и для того и руку мою под»писую власною рукою«. *Данилъ Стрыбиль,* обязавшійся давать ежегодно по десяти злотыхъ, а также и съѣстные прапасы. *Григорій Дегиловскій,* обѣщавшій дать лошадь для ѣзды, еслижь не лошадь, то *камень* воску [81]. *Иванъ Путята,* обязавшійся давать все, на что »преможенъ будетъ« [82].

Въ чемъ состояли обязанности собственно членовъ кіевобогоявленскаго братства, по неимѣнію актовъ и памятниковъ, опредѣлить этого съ точностію нельзя; но поелику оно, какъ значится, въ граматѣ патріарха Θеофана, образовалось »по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ«, и вписывающіеся въ оное обязаны были »строити себе по чину прочихъ древнѣйшихъ« [83]: то съ полнѣйшею вѣроятностію обязанности членовъ кіевскаго братства опредѣляются по тѣмъ актамъ и памятникамъ, которые касаются однокачественныхъ съ нимъ братствъ львовскаго и луцкаго.

Прежде всего должно замѣтить, что постановленія общежительства касались не однихъ только лицъ монашествующихъ, называвшихся *киновитами,* но и особъ свѣтскихъ, вписавшихъ имена свои въ общій уписъ или реэстръ. Ни тѣ ни другіе не были обязаны ни какой особенной подчиненностью, но въ любви и единодушіи равномѣрно долженствовали нести бремя храненія и управленія дѣлами братства.

Вписавшіе имена свои пріобрѣтали названіе *ктиторовъ*, и обязывались оставаться при братствѣ до конца своей жизни [84]. Они должны были заботиться какъ о самой церкви, такъ и о школѣ, наблюдая при семъ, чтобы »особы, церкви потребныи«, были содержимы, какъ должно, чтобы соблюдаемъ былъ порядокъ, приличный мѣсту священному, и чтобы все это было постоянно и оставалось бы безъ помѣхи и на послѣдующія времена. По этому никто изъ членовъ, даже самъ игуменъ не

смѣлъ вносить въ уставъ братскій ничего новаго »з вымыслу и выналезку власного«, — отъ своего вымысла и изобрѣтенія [85].

Братству вмѣнялось въ обязанность контролировать общежительную сумму и повѣрять приходъ съ расходомъ [86].

Кромѣ общихъ требованій отъ игумена братства, чтобы онъ, то есть, былъ мудръ, благочестивъ и служилъ примѣромъ для другихъ, ему поставлялось въ обязанность держать при себѣ нѣсколько необходимыхъ для братства особъ, какъ то: духовника, проповѣдника, священника, діакона, уставщика, екклесіарха, эконома, палатнаго, двухъ братій для испрошенія подаянія, повара, послушника и учителя [87]. Инструкція для каждаго изъ этихъ лицъ должна быть составляема игуменомъ съ братіею, и утверждаема потомъ всѣмъ братствомъ [88].

Игуменъ и братія обязаны были строго наблюдать общежительство, и отнюдь не позволять отдѣльнаго пріобрѣтенія своей собственности [89].

Вся братія, находящаяся въ монастырскомъ зданіи, одолжена безпрекословнымъ послушаніемъ игумену, которому предоставлялось право исключать изъ общежительства безчиннаго брата: но равно и братія могли общимъ приговоромъ смѣнить игумена, еслибъ онъ оказался »самовластнымъ и самострастнымъ«, не иначе однакожъ, какъ съ вѣдома всего братства [90].

»Такъ какъ пѣвчіе принадлежатъ ко внѣшней церковной красотѣ«: то игумену поставлялось въ обязанность содержать на общемъ столѣ протопсалта, то есть, старшаго пѣвца и школьнаго учителя, равно заботиться и о другихъ отрокахъ, способныхъ къ пѣнію; таковыхъ слѣдовало представлять братству и совмѣстно заботиться о ихъ продовольствіи [91].

Для присмотра за школою и для наблюденія за училищнымъ порядкомъ игуменъ съ братіею выбирали изъ среды себя способнаго на то ректора, который, безъ всякой платы, обязанъ бывалъ повседневно наблюдать, какъ за учителями, такъ и за учениками, и чрезъ каждыя четыре недѣли производить испытаніе въ томъ, что было преподано, »аже бы дѣтокъ, имъ »вручоныхъ, лѣта молодые марне ся не тратили (не терялись »бы по напрасну), за которыхъ учителеве личъбу (отчетъ) Богу »чинити мусять (должны)« [92].

Для сбора братства въ опредѣленный день обсылалось братское знамя (повѣстка), обыкновенно чрезъ каждыя четыре недѣли, а иногда, по требованію надобности, и кромѣ этого срока [93].

Каждый членъ братства обязанъ былъ дать въ мѣсяцъ въ братскую кружку полъ-гроша; а тѣ, которые жили далеко отъ братства, ежегодно вносили туда по шести грошей [94].

Если кто желалъ поступить въ братство: дворянинъ или мѣщанинъ или подгородній житель и вообще изъ какого бы то ни было званія — туземецъ или сторонній, тотъ долженъ былъ дать при самомъ вступленіи шесть грошей [95].

Во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся братства, должны были, кромѣ особь духовныхъ, присутствовать нѣсколько лицъ и изъ свѣтскихъ, какъ дворянъ, такъ и мѣщанъ; всѣ же издержки обращались на счетъ кружки братской [96].

Если бы который братъ имѣлъ какое либо дѣло тяжебное, а не умѣлъ бы самъ повести его должнымъ порядкомъ, то ему позволялось брать къ себѣ на помощь и совѣтъ двухъ изъ братіи, по его выбору [97].

Никакое братское дѣло не должно быть выносимо за порогъ дома братскаго [98].

Главнѣйшими источниками содержанія братства и училища служили: a) взносы иноковъ, при поступленіи ихъ въ общежительство; b) милостыня, для сбора которой нарочно были содержимы два брата, и посылаемы какъ къ дворянамъ, вписаннымъ въ братство, такъ и къ инымъ благочестивымъ сынамъ восточной церкви; c) церковные доходы, какъ то: свѣчи, просфоры, маслосвятія, полотна отъ погребаемыхъ, сукна, сорокоусты и молебны; d) воздѣлываніе огородовъ, и наконецъ e) приличное рукодѣлье и особенно типографія [99].

Братская кружка состояла подъ сохраненіемъ игумена, а ключи отъ ней находились у эконома и у палатнаго. Для веденія приходо-расходной книги назначаемъ былъ особый братъ, который черезъ каждую четверть года представлялъ отчеты игумену и братіи, а сіи въ годичное засѣданіе предлагали ихъ для повѣрки всему братству [100].

Что касается до недвижимыхъ земскихъ имѣній и приписныхъ фольварковъ, пріобрѣтенныхъ куплею или пожертвованныхъ кѣмъ либо по завѣщанію· то всѣ они, равно какъ и доходы съ нихъ получаемые, находились въ вѣдѣніи и распоряженіи свѣтскихъ братій. Эти доходы были употребляемы на строеніе и на »мурованіе« церкви и на всякія ея нужды, на призрѣніе богадѣлень и бѣдныхъ учениковъ, на содержаніе ихъ учителей и убогихъ, не имѣющихъ пристанища, и на убогихъ, проживающихъ въ самомъ братствѣ, на тѣхъ, которые посѣщены какой либо тяжкой болѣзнію, и наконецъ на погребеніе умершихъ« [101].

Братскія засѣданія происходили слѣдующимъ порядкомъ. Въ назначенномъ домѣ ставился посреди комнаты покрытый

сукномъ столъ, на которомъ полагаемо было св. евангеліе, окруженное восковыми зазженными свѣчами и братскій ларецъ. По собраніи всѣхъ членовъ, старшіе братья пѣли: »достойно есть«, и за тѣмъ излагаемъ былъ предметъ засѣданія. По окончаніи трактаціи, предсѣдательствующій обращался ко всѣмъ съ такимъ вопросомъ: »панове братія! если кто знаетъ что либо относящееся къ братству, пусть объявляетъ«! Тутъ же и разрѣшаемо было предложеніе отозвавшагося брата. За тѣмъ спрашиваемы были члены объ исправномъ взносѣ братскаго долга или какой либо другой повинности, и наконецъ предсѣдатель возглашалъ: »миръ Христовъ да водворяется въ душахъ нашихъ, братіе, аминь«. Засѣданіе послѣ этого почиталось оконченнымъ, и уже никакое новое предложеніе не могло быть принято къ разсужденію[102].

Уставъ луцкой школы, писанный 1624 года, можетъ дать полное и совершенное понятіе о тѣхъ обязанностяхъ, какія и кіевское училище возлагало на своихъ наставниковъ и питомцевъ[103]. Основанныя, по благословенію почти однихъ и тѣхъ же патріарховъ, имѣвшія одинаковую цѣль и характеръ, онѣ не могли разниться своими уставами, а существованіе нѣкоторыхъ правилъ до временъ позднѣйшихъ и обычаевъ, сдѣлавшихся потомъ общеизвѣстными, вполнѣ можетъ убѣдить всякаго въ томъ, что кіевская школа руководствовалась тѣми самыми началами, которыя, по счастію, сохранились въ сказаніяхъ о другихъ подобныхъ ей училищахъ.

Вотъ въ чемъ состояли главнѣйшія обязанности учителя (даскала)[104]. Прежде всего онъ долженствовалъ быть образцомъ всѣхъ благихъ дѣлъ: благочестивъ, разсудителенъ, смиренномудръ, кротокъ, воздержливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистливъ, не смѣхотворецъ, не сквернословъ, не чародѣй, не краснобай, не пособникъ ересей. Принимая поручаемое ему дитя, онъ долженъ заботливо учить его

полезнымъ наукамъ; въ случаѣ провинности наказывать не тирански, а по наставнически, не сверхъ мѣры, а по силамъ, не съ буйствомъ, а кротко и тихо; не долженъ занимать ученика чѣмъ либо постороннимъ, дабы не остаться виноватымъ въ неуспѣшности его предъ Богомъ, а также предъ родственниками его, и предъ нимъ самимъ. Онъ обязанъ учить и любить всѣхъ дѣтей одинаково, какъ сыновей богатыхъ гражданъ, такъ и сиротъ убогихъ, даже и такихъ, которые ходятъ по улицамъ, испрашивая пропитанія.

Назначеніе часовъ для занятій школьныхъ зависѣло больше отъ усмотренія самаго наставника: но вообще положено было, чтобы въ большіе дни ученики были всѣ въ сборѣ къ девятому часу утра; меньшіе же дни зависѣли отъ распоряженій учителя. Отсутствіе ученика лежало на отвѣтственности наставника; онъ долженъ былъ тотчасъ же узнать причину, по которой нѣтъ школьника въ училищѣ. За неимѣніемъ печатныхъ руководствъ, учитель обязывался диктовать свои уроки и тщательно наблюдать за перепискою ихъ; для малолѣтнихъ же онъ писалъ самъ. Въ субботу каждой недѣли полагалась общая репетиція и тутъ же разборъ и расправа съ лѣнивыми. Впрочемъ учителю предоставлялось право въ этотъ день всякому безъ исключенія ученику давать »по чашѣ школьной испити«. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ учитель обязанъ былъ предъ литургіею бесѣдовать о праздникѣ или о святомъ дня; а послѣ обѣда истолковать имъ праздничное евангеліе и апостолъ.

Обязанности учителя не ограничивались только школою. Онъ долженъ былъ наблюдать за поведеніемъ и занятіями дѣтей и въ домахъ ихъ родителей и въ квартирахъ. Строго взыскивая съ учениковъ за поступки, противные школьному уставу, учитель наблюдалъ также, чтобы ни родственники, ни домохозяева не мѣшали дѣтямъ учиться дома.

Желавшій отдать своего сына или родственника въ науку

бралъ съ собою одного или двухъ сосѣдей и при нихъ заключалъ съ учителемъ условіе. Наставникъ прочитывалъ отцу, или кому приходилось, реэстръ наукъ, преподаваемыхъ въ училищѣ, излагалъ школьныя правила и обычаи, дѣлая это для того, чтобы потомъ не было ни съ чьей стороны помѣхи или препятствій въ веденіи дитяти по заведенному порядку. Вслѣдъ за тѣмъ новобранца оставляли въ школѣ на три дня, чтобы онъ въ это время присмотрѣлся къ ученію и ко всему, что бываетъ въ школѣ, а бѣднымъ же въ эти дни отпускалось и содержаніе. Если ученикъ, послѣ трехдневнаго испытанія, не пожелалъ бы поступить въ училище, то его отпускали съ миромъ; въ противномъ случаѣ о согласіи своемъ онъ объявлялъ старшему, и по его приказанію вносилъ въ школьную кружку четыре гроша, обязавшись оставаться въ школѣ до окончанія всѣхъ наукъ. Послѣ сего имя новичка вносимо было *пенитархомъ*[105] въ большой школьный списокъ, и съ этихъ поръ онъ уже считался зачисленнымъ въ ученики. Если же кто пожелалъ бы послѣ сего взять своего сына изъ школы: то долженъ былъ дѣлать это не заочно и не черезъ другихъ, а самъ лично, и кромѣ того при тѣхъ же свидѣтеляхъ, при которыхъ онъ сдавалъ его на руки учителя, а также и съ объясненіемъ законной причины такого поступка.

Новичокъ съ перваго же шагу поступалъ въ вѣдомство старшаго, которому обязанъ былъ оказывать совершенное и почти безусловное послушаніе, ничего не предпринимать безъ его совѣта и всякое его приказаніе исполнять охотно и безъ ропота. Старшій же указывалъ ему и науку, изученію которой онъ преимущественно долженъ посвящать себя; впрочемъ это распоряженіе больше зависѣло отъ учителя, который, сообразивъ лѣта, наклонность и способности новичка, опредѣлялъ для него извѣстный родъ учебныхъ занятій. Поставляя началомъ всякой премудрости страхъ Божій, благоразумные блюстители школьнаго братства вмѣняли ученикамъ въ непремѣнный долгъ — въ

каждый воскресный и праздничный день присутствовать на вечерни, утрени, божественной литургіи и опять на вечерни. Отъ этой священной обязанности не избавлялся никто и ни подъ какимъ предлогомъ, исключая тяжкой болѣзни. Благоговѣйное стояніе въ церкви, внимательное послушаніе молитвъ и поученій, пособіе лицамъ освященнымъ въ отправленіи богослуженія и наконецъ, сколько возможно, частое пріобщеніе св. Тайнамъ — отличало всѣхъ вообще воспитанниковъ кіевской школы.

Всѣ ученики въ назначенное время долженствовали быть въ училищѣ на лицо. Никто не смѣлъ являться послѣ извѣстнаго часа, а также и выходить изъ школы безъ позволенія учителя. Кто разъ не былъ въ училищѣ, тотъ бывалъ строго наказываемъ, а кто два раза, того исключали.

Ученики должны были садиться каждый на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, которое назначалось имъ по успѣхамъ. Кто лучше учился, тотъ сидѣлъ выше; кто хуже, того сажали назади. Богатство и знатность не имѣли въ школѣ никакого значенія: всѣ были равны, и отличались только успѣхами и прилежаніемъ. Передъ началомъ урока непремѣнно читана была молитва, потомъ дневной апостолъ и евангеліе; за тѣмъ учитель спрашивалъ у каждаго ученика вчерашній урокъ и пересматривалъ школьныя рукописи, въ которыхъ старшіе изъ учениковъ сами излагали слышанные ими уроки.

Въ школѣ ученики должны были вести себя »со всевозможною тишиною, безъ разговоровъ, шептаній, перемижокъ и переходовъ съ мѣста на мѣсто«, и замѣчать все, что сказывалъ, читалъ и диктовалъ учитель, стараясь все слышанное умѣть выражать своими собственными словами. Строго запрещалось также ученикамъ во время уроковъ имѣть при себѣ какіе либо снаряды или инструменты, кромѣ школьныхъ принадлежностей. Что бы

ни дѣлалось и ни говорилось въ школѣ, никто не смѣлъ выносить того за порогъ училища.

Выходя изъ школы, ученики, затвердивъ трудныя слова, должны были другъ друга спрашивать, а послѣ обѣда записывать каждый для себя свои уроки. Вечеромъ, пришедши домой, дѣти передъ родственниками, а чужіе, живущіе на квартирахъ, передъ хозяевами обязывались прочитать свой урокъ, съ приличнымъ объясненіемъ.

Каждую недѣлю были назначаемы по порядку четыре мальчика, изъ коихъ двоимъ поставлялось въ обязанность записывать и доносить о тѣхъ, кто въ церкви стоялъ безчинно, или идучи домой велъ себя непристойно, или дурно учился и надѣлалъ какихъ либо шалостей. Другіе двое должны были пораньше придти въ школу, подмести ее, затопить печку и сидѣть у дверей, записывая всѣхъ, кто поздо приходитъ и не во время уходитъ. Отъ этой очереди не избавлялся никто изъ воспитанниковъ.

Безъ вѣдома учителя не позволялось ученикамъ ничего не предпринимать ни въ училищѣ, ни внѣ его, особенно заключать между собою какую нибудь сдѣлку, закладывать что либо, покупать, продавать, или торговать. Старшій начальникъ строго наблюдалъ, чтобъ воспитанники не имѣли у себя никакихъ иновѣрческихъ или еретическихъ книгъ. Посѣщеніе пирушекъ и неприличныхъ собраній, а равно и товарищескія связи съ людьми неодобрительнаго поведенія — строго воспрещались всѣмъ ученикамъ.

Школьный уставъ не оставлялъ безъ вниманія поведенія учениковъ и внѣ ихъ училищныхъ обязанностей. Онъ внушалъ имъ вѣжливость и почтительность предъ старшими и благоговѣйное уваженіе къ мѣстамъ священнымъ. Встрѣчая людей »зацныхъ (достоуважаемыхъ) такъ духовного, яко и свѣцкого

стану«, ученикъ долженъ былъ снимать шапку и отдавать поклонъ. Если бы случилось ученику быть въ обществѣ, то онъ обязывался воздерживаться отъ неприличныхъ поступковъ, непристойныхъ словъ и нескромныхъ шутокъ: »збытнихъ поступокъ, спросныхъ словъ и жартовъ неучтивыхъ выстерегатися«. Къ мѣстамъ священнымъ, какъ то: къ церквамъ, кладбищамъ и училищамъ всѣ ученики должны были имѣть особенное почтеніе, остерегаясь отъ всего, что могло бы нарушить благоговѣйную тишину, приличествующую тѣмъ мѣстамъ.

Поступать въ кіевское училище могли дѣти всякаго чина и сословія, лишь бы только они были православнаго исповѣданія. Въ записи своей Анна Гулевичева завѣщаваетъ это право всѣмъ »правовѣрнымъ и благочестивымъ христіаномъ народу »россійского, въ повѣтѣхъ воеводствъ кіевского, волынского и »брацлавского будучимъ, станомъ духовнымъ и свѣцкимъ, ино»камъ, священникомъ и діакономъ, чину мнишскаго и чину »мирскаго, такъ же освѣцонымъ княжатомъ, вельможнымъ па»номъ шляхте и якогожколвекъ иного заволанья (какого бы то »ни было званія) и стану людемъ россійскимъ«, впрочемъ тѣмъ только, »которые неизмѣнно пребываютъ и пребывать будутъ въ православной благочестивой вѣрѣ Церкви восточной обряда греческаго, въ послушаніи и подъ благословеніемъ святѣйшаго константинопольскаго патріарха, собственнаго и законнаго верховнѣйшаго пастыря народа россійскаго«. Въ послѣдствіи тоже самое подтверждено и граматами патріарха Θеофана и завѣщаніями другихъ благотворителей кіевскаго училища.

Дѣти въ школѣ раздѣлены были на три разряда: одни учились распознавать буквы и складывать; другіе читать и заучивать наизустъ разные уроки, а третьи должны были пріучаться объяснять читанное, разсуждать и понимать[106]. Въ отдѣленіи собственно словенскомъ, ученикъ, пріучившись читать, приступалъ къ изученію граматики, а потомъ церковнаго порядка,

чтенія и пѣнія. Ученикамъ поставлено былъ въ обязанность говорить между собою по-гречески и по-славянски: но такъ, чтобы одинъ спрашивалъ по-славянски, а другой отвѣчалъ бы ему по-гречески, и обратно, а также чтобы на славянскій запросъ держали бы отвѣтъ на простомъ, общеупотребительномъ языкѣ[107].

Изъ четвертаго пункта устава луцкой школы видно, что тамъ преподавались разные языки и науки, которыхъ было такъ много, что ученикъ, не могши въ скорости обозрѣть всего преподаваемаго, долженъ былъ обращаться за совѣтомъ къ самому учителю[108]. Тоже самое, безъ сомнѣнія, было и въ кіевской богоявленской школѣ. Послѣ изученія грамоты была преподаваема граматика, діалектика и реторика, учебники по которымъ еще въ 1620 году уже переведены были по-славянски: »русскимъ языкомъ, сказано въ уставѣ, списано діалектику и реторику і иные філософъские писма школѣ належачие«[109]. Учитель обязанъ былъ преподавать »и на письмѣ подавати«—значитъ, составлять записки, »отъ святаго Евангелія, отъ книгъ »апостольскихъ, отъ пророковъ всѣхъ, отъ отецъ святыхъ уче»нія, отъ философовъ, отъ поэтовъ, отъ историковъ и прочая«[110]. Чтожь это, какъ не полный курсъ академическаго ученія? Здѣсь и толкованіе свящ. Писанія и патрологія и философія и поэзія и исторія и наконецъ — *и прочая*. Но это еще не все: ученики должны были обучаться »пасхалии и лунного теченія и личъбы »и рахованя или мусикъ церковнаго пѣнія«. Выше такого образованія едва ли что могло быть что нибудь и въ европейскихъ тогдашнихъ училищахъ.

Но все ли это преподавалось такъ, какъ требуетъ наука, строго понимаемая? Если не возможно отвѣчать на это утвердительно, то нельзя и отвергать съ аподиктической рѣшительностью. Патріархъ Ѳеофанъ, благословляя кіевское богоявленское братство, *укрѣпляетъ* школу наукъ »еллиносло̀венскаго и

латинопольскаго письма къ подаваню наукъ належныхъ«; слѣдовательно тамъ науки эти уже преподавались, ибо укрѣпляютъ то, что, хоть и шатко, но все же стоитъ; слѣдовательно, опять, всѣ упомянутые языки тамъ были извѣстны, ибо кіевское училище прямо уже называется школою еллинословенскаго и латинопольскаго письма, а преподаваніе языковъ въ древнихъ училищахъ означало не филологическое только изученіе ихъ, а предпринимаемо было, какъ ближайшее средство къ усвоенію себѣ высшихъ наукъ. Такъ это было въ позднѣйшія времена, когда подъ именемъ *латинскихъ школъ* разумѣлись всѣ науки, преподаваемыя на языкѣ латинскомъ[111]; такъ оно долженствовало быть и въ древнюю эпоху существованія кіевскаго училища. Только такія науки по справедливости могутъ назваться »потребными и належными«, и по усмотрѣнію только ихъ достоинства и качества преподаванія образованный архипастырь могъ почтить такимъ нарочитымъ названіемъ училище. Опять же іезуиты и другіе враги православія отнюдъ не подумали бы дѣйствовать противъ школы съ такимъ ожесточеніемъ, еслибъ не видѣли въ ней преуспѣянія высшаго образованія: не языкознаніе имъ было страшно, а изученіе исповѣданія вѣры православной; не лингвистами являлись они сами, въ заводимихъ ими, наперекоръ кіевскому, училищахъ, а историками, философами и полемико-богословами, показывая такимъ всеоружіемъ своимъ высокое достоинство ученыхъ противниковъ.

Не успѣла кіевская школа еще окрѣпнуть въ своихъ силахъ, какъ исконные враги православія — іезуиты поднялись противъ нея съ своими хитростями и вредными замыслами. Въ то самое время какъ воздвигало православное братство изъ пепла разрушенныя зданія богоявленской церкви, и заводило, подъ руководствомъ Исаіи Купинскаго, училище, — іезуиты, не подалеку отъ него, на томъ же Подолѣ строили свой костелъ и основывали училище[112], не смотря на то, что учениковъ въ ту пору у нихъ на лицо не было. Хитрые послѣдователи Лойолы

знали однакожъ, что дѣлали: они надѣялись современемъ привлечь къ себѣ дѣтей православныхъ, и клевеща предъ родителями ихъ на основателей богоявленскаго училища, имѣли въ виду въ послѣдствіи совсѣмъ подорвать его, и остаться единственными руководителями и наставниками кіевскаго юношества[113].

Какъ бы въ укрѣпленіе, утѣшеніе и ободреніе юнаго училища, въ самую опасную годину его существованія прибылъ въ Кіевъ мужъ силы, ума и ревности по истинной вѣрѣ. Это былъ Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, въ 1620 году возвращавшійся во свояси изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ для сбора подаяній, и гдѣ между прочимъ посвятилъ Филарета Никитича въ санъ патріаршій. Пока православные колебались сомнѣніемъ о томъ, входить ли съ нимъ въ сношенія или нѣтъ, пока разсматривали вѣрющую его грамату[114], — кіево-богоявленское братство предложило ему всѣ удобства въ своемъ монастырѣ. Съ радостію принялъ такое обязательное приглашеніе знаменитый архипастырь, и все время пребыванія своего въ Кіевѣ,—около года, безотлучно жилъ въ братствѣ. Здѣсь-то онъ присмотрѣлся ко всему тому, о чемъ съ такимъ искреннимъ утѣшеніемъ говорилъ потомъ въ своихъ граматахъ: »случися намъ благочестія »цвѣты украшенную, паче же соузомъ любви еже о Господѣ »спряженную братію, иже о непорочнѣй еже въ Господа нашего »Іисуса Христа подвизающуюся вѣрѣ зрѣти«[115]; видѣлъ онъ и »церковь новозаложенную святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія пресвятыя Богородицы«, и странноприимный дворъ братства церковнаго; видѣлъ онъ при немъ и »школу наукъ еллино словенскаго и латинскаго письма«; радовался онъ учителямъ, которые, научая благочестивой жизни и преподавая потребныя науки, усердно объясняли и внушали желающимъ учиться, а особливо юнымъ умамъ твердое исповѣданіе вѣры и неизмѣнное ученіе о догматахъ, установленныхъ семью святыми Вселенскими соборами[116]. Благодаря о семъ всѣхъ благъ »Дателя

Содѣтеля Бога«, патріархъ Ѳеофанъ первою своею граматою благословляетъ кіевское старѣйшее братство, укрѣпляя его на вѣчныя времена и соглашаясь на основаніе при немъ меньшаго братства »младенческаго«[117], съ подчиненіемъ его братству старѣйшему. Вторая грамата Ѳеофана объемлетъ собою весь составъ богоявленскаго училищнаго монастыря, за которымъ утвердивъ право ставропигій съ водруженіемъ креста, хранящагося до нынѣ и составляющаго драгоцѣнность Кіевской Академіи[118], онъ благословляетъ и утверждаетъ школу наукъ еллино-славянскаго и латинскаго письма, съ такимъ между прочимъ завѣщаніемъ, чтобы дѣти христіанскіе упражнялись во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Кромѣ этого, онъ подъ опасеніемъ анаѳемы запретилъ всякому, какъ свѣтскому, такъ и духовному, какимъ бы то ни было образомъ посягать на неприкосновенность ставропигіи и благосостояніе братства, школы и страннопріимницы. Третья грамата Ѳеофана, данная тому же училищу, есть свидѣтельство его пастырской ревности и отеческой заботливости о нравственной чистотѣ любезныхъ чадъ своихъ. Вѣрно и до него дошли слухи о тѣхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ и хитрыхъ козняхъ, какими постепенно окружаемо было православное училище. »Еще, пишетъ онъ, злохитрный и коварный древній »врагъ, всякому добру ненавистникъ, разсѣятель же злобы сво»ея, да всяко дѣло благо разрушитъ, всяцѣми образы навѣто»вати тщится, и якоже избирая изъначала собѣ сосуды лука»выя человѣки, иже образъ благочестія имуще, силы же его »отвергшеся, иже неутвержденныхъ и простыхъ человѣкъ отъ »вѣры возвращаютъ и во свою всепагубную ересь отводятъ«. Въ слѣдствіе такого усмотрѣнія грозящей опасности, Ѳеофанъ, благословляя и укрѣпляя братство, какъ надежнѣйшій оплотъ противъ »отступныхъ ухищренія«, повелѣваетъ »не разслабѣ»вати душею и не унывати тѣломъ, но быти благодушными и »готовыми, вземши вся оружія Божія на прогнаніе врага«[119]. Обрадованные такимъ отеческимъ вниманіемъ патріарха, жители

Кіева, ревностно стали вписываться въ упись, такъ что новыхъ членовъ набралось въ это время безчисленное множество[120].

Въ это время, къ празднику Успенія пресв. Богородицы съѣхалось, по обыкновенію, множество знатнѣйшаго духовенства, дворянъ и запорожскихъ козаковъ съ своими начальными и гетманомъ Петромъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ. Скорбя о бѣдственномъ положеніи сиротствующей кіевской іерархіи, всѣ, и особенно козаки, стали неотступно просить патріарха Θеофана поставить имъ православнаго митрополита и епархіальныхъ епископовъ. Долго не соглашался осторожный святитель; но когда ему представили сеймовыя польскія конституціи, опредѣлявшія свободу восточнаго вѣроисповѣданія и указали на примѣръ прежнихъ константинопольскихъ патріарховъ, которые присылали въ Кіевъ ими самими избранныхъ митрополитовъ: тогда Θеофанъ склонился на общую просьбу и посвятилъ Іова Борецкаго, игумена Михайловскаго монастыря въ санъ митрополита. Возрадовались православные, увидѣвъ жезлъ архипастырскій въ рукахъ такого просвѣщеннѣйшаго мужа, но не на долго...

Возстановленіе православной кіевской іерархіи въ лицѣ митрополита Іова встревожило уніатскихъ епископовъ. Тотчасъ по отъѣздѣ Θеофана изъ Кіева, они подали доносъ королю Сигизмунду III, что пріѣзжавшій патріархъ былъ не кто иной, какъ султанскій шпіонъ и возмутитель Малороссіянъ, что Іовъ Борецкій и другіе посвященные Θеофаномъ епископы суть его соумышленники, что самое посвященіе ихъ безъ королевскаго разрѣшенія есть нарушеніе и презрѣніе высшей правительственной власти. Окруженный іезуитами, король забылъ на этотъ разъ, что самъ онъ въ томъ же году предписывалъ кіевскимъ гражданамъ принимать священнаго гостя съ почтеніемъ, что самъ онъ въ ту же пору повелѣвалъ всѣмъ украинскимъ и подольскимъ жителямъ провожать его честно, безопасно и со вся-

кимъ удобствомъ, забылъ, что самъ прислалъ ему открытую подорожную чрезъ своего коморника, назначеннаго въ проводники къ патріарху и еще разъ подтверждалъ принимать его, »яко мужа почтеннаго и никакихъ непріятностей ему не дѣлать«; самъ даже писалъ къ нему благосклонное письмо, называя его іерусалимскимъ патріархомъ, снисходя ко всѣмъ его просьбамъ и даже приглашая къ своему двору, — все это забылъ Сигизмундъ III, подстрекаемый злобою уніатовъ и опутанный сѣтями іезуитской политики. Безъ всякаго изслѣдованія доноса, онъ немедленно велѣлъ разослать универсалы, гдѣ всѣ новопосвященные епископы объявлены измѣнниками, которыхъ слѣдуетъ ловить и представлять королевскому суду. Такой несчастный оборотъ дѣла произвелъ страшное смятеніе въ народѣ, среди котораго уніаты усердно сѣяли разныя клеветы и хулы на православныхъ епископовъ. Напрасно новопосвященный полоцкій архіепископъ Мелетій Смотрицкій писалъ въ оправданіе невинности патріарха Θеофана, ссылаясь на права русскаго народа избирать себѣ пастырей; напрасно жаловался онъ на притѣсненіе уніатовъ[121]; голосъ его не былъ услышанъ. Напрасно митрополитъ Іовъ посылалъ для оправданія себя Іосифа, епископа владимірскаго; — король требовалъ, чтобы къ нему явились и *всѣ прочіе*. Исполнить волю королевскую значило бы подвергнуть себя крайней опасности, и потому Іовъ написалъ только свое: *Оправданіе невинности*, посланное имъ къ Сигизмунду III.

Тогда-то ожесточенные изверги поднялись съ огнемъ и мечемъ на вѣрныхъ чадъ Церкви православной. Іезуиты и уніаты, какъ бы соревнуя другъ другу, употребляли все, что только могутъ внушить фанатизмъ и изувѣрство. Описаніе этихъ ужасовъ до глубины волнуетъ душу самаго спокойнаго испытателя и судіи дѣлъ человѣческихъ ...

Въ это-то бурное время наравнѣ съ прочими и кіевское

училище подверглось опустошенію. Братство было разсѣяно; ученики и учители умирали въ истязаніяхъ; церковь разграблена, гостинница разорена, и не остаться бы камню на камнѣ, еслибы гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ своими козаками не остановилъ буйства грабителей и убійцъ. Огорченный вѣроломствомъ Поляковъ, онъ отказался помогать имъ противъ Турокъ, и поднявшись съ своимъ станомъ перешелъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Малороссію. Съ прибытіемъ Сагайдачнаго въ Кіевъ гоненіе на православныхъ значительно стало утихать. Онъ началъ отнимать вооруженною рукою церкви, занятыя католиками и уніатами, и овладѣвъ остатками кіево-братскаго монастыря, занялся возобновленіемъ какъ его, такъ и находившагося при немъ училища. Не жалѣя никакихъ издержекъ, Сагайдачный поручилъ постройки свѣдущему въ архитектурѣ гетману Жицкому, далъ монастырю села, и возстановилъ школу, пожертвовавъ ей все свое достояніе[122]. Устроивъ все, какъ должно, Сагайдачный окончательно сложилъ съ себя гетманство и принялъ иноческій санъ. Меченосный защитникъ угнѣтаемаго православія явился здѣсь мирнымъ оборонителемъ его, написавъ сочиненіе о св. вѣрѣ, которое даже сами враги называли *предрагоцѣннымъ*[123]. Тамъ же, въ возстановленномъ имъ братствѣ покоится и прахъ Конашевича-Сагайдачнаго[124]. Памятникомъ усердія его къ братству остается до нынѣ большой серебрянный крестъ, хранящійся въ монастырской ризницѣ съ слѣдующей надписью: »року 1622 подалъ »сей крестъ рабъ Божій Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, гет»манъ войска его королевской милости запорожскаго до церкви »святаго Богоявленія Господня въ домъ братскій на отпущеніе »грѣховъ своихъ«.

Между тѣмъ жалобы православныхъ на угнѣтеніе, терпимое ими особенно отъ уніатовъ, не давали Сигизмунду III покоя. Чтобы избавиться отъ нихъ, онъ посылалъ въ Грецію удостовѣриться, точно ли Ѳеофанъ былъ патріархъ іерусалим-

скій. Утвердительное показаніе посла заставило короля признать гоненіе, воздвигнутое имъ на новопосвященныхъ епископовъ, напраснымъ: но тѣмъ дѣло и кончилось. Хитрые іезуиты не допустили своего питомца прекратить преслѣдованіе православныхъ, и грабежи продолжались по всей Украйнѣ. Только страхъ отъ козаковъ, не щадившихъ въ самомъ Кіевѣ враговъ Церкви восточной[125], укрощалъ нѣсколько фанатизмъ уніатовъ, и имъ только обязанъ утвержденіемъ своимъ престолъ православной кіевской іерархіи, возстановленной патріархомъ Ѳеофаномъ[126].

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ІОВЪ БОРЕЦКІЙ. *)

Смотрицкій и его отступленіе отъ православія. Волненіе по сему случаю. Соборъ въ Кіево-печерской Лаврѣ 1628 года. Катихизисъ Іова. Состояніе кіевской школы. Вмѣшательство шведскаго короля Густава Адольфа въ дѣла Малороссіи. Обѣщаніе Сигизмунда III и его магнатовъ. Іовъ отправляетъ пословъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу. Неуспѣшность сего посольства. Новыя жалобы митрополита королю. Королевская грамота братству Дозволеніе королевское о кіевскомъ помѣстномъ соборѣ Дѣйствія уніатскаго митрополита Велямина-Рутскаго Вмѣшательство папы. Уніатскій соборъ во Львовѣ. Постановленіе короннаго сейма 1631 года. Пріобрѣтенія братства въ эту эпоху. Типографія въ Михайловскомъ монастырѣ. Ректоры кіевскаго училища: Саковичъ Кассіанъ, Земка Тарасій Префектъ школы Сильвестръ Коссовъ. Воспитанники. Училищныя должности. Содержаніе школы.

1620—1631.

Принятіе архипастырскаго жезла Іовомъ Борецкимъ случилось, какъ мы уже видѣли, въ самую неблагопріятную эпоху, продолжавшуюся почти до конца его управленія митрополіей кіевской. Къ величайшему своему огорченію, онъ увидѣлъ одного изъ ученѣйшихъ и ревностнѣйшихъ защитниковъ праваго дѣла отступникомъ и врагомъ православія, помрачившимъ нѣсколько и славу того училиша, котораго нѣкогда онъ былъ достойнымъ ректоромъ. Это Мелетій Смотрицкій. Посвященный вмѣстѣ съ Іовомъ отъ патріарха Ѳеофана въ санъ епископа полоцкаго, онъ приступилъ къ исправленію своихъ обязанностей, не дожидаясь королевскаго утвержденія. Оскорбленный этимъ Сигизмундъ III отказалъ Мелетію въ своемъ утвержденіи на томъ основаніи, что въ Полоцкѣ былъ уже уніатскій архіепископъ, а православный епископскій престолъ предположено было у-

*) Съ этого времени прямыми и непосредственными покровителями кіево-богоявленскаго братства и училища являются собственно кіевскіе митрополиты. Посему, чтобы удобнѣе обозрѣть какъ исторію Кіева, такъ и самый ходъ братской школы, нѣтъ надобности прибѣгать къ раздѣленіямъ на періоды, которые гораздо лучше могутъ быть замѣнены эпохою управленія того или другаго митрополита.

празднить тамъ. Такое униженіе глубоко тронуло Смотрицкаго; во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ удержать при себѣ санъ епископскій. Ему предстояла борьба съ ученымъ уніатскимъ духовенствомъ; Смотрицкій не отказался отъ нея и дѣйствовалъ сначала въ духѣ православія, думая разгромить своими сочиненіями противниковъ[127]. Но безуспѣшность такой брани наконецъ опротивѣла ему. Онъ сталъ склоняться на сторону уніи и тайно сноситься съ уніатскими священниками, еще при жизни уніатско-полоцкаго митрополита Іосафата Кунцевича[128]. По смерти его, около 1623 года, Смотрицкій рѣшился отстать отъ своихъ единовѣрцевъ и перейти на сторону противниковъ, чѣмъ надѣялся, и не ошибся, достигнуть верховной власти надъ уніатскимъ духовенствомъ въ бѣлорусскихъ провинціяхъ. Объ этомъ соединеніи его съ римскою церковію велѣно было ему самому сообщить папѣ, и для этого отправиться въ Римъ, такъ однакожъ, чтобъ не возбудить подозрѣнія въ своихъ единовѣрцахъ. Скоро представился къ тому удобный случай: православные соотчичи дали Мелетію порученіе къ константинопольскому патріарху по какимъ-то дѣламъ церковнымъ. Смотрицкій отправился сначала въ Царьградъ, а потомъ въ Римъ, откуда воротился уже уніатомъ. Скрывая свою тайну нѣсколько времени, потомъ гласно объявилъ всѣмъ о своемъ присоединеніи къ уніатству.

Тяжело было благочестивому и мудрому старцу митрополиту Іову перенести такое отступничество одного изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ своихъ сподвижниковъ[129]. Пріобрѣтеніемъ такого члена общество уніатовъ значительно усиливалось, а православное братство невольно должно было поколебаться въ своихъ мнѣніяхъ, увидѣвъ такого человѣка, какъ Смотрицкій, перешедшимъ на сторону злѣйшихъ своихъ противниковъ. Потому-то просвѣщенному архипастырю кіевской іерархіи предстоялъ великій трудъ успокоивать взволнованныя убѣжденія своего духовнаго стада; сама кіевская школа могла представлять тогда

предметъ справедливыхъ опасеній, ибо ректоромъ ея былъ извѣстный Каллистъ Кассіанъ Саковичъ, человѣкъ отлично образованный, но напитанный духомъ вольномыслія и не твердый въ своихъ убѣжденіяхъ[130].

Чтобъ остановить такой соблазнъ, митрополитъ Іовъ 1621 года 15 декабря писалъ къ львовскому братству, остерегая отъ отступниковъ уніатовъ и убѣждая къ твердости въ вѣрѣ[131]; а чтобъ успокоить ближайшую къ себѣ паству, составилъ 1628 года въ Кіево-печерской Лаврѣ соборъ, на которомъ, по его предложенію, разсмотрѣна книга Мелетія: *Апологія* или *Оправданіе путешествія по землямъ восточнымъ*. Общимъ приговоромъ сочиненіе это признано противнымъ истинной Церкви, а самъ авторъ принужденъ былъ торжественно отказаться отъ своихъ мнѣній, хотя Смотрицкимъ было сдѣлано это неискренно и лживо.

Но соборное обличеніе Мелетія въ неправославіи было только половиною дѣла, имѣвшаго цѣлію положить преграду распространенію мнѣній, противныхъ Церкви восточной. Собору предлежало разсмотрѣть замѣчанія, сдѣланныя Смотрицкимъ на катихизисъ, составленный, по приказанію Іова, греко-россійскимъ духовенствомъ. Отринутыя всѣми, онѣ въ скоромъ времени появились въ печати изъ монастыря дерманскаго, куда удалился раздраженный Мелетій, и тогда какъ самый катихизисъ оставался неизвѣстнымъ народу, критика на него уже ходила по рукамъ ученой братіи, предупредивъ такимъ образомъ всѣхъ не въ пользу предполагаемаго руководства для поученія и просвѣщенія вѣрныхъ.

Между тѣмъ іезуиты и уніаты, оспоривая законность существованія кіевской школы, воздвигнутой Сагайдачнымъ безъ королевскаго разрѣшенія, дѣлали ей разныя притѣсненія и обиды. Многочисленные вкладчики и покровители училища не смѣли продолжать своихъ благотвореній: ибо въ то время, если бы

кто, даже по духовному завѣщанію, отказалъ что нибудь въ пользу церкви и училища, принимать не позволялось[132].

Налоги, утѣсненія, гоненія на Малороссію до того усилились, что наконецъ воевода кіевскій нашелъ себя вынужденнымъ принесть королю и сенату жалобу о горестномъ состояніи народа русскаго, доведеннаго до крайности. Королевичъ Владиславъ, уважавшій отличныя заслуги козаковъ въ ихъ походахъ на Ливонцевъ, гдѣ онъ самъ командовалъ малороссійскими войсками, заговорилъ въ пользу ихъ; король шведскій Густавъ Адольфъ тоже принялъ сторону Малороссіи. Опасаясь потерять въ семъ послѣднемъ надежнаго себѣ союзника, Сигизмундъ обнадежилъ его облегченіемъ участи Малороссіянъ. Но не такъ легко было выполнить это королю, окруженному іезуитами, а магнаты его держали свое обѣщаніе до перваго только сейма, обыкновенно составлявшагося, какъ говоритъ лѣтописецъ, »изъ пьянства и чванства«[133].

Тогда митрополитъ Іовъ отправилъ изъ Кіева въ Москву Исаакія, епископа луцкаго, съ просьбою къ царю и патріарху принять Малороссію подъ свое покровительство. Уважая права народныя и не желая поступить противъ чести, царь Михаилъ Ѳедоровичъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ и нарушить миръ съ Польшею. Обнадеживъ однакожъ Малороссіянъ желаніемъ быть имъ полезнымъ въ свое время, онъ щедро одарилъ митрополита и посланниковъ его, и Малороссія опять осталась бороться своими собственными силами съ врагами мира и спокойствія.

Была кровавая *Тарасова ночь*. Разбитые поляки старались помириться съ козаками, и предложили имъ въ гетманы коневскаго уроженца Тимофея Арандаренка. Митрополитъ Іовъ и новый вождь храбрыхъ запорожцевъ, съѣхавшись въ Черкасахъ, положили отправить къ королю двухъ представителей съ жалобою на разоренія, причиняемыя Украйнѣ войною. Вмѣстѣ

съ этимъ Іовъ поручилъ имъ ходатайствовать у короля привиллегію на заведенную въ Кіевѣ братскую школу.

Оружіе козаковъ, опасность со стороны Великой Россіи, начинавшей съ неудовольствіемъ смотрѣть на бѣдствія своихъ собратій, дипломатическіе переговоры Густава Адольфа съ сильными запорожцами, наконецъ преклонныя лѣта—все это сдѣлало короля Сигизмунда III уступчивѣй прежняго. 1629 года послѣдовала королевская грамата, которою утверждалось устроеніе на усадьбѣ, подаренной Анною Гулевичевою, братства милосердія и богадѣльни, съ тѣмъ, дабы что »они своимъ иждивеніемъ ни построили бы, то на вѣчныя времена должно оставаться во власти и вѣдомствѣ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ потомковъ«[134]. О школѣ впрочемъ тутъ не было упомянуто ни слова; очевидно, что грамата эта писалась подъ редакціею ближайшихъ совѣтниковъ короля—іезуитовъ, для которыхъ борьба съ училищами была во сто разъ труднѣй, чѣмъ разграбленіе церквей, монастырей и богадѣленъ. Но на этотъ разъ довольно было и такой привиллегіи; все таки она могла служить хоть какою нибудь защитой отъ безпрестанныхъ нападеній заклятыхъ противниковъ православнаго училища.

Вмѣстѣ съ этой граматою митрополитъ Іовъ исходатайствовалъ у короля дозволеніе съѣхаться всѣмъ православнымъ въ Кіевъ на помѣстный соборъ къ 29 іюня 1629 года, для совѣщаній объ успокоеніи Церкви православной отъ смятеній, терпимыхъ ею чрезъ отступничество нѣкоторыхъ значительныхъ (щекгульчыхъ) особъ. Въ чемъ состояли дѣянія этого собора, вполнѣ неизвѣстно; но изъ сочиненія Евсевія Пимина[135] (псевдонимъ) видно, что тутъ рѣшено было издать катихизисъ, бывшій предметомъ нападеній Смотрицкаго.

Между тѣмъ уніатскій митрополитъ Велямивъ-Рутскій употреблялъ всѣ средства, чтобы воспрепятствовать успѣхамъ православныхъ. Видя, что отъ короля Сигизмунда мало помощи,

онъ обратился къ папѣ, излагая передъ нимъ опасности для церкви римско-уніатской отъ утверждаемой іерархіи восточной и жалуясь на королевскія привиллегіи, ослабляющія дѣйствія усердныхъ слугъ папскаго престола. Встревоженный папа тотчасъ же отправилъ граматы къ королю, своимъ епископамъ и магнатамъ, повелѣвая ловить и истреблять всѣхъ противящихся уніатскому вѣроисповѣданію. Но занятый внѣшними государственными дѣлами, Сигизмундъ III хладнокровно принималъ папскія воззванія, а магнаты сами боялись козаковъ, не щадившихъ ихъ ни на полѣ бранномъ, ни въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Одною властію епископскою въ этомъ случаѣ ничего нельзя было сдѣлать; оставалось употребить болѣе мирное средство. Въ 1629 году Рутскій упросилъ короля созвать во Львовъ уніатскихъ и православныхъ епископовъ для переговоровъ. Предвидя безуспѣшность этого собора, и однакожъ не желая ослушаться воли королевской, православные послали отъ себя своихъ намѣстниковъ, и сдѣлали очень хорошо. Тамъ былъ Смотрицкій, предъявившій собору свой ожесточенный протестъ— Exenthesis s. expostulatie; естественно, разсмотрѣніе этого сочиненія могло бы повлечь къ спорамъ и непріятностямъ, которыя могли бы кончиться не такъ мирно. Въ настоящемъ же случаѣ намѣстники, дѣйствовавшіе не отъ своего лица, не пускаясь ни въ какія состязанія, не согласились отступить отъ послушанія церкви константинопольской, и такимъ образомъ каждая сторона осталась при своемъ. Наконецъ въ 1631 году на коронномъ сеймѣ, послѣ самаго шумнаго засѣданія, повелѣно духовнымъ и мірянамъ обѣихъ вѣроисповѣданій сохранять миръ и спокойствіе, а за насильства и наѣзды на владѣнія, принадлежащія православнымъ, положенъ штрафъ въ три тысячи гривенъ.

Такимъ образомъ, при концѣ жизни своей (1631 г.), митрополиту Іову привелось увидѣть хоть малые плоды своихъ многолѣтнихъ стараній о спокойствіи угнѣтеннаго края. Мудрый и благоразумный, онъ впрочемъ не унывалъ и въ годину бѣд-

ствій, и ревностно заботился о любимомъ своемъ дѣтищѣ — богоявленской школѣ. Благодаря его попечительности, кіевское братство въ 1621 году успѣло пріобрѣсти покупкою у инокини Параскевы Кучинской въ Сокольникахъ, противъ церкви Рождества Христова мѣсто съ строеніемъ и съ семнадцатью оброчными дворами[136]; въ 1624 году, у кіевской жительки, пирятинской старостины Лукіи Миткевичевой купило два мѣста лавочныя на Подолѣ противъ соборной Успенской церкви; въ 1628 у козака Петра Динкова дворовое мѣсто въ улицѣ борисо-глѣбской за восемь копъ литовскихъ[137]. Кромѣ этого самъ митрополитъ Іовъ при дворѣ своемъ въ монастырѣ Михайловскомъ завелъ особую типографію, подъ начальствомъ нѣкоего Спиридона Соболя[138].

Послѣ кратковременнаго управленія кіево-братскимъ училищемъ Исаіи Купинскаго[139], мѣсто старшаго іеромонаха, а съ тѣмъ вмѣстѣ и начальника тамошней школы получилъ (1616 г.) *Кассіанъ Саковичъ*. Одаренный богатыми способностями, отличный богословъ и извѣстный въ свое время поэтъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ полезнѣйшимъ наставникомъ юношества, пока самъ потомъ не уклонился отъ пути истиннаго. Послѣ него въ 1631 году ректуру кіевскаго училища принялъ *Тарасій Земка*, который однакожъ въ этой должности пробылъ всего только одинъ годъ, по причинѣ постигшей его смерти (1632 г.). Вмѣстѣ съ сими старѣйшими лицами школы проходилъ наставническую должность, въ званіи префекта, знаменитый *Сильвестръ Коссовъ*, самъ получившій первоначальное воспитаніе въ семъ училищѣ, и потомъ путешествовавшій, по распоряженію Петра Могилы, за границей для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ. Въ бытность свою наставникомъ, Коссовъ сократилъ и издалъ на польскомъ языкѣ *Патерикъ Печерскій*, присовокупивъ къ тому нѣкоторыя историческія примѣчанія, выбранныя изъ писателей греческихъ, латинскихъ и польскихъ, и при концѣ хронологическій списокъ митрополитовъ кіевскихъ отъ времени

крещенія Россіи до Петра Могилы: но, по замѣчанію преосвящ. Евгенія, списокъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ. Католики и уніаты всѣми силами старались истреблять эту книгу, и потому-то она, какъ говоритъ Залусскій въ своемъ каталогѣ, удивительно рѣдка (opusculum stupendae raritatis)[140].

Изъ числа воспитанниковъ кіевскаго училища эпохи митрополита Іова Борецкаго пользуются извѣстностью слѣдующіе:

Гизель Иннокентій, уроженецъ польской Пруссіи, принадлежавшій прежде къ реформатскому закону. Въ юношескихъ лѣтахъ прибывши въ Кіевъ и жаждая просвѣщенія, онъ пожелалъ поступить въ кіевское училище; но встрѣтивъ препятствіе къ тому въ своемъ вѣроисповѣданіи, онъ обратился къ грекороссійской Церкви и поступилъ въ число воспитанниковъ православной школы. По окончаніи курса наукъ, Гизель принялъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, откуда и посланъ былъ за-границу съ Коссовымъ, Земкою, Трофимовичемъ и другими, избранными Петромъ Могилой.

Земка Тарасій, бывшій, какъ сказано, ректоромъ воспитавшей его школы. По возвращеніи изъ-за границы, Земка, какъ лучшій изъ сотоварищей, былъ опредѣленъ проповѣдникомъ въ Кіево-печерскую Лавру, потомъ корректоромъ и директоромъ тамошней типографіи. Кальнофойскій, современникъ Земки, называетъ его въ надгробной надписи »мужемъ ученымъ въ языкахъ грецкомъ, латинскомъ, словенскомъ и русскомъ«[141]. Изъ сочиненій Земки извѣстенъ большой *трактатъ о литургіи*, исполненный обширныхъ каноническихъ и патрологическихъ свѣдѣній[142]. Тарасій Земка скончался 13 сентября 1632 года въ должности ректора училища, и погребенъ въ Кіево-печерской Лаврѣ.

Кальнофойскій Аѳанасій, по всей вѣроятности, былъ тоже воспитанникомъ кіево-братскаго училища. Онъ извѣстенъ

своимъ сочиненіемъ подъ названіемъ: *Тератургима* или чудеса, бывшія въ печерскомъ монастырѣ и въ обѣихъ пещерахъ. Къ этому приложилъ онъ и свои собственныя духовныя размышленія. Потомство обязано Кальнофойскому справедливою благодарностью за сообщеніе многихъ историческихъ свѣдѣній о монастырѣ печерскомъ, и за собраніе любопытныхъ надписей, бывшихъ надъ могилами защитниковъ православія, мужей ученыхъ и благодѣтелей Лавры.

Трофимовичъ-Козловскій Исаія товарищъ Земки и Коссова по путешествію, извѣстный своимъ участіемъ въ приснопамятныхъ дѣяніхъ Петра Могилы[143].

Училищныя должности въ это время являются уже подъ тремя видами. Прежніе *старшіе іеромонахи,* оставаясь также настоятелями братства, получили названіе *ректоровъ* училища. Обязанностію ихъ, какъ наставниковъ, было преподаваніе собственно наукъ богословскихъ; для другихъ предметовъ назначаемъ былъ *префектъ,* начальствовавшій надъ еллино-латинскимъ отдѣленіемъ школы, куда входили реторика, діалектика, исторія, философія и проч. Для низшихъ классовъ состоялъ при училищѣ *даскалъ* или учитель, обязанный преподавать первые начатки ученія; въ его вѣдомствѣ состояли дѣти, изучавшіе букварь, псалтирь и граматику. Вообще же начальствующими въ первобытной кіевской школѣ постоянно являются лица монашествующія, въ силу того пункта записи Анны Гулевичевой, которымъ она первоначально ввела во владѣніе подареннымъ ею дворомъ и землею іеромонаха и »прочіихъ з чернцовъ«[144]. Только при такихъ блюстителяхъ школьнаго ученія могла быть въ то время осуществлена благочестивая мысль дарительницы, желавшей, »абы школа и увесь чинъ по закону и по чину »Церкви каѳолической всходнее (восточной) набоженства (испо»вѣданія) греческаго и подлугъ (по) семи Вселенскихъ соборовъ и »по преданію святыхъ отецъ греческихъ ряжена и справована«[145].

На содержаніе учителей и учениковъ, обыкновенно титулуемыхъ *спудеями*[146], кромѣ доходовъ, получаемыхъ отъ оброчныхъ статей съ мѣстечекъ и дворовъ, пріобрѣтенныхъ или по дарственнымъ записямъ или покупкою, члены братства жертвовали частію своихъ собственныхъ прибытковъ. Въ случаяхъ крайнихъ или какихъ либо особенныхъ нуждъ училища, посылаемы были особо назначенные къ тому члены братства для испрошенія пособія, отъ котораго не въ правѣ былъ отказаться никто изъ особъ, вписавшихся въ братскій реэстръ; да и всякій православный охотно жертвовалъ, что можно, для поддержанія школы. Бѣднѣйшіе изъ учениковъ содержались въ бурсѣ или гостинницѣ, на иждивеніи братства, доставлявшаго имъ все, кромѣ одежды.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ИСАІЯ КУПИНСКІЙ.

Льгота православію. Исаія Купинский проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ. Первые годы Петра Могилы. Поступленіе его въ Лавру. Дума о преобразованіи учебной части. Пишетъ въ защиту православія. Посвященіе Могилы въ архимандриты. Прибытіе изъ-за границы воспитанниковъ его Заведеніе школы при лаврскомъ больничномъ монастырѣ. Невыгоды сего для богоявленскаго училища. Жалобы кіевлянъ. Петръ Могила присовокупляетъ лаврское училище къ братскому. Актъ дворянства и мѣщанства кіевскаго. Актъ митрополита Исаіи и всего освященнаго собора. Актъ гетмана Петрижицкаго и войска запорожскаго. Дѣйствія Петра Могилы по училищу. Петръ Могила на варшавскомъ сеймѣ. Ему предлагаютъ жезлъ кіевской митрополіи. Могила принимаетъ предложеніе. Оправданіе поступка Петра Могилы. Посвященіе его въ митрополиты. Послѣднее ходатайство Могилы въ пользу училища. Возвращеніе его въ Кіевъ. Кончина Исаіи.

1631—1633.

Кратковременное управленіе митрополіею Исаіи Купинскаго, бывшаго дотолѣ архіепископомъ смоленскимъ и черниговскимъ, ознаменовалось по отношенію къ юго-западной Россіи нѣкоторою льготою для православія, а по отношенію къ кіево-братскому училищу полнымъ развитіемъ многополезной дѣятельности Петра Могилы.

При самомъ вступленіи своемъ на престолъ 1632 года, король Владиславъ IV предпринялъ примирить православныхъ и уніатовъ. Съ этою цѣлію сдѣлано было имъ нѣсколько благодѣтельныхъ распоряженій, которыя потомъ онъ подтвердилъ 1633 года на сеймѣ коронаціальномъ, присягнувъ въ сохраненіи всѣхъ правъ и вольностей диссидентовъ и въ ненарушимости привиллегій, данныхъ церквамъ греческимъ[147].

Не смотря на такую привиллегію, въ самомъ Кіевѣ сила и вліяніе укоренившагося тамъ неправославнаго духовенства не такъ поспѣшно уступали власти королевской. Софійскій соборъ еще находился въ вѣдомствѣ уніатовъ, и потому резиденція православнаго митрополита по прежнему была въ монастырѣ Михайловскомъ. Управляя этою обителію, Исаія Купинскій, по данной ему привиллегіи отъ православныхъ князей Вишневецкихъ, ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ и проживалъ то въ переяславскомъ густинскомъ монастырѣ, то въ ладинскомъ скиту, то въ лубенскомъ монастырѣ. Истинный аскетъ душою, онъ устроивалъ всѣ эти обители по тому образцу, который изложилъ еще прежде въ своей *Лѣствицѣ*[148], а попеченіе о кіевскомъ училищѣ предоставилъ знаменитому уже въ то время своей ревностію по просвѣщенію Петру Могилѣ.

Сей величайшій благодѣтель кіевской школы происходилъ отъ князей молдавскихъ, былъ внукомъ волошскаго князя Іоанна и сыномъ молдавскаго князя Симеона[149]. Онъ принадлежалъ къ тому семейству, которое всегда славилось своею ревностію по православію и любовію къ благолѣпію храмовъ Божіихъ[150]. Въ кіевскомъ каталогѣ митрополитовъ сказано, что Петръ Могила получилъ воспитаніе въ парижскомъ университетѣ, гдѣ выслушалъ полный курсъ словесныхъ наукъ и богословія; другіе же пишутъ, что онъ обучался въ львовской школѣ[151]. Не утверждая ни того, ни другаго мнѣнія, видимъ только, что Могила совершенно былъ знакомъ съ европейскимъ образованіемъ,

ибо лучше всѣхъ усмотрѣлъ то, чего тогда не доставало нашему отечественному просвѣщенію. Въ молодости, по сказанію Нѣсѣцкаго, онъ находился въ военной службѣ, и отличился въ рядахъ польскихъ войскъ подъ Хотиномъ. Неизвѣстно, что заставило Петра Могилу промѣнять блестящую карьеру, ожидавшую его въ свѣтѣ, на скромную долю инока: пути Промысла неисповѣдимы, и часто вопреки всѣмъ человѣческимъ предположеніямъ, ведутъ они смертнаго къ метѣ высокой, которой съ другаго противоположнаго пути и не видно. Нельзя также указать съ достовѣрностію, когда Могила принялъ на себя обѣтъ иноческаго послушанія, но извѣстно, что въ 1625 году онъ былъ уже постриженъ въ монахи въ Кіево-печерской Лаврѣ. Это была самая горячая пора, когда католики и уніаты другъ передъ другомъ осыпали ругательными сочиненіями Церковь восточную, и когда Смотрицкій уже навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ православію. Потомокъ княжескаго рода, имѣвшій, конечно, значительныя связи, отлично образованный, Могила и въ санѣ простаго іеромонаха пользовался особеннымъ вліяніемъ на іерархическія дѣла. Не мудрено также, что такой значительный человѣкъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и къ бывшему тогда митрополиту Іову, и къ архимандриту печерской лавры Захарію Копыстенскому. Съ ними-то онъ думалъ думу крѣпкую о бѣдственномъ положеніи Церкви православной; съ ихъ-то благословенія онъ исполнилъ замыселъ, дотолѣ небывалый. Не столько боясь огня и меча враговъ вѣры истинной, сколько зловреднаго и хитро-обольстительнаго ихъ ученія, Петръ Могила рѣшился образовать достойнѣйшихъ имъ соперниковъ. Для этой цѣли, выбравъ нѣсколько молодыхъ людей изъ иноческаго и свѣтскаго званія, онъ отправилъ ихъ на своемъ собственномъ иждивеніи за границу, для усовершенствованія въ высшихъ наукахъ[152].

Между тѣмъ и самъ Петръ Могила не оставался бездѣйственнымъ зрителемъ ожесточенной борьбы уніатовъ съ право-

славными. Подъ именемъ *Филалета* выходили въ свѣтъ сочиненія, въ которыхъ съ необыкновенною силою обличаемы были корыстныя и противныя чистотѣ вѣры побужденія католиковъ къ распространенію уніатства. Этимъ псевдонимомъ пользовался между прочими и Могила, какъ это доказывается позднѣйшими изысканіями[153]. На одно изъ такихъ сочиненій сильно нападалъ въ послѣдствіи времени Смотрицкій, утверждая, что »единство это (унія) не послѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока здѣсь будутъ все портить такіе писатели, какъ Стефанъ Зизаній[154], »Христофоръ Филалетъ и Θеофилъ Ортологъ«[155].

По смерти Захаріи Копыстенскаго, Петръ Могила, по общему согласію всей братіи, возведенъ былъ въ санъ архимандрита Кіево-печерской Лавры, на что черезъ три года послѣдовало и благословеніе Кирилла Лукаря, патріарха константинопольскаго, съ пожалованіемъ его въ званіе экзарха патріаршаго престола. Достигнувъ такой высокой степени и полнаго вліянія на училище—любимый предметъ просвѣщенной его заботливости, Петръ Могила съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія изъ-за границы своихъ питомцевъ. Наконецъ они явились въ 1631 году, обогащенные всякаго рода свѣдѣніями. Замысливъ съ такими сотрудниками совершенное преобразованіе существовавшаго уже училища, Могила писалъ къ Кириллу Лукарю, прося на то его святительскаго благословенія, а чтобы дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ независимо, онъ, съ согласія всей братіи, вознамѣрился открыть новую школу при лаврскомъ больничномъ монастырѣ, снабдивъ ее особою, сообразною съ открывшимися средствами, инструкціей. Въ томъ же году получено было разрѣшительное благословеніе патріарха Кирилла, и Могила немедленно приступилъ къ исполненію задуманнаго имъ плана. Въ новоучрежденную школу опредѣлены были заграничные ученые, и школа открыла свои дѣйствія.

Богоявленскому училищу угрожала явная опасность. Съ

устроеніемъ новой школы, оно теряло одного изъ первѣйшихъ своихъ протекторовъ, какими всегда бывали для него архимандриты Кіево-печерской Лавры; братство лишалось важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ членовъ, къ которымъ оно привыкло прибѣгать и за совѣтомъ и за пособіемъ. Скромныя достоинства домашнихъ наставниковъ никакъ не могли идти въ сравненіе съ талантами и ученостію тѣхъ, которые съ заграничнымъ образованіемъ заняли одинаковый съ ними постъ; число учениковъ въ богоявленскомъ училищѣ неизбѣжно должно было уменьшиться, ибо новый фундаторъ обѣщалъ »для нѣкоторыхъ лицъ назначить изъ своей собственности какъ пищу, такъ и одежду на вѣчныя времена по фундушевой записи; обѣщалъ, доколѣ благодать Божія поддержитъ его на семъ свѣтѣ, и сколько дозволятъ его силы и занятія архимандритскія, быть непосредственнымъ опекуномъ и покровителемъ училища, и ни мало не медля, началъ дѣйствовать съ необыкновенной рѣшительностью и горячностью въ пользу задуманнаго дѣла[156]. Такимъ образомъ школа ѳеофановская видимо падала предъ кирилловскою.

Сильно встревожилось этимъ богоявленское братство. Положимъ, что новоучреждаемая школа также могла быть доступна всѣмъ безъ исключенія; положимъ, что она будетъ даже выше и лучше богоявленской: но она не на такомъ удобномъ мѣстѣ[157]; къ ней нужно будетъ пробираться бѣднымъ дѣтямъ тропинками между горъ и лѣсовъ[158], а между тѣмъ всѣ уже облюбили то мѣсто, гдѣ старая школа; да и больно покинуть его, ибо тамъ водрузилъ крестъ первосвятитель іерусалимскаго престола[159].

Немедленно »шляхта, обыватели воеводства кіевскаго и всѣ »сполне (совокупно) уписніе братія церковніи кіевскаго братства »православніи« вошли съ словеснымъ представленіемъ[160] къ Петру Могилѣ, умоляя его отмѣнить свое рѣшеніе и не основывать новой школы въ кіево-печерскомъ монастырѣ. Въ тоже

время они вступили къ митрополиту Исаіи, къ гетману Ивану Петрижицкому и ко всему войску запорожскому, испрашивая ихъ ходатайства въ семъ дѣлѣ. Умаливаемый всѣми, Петръ Могила »латво и невзбороненѣ« — легко и безпрекословно—согласился исполнить желаніе усердныхъ кіевлянъ, и оставивъ мысль объ учрежденіи училища при Кіево-печерской Лаврѣ, соединилъ его съ богоявленскимъ. Въ благодарность за это всѣ члены братства актомъ, состоявшимся 30 декабря 1631 года признали его старшимъ братомъ, пожизненнымъ блюстителемъ какъ школъ, при кіевской братской церкви »отъ себе уфундованныхъ«, такъ и самой церкви и всего при ней монастыря, съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы и пожертвованія, уже сдѣланныя и имѣющія быть, ни на что другое не были обращаемы и употребляемы, какъ только на тужъ кіево-братскую церковь, на монастырь, школы и трудящихся въ нихъ учителей. Впрочемъ составлявшіе актъ выговорили себѣ право избирать изъ среды дворянъ, вписавшихся въ братство, извѣстное число старостъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы они ни въ чемъ не прекословили совѣтамъ и волѣ главнаго лица, но во всемъ бы слушались его, какъ старшаго брата, безъ нарушенія впрочемъ ихъ собственнаго фундуша, пожалованнаго братству іерусалимскимъ патріархомъ[161]. Въ числѣ дальнѣйшихъ условій сего акта поставлялось, чтобы братство подчинено было только константинопольскому патріаршему престолу, и чтобы не было установляемо ничего противнаго Церкви Божіей. Актодатели предваряли также, что Петръ Могила только лично, а не по сану архимандритскому имѣетъ быть пожизненнымъ блюстителемъ, какъ вписной и православный братъ, и что всѣ, избираемыя имъ лица, должны состоять подъ непосредственнымъ благословеніемъ патріарха константинопольскаго и въ подчиненіи уставамъ Церкви восточной; противника же сему терпѣть не должны. Въ случаѣ выбытія Петра Могилы изъ братства, актодатели предоставляли ему право избрать, съ общаго ихъ согласія, на мѣсто себя кого либо способнаго, усерднаго и преданнаго тому святому мѣсту и наукамъ

изъ духовнаго или свѣтскаго сословія. Подъ этимъ актомъ, кромѣ другихъ рукоприкладствъ всего братства, подписались: Исаія Борисковичъ, епископъ луцкій и острожскій, и Авраамій Стагонскій, епископъ туровскій[162]. Почти въ тоже самое время, именно 5 генваря 1632 года, послѣдовала на имя Петра Могилы другая грамата отъ лица митрополита[163], православныхъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, іеромонаховъ, протопоповъ, іереевъ и иноковъ, которые, какъ видно изъ этого акта, предварительно уговоривъ его не заводить новой школы при Лаврѣ, предоставляли всѣ тѣже права, какія изложены въ актѣ Кіево-подолянъ. Здѣсь впрочемъ избраніе преемника Петру Могилѣ ограничено нѣсколько испрошеніемъ на то митрополитскаго благословенія, и сверхъ того требовалось, чтобы на возглашеніяхъ и ектеніяхъ было поминаемо имя митрополита по тому уваженію, что »яко съ початку, говоритъ Исаія Купинскій, »за стараньемъ нашимъ, такъ и теперь за благословеніемъ тое »мѣстце святое фундоватися маетъ«[164].

Тѣже самыя права утверждены были за Петромъ Могилой и граматою гетмана Ивана Петрижицкаго, эсауловъ, полковниковъ и всего войска запорожскаго, послѣдовавшею 12 марта 1632 года. Утверждая за фундаторомъ извѣстныя привиллегіи, актодатели обѣщались церковь монастырскую, школы, богадѣльню и все къ нимъ относящееся имѣть подъ своей защитою отъ всякихъ »непріятелей, противностей и перешкодъ моцно боро»нити, заступати и за нихъ до смерти своей заставлятися«[165]. Подъ этой граматой, отъ имени двухъ гетмановъ Ивана Петрижицкаго и Андрея Гавриловича, подписался писарь войска запорожскаго Савва Гробневскій[166]. Въ послѣдствіи времени актъ этотъ былъ утвержденъ Богданомъ и Юріемъ Хмѣльницкими, которые подписались »власною рукою, не уймуючи ничого тыхъ правъ и наданья войскового«[167].

Еще до полученія сихъ двухъ послѣднихъ граматъ Петръ

Могила согласился исполнить общее желаніе, и 11 марта 1631 года внесъ имя свое въ братскій упись, какъ »старшій братъ, опекунъ и фундаторъ того святаго братства«[168]. Такимъ образомъ опасность, угрожавшая богоявленскому училищу, была отвращена усердіемъ Кіево-подолянъ, ходатайствомъ христолюбивыхъ защитниковъ Малороссіи и архипастырскимъ благословеніемъ маститаго первостоятеля кіевской іерархіи.

Въ томъ же году (1631 декабря 10) Петръ Могила началъ постройку каменнаго зданія, назначаемаго собственно для аудиторій[169], и въ тоже время перевезъ нѣсколько деревянныхъ срубовъ изъ больничнаго лаврскаго монастыря, при которомъ онъ прежде думалъ основать свое училище. Изъ нихъ воздвигнуты были зданія для помѣщенія учащихъ и учащихся, а въ странно-пріемномъ братскомъ домѣ заведена для приходящихъ бѣдныхъ учениковъ особая бурса[170]. Все это — какъ постройку зданій, такъ и содержаніе наставниковъ и школьниковъ — Петръ Могила принялъ на свое собственное иждивеніе. Состоя между тѣмъ архимандритомъ Кіево-печерской Лавры, онъ отдалъ въ трехъ-лѣтнюю поссессію богоявленскому училищу изъ лаврскихъ вотчинъ волость Винницкую, село Гнѣдинъ и двѣ деревни—Процевъ и Ревное.

Въ это время, по случаю кончины польскаго короля Сигизмунда III (30 апрѣля 1632 года), составился въ Краковѣ сеймъ для избранія ему преемника, куда приглашены были и всѣ чины духовные и свѣтскіе. Митрополитъ Исаія Купинскій, обремененный немощами и старостію, не могъ самъ туда отправиться, и по совѣту всего кіевскаго духовенства отпустилъ на сеймъ Петра Могилу, въ качествѣ своего представителя. Лучше этого выбора на этотъ случай нельзя было сдѣлать, и самъ митрополитъ Исаія никогда бы не достигъ того, что сдѣлалъ Могила. Немедленно по прибытіи своемъ въ Краковъ, онъ

отъ лица сопровождавшаго его духовенства и дворянъ отозвался, что всѣ они до тѣхъ поръ ни къ чему не приступятъ, пока, по силѣ инструкціи, данной имъ отъ всего народа, не истребуютъ у сейма, чтобы всѣ епископства и прочія церковныя достоинства, вмѣстѣ съ имѣніями, отобраны были отъ уніатовъ, и возвращены православнымъ. Такое настоятельное требованіе сильно изумило членовъ сейма; но не желая останавливать чрезъ это открытія засѣданій и терять время въ спорѣ о постороннемъ вопросѣ, королевичъ Владиславъ съ сенатомъ принялъ предложеніе Петра Могилы. Видя это, митрополитъ уніатскій Велямин-Рутскій началъ было защищать права своихъ единовѣрцевъ: но замѣтивъ неуспѣхъ, старался всѣми силами по крайней мѣрѣ отложить на дальнѣйшее время исполненіе этого проэкта. Петръ Могила между тѣмъ дѣйствовалъ неусыпно; несогласія возрастали и грозили подавить собою единодушіе, такъ необходимое при рѣшеніи важнѣйшаго государственнаго дѣла — избранія на престолъ преемника Сигизмунду III. Кончилось тѣмъ, что самъ Рутскій долженъ былъ подписать актъ соглашенія, по которому, между прочимъ, седьмымъ пунктомъ дозволялось братствамъ свободное распоряженіе школами, семинаріями и богадѣльнями. Актъ этотъ утвержденъ былъ печатями королевича и митрополита Велямина-Рутскаго, и для большаго уваженія упомянуто объ немъ въ конвокаціонныхъ актахъ, а для всеобщаго свѣдѣнія списки съ него разосланы были по всѣмъ сеймикамъ, не смотря на несогласіе папскаго нунція и даже самаго папы.

При всемъ томъ договоръ этотъ далеко былъ не таковъ, какого хотѣли Русскіе. Первоначальная уступка придала имъ смѣлости, а тревожная пора позволяла имъ ожидать непремѣннаго успѣха отъ своей настойчивости. Взоры всѣхъ обращены были на Петра Могилу, который больше прочихъ противился принятію этого акта, и тайно разсылалъ по всѣмъ воеводствамъ письма, совѣтуя не принимать уже написанныхъ условій, а до-

жидаться окончанія начатаго дѣла. Между тѣмъ, въ намѣреніи усилить свою партію, онъ приглашалъ какъ можно болѣе обывателей изъ всѣхъ воеводствъ, и пріѣзжавшихъ уговаривалъ твердо стоять на своемъ и ни на шагъ не уступать католикамъ и уніатамъ[171]. Начались споры, самые шумные; нѣкоторые члены сената и рыцарства горячо отстаивали уніатовъ: но противъ всѣхъ ихъ стоялъ Петръ Могила, котораго не такъ легко было побороть. Назначили особую коммиссію для рѣшенія этого вопроса: но и коммиссія ничего не сдѣлала. Тогда дѣло предоставили рѣшенію королевича Владислава и его совѣта. По разсмотрѣніи всѣхъ правъ, какими издревле пользовались православные, и какія предвосхищены потомъ уніатами, наконецъ состоялся приговоръ со взаимными уступками съ той и другой изъ тяжущихся сторонъ. Но ни православные, ни уніаты не остались этимъ довольны. Первые, полагаясь на свою многочисленность и значительность вліянія на избирательный сеймъ, надѣялись непремѣнно поправить дѣло, а послѣдніе, чувствуя себя оскорбленными, пустились въ жалобы, и немедленно отнеслись съ этимъ къ папскому нунцію и самому папѣ. Само собою, что подобный поступокъ уніатовъ при настоящихъ обстоятельствахъ былъ крайне не дипломатиченъ. Противники Петра Могилы, умнаго, твердаго и дальновиднаго защитника праваго дѣла, должны были проиграть,—и проиграли. Не смотря на всѣ протесты католическаго и уніатскаго духовенства, православные получили отъ Владислава дипломъ, которымъ подтверждалось между прочимъ свободное исповѣданіе вѣры, совершеніе таинствъ, позволеніе починять церкви и строить новыя, заводить при церквахъ и монастыряхъ братства, богадѣльни, школы, семинаріи и типографіи; повелѣно всѣ споры и распри о вѣрѣ прекратить, и всѣ приговоры, прежними сеймами противъ диссидентовъ сдѣланные, уничтожить, и впредь жить всѣмъ въ покоѣ безъ притѣсненія другъ друга. По силѣ этой привиллегіи подтверждено было право русскому православному духовенству, дворянству и всему православному народу въ Литвѣ

и Польшѣ избирать себѣ православнаго митрополита, и посвящаться ему отъ константинопольскаго патріарха, по привиллегіямъ, даннымъ отъ прежнихъ королей; каѳедральный софійскій монастырь съ своимъ соборомъ снова поступилъ въ вѣдомство православнаго митрополита, исключая вотчинъ онаго, имѣющихъ оставаться въ дожизненномъ владѣніи уніатскаго митрополита Велямина-Рутскаго, съ предоставленіемъ въ управленіе его и Выдубицкаго монастыря. Всѣ кіевскіе монастыри переданы въ вѣдѣніе православнаго кіевскаго митрополита и проч.[172] Постановленія сіи, не смотря на протесты уніатовъ, утверждены королемъ и сеймомъ 1 ноября 1632 года.

Вотъ что сдѣлалъ одинъ человѣкъ, обладавшій несокрушимою силою воли, гибкимъ умомъ и знаніемъ дипломатическаго дѣла! Княжичъ по происхожденію, мало имѣвшій себѣ соперниковъ по воспитанію, образецъ по ревности къ вѣрѣ и православію,—одинъ только Могила могъ въ то время такъ неутомимо бороться, и такъ побѣдоносно выйти изъ такой неравной борьбы.

Но ему предстояла другая забота. Мало — пріобрѣсти; нужно было подумать о томъ, какъ сохранить пріобрѣтенное. Петру Могилѣ очень хорошо было извѣстно, что іезуиты и уніаты не отдадутъ безпрекословно того, что они уже привыкли считать своею собственностью, что съ ними надо будетъ дѣйствовать энергически, не давая имъ опомниться отъ такого удара, что медленность и нерѣшительность въ этихъ обстоятельствахъ могутъ быть причиною еще тягчайшихъ бѣдствій и гоненій на православіе. Съ другой стороны онъ видѣлъ, что жезлъ кіевской іерархіи въ дряхлыхъ уже рукахъ, что митрополитъ Исаія не выдержитъ ожидаемаго напора со стороны на время только обезсиленныхъ враговъ Церкви восточной. Поставляя все это на видъ православнымъ, собравшимся на сеймъ,

Могила просилъ серьезно заняться обезпеченіемъ того, что пріобрѣтено его собственными трудами. Само собою разумѣется, что всѣ лучшія надежды православныхъ сосредоточивались на самомъ Могилѣ; собравшіеся на сеймъ единодушно предложили ему жезлъ кіевской митрополіи, не смотря на то, что Исаія Купинскій находился еще въ живыхъ. Странно было бы въ такомъ важномъ случаѣ прибѣгать къ лицемѣрнымъ отказамъ, и встащивши тяжесть до половины крутой горы, оставить, чтобы она потомъ скатилась внизъ. Могила не могъ не видѣть, что соглашаясь на предлагаемый ему престолъ, онъ оказывается нѣкоторымъ образомъ неблагодарнымъ къ своему ближайшему благодѣтелю, что дѣло это можетъ лечь пятномъ на его достославную память: но въ дѣлѣ великомъ умиротворенія напастуемой Церкви и обороны ея интересовъ, онъ рѣшился пожертвовать своею личною безукоризненностью, и принялъ жезлъ архипастырскій.

А съ другой стороны, не благословилъ ли его на это и самъ Купинскій? Быстрое возвышеніе Петра Могилы по степенямъ іерархическимъ, предоставленіе ему исключительнаго права быть опекуномъ братскаго училища, избраніе и посольство вмѣсто себя на конвокаціонный сеймъ, рѣшительныя и настойчивыя дѣйствія Могилы въ пользу кіевской митрополіи и епархій, зависѣвшихъ отъ нея, — все это такія обстоятельства, которыя рѣшительно заставляютъ думать, что Исаія собственными руками отдавалъ ему жезлъ архипастырства. И въ пору крѣпости и силы онъ не могъ долго нести бремя общественнаго служенія, пробывъ только одинъ годъ блюстителемъ школы, и потомъ снова обратившись въ свои любимыя пещеры препод. Антонія: мудрено ли же, что теперь — дряхлый и немощный, постоянно обуреваемый напастями, противъ которыхъ стоять съ твердостію, приличною столь высокому посту, ему ужъ было не по силамъ, — мудрено ли, что передъ отправленіемъ Могилы на сеймъ, благочестивый старецъ самъ благословилъ его искать

себѣ первосвятительскаго мѣста? Не сказывая никому объ этомъ, Могила дѣйствовалъ въ пользу Церкви, дабы заслужить право быть архипастыремъ ея; потомъ уже, когда дѣйствія его увѣнчались желаемымъ успѣхомъ, онъ заговорилъ и объ обезпеченіи плодовъ своей ревности на будущее время. Тайны тутъ не было никакой; предложеніе сана митрополитскаго сдѣлано было ему гласно, и быть не можетъ, чтобы кто либо изъ знавшихъ объ этомъ не потрудился донести обо всемъ здѣсь происходившемъ Купинскому. Будь же это избраніе Могилы не по мысли Исаіи, онъ успѣлъ бы предупредить исполненіе затѣяннаго дѣла, продолжавшагося почти годъ, и не преминулъ бы писать объ этомъ и къ православнымъ, бывшимъ на сеймѣ, и къ подвѣдомственнымъ ему епископамъ и даже къ самому королю; наконецъ хоть кто нибудь отозвался бы словомъ несогласія, когда Могила объявлялъ себя кіевскимъ митрополитомъ; а мы не видимъ ни протеста, ни жалобы. По прибытіи новаго митрополита, Исаія спокойно и благодушно сходитъ съ утомившаго его поприща, конечно, благословляя въ душѣ сильнаго умомъ и волею мужа, подъявшаго тяжкое бремя на рамена свои.

Наконецъ что могло заставить Петра Могилу прибѣгать къ такому неблаговидному поступку? Желаніе почестей? Но онъ и безъ того былъ осыпанъ ими. Жезлъ первосвятительства кіевскаго? Но комужъ не было видно, что онъ непремѣнно и скоро перейдетъ въ руки сего достойнѣйшаго мужа? Да и могъ ли такой глубокій дипломатъ и политикъ, какимъ является Петръ Могила, рѣшиться на дѣло, ближайшимъ исходомъ котораго была оппозиція, смятеніе въ цѣлой іерархіи и наконецъ неудача? Если даже предположить въ такомъ человѣкѣ ненасытимую жажду честолюбія, то и тутъ не было никакой надобности прибѣгать къ поступку, который въ политическомъ отношеніи могъ быть болѣе чѣмъ преступленіемъ, — ошибкою. Подождать годъ—другой, и желаемая цѣль была бы достигнута.

Купинскій былъ дряхлъ, немощенъ и видимо клонился къ могилѣ, въ которую и сошелъ менѣе чѣмъ черезъ годъ по оставленіи первосвятительскаго поста. Но кто же осмѣлится въ Петрѣ Могилѣ, въ высшей степени безкорыстномъ, честномъ и благородномъ, противъ котораго даже самые враги не находили что сказать, предполагать такія жалкія, близорукія и нечистыя побужденія? Если іезуиты, такъ всегда склонные къ клеветѣ, во время своего нападенія на коллегію, не поставили фундатору ея—Могилѣ въ вину предвосхищеніе митрополитскаго престола, и только обвиняли его въ мнимомъ неправославіи: то не явный ли это знакъ того, что дѣло Могилы было чисто и право? Слишкомъ много данныхъ предоставилъ намъ Могила всею своею жизнію, чтобы поступокъ его съ Купинскимъ можно было считать пятномъ, лежащимъ на его достоуважаемомъ имени.

Характеръ митрополита Исаіи является въ этомъ случаѣ во всемъ блескѣ христіанскихъ добродѣтелей. Сознавъ себя немощнымъ въ дѣлѣ многосложнаго управленія тогдашней іерархіей, онъ поставилъ себя выше всякаго самолюбія, такъ къ несчастію, сроднаго человѣку; а избравъ въ лицѣ Петра Могилы преемника себѣ, онъ показалъ тѣмъ мудрость и умѣнье найти и отличить достойнаго человѣка.

Согласившись на желаніе православныхъ, Петръ Могила обратился съ представленіемъ объ этомъ къ королю. Съ этой стороны остановки не было; Могила немедленно получилъ грамату. Но чтобы поступкомъ своимъ не произвести какого либо смятенія между православными, остававшимися въ Кіевѣ, онъ отправилъ въ Константинополь ректора кіевскихъ школъ Исаію Трофимовича для полученія отъ патріарха благословенія на посвященіе свое въ митрополиты. Бывшій тогда на патріаршемъ престолѣ Кириллъ Контарино, безъ всякаго съ своей стороны прекословія, изъявилъ согласіе. Чтобы придать болѣе силы и

важности сему дѣлу, новонареченный митрополитъ, уже имѣвшій на своей сторонѣ избранныхъ людей отъ кіевскаго братства, отправился въ г. Львовъ, и тамъ при братскомъ ставропигіальномъ монастырѣ Успенія пресв. Богородицы, среди ученыхъ братій, сталъ ожидать прибытія депутатовъ отъ луцкаго братства[173]. Оградивъ такимъ образомъ избраніе свое всѣми законными формальностями, и пріобрѣтши въ лицѣ всѣхъ современныхъ ученыхъ наличныхъ свидѣтелей, Петръ Могила вызвалъ во Львовъ валашскаго митрополита съ епископами и принялъ отъ него посвященіе 1633 года на Ѳоминой недѣлѣ[174].

Послѣ этого Петръ Могила снова воротился въ Краковъ и присутствовалъ при коронаціи короля Владислава IV, послѣдовавшей 6 февраля того же года. И въ эту торжественную пору Могила не терялъ изъ виду своего возлюбленнаго училища. Испросивъ себѣ позволеніе и въ санѣ митрополита оставаться архимандритомъ Кіево-печерской Лавры, а также и Никольскаго монастыря блюстителемъ, Могила началъ ходатайствовать о дозволеніи преобразовать кіево-братскія богоявленскія школы въ православную академію. Но сколь легко достигъ онъ утвержденія первой своей просьбы, столь же трудно было ему отстоять послѣднее требованіе. Особенно непріятно это было католическому духовенству и уніатскому: ибо оно ясно видѣло, что заведеніемъ первокласнаго училища готовится неизбѣжный подрывъ всему тому, что воздвигали они столько лѣтъ и съ такими непріятностями и трудами. Нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ чиновъ сейма рѣшительно отвергли просьбу Петра Могилы: но когда Владиславъ IV, по неотступному его ходатайству, изъявилъ твердую свою волю о преобразованіи кіево-братскаго училища; тогда заспорили о переименованіи его въ академію. Могила уже не счелъ нужнымъ гнаться за именемъ, когда самое дѣло было сдѣлано, и 14 марта 1633 года получилъ желаемую привиллегію на образованіе *коллегіи*[175]. Не смотря однакожъ на то, что грамата эта написана была въ самомъ о-

граниченномъ смыслѣ, коронный великій канцлеръ Жадзикъ, епископъ хелмскій, и подканцлеръ коронный Ѳома Замойскій не захотѣли приложить къ ней своихъ печатей[176].

Въ 1633 году Петръ Могила возвратился въ Кіевъ и объявилъ себя митрополитомъ. Престарѣлый Исаія Купинскій немедленно переѣхалъ изъ Михайловскаго монастыря въ Кіево-печерскую Лавру, гдѣ 1634 года и скончался[177].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПЕТРЪ МОГИЛА.

Война между Польшею и Великой Россіей. Уніаты снова поднимаются противъ православныхъ. Могила возвращаетъ и возобновляетъ Софійскій соборъ. Занятія его по училищу. Преобразованіе школы. Пожертвованія Могилы и прочаго братства. Интриги іезуитовъ. Возстаніе кіевлянъ на братскую школу. Апологія Коссова, Кіевляне успокоены. Костелъ доминиканскій. Уніатскій митрополитъ Рафаилъ Корсакъ. Грамата Владислава IV богоявленскому училищу. Угнѣтеніе Малороссіи. Козацкія войны Новые происки іезуитовъ. Безмятежность кіево-братскаго училища. Обезпеченіе его въ содержаніи. Распредѣленіе классовъ. Классы низшіе. Классы средніе Пиитика и реторика Діалектика. Любовь воспитанниковъ къ словеснымъ наукамъ. Классы высшіе. Философія. Холодность воспитанниковъ къ этой наукѣ. Другія науки, входившія въ классъ философскій. Богословіе Причины цвѣтущаго его состоянія. Руководства по богословію. Гомилътика. Великая и малая инструкція. Преподаваніе языка латинскаго. Авдиторы. Нотаты. Субботки. Экзерциціи и окупаціи. Соревнованіе учениковъ. Calculum. Языкъ славянскій. Бѣдность преподаванія его въ коллегіи Теоретическое изученіе и филологическая разработка русскаго слова Грамматика львовская. Грамматика Зизанія. Грамматика Смотрицкаго. Словарь Зизанія. Памва Берында и словарь его. Преподаваніе греческаго языка. Польскій языкъ Начальствующія лица въ коллегіи. Ректоръ и обязанности его. Префектъ. Суперъ-интендентъ. Визитаторы. Сеніоры. Директоръ. Цензоры. Magistri sodalium. Инспекторы. Калефакторы. Студенты и ученики Наименованіе кіевскаго училища коллегіей. Патріотическое слово Петра Могилы и слѣдствіе того для коллегіи. Завѣщаніе Петра Могилы. Его пожертвованія въ пользу коллегіи. 31 декабря. Послѣднее слово о Могилѣ. Состояніе коллегіи послѣ Петра Могилы. Ректоры коллегіи: Трофимовичъ Исаія. Початскій Софроній. Оксеновичъ Игнатій. Кононовичъ Іосифъ. Гизель Иннокентій. Наставники: Галятовскій Іоанникій. Славеницкій Епифаній. Сатановскій Арсеній. Замѣчательные воспитанники: Барановичъ Лазарь. Домецкій Гавріилъ. Іовлевичъ Игнатій. Радивиловскій Антоній. Савеловъ Іоакимъ. Софоновичъ Ѳеодосій.

1633—1647.

Въ первый годъ вступленія Петра Могилы на кіевскую митрополію возгорѣлась война между Польшею и Великой Россіей. Оскорбляемый явною непріязнію Поляковъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ выслалъ противъ нихъ огромное войско, снабдивъ его всякими боевыми снарядами, и назначивъ главнымъ полко-

водцемъ воеводу, боярина Шеина. Но походъ этотъ кончился весьма неудачно: при заключеніи мира Русскіе должны были уступить Полякамъ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ и Смоленскъ[178].

Пользуясь такимъ неблагопріятнымъ для нашего отечества оборотомъ дѣлъ, и выставляя на видъ сочувствіе Малороссіянъ къ общему дѣлу всей Россіи, митрополитъ уніатскій Веляминъ-Рутскій сильно началъ настаивать на то, чтобы отнять у Петра Могилы кіевскую митрополію: но благодаря твердости короля Владислава IV и зоркой блюстительности Могилы, опасность эта была отвращена. Мало того, конституціею 1635 года подтверждены вновь привиллегіи православныхъ.

Не медля ни мало, митрополитъ Петръ Могила отобралъ отъ уніатовъ и соборъ и монастырь Софійскій. Враги православія, зная напередъ, что они недолговѣчные тутъ хозяева, спѣшили сколько можно воспользоваться вотчинами и сокровищами софійскими, и самый храмъ до того ободрали, повредили и опустошили, что пастырю-возобновителю стоило большихъ трудовъ и издержекъ очистить только его отъ развалинъ и кучи сору и щебня. Опасаясь за прочность вѣковѣчныхъ стѣнъ, подточенныхъ невѣжественною злобою изувѣровъ, Петръ Могила велѣлъ наложить съ боковъ надъ нижними боковыми присѣнками вровень съ Ярославовою церковью по двѣ верхнія галлереи, а западный присѣнокъ остался крыльцомъ. Кромѣ этого, до самаго верха придѣланныхъ галлерей подведены контрфорсы или быки. Такимъ образомъ древняя Ярославова церковь скрылась въ этихъ прибавленіяхъ; по крайней мѣрѣ она хранится въ нихъ въ цѣлости, какъ драгоцѣнный перлъ въ ковчегѣ.

Но Могилѣ предлежалъ важнѣйшій трудъ возобновить древній порядокъ церковныхъ чиноположеній и обрядовъ по всей православной іерархіи. Уніаты коснулись нечистой своей ру-

кой и этой святыни; они даже постарались истребить изъ памяти тотъ уставъ церковный, какого держался Кіевъ[179]. Для возобновленія православной обрядности во всей ея чистотѣ, Могила издалъ прежде всего церковный служебникъ и наконецъ полный требникъ,—плодъ неусыпной своей заботливости о благосостояніи Церкви православной.

Исправивъ такимъ образомъ собственно по кіевской іерархіи самое необходимое, Могила обратился къ кіево-братскому училищу. Онъ подарилъ ему съ перваго раза хуторъ Позняковщину, и потомъ занялся внутреннимъ его преобразованіемъ. Подчинивъ своей власти заведенный имъ въ эту пору братскій коллегіатскій монастырь[180], Могила, слѣдуя примѣру академіи краковской, открылъ въ своей школѣ полный курсъ наукъ словесныхъ, начиная съ нижнихъ классовъ до философіи и богословія, завелъ библіотеку и типографію, которая впрочемъ недолго тамъ существовала, а была соединена съ лаврскою. Вмѣстѣ съ этимъ кіево-братская школа была переименована въ *коллегію*, и возведена на степень первоклассныхъ училищъ, а для приготовленія учениковъ въ новообразованную коллегію, Петръ Могила основалъ особую школу въ Винницѣ, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ прежде Лаврѣ.

Воспитанники училищъ были раздѣлены на два разряда: высшій и низшій. Къ первому принадлежали студенты богословія и философіи, называвшіеся sodales Majoris Congregationis, ко второму ученики реторики и низшихъ классовъ, носившіе наименованіе sodales Minoris Congregationis. Съ этимъ вмѣстѣ построена и конгрегаціонная училищная церковь во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба[181]. Въ настоятели этой церкви назначенъ былъ іеромонахъ, обыкновенно бывшій учителемъ реторики, который потому назывался Pater Congregationis. Впрочемъ для служенія, происходившаго здѣсь только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, опредѣленъ былъ особый изъ

учителей же священникъ бѣлаго духовенства, который бывалъ и духовникомъ воспитанниковъ, напутствовалъ больныхъ таинствами и погребалъ умершихъ.

Обновляемая внутри, кіевская коллегія видѣла умноженіе своего благосостоянія и съ внѣшней стороны. Гетманъ Петрижицкій и все кіевское дворянство, въ самый годъ прибытія Петра Могилы на митрополію, дали училищу въ вѣчное владѣніе сельцо Борщаговку. Въ 1632 году оно получило отъ нѣкоего Криштофа Сулимовскаго дворовое мѣсто[152], да по духовной записи мѣщанина Семена Татарина дворъ со строеніемъ на криницкой землѣ. Привиллегіею Владислава, короля польскаго, пожалованною 1636 года, позволено братству провести трубами воду въ монастырь, а по данной Ѳедора Семенова 1643 года, коллегія пріобрѣла дворовое мѣсто на Подолѣ[153].

Такое возвышеніе кіевской коллегіи не могло быть пріятно іезуитамъ и монахамъ другихъ орденовъ, основавшимъ еще прежде того свои училища. Отчаявшись побѣдить коллегію открытою силою, они рѣшились прибѣгнуть къ злобной хитрости. Изъ подъ руки стали они распускать слухи, что вновь сформированная коллегія отнюдь не есть православное училище, что самъ Петръ Могила есть не русскій, а какой-то злонамѣренный выходецъ, что онъ нарочно, для развращенія простаго народа, посылалъ за границу молодыхъ людей, которые, воротившись оттуда аріанами, кальвинистами и лютеранами, нынѣ въ качествѣ наставниковъ юношества распространяютъ ученіе, совершенно противное православію. Такіе толки расходились въ народѣ съ необыкновенною быстротою. Преподаваніе наукъ на языкѣ латинскомъ служило какъ бы подтвержденіемъ клеветы, распускаемой іезуитами и ихъ клевретами. Простодушные кіевляне начали уже неблагосклонно смотрѣть на коллегію, и воспитанниковъ ея величали бранчивымъ названіемъ латинниковъ и уніатовъ. Поджигаемые католическимъ духо-

венствомъ, они требовали, что если ужь нельзя обойтись безъ иностраннаго языка, то чтобы вмѣсто латинскаго введенъ былъ греческій, и наконецъ стали приступать съ угрозами къ стѣнамъ самой коллегіи. Около 1634 года волненіе это достигло высшей степени; толпами стекались козаки, подущаемые нѣкоторыми неученымі священниками изъ православныхъ, и требовали немедленнаго прекращенія ученія, угрожая въ противномъ случаѣ убить и Петра Могилу и всѣхъ коллегіальныхъ учителей. Коссовъ, на первой страницѣ своей апологіи, пишетъ, что наставники однажды уже приготовились исповѣдію къ смерти. »Это было такое время, говоритъ онъ, когда мы, исповѣдавшись, ежеминутно ожидали, что шляхта вздумаетъ начинять нами днѣпровскихъ осетровъ, или когда одного огнемъ, а другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ«. Едва кое-какъ могли образумить бунтовщиковъ. Сильвестръ Коссовъ, бывшій на ту пору префектомъ коллегіи и лично защищавшій ее словомъ убѣжденія отъ нападеній неблагоразумныхъ ревнителей чистоты вѣры, написалъ въ послѣдствіи апалогію[184], въ которой, изъяснивъ различіе догматовъ аріянскихъ, кальвинскихъ и лютеранскихъ отъ православныхъ греко-россійскихъ, увѣряетъ, что преподаватели коллегіи совершенно далеки отъ всего, что противно вѣрѣ истинной, и хотя они сами и обучались въ иностранныхъ академіяхъ, но всѣ истинно православные и всегда твердо стоятъ въ томъ. Что касается до преподаванія наукъ на языкѣ латинскомъ и вообще до латини: то »самая главная необходимость, »говоритъ Коссовъ, въ латинскихъ школахъ та, чтобы бѣдной »Руси нашей не называли глупой Русью. А то поѣдетъ бѣд»няга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ или на сеймикъ въ у»ѣздный городской судъ или земскій, смотришь — bez łaciny »płaci winy (безъ латини безъ вины виноватъ): ни судьи, ни »стряпчаго, ни ума, ни посла; глядитъ только то на того, то »на другаго, вытаращивъ глаза, какъ ворона«. Притомъ, доказываетъ Коссовъ, по привиллегіи короля Сигизмунда III, полатинѣ обучали и въ львовскомъ и въ виленскомъ православ-

номъ училищѣ, и однакожъ никто не ставилъ имъ этого въ упрекъ и поношеніе. А что теперь въ кіевскихъ школахъ преподаваніе наукъ обширнѣе, то за это надо благодарить Бога, ибо теперешнее русское юношество уже не имѣетъ надобности ѣздить за образованіемъ въ какой нибудь Ингольштадтъ или Ольмюцъ; все то можно пріобрѣсти нынѣ дома. »Ты же, заключаетъ »свою апологію Коссовъ, исполненный святыни народъ Русскій, »при иныхъ, издавна принадлежащихъ тебѣ, правахъ, прежде »помазанниками Божіими преемственно тебѣ дарованныхъ, и »нынѣ умиленнѣйше проси, какъ милости, чтобы тебѣ не воз»браняли сей манны свободныхъ наукъ, а чтобы удовлетворяя »твоей настоятельной потребности, позволяли источнику обще»полезныхъ музъ разливаться у тебя океаномъ, при содѣйствіи »твоихъ же братій, утвержденныхъ въ древней твоей вѣрѣ. Ибо »тогда только церкви твои наполнятся священниками просвѣ»щенными и богобоязненными, каѳедры твои процвѣтутъ про»повѣдниками краснорѣчивыми; потомки твои, утвержденные »въ отеческой вѣрѣ и украшенные витійствомъ, философіею, »законовѣденіемъ, прославятся мнѣніями, сужденіями, доводами »на вольныхъ сеймахъ, на трибуналахъ и земскихъ судахъ; »твои ходатаи по дѣламъ не преминутъ искать справедливости »у судовъ, какіе бы они ни были, и неусыпно станутъ обере»гать права твои. Мы же, ради ихъ и ради тебя и ради кле»ветника, завистливо расточающаго клеветы на насъ, почитаемъ »себя обязанными молить Всевышняго, да благословитъ Онъ »даровать нашей Сусаннѣ своихъ Даніиловъ«.

Къ счастію, невольное ослѣпленіе кіевлянъ продолжалось не долго. Они увидѣли, кому служили орудіемъ, и не только не мѣшали дѣтямъ своимъ поступать въ эти Horrea Apollinea, но еще усилили и свою собственную ревность различными приношеніями. »По благословенію Всевѣдущаго, говоритъ Коссовъ, »ихъ милости господа обыватели города Кіева и другихъ удѣ»ловъ стали не только наполнять наши Horrea Apollinea дѣтьми

»своими, какъ муравьями, гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ »прежде, при нашихъ предшественникахъ: но и титуловать оныя »Геликономъ, Парнассомъ и хвалиться ими«.

Не смотря однакожъ на всю энергію, съ какою Петръ Могила приступилъ къ очищенію своей паствы отъ католицизма и уніатства, онъ ни какъ не могъ совладать съ орденами монаховъ, вездѣ, гдѣ только можно, утверждавшихъ свои приходы и капитулы. Въ самомъ Кіевѣ Доминикане въ 1640 году построили на Подолѣ новый великолѣпный Никольскій монастырь[185], въ которомъ генералъ-викарій русской доминиканской провинціи Іеронимъ Грабовъ-Гроховскій открылъ тогда же и капитулъ свой[186]. Намѣстникъ Велямина-Рутскаго новый уніатскій митрополитъ Рафаилъ Корсакъ, не смотря на безспорный смыслъ королевской граматы, вздумалъ отстаивать и укрѣплять за собою дожизненныя права своего предмѣстника: но Петръ Могила не допустилъ его до этого, и въ туже пору назначилъ Выдубицкій монастырь своему коадьютору, котораго впрочемъ не имѣлъ. Неусыпно радѣя о пользахъ богоявленскаго монастыря, Могила внушилъ бывшему тогда игумену онаго и ректору коллегіи Игнатію Оксеновичу-Старушичу ходатайствовать у короля о предоставленіи братству во владѣніе двухъ кіевскихъ церквей, Трехъ-святительской и Кресто-воздвиженской[187], остававшихся долгое время въ запустѣніи и потомъ перешедшихъ въ собственность частныхъ лицъ. Просьба эта имѣла успѣхъ, и королевскою грамотою 1640 года богоявленскій игуменъ и братія его введены во владѣніе упомянутыми церквами со всѣми дворами, оброчными людьми, строеніями, грунтами, полями, сѣнокосами, пастьбищами, озерами, прудами, садками и всякимъ инымъ имуществомъ и доходами, издревле принадлежавшими тѣмъ церквамъ[188]. Все это подтверждено было въ послѣдствіи времени (1650 г.) и граматою короля Яна Казиміра.

Но что значили всѣ королевскія привиллегіи, всѣ акты и

договоры для народа, которымъ управляли нѣсколько своевольныхъ магнатовъ, котораго совѣсть убаюкивала іезуитская логика, въ основѣ своей имѣвшая *честную ложь* (pia fraus)! Ставя собственный произволъ себѣ закономъ, королевскіе чиновники притѣсняли всякаго, не принадлежавшаго къ церкви католической, въ полномъ убѣжденіи, что они, если нужно, всегда найдутъ защиту въ высшихъ сановникахъ, постоянно окруженныхъ послѣдователями Лойолы. Малороссіяне взялись за оружіе. Несчастная для нихъ битва подъ Кумейками была началомъ бѣдствій, едва прекращенныхъ граматой Владислава IV. Сеймъ 1637 года уничтожилъ всѣ прежнія преимущества и привиллегіи, отнялъ право свободнаго избиранія и сравнялъ регистроваго козака съ холопомъ. Іезуиты и уніаты ободрились, и стали настоятельнѣе дѣйствовать подъ защитой польскаго оружія и подъ предлогомъ искорененія мнимыхъ мятежниковъ королевской власти. Напрасно честный и великодушный Владиславъ IV старался оградить конституціонными граматами гонимыхъ сыновъ Церкви восточной[189]; напрасно выставлялъ онъ на видъ членовъ сейма страшный вредъ для самаго государства, происходящій отъ такихъ кровопролитій: ожесточенные магнаты ничего не слушали, и вносили огнь и мечъ въ бѣдствующую Украйну. Самый Кіевъ подвергался болѣе или менѣе жестокимъ опустошеніямъ, и только крѣпкая рука Петра Могилы могла удержать іезуитовъ и уніатовъ отъ неоднократныхъ покушеній на Софійскій и Михайловскій храмы; только имя его одного еще держало въ границахъ нѣкоторой умѣренности враговъ кіевской коллегіи. Все прочее подвергалось грабежу и разоренію. Толпы вооруженныхъ Поляковъ безпрепятственно расхаживали по узкимъ улицамъ первобытной столицы Руси святой, и считали себѣ все позволеннымъ, не уважая ни святыни, ни пола, ни возраста. Подолъ, обнесенный деревяннымъ заборомъ съ такими же башнями, и окопанный ничтожнымъ рвомъ, представлялъ самую жалкую защиту для жителей, которыхъ въ обѣихъ частяхъ Кіева было всего отъ пяти до шести

тысячъ. Бопланъ пишетъ, что въ его время (около 1646 года) во всемъ Кіевѣ насчитывалось не болѣе десяти православныхъ церквей, да и то полуразрушенныхъ и ограбленныхъ[190].

По истинѣ удивительно, какъ въ такое бурное время Петръ Могила могъ удержать свою коллегію въ возможно-цвѣтущемъ состояніи! Все вокругъ волновалось и кипѣло, а въ стѣнахъ богоявленскаго братства была тишина и спокойствіе, да слышался голосъ педагога, внушавшаго юному поколѣнію »належныя науки къ цвѣченю побожнаго живота«.

Обезпеченная въ содержаніи капиталами, щедро отпускаемыми привиллегированнымъ опекуномъ своимъ, и доходами отъ селъ, деревень и дворовыхъ мѣстъ, коллегія кіевская при Петрѣ Могилѣ не имѣла большой надобности въ тѣхъ пособіяхъ, къ которымъ въ послѣдствіи принуждена она была прибѣгать. Хотя Петръ Могила и учредилъ такъ называемыя *конгрегаціи*, имѣвшія цѣлію сборъ доброхотныхъ подаяній: но онѣ существовали только, какъ болѣе торжественный обходъ всѣхъ вписанныхъ членовъ училищнаго братства. Могущественное вліяніе Петра Могилы отстраняло отъ коллегіи всѣхъ посягателей на какую бы то ни было ея собственность, и воспитанники, равно какъ и наставники сего училища во сто разъ меньше чувствовали тѣ нужды, какія обременяли обывателей напаствуемаго города.

Естественно, что при такомъ благосостояніи училища, и науки, введенныя въ него Могилою, должны были находиться въ цвѣтущемъ состояніи. Съ пріумноженіемъ учебныхъ предметовъ послѣдовало и отличное отъ прежняго распредѣленіе классовъ. Такъ какъ первою статьею училищной инструкціи поставлялось изученіе языковъ: латинскаго, славянскаго и греческаго, то для этого открыты были четыре низшіе класса. Въ первомъ изъ нихъ обучали читать и писать, но непремѣнно

на трехъ языкахъ, а не на одномъ славянскомъ, какъ это было въ приходскихъ школахъ; этотъ классъ назывался *Аналогіею* или *Фарою*. Во второмъ классѣ, именуемомъ *Инфимой*, пріучали учениковъ уже къ граматическому разбору, не заходя впрочемъ далѣе первоначальныхъ понятій. Въ классѣ *Грамматики* прочитывались уже сполна граматики означенныхъ языковъ съ подробнымъ филологическимъ разборомъ; за тѣмъ ученики переходили въ классъ *Синтаксимы*, гдѣ они практиковались въ переводахъ съ означенныхъ языковъ на русскій и славянскій и обратно. Кромѣ сего здѣсь преподавали катихизисъ, ариѳметику, нотное пѣніе и отчасти инструментальную музыку. Окончившій ученіе въ низшихъ классахъ переходилъ въ средніе, которыхъ было два: классъ поэзіи или *Піитики*, и классъ *Реторики*.

Замѣчательно такое распредѣленіе уроковъ словесности. Теперешнія наши понятія о поэзіи представляютъ ее, какъ вѣнецъ и высшее проявленіе обработаннаго ученымъ образомъ слова человѣческаго: но не такъ было въ то время. Коллегія разумѣла поэзію, только какъ artem pangendi versus — какъ искуство сплетать вирши, и конечно, потому поставила ее прежде реторики, что по опыту знала, что это ремесло не требуетъ большаго труда и строгой послѣдовательности мыслей, особенно подъ защитой нарочно придуманной для этого вольности піитической (licentia poëtica), что механическая работа стихосложенія сама собою вызываетъ слово за словомъ, особенно, если стихи еще не чуждаются рифмы: тогда уже и мысли самыя, говоря словами Пушкина, *двѣ придутъ сами, третью приведутъ*. А всякій порядочный ученикъ переходилъ изъ синтаксимы въ поэзію съ огромнымъ запасомъ равнозначащихъ выраженій, эпитетовъ и сближенія понятій. Надобно было придумать средство къ установкѣ всего этого въ какомъ нибудь порядкѣ, и для сего тогдашніе ученые признали лучшимъ извѣстное количество слоговъ, метръ, цезуру и проч. Невольно этими услов-

ными берегами стѣснялось разливное море словъ и понятій, накопленныхъ отъ неизбѣжныхъ справокъ съ лексиконами при синтаксическихъ переводахъ, и отъ критическаго выбора того или другаго болѣе годнаго выраженія. Стѣсняемый правилами піитики, ученикъ свободнѣе потомъ писалъ въ классѣ реторики, которая уже не предписывала ему ни метра, ни цезуры, а между тѣмъ онъ тутъ являлся уже пріученнымъ къ обдумыванію каждаго ставимаго на бумагу слова. Но пріучая механическимъ слаганіемъ виршей къ правильному сочетанію понятій и предложеній, наставники поэзіи въ тоже время сообщали своимъ питомцамъ современныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи, начиная отъ эпопеи до простой надписи на какомъ либо памятникѣ. Такимъ образомъ въ учебникѣ, дошедшемъ до насъ отъ времени Петра Могилы (1637 г.) усматриваемъ, что тогда трактовали о происхожденіи, достоинствѣ и значеніи поэтовъ, о томъ, что можетъ быть предметомъ поэтическихъ произведеній, и какъ раздѣляется поэма, что такое эпопея, комедія, трагикомедія, трагедія, буколическая, элегическая, идиллическая, дидактическая и сатирическая поэзіи и наконецъ истолковывали всѣ виды эпиграмы или надписей[191].

Миѳологія, считавшаяся необходимой принадлежностью поэзіи, была преподаваема въ коллегіи съ нарочитой обширностью и съ малѣйшими подробностями. Знаніе этой науки было до того развито въ воспитанникахъ, что кромѣ стихотворныхъ издѣлій, наполняемыхъ всѣми богами языческаго Олимпа, не свободны были отъ миѳологическихъ примѣненій даже и такія сочиненія, которыя легко могли бы обойтись безъ этого. Самые проповѣдники и богословы рѣшались иногда облекать христіанскія истины въ одежду языческую, не подозрѣвая ни мало въ простотѣ сердца неприличія такихъ сочетаній[192].

Преподаваніе реторики ничѣмъ не отличалось отъ того, какимъ оно было въ знатнѣйшихъ того времени высшихъ ев-

ропейскихъ училищахъ. Въ руководствахъ, относящихся къ XVII вѣку, реторику раздѣляли то на двѣ, то на три части: но каждая изъ нихъ имѣла предметомъ своимъ одно и тоже. Сначала говорили объ изобрѣтеніи мыслей, потомъ о расположеніи и наконецъ о выраженіи. Къ этому иногда были присовокупляемы правила, какъ сочинять рѣчи и письма поздравительныя, привѣтственныя, благодарственныя, просительныя, прощальныя и надгробныя. Этимъ по большей части и ограничивался курсъ реторики[193].

Впрочемъ въ составъ ея входили иногда и изслѣдованія о церковномъ краснорѣчіи: но эта наука, какъ и слѣдовало, отнесена была къ классу богословія и преподавалась уже тѣмъ, которые имѣли въ непродолжительномъ времени поступить въ проповѣдники слова Божія.

Съ реторикою была иногда соединяема и діалектика, составлявшая какъ бы переходъ отъ наукъ собственно словесныхъ къ наукѣ свободнаго мышленія. Это былъ непрерывный рядъ схоластическихъ диспутацій, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на нѣсколько вопросовъ, и потомъ на нѣсколько болѣе частныхъ пунктовъ, дробилась далѣе на частнѣйшія положенія, которыя съ своей стороны вызывали по нѣскольку возраженій и наконецъ опроверженій. Посредствомъ такой почти механической работы молодые умы заранѣе приготовлялись къ ловкости и оборотливости мышленія и къ критическому принятію того, что готовила имъ каѳедра философіи[194].

Классы реторики и поэзіи никогда не были скудны слушателями; ибо тутъ именно преподавалось то, что было самымъ необходимымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ училища. Съ готовой привѣтственною рѣчью или праздничными виршами школьникъ всегда былъ не лишнимъ на домашней пирушкѣ какого нибудь зажиточнаго обывателя, и возвеличивъ такимъ об-

разомъ своего милостивца, имѣлъ полную надежду уйти отъ него не съ пустыми руками. Замѣчательно, что на изученіе сихъ двухъ видовъ словесности полагалось всего только одинъ годъ, а между тѣмъ и этого короткаго срока достаточно было для того, чтобъ воспитанники переходили въ высшій классъ уже довольно приготовленными; значитъ, въ синтаксимѣ они развивались уже въ совершенствѣ и являлись въ словесной аудиторіи съ немалымъ запасомъ свѣдѣній въ языкахъ, какъ существенномъ условіи ихъ успѣховъ въ дѣлѣ сочинительскомъ.

Высшихъ классовъ было два: философскій и богословскій. Кіевская коллегія, поставленная Могилою на ряду съ знаменитѣйшими училищами Европы, съ самаго преобразованія своего, повела науку той стезей, какою она шла у прочихъ просвѣщенныхъ націй. Но вмѣстѣ съ этимъ коллегія устранила философію отъ всякаго вліянія на ученіе евангелія, и потому-то, оставаясь вѣрною данному ей направленію, она никогда не имѣла въ нашемъ отечествѣ того опаснаго и мятежнаго характера, какой раскрывался въ ней время отъ времени на западѣ Европы и разразился потомъ въ возмутительныхъ ученіяхъ, ниспровергнувшихъ благосостояніе цѣлыхъ народовъ. Осторожные преподаватели въ древней коллегіи оставляли метафизику, какъ соприкасавшуюся слишкомъ часто съ богословіемъ, самою меньшею и почти незамѣтною частію философіи. Корифеемъ этой науки въ то время былъ Аристотель. Несокрушимое владычество его процвѣтало и тогда, когда Англія уже имѣла Бэкона (Bacon) и Локка, а Франція Декарта. Подражая въ этомъ отношеніи старѣйшимъ училищамъ въ Европѣ, кіевская коллегія тоже вела у себя философскую науку по указанію Аристотеля. Дошедшія до нашего времени руководства, относящіяся къ XVII вѣку, всѣ составлены по одному образцу, и обыкновенно раздѣлены на три главныя части: философію умственную или логику, естественную или физику и божественную или метафизику. Первой части почти всегда предшествовала діалектика, въ ко-

торой прежде всего разсуждаемо было о законахъ, руководствующихъ разсудокъ въ его дѣйствіяхъ. Сообщивъ свѣдѣнія о самомъ законѣ и его природѣ, діалектика приступала къ раскрытію перваго разсудочнаго дѣла, именно: составленія понятій, за тѣмъ предложеній и наконецъ доказательствъ, или силлогистическихъ умозаключеній. Такимъ образомъ это была какъ бы теоретическая часть философіи умственной; нарицаемая же логика становилась въ этомъ случаѣ наукою прикладною, ибо тѣже самые законы мышленія она прилагала только къ разнымъ случайностямъ умственнаго дѣланія. Вторая часть науки философской—физика была обширнѣе всѣхъ: общее начало всѣхъ вещей, матерія, форма и ихъ видоизмѣненія; природа и свойство предметовъ видимыхъ, и жизнь ихъ, какъ самихъ въ себѣ, такъ и внѣ себя; безконечное въ его качествахъ; пространство, время и физическая пустота; законы общаго движенія; наконецъ душа вообще и душа разумная со всѣми ея силами и способностями—вотъ предметы, которыми занималась естественная философія временъ давноминувшихъ. Остальная часть, именовавшаяся философіей божественной или метафизикой, была ограничиваема лишь разсужденіями о существѣ возможномъ, какъ произведеніи ума философствующаго и наконецъ о существахъ безтѣлесныхъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что на философской каѳедрѣ были предлагаемы и разбираемы всѣ тѣ вопросы, какими оглашались въ то время обширнѣйшія аудиторіи европейскихъ университетовъ. Но не смотря на то, что коллегіальное начальство старалось поддерживать любовь къ этой наукѣ, включивъ адептовъ ея въ разрядъ Majoris Congregationis; не смотря на то, что для слушанія философіи положено было ровно два года,—суровая строгость и головоломная сухость этой науки какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украйны. Они уважали ее, даже поставляли за честь себѣ отличаться діалектической тонкостью: но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно, всей душой

привязаться къ этой наукѣ, погрузиться, такъ сказать, въ глубину ея ни у кого не доставало охоты. Какъ будто въ духъ и душу воспитанниковъ православной коллегіи вросло то правило *совѣтованія о благочестіи,* которымъ повелѣвалось »всею »душею въ смиренномудріи утверждаться на догматахъ и пи»саніяхъ святыхъ отцевъ вселенскихъ, а не основываться на »латинскихъ силлогизмахъ и хитро ими извращенныхъ писаніяхъ »и не обучаться имъ«[195]. Ихъ не прельщало и то, что въ этомъ классѣ преподаваемы были геометрія и астрономія[196]; хотя и обучались они этимъ наукамъ, но мысли ихъ были устремлены на другой важнѣйшій предметъ.

Выше всѣхъ наукъ въ кіевской коллегіи стояло богословіе, какъ предметъ, характеризующій спеціальность этого училища. »Еслибы изшедшіе отъ насъ, говорилъ одинъ депутатъ на сеймѣ »1620 года, не возстали на насъ: то такія науки, такія учи»лища, такое число достойныхъ ученыхъ людей не явились бы »въ русскомъ народѣ; ученіе въ храмахъ нашихъ по прежнему »было бы покрыто пылью нерадѣнія«[197]. Мы уже видѣли, что было причиною возникновенія училищъ на юго-западѣ Россіи; знаемъ, съ кѣмъ приходилось вступать въ религіозное состязаніе защитникамъ православія, и потому не сочтемъ удивительнымъ, что богословіе въ то время было преимущественнѣйшею наукой. Оно читалось съ величайшей обширностію и отчетливостью, и потому полный курсъ богословія оканчивался не иначе, какъ въ четыре года. Всякій вопросъ по неволѣ сталкивался съ убѣжденіями и вѣрованіями, противными духу православія, и отъ того преподаваніе этой науки неизбѣжно принимало характеръ нѣсколько полемическій, и слѣдовательно въ высшей степени интересный, по соприкосновенію и частному обращенію слушавшихъ уроки съ лицами неправовѣрующими. Если присовокупить къ сему и то еще, что преподавателями богословія избираемы были люди самые ученѣйшіе и читали его съ искреннимъ увлеченіемъ: то ни мало не покажется удивительнымъ,

что наука эта была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи въ древней кіевской коллегіи.

Вся Европа состояла тогда подъ игомъ такъ называемаго схоластицизма, которому подчинены были даже и такія науки, какъ богословіе. И здѣсь господствовалъ Аристотель съ своей стѣснительной систематичностью, съ узкими формулами своей методики. Всѣ заведенія руководствовались, по части богословія, системою Ѳомы Аквината, носившаго пышное названіе Doctoris Angelici et Divini, и только лучшій изъ тогдашнихъ университетовъ парижскій рѣшился отступить отъ этого авторитета, издавъ въ 1658 году свою особую систему богословія: Summa Theologiae Scholasticae: но и она, какъ видно изъ самаго заглавія, закована была все въ тѣже оковы схоластицизма, какія лежали на всѣхъ прочихъ руководствахъ по сему предмету.

Первые наставники могилинской коллегіи, сами воспитавшіеся за границей, не смѣли съ перваго же раза измѣнить авторитету, руководившему ихъ въ изученіи важнѣйшей изъ наукъ. Тотъ же Ѳома Аквинатъ явился и въ Россіи съ своей системою[198]. Его придерживались, какъ школьнаго руководителя: но живые интересы, затрогиваемые современными событіями, неизбѣжно должны были вызывать наставниковъ на рѣшеніе такихъ вопросовъ, о которыхъ Аквинатъ вѣроятно и не думалъ. Нельзя было миновать тѣхъ мнѣній, которыя ревностно были распускаемы между народомъ и служили въ подрывъ православію: ибо въ Кіевѣ было все — и католицизмъ и лютеранство, и уніаты и армяне и кальвинисты и социніане и наконецъ евреи. Спорный вопросъ невольно заставлялъ преподавателя отрываться отъ Аквината и вести рѣчь не »латинскими силлогизмами«, а отъ догматовъ и писаній святыхъ отцовъ восточныхъ. Системы богословскія, въ непродолжительномъ послѣ сего времени появившіяся въ кіевской коллегіи, отличающіяся своеродностію взгляда и особенностію плана, служатъ очевиднымъ доказатель-

ствомъ того, что въ дѣлѣ богословствованія наши ученые не довольствовались европейскими образцами и пошли дальше, оставивъ назади своихъ руководителей.

Въ классѣ богословія, какъ выше упомянуто, была преподаваема и гомилетика: но подчиненная общимъ реторическимъ пріемамъ, она мало была приспособлена къ высокому дѣлу проповѣданія слова Божія. Тогда не считалось не приличнымъ святыя преданія Церкви мѣшать съ баснями миѳологическими, нападать на противника со всѣмъ жаромъ полемики безъ большой разборчивости въ выраженіяхъ. Самое расположеніе бесѣдъ и поученій неизбѣжно подчинялось классическимъ образцамъ, и превосходное на римскомъ форумѣ ошибочно почиталось хорошимъ и на каѳедрѣ церковной. Но не смотря на недостаточность школьнаго преподаванія гомилетики, всѣ наставники коллегіи, согласно волѣ и распоряженію мудраго основателя ея, обязаны были говорить поученія въ храмѣ Божіемъ. На всякій воскресный и праздничный день назначаемъ былъ очередной коллегіатъ, который проповѣдывалъ въ большой братской церкви. Кромѣ этого установлены были такъ называемыя *инструкціи*, изъ коихъ одна называлась *великою*, а другая *малою*. Первую составляли поученія, которыя были произносимы чрезъ весь годъ передъ позднею литургіей учителемъ реторики или префектомъ въ классѣ реторическомъ. Предметомъ этой инструкціи было систематически-послѣдовательное истолкованіе какой либо цѣлой книги изъ ветхаго, а чаще изъ новаго завѣта. Кромѣ воспитанниковъ, обязанныхъ непремѣнно бывать на этой инструкціи, къ слушанію ея безпрепятственно были допускаемы и лица постороннія, и особенно богомольцы, приходившіе изъ дальнихъ странъ на поклоненіе святынѣ Кіева. *Малая* инструкція состояла въ изъясненіи народу православнаго катихизиса. Это дѣлалось на ранней обѣдни, для чего избираемъ былъ одинъ изъ младшихъ учителей, который въ теченіи цѣлаго года являлся на каѳедрѣ церковной съ своими поученіями.

Главнѣйшимъ изъ языковъ, преподаваемыхъ въ древней коллегіи, былъ языкъ латинскій. На него было обращено особенное вниманіе какъ потому, что онъ былъ, по выраженію патріарха Паисія, »благопотребенъ тогда кіевлянамъ, яко между латинами живущимъ«[199], такъ и по той причинѣ, что это былъ классическій языкъ, на которомъ во всѣхъ европейскихъ училищахъ преподаваемы были всѣ вообще науки. Безъ этого языка нельзя было пріобрѣсти названіе образованнаго человѣка. За тожь въ кіевской коллегіи приняты были всѣ мѣры, чтобы усовершить воспитанниковъ въ знаніи латини. Едва ребенокъ поступалъ въ школу, ему тотчасъ давали въ руки латинскій букварь, и отчета въ заданномъ урокѣ требовали гораздо строже, чѣмъ по другимъ языкамъ. Придти въ училище съ невыученнымъ урокомъ и скрыть свое незнаніе не было никакой возможности: ибо пока доберется учитель до ученика, онъ обязанъ былъ проговорить свой урокъ предъ однимъ изъ прилежнѣйшихъ своихъ товарищей, которому поручаемо было наблюденіе и надзоръ за успѣхами нѣсколькихъ человѣкъ. Этотъ строгій блюститель, называвшійся *авдиторомъ* (auditor), выслушавъ одного изъ подвѣдомственныхъ себѣ, подъ личной отвѣтственностью отмѣчалъ степень его знанія или незнанія на листѣ[200], называвшемся *нотатою* или *эрратою* (notata s. errata) и представлялъ ее учителю, который по этому безъ труда могъ знать успѣхи и прилежаніе каждаго изъ своихъ учениковъ. Потачка или послабленіе со стороны авдитора строго была взыскиваема; виновный лишался авдиторскаго званія, и иногда подвергаемъ былъ и тѣлесному наказанію. Отъ обязанности сдавать уроки избавлялись только двое или трое самыхъ отличныхъ учениковъ и выслушивали самихъ авдиторовъ, называясь по этому *auditores auditorum.* Они уже непосредственно состояли подъ вѣдомствомъ учителя и только ему отдавали отчетъ въ своемъ знаніи. Въ каждую субботу происходила главная репетиція за цѣлую недѣлю и сличались отмѣтки въ нотатахъ; оказавшіеся лѣнивыми

тутъ же получали приличное вразумленіе. Это называлось тогда субботками (sabbativa).

Сверхъ этого ученики занимаемы были переводомъ латинскихъ авторовъ на языкъ русскій. Это происходило двоякимъ образомъ: устно и письменно. Послѣднимъ дѣломъ ученики занимались и въ школѣ и дома; школьныя ихъ задачки назывались *экзерциціями* (exercitiæ), а домашнія *оккупаціями* (occupationes). Для послѣднихъ ученики имѣли особыя разрисованныя тетради, связанныя въ порядкѣ, съ надписью: Liber diligentiarum — тетрадь занятій, или Codex laborum — книга трудовъ, или просто Labor — трудъ и Occupationes — упражненія. Школьныя задачки всегда были оканчиваемы въ самомъ классѣ и подавались учителю, который, прочитавъ ихъ у себя дома и подчеркнувъ, а иногда и поправивъ ошибки, наутро возвращалъ ученикамъ съ приличною рецензіей, соотвѣтственно уже даннымъ правиламъ[201]. Домашнія упражненія были предварительно показываемы авдитору, который, по мѣрѣ силъ своихъ, исправлялъ ихъ и представлялъ потомъ учителю съ надписью: *correcta;* лучшіе же изъ учениковъ подавали свои тетради прямо учителю, означая на нихъ: *non correcta.*

Такія задачки дѣлались иногда средствомъ къ соревнованію учениковъ между собою; въ такомъ случаѣ на тетради надписывалось: de calligraphia (въ чистописаніи), de diligentia (въ прилежаніи), de loco (о мѣстѣ), de erratis (на счетъ большаго или меньшаго числа ошибокъ). Соревнователь указывалъ и имя одного изъ своихъ товарищей, съ которымъ вступалъ въ такой споръ. И если въ претензіи своей онъ оказывался достойнымъ требуемаго преимущества, въ такомъ случаѣ получалъ должное; буде же затронутый ученикъ не только не уступалъ ему, но даже превосходилъ своего противника въ затѣянномъ имъ спорѣ: тогда ему предоставлялось право искать удовлетворенія, и те-

традь обиженнаго такимъ совмѣстничествомъ требовала несостоятельному претенденту розогъ (de plagis). Иногда эти упражненія бывали средствомъ получить то, въ чемъ нуждался бѣдный школьникъ. На уцѣлѣвшихъ тетрадяхъ мы читаемъ надписи: de pane (о хлѣбѣ), de candella (о свѣчкѣ), de indutio (объ одежѣ), de calceis (объ обуви),—и грустно становится, когда подумаешь, какимъ лишеніямъ обрекали себя эти люди, которыхъ удерживала при школѣ одна лишь жажда къ просвѣщенію,—грустно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадно, ибо знаешь, что изъ этихъ горемыкъ выходили потомъ знаменитые пастыри Церкви, ученые и государственные мужи.

Воспитанники низшихъ классовъ и особенно синтаксимы непремѣнно обязаны были объясняться между собою на языкѣ латинскомъ, хотя бы то было внѣ школы. Провинившійся въ этомъ или сказавшій что либо граматически-неправильно, тотчасъ получалъ отъ товарища calculum—узенькій, столпцеватый бумажный свертокъ, вложенный въ небольшой футляръ. Имѣющій эту явную улику своего преступленія всѣми силами старался сбыть calculum кому либо менѣе его осторожному и опытному въ языкѣ латинскомъ,—и горе, если этотъ свертокъ оставался у кого нибудь черезъ ночь! Авдиторъ отмѣчалъ тогда: pernoctavit apud dominum N (переночевалъ у господина такого-то), и бѣдный dominus подвергался стыду и поношенію отъ своихъ товарищей, да сверхъ того и тѣлесному наказанію отъ учителя.

За латинскимъ языкомъ слѣдовало изученіе языка славянскаго и мѣстнаго русскаго[202]: но что это были за языки! Странная и нескладная смѣсь польскихъ и малороссійскихъ выраженій—вотъ та рѣчь, которая иногда встрѣчалась между лучшими сословіями, говоримъ: иногда, потому что въ высшемъ классѣ болѣе любили говорить по-польски, чѣмъ древнимъ, прекраснымъ

языкомъ, уцѣлѣвшимъ въ народныхъ думахъ и пѣсняхъ, и нѣсколькихъ договорныхъ и актовыхъ сдѣлкахъ. Въ самомъ низшемъ слоѣ общества оставалось, правда, то сильное и неиспорченное нарѣчіе, которое такъ прельщаетъ насъ въ воззваніяхъ Хмельницкаго и его сподвижниковъ: но то былъ языкъ *хлопскій,* и подавленная польщизною русская народность не замѣчала, что враги ея посягали на одно изъ лучшихъ достояній народа, рабски поддѣлывавшагося подъ говоръ своихъ притѣснителей. Представители кіевской учености, кажется, меньше всѣхъ хотѣли это видѣть; оно и то сказать, въ полемико-ожесточенныхъ спорахъ за первѣйшее достояніе Руси православной некогда было выбирать слова и наблюдать чистоту слога; нужно было говорить съ противной партіей тѣмъ языкомъ, который она лучше понимала, и Русскіе говорили: но въ рѣчахъ ихъ, кромѣ русской души, не было ни одного чисто русскаго оборота. Не могло этому горю пособить и изученіе языка славянскаго, сохранявшагося въ книгахъ церковныхъ; извѣстно, что всякій языкъ совершенствуется не столько теоретическимъ изученіемъ, сколько практическимъ его употребленіемъ; посему-то школьное изученіе языка церковно-славянскаго приносило только ту пользу изучавшимъ его, что позволяло понимать все, что пишется въ нашихъ священныхъ книгахъ: но какъ скоро доходило дѣло до передачи или до объясненія тѣхъ же самыхъ вещей народу, надобно было прибѣгать къ нарѣчію, ходившему среди его, и замѣнять прекрасное, но не совсемъ понятное слово дурнымъ, исковерканнымъ, но знакомымъ всѣмъ и каждому.

Тѣмъ не менѣе теоретическое изученіе русскаго языка и филологическое его изслѣдованіе началось собственно на югозападѣ Россіи, и Кіевъ въ этомъ отношеніи имѣетъ едва ли не первую долю. Въ 1591 году студенты львовскаго училища составили полную еллино-слявянскую граматику: но это былъ лишь переводъ граматики греческой, и поелику въ ней нимало не взяты въ разсчетъ законы русской рѣчи: то она и не могла

привиться къ слогу книжному. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого (1596 г.) явилась славянская граматика львовскаго протоіерея Лаврентія Зизанія. Это ужъ былъ огромный шагъ впередъ. Для русской рѣчи указаны надлежащія формы; видно углубленіе въ характеръ и духъ самаго языка: но написанная нарѣчіемъ церковно-славянскимъ, бѣло-русскимъ и польскимъ, она въ самой себѣ носила живое противорѣчіе тѣмъ правиламъ о чистотѣ и правильности русской рѣчи, которыя проповѣдывала, и сама »партаючи въ писмѣ и словахъ«, отнюдь не могла »отворить всѣмъ умъ къ познанію въ преправый разумъ«[203]. Наконецъ въ 1619 году вышла въ свѣтъ граматика, которая, по опредѣленію автора, долженствовала быть »извѣстнымъ художествомъ благо и глаголати и писати учащимъ«. Это безъ всякаго сомнѣнія, было то руководство, которымъ пользовались воспитанники кіевской школы, въ бытность Мелетія Смотрицкаго преподавателемъ наукъ. Болѣе вѣка прожила она, заслуживъ честь быть извѣстною всей Россіи; самъ великій творецъ русскаго слога Ломоносовъ изъ ней почерпнулъ первыя понятія о механизмѣ той молви, которую онъ потомъ геніемъ своимъ возвелъ »въ перлъ созданія«. Кіевская Академія по праву можетъ считать граматику Смотрицкаго законнымъ своимъ достояніемъ: ибо правила, изложенныя въ ней, слышала она изъ устъ самаго автора, здѣсь же изучавшаго ту рѣчь, которую уложилъ онъ потомъ въ умно-придуманныя формы[204]. Положимъ, что дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе языка далеко оставило за собой правила граматики Смотрицкаго: но и въ ней осталось многое, что доселѣ можетъ считаться незамѣнимымъ, не смотря на хитрости и мудрости новѣйшихъ граматиковъ[205].

Рано юго-западъ Россіи началъ разработывать родное свое слово, какъ будто страшась за свое драгоцѣнное достояніе, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе заглушаемое чужеядными растеніями, щедро посѣваемыми отъ враговъ русской народности. Работа была механическая, не просвѣтленная наукою: но все

же въ ней виднѣлась мысль искренняя — сберечь и сохранить по возможности какое есть добро. Такъ поступилъ Лаврентій Зизаній при составленіи своего словаря[206]. Не пускаясь въ корнесловіе, не дѣлая никакихъ другихъ филологическихъ изслѣдованій, онъ только собиралъ извѣстныя ему русскія и славянскія слова, и объяснялъ ихъ иногда реченіями польскими и бѣлорусскими, какъ болѣе употребительными въ томъ краю. Очевидно, что ближайшею цѣлію такого собиранія было желаніе уяснить тѣ выраженія, которыя сдѣлались уже не такъ доступными понятію слушавшихъ Зизаніевы уроки: но наука находитъ нынѣ въ этомъ высшую пользу. Кіеву предоставлена была честь видѣть у себя ученѣйшаго филолога того времени, если не въ школѣ, то въ нѣдрахъ его изучившаго тотъ языкъ, которому онъ былъ чуждъ по своему происхожденію. Это былъ *Памва Берында,* молдаванскій уроженецъ, прибывшій въ Кіевъ въ началѣ XVII вѣка. Его познанія и страсть къ ученымъ занятіямъ скоро нашли себѣ должное упражненіе. Когда Кіево-печерская Лавра пріобрѣла себѣ стрятинскую типографію Балобана[207]; Берында опредѣленъ былъ къ ней начальникомъ. Тутъ-то раскрылась въ немъ та страсть къ филологическимъ изслѣдованіямъ, которой мы обязаны первымъ, правильно составленнымъ славяно-русскимъ лексикономъ[208]. Его поразило богатство славянской молви, имѣвшей »оквитое залецене (важное значеніе) »не толко отъ писмъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ зъ »еллинского нимъ претлумачоныхъ (переведенныхъ) але (но) »изъ божественной литургіи и иныхъ таемницъ (таинствъ), ко»торыя ся тымъ языкомъ въ великой и малой Россіи, въ Сербіи, »Болгаріи и по инымъ сторонамъ отправуютъ«. Ему прискорбно стало, что по причинѣ трудности къ уразумѣнію нѣкоторыхъ словъ славянскихъ и самая Церковь россійская многимъ »власнымъ (собственнымъ) сыномъ своимъ въ огиду (недобрую славу) »приходитъ«, и для того онъ предпринялъ дѣло, котораго до него только едва коснулся Зизаній. Все было для Берынды средствомъ къ уясненію того или другаго слова: и польско-

русское нарѣчіе тогдашняго времени, и филологическія замѣтки древнихъ писателей, и ссылки на свящ. книги, и языки еврейскій, греческій, латинскій и молдавскій.

Но всѣ эти многополезные труды были только частнымъ дѣланіемъ мужей просвѣщенныхъ. Изъ нихъ даже видно, что кіевская коллегія была крайне бѣдна познаніями въ языкѣ чисто русскомъ, и что сами руководители ея въ этомъ дѣлѣ не могли оторваться отъ того говора, который былъ общеупотребительнымъ въ Кіевѣ и во всей юго-западной Россіи. Тѣмъ не менѣе школа, по мѣрѣ силъ и возможности, старалась очищать родную рѣчь отъ наносныхъ выраженій и значительно успѣвала въ этомъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Іезуиты, возмутившіе Кіевлянъ противъ коллегіи, между прочимъ, и тѣмъ, что въ ней находится въ большомъ пренебреженіи языкъ греческій, къ явному предпочтенію предъ нимъ латинскаго, нѣкоторымъ образомъ имѣли основаніе. Хотя Коссовъ въ своей апологіи и обѣщался поставить грецизмъ на такую степень, что онъ будетъ ad chorum, а латинь ad forum: но тѣмъ дѣло и кончилось; языкъ греческій и послѣ этого ни какъ не могъ крѣпко привиться къ школьному образованію кіевскихъ коллегіатовъ. Патріархъ Паисій, въ граматѣ своей училищному братству, упоминаетъ, что языку греческому обучали тамъ только *отчасти*[209]. Главнѣйшую причину сего должно искать въ томъ, что языкъ сей въ тогдашнее время былъ мертвымъ даже въ учебномъ отношеніи: ибо все относящееся къ школьному кругу въ цѣлой Европѣ выходило и печаталось на языкѣ латинскомъ, и слѣдовательно, если изученіе послѣдняго было неизбѣжимою надобностію, то знаніе перваго могло быть только ученою роскошью, а въ то время не до нея было кіевскимъ коллегіатамъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ языкъ греческій былъ вовсе въ пренебреженіи; иначе коллегія не произвела бы

такихъ еллинистовъ, какъ Славеницкій, Сатановскій и подобные имъ.

До Петра Могилы въ школахъ кіевскихъ существовало преподаваніе и польскаго языка: но съ переименованіемъ оныхъ въ коллегію и съ введеніемъ новой програмы, нарѣчіе польское исключено, какъ совершенно ненужное, главнѣе всего потому, что имъ говорило почти все народонаселеніе Кіева, а грамматическое изученіе онаго не представляло никакого дѣльнаго результата. Такому исключенію можетъ быть содѣйствовало еще и то обстоятельство, что нарѣчіе это принадлежало отъявленнымъ гонителямъ православія и притѣснителямъ Украйны, которые презрительно смотрѣли на угнѣтенный народъ и самый говоръ его прозвали *хлопскимъ*.

Главноначальствующими лицами въ коллегіи, какъ и прежде, были ректоръ и префектъ. Къ нимъ въ настоящую пору былъ присоединенъ суперъ-интендентъ и нѣсколько учителей, въ вѣдомствѣ которыхъ состояли *товарищи братства младшаго* (sodales minoris congregationis).

Обязанности ректора, какъ главнаго лица въ коллегіи, были многоразличны. Какъ игуменъ братскаго монастыря, онъ предсѣдательствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ монастырскихъ и предстоятельствовалъ во время богослуженія, имѣя ближайшій надзоръ и наблюденіе за нравственностію иноковъ и всей братіи. По должности наставника, онъ занималъ обыкновенно каѳедру богословія, исправляя въ тоже время обязанность надзирателя и ревизора включительно по всѣмъ частямъ училища. Въ силу этого наставники представляли ему свои учебные отчеты, составляемыя ими руководства, а воспитанники ему, какъ главному лицу, обязаны бывали дальнѣйшей своей *промоціи* (promotio) въ высшіе классы. Для удостовѣренія въ успѣхахъ учениковъ, принадлежавшихъ къ младшему братству (minoris congregationis),

кромѣ учительскихъ аттестацій, ректору были представляемы изъ низшихъ классовъ оккупаціи и экзерциціи, а изъ среднихъ латинскіе, славянскіе и польскіе стихи, а также рѣчи и письма разнаго рода. По разсмотрѣніи ихъ, ректоръ утверждалъ или отмѣнялъ распоряженія наставниковъ о переводѣ того или другаго ученика въ высшій классъ. Завѣдывая такимъ образомъ и монастыремъ и училищемъ, ректоръ имѣлъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи общіе монастырскіе и училищные доходы, и назначалъ, съ вѣдома значительнѣйшихъ лицъ братства, то или другое количество суммы на разныя потребности собственно коллегіи. Въ его же рукахъ находились судъ и расправа за всякій поступокъ наставника или ученика, противный правиламъ чести и общественнаго долга; на его отвѣтственности лежало, чтобы »въ собраніе ученическое неспокойныхъ не при»нимать, а найпаче остерегая того накрѣпко, чтобъ ученіе было »благочестивое, христіанское восточнаго исповѣданія, а отступ»никовъ и еретиковъ і противниковъ вѣре грекороссійской въ »тѣ школы не допускать и прелесть противнаго исповѣданія і »еретическая обученія весьма отсѣкать и іскоренять, а студен»товъ, которые явятца кому въ чемъ винны, унимать и смирять, »и по винамъ ихъ управу чинить, ни въ чемъ имъ не наровя, »и ни до какова своеволства ихъ отнюдъ не допущая«[210]. Только уголовныя дѣла выходили изъ круга суда и расправы, чинимыхъ ректоромъ: но и въ этомъ случаѣ не обходилось безъ училищнаго начальства, которое посылало отъ себя, въ качествѣ депутата, кого либо изъ младшихъ учителей.

Префектъ, до назначенія суперъ-интендентовъ, совмѣщалъ въ себѣ и инспектора и эконома и профессора. Въ настоящую эпоху онъ былъ оставленъ при двухъ только послѣднихъ обязанностяхъ. Предметомъ его въ учебномъ отношеніи, были собственно науки философскія, а по части экономіи, онъ имѣлъ въ непосредственномъ своемъ завѣдываніи продовольствіе и содержаніе студентовъ и учениковъ.

Суперъ-интендентъ былъ избираемъ обыкновенно изъ учителей minoris congregationis. Черезъ годъ его перемѣняли, если умѣньемъ вести свое дѣло не заслуживалъ отъ всего коллегіальнаго начальства лестнаго приглашенія еще продолжать свою службу. Обязанности суперъ-интендента были чрезвычайно обширны: онъ долженъ былъ наблюдать за благочиніемъ питомцевъ и тѣхъ, которые жили въ бурсѣ, и тѣхъ, что на квартирахъ, и наконецъ за приходскими школами. Для облегченія этой многотрудной обязанности въ помощь суперъ-интенденту были назначаемы *визитаторы* (visitatores) по нѣскольку изъ каждаго класса. Изъ нихъ одни были явные, а другіе тайные. Всѣ они въ свое время доносили суперъ-интенденту о состояніи подвѣдомственныхъ ему совоспитанниковъ, и сообразно ихъ донесеніямъ, суперъ-интендентъ дѣлалъ студентамъ выговоры и замѣчанія, а въ случаяхъ важныхъ докладывалъ ректору; съ учениками же онъ поступалъ рѣшительнѣй, и по мѣрѣ проступковъ ихъ, самъ наказывалъ виновныхъ, не доводя до свѣдѣнія высшаго начальства. Кромѣ этого, въ пособіе себѣ, суперъ-интендентъ, для присмотра за учениками, проживавшими въ бурсѣ, назначалъ въ каждую комнату *сеніоровъ* (seniores) и одного *директора* изъ благонравнѣйшихъ студентовъ, которому предоставлялось право, въ случаѣ провинности, дѣлать замѣчанія самимъ сеніорамъ, а учениковъ наказывать тѣлесно. Для наблюденія за порядкомъ въ церкви, избираемы были *цензоры*, строго смотрѣвшіе, чтобы всякій ученикъ велъ себя въ храмѣ Божіемъ прилично и сообразно священному мѣсту.

Обязанности ординарныхъ учителей ничѣмъ не разнились отъ нынѣшнихъ: но въ пособіе каждому наставнику назначаемы были лучшіе студенты, изъ которыхъ одни, называвшіеся *magistri sodalium*, должны были объяснять уроки въ самыхъ классахъ передъ приходомъ учителей, а другіе, подъ именемъ *инспекторовъ*, наблюдали за изученіемъ уроковъ въ жилыхъ ком-

натахъ бурсы. Въ каждомъ классѣ, кромѣ этого, былъ свой *цензоръ*, наблюдавшій за порядкомъ. У него былъ ключъ отъ класса; онъ же смотрѣлъ за чистотой и опрятностью, содержалъ алфавитный списокъ всѣхъ учениковъ, въ которомъ отмѣчалъ, кто не былъ въ классѣ или въ церкви, или кто замѣченъ былъ въ шалости. Обо всемъ этомъ онъ докладывалъ учителю передъ приходомъ его въ классъ, гдѣ и чинима была послѣ этого надлежащая расправа. Для исполненія экзекуціи избираемо было нѣсколько самыхъ худшихъ учениковъ, носившихъ названіе *калефакторовъ*[211]. Они должны были имѣть на всякій случай розги, пали (линейки) и прочіе принадлежности своего званія, а также исправлять должность бурсацкихъ истопниковъ.

Воспитанники коллегіи носили двоякое названіе: тѣ, которые принадлежали къ братству младшему (sodales minoris congregationis), назывались *учениками;* товарищи же старшаго братства (sodales majoris congregationis) носили почетное имя *студентовъ,* какъ назвалъ ихъ самъ Петръ Могила въ своей завѣщательной граматѣ[212].

Поддерживаемое и управляемое такимъ образомъ, кіевское богоявленское училище, въ честь знаменитаго и незабвеннаго фундатора и преобразователя своего, при самомъ еще началѣ, назвалось *Кіево-Могилянскою* коллегіей, и носило это имя до тѣхъ поръ, пока Высочайшею волею величайшаго изъ царей земныхъ не получило другаго, болѣе высшаго наименованія.

Неутомимый и непобѣдимый защитникъ православія[213], Петръ Могила былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ охранителей спокойствія усыновившаго его отечества. Зоркимъ окомъ слѣдилъ онъ за современными событіями, и въ самыя опасныя минуты являлся или примирителемъ волнующихся странъ угнѣтаемой Малороссіи, или совѣтчикомъ, ободрявшимъ бѣдствующихъ. Такъ, когда въ Запорожьи, по случаю сомнительнаго

поведенія Барабаша, началась междоусобная война, Могила, вмѣстѣ съ славнымъ Хмельницкимъ, старался прекратить ея ужасы[214]. Отвѣтъ короля Владислава IV, всегда любившаго козаковъ и обезсиленнаго буйными и непокорными магнатами, поднялъ съ мечемъ и огнемъ всю Малороссію. »Поневажъ, сказалъ онъ, вы воины есте: то что вамъ бронитъ стати за себе?« — и козаки стали. Петръ Могила, свѣдавъ отъ Хмельницкаго о такомъ королевскомъ дозволеніи, не только одобрилъ его предпріятіе освободить землю русскую отъ враждебныхъ племенъ, но наложилъ анаѳему на всякаго, кто откажется стать подъ его знамена[215]. Молитва за угнѣтенное отечество была одною изъ послѣднихъ молитвъ великаго первосвятителя кіевскаго: но думалъ ли онъ, что своимъ патріотическимъ воззваніемъ къ народу ослабитъ въ послѣдствіи любимую свою коллегію и подведетъ ее подъ огонь и мечъ ожесточенныхъ разорителей священнаго Кіева?...

Бывъ строителемъ и благодѣтелемъ коллегіи при жизни своей, Петръ Могила сталъ думать и о томъ, — какъ-то останется по смерти его этотъ *единственный залогъ* его просвѣщенной дѣятельности и неутомимыхъ заботъ. Посѣщенный болѣзнію и въ ожиданіи часа смертнаго, Могила наконецъ рѣшился привести всѣ дѣла свои въ порядокъ, и 22 декабря 1646 года составилъ завѣщаніе, въ которомъ самую большую долю приняла любимая имъ коллегія.

Въ силу этого завѣщанія коллегія получала отъ незабвеннаго своего благодѣтеля:

1. Дарственную запись на хуторъ Позняковщину, съ обезпеченіемъ отъ наслѣдниковъ прочихъ частей недвижимаго имѣнія завѣщателя суммою четырехъ тысячъ злотыхъ.

2. Всѣ дома, пріобрѣтенные Могилою, съ ихъ правами.

3. Пляцъ (дворовое мѣсто) Соленикоскій на Подолѣ.

4. Всю библіотеку на разныхъ языкахъ, которую собиралъ онъ въ теченіи всей своей жизни.

5. Половину всего рогатаго скота, овецъ, табуновъ и всего хозяйственнаго заведенія, какое только находилось въ устроенномъ самимъ Могилою собственномъ хуторѣ его Напологахъ.

6. Пятдесятъ пять тысячъ злотыхъ, находившихся по закладной записи у Адама Кисѣля, кастеляна кіевскаго.

7. Двадцать тысячъ злотыхъ, обезпеченныхъ на имѣніяхъ Могилы — Мухоѣдахъ и Спачинцахъ съ тѣмъ, чтобъ эта сумма была сплачена наслѣдникомъ, который пожелаетъ вступить во владѣніе означенными имѣніями; а до того времени онѣ должны были оставаться въ завѣдываніи коллегіатовъ.

8. Шесть тысячъ злотыхъ польскихъ наличными деньгами.

9. Четвертую часть изъ всего домашняго серебра.

10. Серебряную, позолоченную митру, сдѣланную на собственное иждивеніе Петра Могилы и украшенную драгоцѣнными камнями, доставшимися ему отъ его родителей.

11. Серебряный митрополичій крестъ.

12. Саккосъ бѣлаго глазета, унизанный жемчугомъ.

13. Золоченый крестикъ съ частію Животворящаго древа.

14. Обои изъ разноцвѣтной камки, отданные собственно на конгрегацію.

Кромѣ этого Петръ Могила приноситъ въ завѣщаніи »слезныя моленія«, прося преемника своего архимандрита Кіево-печерской Лавры, чтобы находящіяся за Днѣпромъ имѣнія монастыря печерскаго Вишеньки и Гнѣдинъ не были отбираемы отъ коллегіи, по крайней мѣрѣ до истеченія трехъ лѣтъ, »дабы, какъ говоритъ онъ, братія кіевскаго братскаго монастыря въ

теченіи того времени могли осмотрѣться и обзавестись хозяйствомъ«. Во вторыхъ, онъ просилъ того же архимандрита со всѣмъ печерскимъ соборомъ, чтобы они не устраняли ректора коллегіи отъ игуменства въ монастырѣ Дятловицкомъ, »ради, прибавляетъ Могила, преспѣянія моего торжественнаго обѣта объ основаніи школъ для образованія православныхъ дѣтей«. За тѣмъ, назначивъ душеприкащиковъ, Могила возлагаетъ на облагодѣтельствованныхъ имъ кіево-богоявленскихъ братій, чтобы они берегли его коллегію, какъ *единственный* его *залогъ* — іако unicum pignus meum, и наконецъ, чтобы всѣ молились о упокоеніи души его[216].

И Кіевская Академія до нынѣ свято исполняетъ священную волю одного изъ величайшихъ своихъ благотворителей. Ежегодно въ день кончины его, 31 декабря, въ братскомъ храмѣ совершается соборнѣ божественная литургія, и вслѣдъ за тѣмъ панихида, на которую сходится все ученое духовенство города Кіева. Отрадно слышать вслѣдъ за священнымъ именемъ митрополита Петра и другія имена благодѣтелей сего училища: но еще отраднѣе видѣть истинную благодарность древнѣйшаго изъ училищъ къ тѣмъ, которые подвизались въ немъ подвигомъ добрымъ и теченіе свое скончали. Невольно завидуешь тѣмъ наставникамъ, которымъ судилъ Богъ in cathedra mori, заслуживъ себѣ вѣчную память христіански-благодарнаго училища[217].

Четырнадцать лѣтъ управлялъ кіевскою митрополіей незабвенный Петръ Могила; четырнадцать лѣтъ отдыхала она отъ ожесточеннаго преслѣдованія католиковъ и уніатовъ. »Онъ пра»вительствовалъ добрѣ, говоритъ современникъ Могилы Іоакимъ Іерличъ, жилъ воздержно, и при благочестивыхъ своихъ дѣлахъ »всегда пекся о цѣлости Церкви Божіей и охранялъ овецъ своихъ«[218]. »Притязанія и притѣсненія, пишется въ лѣтописи »львовскаго братства, со стороны латинниковъ и уніатовъ хоть

»и продолжались, но не съ прежнею жестокостію, по крайней »мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока живы были король Владиславъ и ми»трополитъ Петръ Могила«[219]. Четырнадцать лѣтъ блаженствовала преобразованная и облагодѣтельствованная имъ кіево-братская коллегія, которую онъ такъ любилъ, такъ лелѣялъ; наконецъ въ ночь съ 31 декабря на 1 генваря 1647 года предалъ онъ праведную душу свою въ руцѣ Божіи, совершивъ ровно полъ-столѣтія своей жизни. Марта 19 бренные останки митрополита Петра Могилы были преданы землѣ на указанномъ имъ самимъ мѣстѣ въ большой печерской церкви у лѣваго клироса, между двумя столпами. Надъ прахомъ его нѣтъ ни монумента, ни надгробія: но Академія служитъ живымъ памятникомъ сему великому іерарху...,

Щедро и благодарно отплатила кіево-могилянская коллегія своему преобразователю; порадовала она сердце его своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, и сходя въ могилу, съ искреннимъ утѣшеніемъ говорилъ онъ: »видѣлъ я еще при жизни моей отъ »тѣхъ наукъ великую пользу для Церкви Божіей, ибо значи»тельно умножились люди ученые и благочестивые на служеніе »ей«[220]. Не было уже надобности, для приготовленія коллегіи наставниковъ, посылать воспитанниковъ въ иностранные университеты и академіи. Стремясь къ высокой цѣли, указанной великимъ преобразователемъ своимъ, коллегія кіево-могилянская, еще при жизни его, превзошла всѣ другія, подобныя ей учебныя заведенія въ Польшѣ, сдѣлалась извѣстною и за-границей, такъ что въ нее, какъ въ лучшую, начали являться молодые люди изъ всѣхъ окрестныхъ странъ для окончательнаго образованія[221].

Въ эпоху состоянія коллегіи подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ Петра Могилы ректорами оной были преемственно:

Трофимовичъ-Козловскій Исаія, »премудрый богосло-

вія учитель«, какъ названъ онъ въ Тератургимѣ. До насъ не дошла система, которую преподавалъ онъ своимъ воспитанникамъ: но довольно и пространнаго катихизиса, извѣстнаго до нынѣ подъ названіемъ *Православнаго исповѣданія каѳолической вѣры*. Оно составлено *Трофимовичемъ*, по порученію духовнаго его сына Петра Могилы, и по разсмотрѣніи на кіевскомъ соборѣ 8 сентября 1641 года, представлено было на утвержденіе константинопольскому патріарху. Въ 1643 году книга эта единогласно одобрена всѣми четырьмя патріархами восточными и признана истиннымъ исповѣданіемъ всея восточныя Церкви[222]. Всякій, кто хоть бѣгло прочиталъ это твореніе *Трофимовича*, могъ усмотрѣть, что нѣтъ ни одного богословскаго вопроса, котораго не коснулся бы онъ, и не рѣшилъ бы твердо, прямо и истинно. Можно-жъ послѣ этого судить, какова долженствовала быть полная богословская система его, въ которой онъ не стѣснялся условными формами дѣла катехизическаго и могъ давать себѣ свободу въ разсужденіяхъ о томъ или другомъ вопросѣ. *Исаія Трофимовичъ* ректорствовалъ съ 1632 по 1638 годъ. Вступивъ потомъ въ управленіе Кіево-николаевскимъ пустыннымъ монастыремъ, котораго былъ игуменомъ съ 1633 года, онъ скончался 15 марта 1651 года и погребенъ въ томъ же монастырѣ.

Початскій Софроній, получившій образованіе за-границей вмѣстѣ съ Коссовымъ, Трофимовичемъ и другими[223]. По возвращеніи своемъ, онъ назначенъ былъ, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ, проповѣдникомъ Кіево-печерской Лавры. По требованію патріарха Нектарія и по распоряженію Петра Могилы, онъ былъ назначенъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми воспитанниками коллегіи, въ Яссы, для основанія тамъ православнаго училища: но неблагопріятныя обстоятельства той страны помѣшали сему дѣлу. Между тѣмъ къ *Початскому*, какъ одному изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, константинопольскій профессоръ богословія Кордали присылалъ на рецензію сочиненіе

свое: Epistola Dogmatica о иконахъ, Евхаристіи и исхожденіи Духа Святаго. По возвращеніи изъ Молдавіи въ 1638 году, *Початскій* былъ опредѣленъ ректоромъ Кіево-могилянской коллегіи и продолжалъ сію службу до 1640 года. Бывъ потомъ переведенъ въ настоятели молдавскаго-ясскаго монастыря, *Початскій* тамъ и скончался.

Оксеновичъ-Старушичъ Игнатій, славившійся въ свое время даромъ проповѣдничества[224], »мужъ богомудрый и многоболѣзненный«. Онъ принялъ ректуру въ 1640 году[225], а въ 1642 переведенъ въ Выдубицкій монастырь игуменомъ, откуда 1650 года посвященъ въ санъ епископа могилевскаго: но по болѣзни не могъ прибыть въ свою епархію и 30 октября 1651 года скончался въ томъ же Выдубицкомъ монастырѣ.

Кононовичъ-Горбацкій Іосифъ. за свое просвѣщеніе удостоенный особеннаго вниманія Петра Могилы, и »добрѣ подвизавшійся о ученіи въ школахъ«. Онъ вмѣстѣ съ Трофимовичемъ и Оксеновичемъ посыланъ былъ отъ лица русской Церкви депутатомъ на ясскій соборъ. Тамъ всѣ они, по отзыву патріарха Нектарія, показали себя »мужами по истинѣ »достойными удивленія и всякою мудростію и знаніемъ украшенными«[226]. Въ 1642 году *Кононовичъ* избранъ былъ Петромъ Могилою въ ректоры коллегіи и находился въ сей должности четыре года[227]. Послѣ чего переведенъ въ Михайловскій монастырь, а въ концѣ 1650 года посвященъ въ епископа Бѣлорусскаго, гдѣ въ томъ же году и скончался.

Гизель Иннокентій былъ послѣднимъ ректоромъ при жизни Петра Могилы. Въ самый годъ вступленія своего въ ректоры коллегіи (1646 г.) онъ имѣлъ прискорбіе лишиться величайшаго изъ благодѣтелей своихъ, который и на смертномъ одрѣ не переставалъ заботиться о благосостояніи любезныхъ своихъ коллегіатовъ. *Гизелю* досталась въ удѣлъ рѣдкая честь:

ему, по завѣщанію Петра Могилы, усвоено по самую смерть титло »*благодѣтеля и покровителя кіевскихъ школъ*«. Много, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, студентовъ »въ цвѣтущей »младости вразумилъ и искусныхъ въ книжной премудрости по»казалъ«: но много онъ испыталъ и скорбей. »Видѣти бо, »продолжаетъ краснорѣчивый панегиристъ его св. Димитрій, »войнами истощенную Украйну христіанскую, развѣ то не бо»лѣзнь? Слышати проливающуюся кровь правовѣрныхъ, развѣ »то не воздыханіе? Видѣти не одинъ разъ утѣсненную отъ »непріятелей обитель святую, развѣ то не болѣзнь? Слышати »близко сверкающій мечъ басурманскій, развѣ то не воздыханіе? »Видѣти волковъ мысленныхъ, нападающихъ на духовное его »стадо, развѣ то не болѣзнь? Въ тѣхъ всѣхъ болѣзнѣхъ и воз»дыханіяхъ былъ, яко мѣдь въ пещи раздеженнѣ, единымъ ток»мо прохлаждался Богомъ«[228]. Въ 1650 году *Гизель,* уволившись отъ училищной службы, и при всемъ томъ оставаясь членомъ братства, былъ переведенъ въ Кирилловскій монастырь, а черезъ два года въ Николаевскій игуменомъ. Въ 1656 онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита Кіево-печерской Лавры, и въ теченіи двадцати-семи-лѣтняго управленія своего сею обителью, заслуживъ отъ современниковъ высокое названіе »столпа и подпоры въ Церкви Божіей«[229], окончилъ многотрудную, подвижнически-ученую жизнь свою 18 ноября 1684 года и погребенъ въ великой лаврской церкви въ усыпальницѣ подъ лѣвымъ клиросомъ[230]. Изъ сочиненій его пользуется особенной извѣстностью *Синопсисъ* или *краткое описаніе о началѣ славенскаго народа и о первыхъ кіевскихъ князьяхъ до государя царя Ѳеодора Алексѣевича.* За неимѣніемъ въ то время лучшаго руководства по исторіи, *Синопсисъ* этотъ нѣсколько разъ былъ перепечатываемъ и всюду употребляемъ до тѣхъ поръ, пока не вышелъ краткій россійскій лѣтописецъ Ломоносова. Не смотря на историческія несообразности и ошибки, наполняющія эту книгу, въ ней ощущается предчувствіе правильной системы, хоть и не основанной на внутренней связи событій, по крайней

мѣрѣ послѣдовательно расположенной по велико-княжеской династіи. Богословская книга *Гизеля* подъ названіемъ: *Миръ человѣку съ Богомъ, или покаяніе святое, примиряющее Богови человѣка, ученіемъ отъ писанія святаго и учителей церковныхъ собраннымъ,* есть плодъ постояннаго чтенія его отеческихъ писаній. Впрочемъ въ этой книгѣ, по отзыву митрополита Евгенія, есть нѣсколько и непристойныхъ толкованій, а въ главѣ о позволенныхъ и непозволенныхъ степеняхъ родства въ бракахъ много несходнаго съ правилами Кормчей книги[231]. Посему-то указомъ св. Синода 1766 года запрещено ссылаться на нее при рѣшеніи вопросовъ о степеняхъ родства[232].

Изъ другихъ наставниковъ этой эпохи особенно замѣчательны своей ученостью и просвѣщеніемъ:

Галятовскій Іоанникій, самъ принадлежавшій къ числу воспитанниковъ могилянской коллегіи. По окончаніи курса, онъ поступилъ учителемъ въ низшія школы, и переходя постепенно изъ класса въ классъ, достигъ каѳедры реторики. Отсюда онъ былъ назначенъ въ настоятели Купятицкаго Волынскаго монастыря, скоро потомъ занятаго уніатами. *Галятовскій* былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ состязательныхъ богослововъ своего вѣка; многочисленныя его сочиненія свидѣтельствуютъ о той ревности, съ какою во всю жизнь свою преслѣдовалъ онъ всякое ученіе, враждебное духу истиннаго христіанства. Іезуиты еще не встрѣчали между православными такого сильнаго и непобѣдимаго противника, какъ *Галятовскій*, — и не одни іезуиты, — уніаты, евреи и магометане были поражаемы несокрушаемымъ словомъ этого великаго поборника православія. И далеко пронесла молва славное имя *Галятовскаго*. Въ 1671 году онъ былъ вызванъ въ Москву для проповѣданія слова Божія и одно изъ своихъ поученій, вмѣстѣ съ привѣтственною рѣчью, имѣлъ счастіе поднести царю Алексѣю Михайловичу[233].

Славеницкій Епифаній, »мужъ, по свидѣтельству совре-

меннаго сказанія, многоученый, аще кто инъ таковъ во времени »семъ, не токмо граматики и реторики, но и философіи и самыя »ѳіологіи извѣстный бысть испытатель и искуснѣйшій разсу»дитель и опасный претолковникъ еллинскаго, славенскаго и »польскаго діалектовъ«[234]. Окончивъ курсъ наукъ въ кіево-могилянской коллегіи, онъ путешествовалъ нѣсколько времени за-границей, и по возвращеніи въ отечество, принялъ монашество и поступилъ учителемъ въ братское училище. Когда боярин Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, около 1648 года устроилъ близъ Москвы преображенскую пустынь, вызвавъ туда братію изъ разныхъ кіевскихъ и другихъ малороссійскихъ монастырей: то въ тоже время онъ рѣшился завести тамъ и ученое братство для перевода разныхъ полезныхъ церковныхъ книгъ. Съ этой цѣлію онъ обратился съ просьбою къ митрополиту Сильвестру Коссову, который, снисходя къ благочестивому желанію просвѣщеннаго боярина, избралъ между прочими и *Славеницкаго*, и отправилъ его въ Москву. Обезпеченный содержаніемъ отъ Ртищева, *Славеницкій* немедленно приступилъ къ переводу разныхъ священныхъ книгъ[235]. Въ этомъ дѣлѣ онъ явился образцомъ для всѣхъ своихъ сотрудниковъ; занимаясь переводами, онъ въ тоже время составлялъ, по просьбѣ боярина, *Полный Лексиконъ Славяно-греколатинскій,* и задумывалъ новый переводъ всей Библіи на языкъ славянскій. Къ сожалѣнію, преждевременная кончина его помѣшала сему полезному предпріятію; *Славеницкій* успѣлъ перевести только новый завѣтъ, къ которому онъ приступилъ прежде всѣхъ священныхъ книгъ »ово ради царскаго повелѣнія, наипаче же ради спасенія души своея и иныхъ ради пользы«. Чрезъ нѣсколько времени пребыванія своего въ преображенской пустыни *Славеницкій* былъ опредѣленъ главнымъ справщикомъ московской типографіи, а потомъ взятъ патріархомъ Никономъ въ Чудовъ монастырь въ званіе учителя патріаршей школы, не оставляя и при этомъ занятій своихъ по переводу и исправленію книгъ священныхъ[236]. Въ 1676 году *Славеницкій* скончался и погребенъ въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ[237].

Сатановскій Арсеній, сотрудникъ Епифанія Славеницкаго по переводу книгъ съ греческаго языка[238]. Былъ онъ сотрудникомъ этого знаменитаго филолога и въ дѣлѣ образованія юношества: ибо по окончаніи курса наукъ въ кіевской коллегіи, оставленъ былъ іеромонахомъ Кіево-братскаго монастыря и вмѣстѣ съ этимъ получилъ каѳедру училищную. Гдѣ онъ скончался, — неизвѣстно.

Въ періодъ времени Могилинскаго изъ коллегіи вышли многіе воспитанники, сдѣлавшіеся потомъ замѣчательными людьми. Не всѣхъ имена записаны на скрижаляхъ исторіи, но тѣ, которыхъ она передала намъ, заслуживаютъ полное уваженіе просвѣщеннаго потомства.

Барановичъ Лазарь составляетъ собою высокую аттестацію училищу, давшему ему такое образованіе. Когда въ половинѣ XVII столѣтія католики и уніаты начали издавать противъ Церкви восточной разныя бранчивыя сочиненія, укоряя православныхъ флорентійскимъ соборомъ и называя исповѣданіе ихъ схизматизмомъ: тогда для борьбы съ ними, съ общаго согласія всего малороссійскаго духовенства, избраны были Галятовскій Іоанникій и *Барановичъ Лазарь*. Страшно и несокрушимо было оружіе перваго изъ сихъ поборниковъ истины: но узнали враги православія и другую не менѣе мощную руку, поражавшую ихъ неотразимо. Всѣми силами старались они истреблять многочисленныя сочиненія *Барановича*, доказывая этимъ жалкую слабость и ничтожество свое, такъ что изъ полемическихъ твореній его не дошло до насъ ни одно. Но въ замѣнъ этого мы имѣемъ довольное количество священно-историческихъ и гомилетическихъ произведеній *Барановича*[239], изъ которыхъ видѣнъ его неоспоримый талантъ. Какъ любитель изящной словесности, *Барановичъ* занимался и поэзіей, и охотно наполнялъ стихами даже серьёзныя свои сочиненія. Явится и еще предъ нами сей защитникъ православія и знаменитый участ-

никъ въ современной политикѣ, и скажется тогда послѣднее слово о его многополезной жизни.

Домецкій Гавріилъ, бывшій свидѣтелемъ нападенія на коллегію кіевлянъ, взбунтованныхъ іезуитами[240]. До 1691 года онъ былъ архимандритомъ Симонова монастыря и принималъ дѣятельное участіе въ спорахъ, возбужденныхъ въ Москвѣ Лихудами. Затронутый тѣмъ, что сочиненія, печатанныя въ Кіевѣ, подвергаемы были подозрѣнію въ склонности къ мнѣніямъ папистическимъ, *Домецкій* явно возсталъ противъ Лихудовъ, и когда сіи послѣдніе написали сочиненіе противъ порицателей перевода *Седмидесяти*, *Домецкій* возразилъ на оное въ своемъ посланіи къ Іову, митрополиту Новгородскому[241]. Между тѣмъ, когда на московскомъ соборѣ 1690 года патріархъ Іоакимъ приписалъ происхожденіе нѣкоторыхъ заблужденій ученымъ кіевскимъ и запретилъ читать извѣстныя ихъ сочиненія[242], — то и *Домецкій* подвергся гоненію. Его обвинили въ нерадѣніи о монастырскихъ пользахъ и перевели въ другой монастырь, въ качествѣ подначальнаго[243]. Но въ 1704 году, во время патріаршества Адріана, *Домецкій* получилъ въ управленіе Юрьевскій первокласный монастырь, гдѣ и оставался до 1708 года. Кончина его неизвѣстна. Изъ сочиненій *Домецкаго* вышло въ свѣтъ только одно: *Путь къ вѣчности, священными писаніи изъявленный и св. отцы во двоюнадесяти степеняхъ изображенный.* Кромѣ того онъ составилъ два монашескихъ устава для обителей, которыми начальствовалъ, выбравъ для сего правила евангельской и иноческой жизни изъ писаній отцевъ Церкви.

Іовлевичъ Игнатій, первый изъ игуменовъ полоцкаго Борисо-Глѣбскаго монастыря получившій санъ архимандрита. Какъ одинъ изъ отличныхъ мужей, онъ посланъ былъ на игуменство самимъ Петромъ Могилой, по благословенію котораго князьями Огинскими построена тамъ и каменная церковь во имя Богоявленія Господня. Въ 1656 году *Іовлевичъ* имѣлъ

счастіе принимать въ своемъ монастырѣ царя Алексѣя Михайловича и говорить ему привѣтственную рѣчь. Черезъ два года послѣ сего патріархъ Никонъ принялъ какъ самаго *Іовлевича*, такъ и весь монастырь подъ свое непосредственное вѣдомство, освободивъ его отъ всякаго вліянія епископовъ полоцкихъ и витебскихъ. За то и *Іовлевичъ* не остался неблагодарнымъ къ своему благодѣтелю; ибо когда въ 1660 году созванъ былъ въ Москвѣ соборъ для низложенія Никона, *Игнатій* подалъ въ защиту его *Голосъ*, оставшійся однакожъ въ рукописи[244]. Дальнѣйшая судьба *Іовлевича* неизвѣстна.

Радивиловскій Антоній, бывшій сначала проповѣдникомъ Кіево-печерской Лавры, а потомъ игуменомъ Кіево-николаевскаго пустыннаго монастыря. Свѣдѣнія о его жизни и дѣяніяхъ очень скудны; видимъ только изъ оставшихся его сочиненій, что *Радивиловскій* обладалъ замѣчательнымъ проповѣдническимъ даромъ[245].

Савеловъ Іоакимъ, девятый патріархъ всероссійскій родился 1620 года и принадлежалъ къ дворянской фамиліи. Окончивъ курсъ наукъ въ кіево-могилянской коллегіи, онъ поступилъ въ военную службу и участвовалъ во всѣхъ походахъ и битвахъ, предшествовавшихъ окончательному соединенію Малороссіи съ Великой Россіей. Не смотря на то, что и происхожденіе и личныя заслуги открывали *Савелову* блистательную карьеру, онъ рѣшился оставить свѣтъ и тридцати пяти лѣтъ отъ роду поступилъ въ Кіево-Межигорскій общежительный монастырь, гдѣ и былъ постриженъ въ монашество, съ обѣщаніемъ никогда не выходить оттуда и кончить жизнь въ отшельничествѣ; но черезъ два года послѣ этого *Савеловъ* былъ вызванъ патріархомъ Никономъ въ Москву и опредѣленъ келаремъ въ Чудовъ монастырь, котораго былъ потомъ и архимандритомъ (1664 г.). Во все продолженіе этого времени онъ присутствовалъ въ Патріаршемъ Разрядѣ для

разсмотрѣнія духовныхъ дѣлъ, а по избраніи Питирима на патріаршій престолъ, 1673 года, *Савеловъ* былъ возведенъ на степень митрополита новгородскаго, и чрезъ десять мѣсяцевъ облеченъ въ званіе патріарха. На этомъ высокомъ посту служенія Церкви и отечеству, *Іоакимъ* явился ревнителемъ истиннаго просвѣщенія, защитникомъ напаствуемой отъ лжеученій и расколовъ Церкви, блюстителемъ царства въ малолѣтство Петра, споспѣшествовавшимъ укрощенію стрѣлецкихъ бунтовъ, спасенію жизни самаго Царя и единодержавію его, и наконецъ виновникомъ подчиненія кіевской митрополіи патріаршеству Всероссійскому. При пылкомъ и крутомъ характерѣ, патріархъ *Іоакимъ* дѣйствовалъ мудро и неутомимо до самой кончины своей, послѣдовавшей 17 марта 1690 года. Онъ заслужилъ отъ православныхъ Россіянъ имя доблестнаго поборника Церкви и отечества; за то иностранцы считали его врагомъ просвѣщенія и образованности[246]. Памятникомъ своей учености *Іоакимъ* оставилъ нѣсколько поученій и полемическихъ твореній, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ *Увѣтъ духовный*[247].

Сафоновичъ Ѳеодосій первый изъ нашихъ систематико-историковъ. Онъ составилъ хронику свою изъ стародавнихъ лѣтописцевъ, начиная съ Нестора до послѣднихъ бытописателей польскихъ[248]. Изъ плана, начертаннаго *Сафоновичемъ*, хоть и видно, что онъ думалъ написать полную хронику земли Русской: но за недостаткомъ рукописей, относящихся къ сѣверной полосѣ Россіи, ограничился только сказаніями о западной, и преимущественно о княжествѣ Галицкомъ. Ученая дѣятельность *Сафоновича*, если принять половину только статей, приписываемыхъ ему спискомъ Ватерлосскимъ, по истинѣ удивительна: нѣтъ ни одного рода словесности, въ которомъ бы онъ не испыталъ силъ своихъ[249]. *Сафоновичъ*, проходившій нѣсколько времени при коллегіи училищныя должности, въ 1655 году былъ посвященъ въ игумены Кіево-михайловскаго монастыря. Тамъ ли онъ скончался, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ—неизвѣстно.

Заключаемъ рядъ воспитанниковъ эпохи могилинской скромнымъ именемъ *Θеофана,* іеродіакона московскаго Чудова монастыря. Не одинъ ли онъ изъ тѣхъ, которые прибыли въ Москву вмѣстѣ съ Славеницкимъ и Сатановскимъ? Очень можетъ быть. По крайней мѣрѣ переводы его показываютъ ближайшее знакомство съ тѣми языками, которые процвѣтали на юго-западѣ Россіи, а выборъ сочиненій для переложенія ихъ на языкъ русскій, обличаютъ вкусъ человѣка, достаточно приготовленнаго къ тому строгою наукой. *Θеофанъ* перевелъ съ польскаго сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ *Дезидерій, или стезя къ любви Божіей и къ совершенству житія христіанскаго.* Другимъ памятникомъ его ученыхъ занятій осталось тоже переведенное имъ съ латинскаго языка сочиненіе: *Солнечникъ или уравненіе воли человѣческія съ волею Божіею*[250].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Сильвестръ Коссовъ.

Избраніе Сильвестра въ митрополиты. Подвиги Хмѣльницкаго. Зборовскій договоръ. Хмѣльницкій въ Кіевѣ. Запись кіево-печерскаго архимандрита Іосифа Тризны. Посѣщеніе коллегіи патріархомъ Паисіемъ. Отзывъ его объ училищѣ. Замѣтка его о бѣдствіяхъ Церкви. Сильвестръ на варшавскомъ сеймѣ. Утвержденіе Зборовскаго договора. Универсалъ Хмѣльницкаго. Вѣроломство поляковъ. Битва подъ Берестечкомъ. Бѣлоцерковскій трактатъ. Бѣдствія коллегіи. Пожертвованія въ пользу ея. Двѣ граматы царя Алексія Михайловича кіево-богоявленскому братству. Упадокъ кіевской коллегіи. Нобилитація. Малороссія поступаетъ въ подданство царю Всероссійскому. Присяга кіевлянъ. Завоеванія Русскихъ. Кончина митрополита Сильвестра и гетмана Хмѣльницкаго. Сочиненія Коссова. Ректоры коллегіи: Иннокентій Гизель, Іосифъ Кононовичъ, Лазарь Барановичъ. Замѣчательнѣйшіе воспитанники: Ясинскій Варлаамъ, Максимовичъ Іоаннъ, Моравскій Павелъ, Самойловичъ Иванъ.

1647—1657.

Снова начинаются кровавыя испытанія для кіевской коллегіи, какъ будто великій благодѣтель ея унесъ съ собою въ могилу все ея благосостояніе. Не стало уже сильной руки, охранявшей коллегію отъ буйныхъ враговъ вѣры православной, собиравшей подъ хоругвь ея жаждущихъ просвѣщенія. Развилась другая хоругвь, призывающая на поле битвы, подъ громы пушекъ и воинственные клики. И много пройдетъ времени, пока коллегія, словно фениксъ изъ пепла, воспрянетъ обновленная и созоветъ разсѣянныхъ птенцовъ своихъ подъ крилѣ свои...

Новый протекторъ коллегіи былъ уже знакомъ ей. Она сама воспитала его, сама слышала потомъ мудрое, наставническое его слово, и какъ мать отъ сына, приняла оборону во время бѣдственнаго погрома отъ возставшаго на нее невѣжества.

Сильвестръ Коссовъ родился въ воеводствѣ витебскомъ отъ благородной православной фамиліи, и по окончаніи воспитанія и ученой службы при кіевской коллегіи, въ 1635 году былъ посвященъ въ санъ епископа мстиславскаго, могилевскаго и оршанскаго. По кончинѣ митрополита Петра Могилы, онъ единодушно былъ провозглашенъ первосвятителемъ іерархіи кіевской. Все духовенство и запорожскіе козаки, не относясь за привиллегіею къ польскому королю, испросили только благословеніе константинопольскаго патріарха Парѳенія II, и 1647 года Сильвестръ былъ посвященъ въ Кіевѣ русскими епископами.

Бурно и неспокойно было правленіе сего первосвятителя. Богданъ Хмѣльницкій, провозглашенный 15 октября 1647 года малороссійскимъ гетманомъ, рѣшился совершенно очистить всю Украйну отъ притѣснителей — поляковъ, и энергически началъ дѣйствовать, памятуя слово королевское и благословеніе усопшаго первосвятителя. Битвы Желтоводская и подъ Каменецъ-Подольскомъ были первымъ воинственнымъ призывомъ, на который откликнулась вся Малороссія. Предъ ожесточенными козаками одинъ за другимъ падали города; Баръ, Новгородъ-Сѣверскъ были уже свободны; битва подъ Пилявцами скрѣпила эти быстрыя завоеванія. Но гордые магнаты не думали образумиться и предписали Малороссіянамъ условія какъ будто побѣжденнымъ; отвѣтомъ на это была битва подъ Зборажемъ. Тогда-то уже король и сеймъ стали уступчивѣй, и 7 сентября 1649 года скрѣпили знаменитый зборовскій договоръ, по которому народъ русскій со всѣми его областями, городами, селеніями и всякою къ нимъ народною и національною принадлеж-

ностію увольнялся и освобождался отъ всѣхъ притязаній польскихъ и литовскихъ чиновъ на вѣчныя времена, прекращалась обоюдная вражда, подтверждена независимость русскаго народа, утверждены границы русскія, митрополиту предоставлялось мѣсто въ сенатѣ на равнѣ съ другими сенаторами; воеводѣ кіевскому и другимъ чиновникамъ въ Кіевѣ установлено быть изъ русскихъ дворянъ и закона православнаго; іезуитскія училища, какъ въ Кіевѣ, такъ и по всѣмъ городамъ и селеніямъ малороссійскимъ, положено упразднить и перевести въ другія мѣста, »такъ какъ воевода кіевскій Бржовскій ввелъ ихъ на зло кіевскимъ русскимъ школамъ«[251]. Октября 1 того же года виновникъ этого великаго дѣла, гетманъ Хмѣльницкій съ тріумфомъ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, вступилъ въ Кіевъ, и въ святой печерской Лаврѣ принесъ благодарственное моленіе за помощь, посланную ему свыше.

Въ теченіи этого времени кіевская коллегія, оставаясь вѣрною началамъ, предписаннымъ ей незабвеннымъ Могилою, была все таже славная и знаменитая своей ученостью коллегія. Согласно завѣщанію его, она получила отъ кіево-печерскаго архимандрита Іосифа Тризны со всею братіею запись на трехлѣтнее владѣніе хуторомъ и селомъ Вишеньками и Гнѣдиномъ, принадлежавшими Лаврѣ, »для преспѣянія, какъ сказано въ записи, славы Божіей и наукъ, и въ уваженіе постоянныхъ заслугъ и усердныхъ трудовъ ко благу всей Церкви Божіей всечестныхъ отцовъ кіевскаго братства[252].

Въ 1649 году кіево-могилянская коллегія удостоилась посѣщенія Паисія, патріарха іерусалимскаго, который и останавливался тамъ во время краткаго пребыванія своего въ Кіевѣ. Осмотрѣвъ »виноградъ училищный кyръ Петра Могилы тща»ніемъ возращенъ и насажденъ, такожде и дѣлатели винограда »того во ученіи, разумѣ и премудрости зѣло искусныхъ, бла»гочестивыхъ и благоговѣиныхъ тоя святыя обители видѣвше,

»юношь благородныхъ правообучающихъ, утверждающихъ и отъ »ересей къ вѣрѣ православной каѳолической своимъ премудрымъ »ученіемъ, святыхъ отецъ послѣдующе преданіямъ, обращаю»щихъ уразумѣвше«, патріархъ Паисій, прощаясь съ гостепріимной коллегіей, утвердилъ и »вѣчне« запечатлѣлъ своимъ патріаршескимъ благословеніемъ »благочестивыхъ инокъ святыя »обители Богоявленія крестоноснаго братства, во еже и во пред»няя лѣта таковыхъ учителей благотрудныхъ и училищъ въ по»ученіе христіанскихъ дѣтей имъ умножати«[253].

Кратковременное пребываніе патріарха Паисія въ Кіевѣ позволило однакожъ ему замѣтить состояніе бѣдствующей извнѣ Церкви, ибо онъ прибавилъ въ своей граматѣ, что обученіе юношества вообще полезно, но »всей Россіи Малой странѣ зѣло »нужно, идѣже иновѣрцы и отступницы хитростною своею му»дростію не точію простыхъ, но и разумныхъ множицею улов»ляютъ отъ истинныя вѣры, своимъ душегубнымъ прельщаютъ »прельщеніемъ и отводити тщатся«[254].

Еще больше бы этого сказалъ первосвятитель іерусалимскій, еслибы зналъ, какими врагами окружена »Малая Россія«. Для нихъ не было ничего священнаго; они дышали только буйствомъ и разрушеніемъ....

Для утвержденія сеймомъ зборовскаго договора, Хмѣльницкій отправилъ въ Варшаву, вмѣстѣ съ своими послами, митрополита Сильвестра съ епископомъ львовскимъ Арсеніемъ Желиборскимъ, кіево-печерскимъ архимандритомъ Іосифомъ Тризною, и съ нѣкоторыми другими духовными лицами. По одной изъ договорныхъ статей, какъ сказано, православному митрополиту слѣдовало занимать въ сенатѣ первое мѣсто послѣ польскаго примаса. Этому воспротивились ксензы, бывшіе членами сейма; они осыпали Сильвестра оскорбленіями и объявили на отрѣзъ, что оставятъ мѣста свои и выдутъ изъ собранія, коль скоро

вступитъ туда врагъ папы. Напрасно опытные въ политикѣ вельможи старались уговорить католическое духовенство необходимостью подчиниться уже скрѣпленному договору,— изувѣры ничего не слушали и стали вопіять на самаго короля за то, что онъ вноситъ въ мирныя соглашенія статьи, противорѣчащія уставамъ римской церкви. Оскорбленный Сильвестръ возвратился въ Кіевъ, вмѣстѣ съ Адамомъ Кисѣлемъ и повѣтовымъ судьею Проскурою[255].

Однакожъ послѣ долгихъ споровъ, польскій сеймъ принялъ зборовскій договоръ, а король 12 генваря 1650 года утвердилъ его. Въ силу этого, отъ уніатовъ долженствовали быть возвращены захваченныя ими епархіи, а также многія церкви и монастыри, находившіеся въ польскихъ городахъ. Сильвестръ получилъ въ это время королевское утвержденіе въ митрополитскомъ санѣ; ему и епископамъ его уступлено право цензуры книгъ, а кіевской коллегіи и типографіямъ прежнія ихъ привилегіи[256]. Трактатъ этотъ внесенъ въ кіевскія городовыя книги.

Обрадованный счастливымъ окончаніемъ такого важнаго дѣла, Богданъ Хмѣльницкій занялся исправленіемъ и возстановленіемъ церквей и монастырей. Для этого онъ отдавалъ имъ разныя »лядскія маетности и млины«; для этого же отдалъ во владѣніе и безпрепятственное завѣдываніе кіево-богоявленскаго братства доминиканскія имѣнія и особенно села: Мостищи со всѣми его грунтами, полями, сѣнокосами, борами, лѣсами, мѣльницами и прочими угодьями, Плисецкое, Черногородку и пустопорожнее мѣсто Рыльскаго въ Кіевѣ[257], а грамотою 1655 года дозволилъ на праздники сытить медъ и продавать его въ пользу коллегіи[258].

Но всѣ обѣщанія и клятвы варшавскаго сейма были только на бумагѣ; ни одна статья изъ зборовскаго договора не была исполнена. Уніаты и іезуиты увеличили дерзость свою. По-

слѣдніе не только не думали переводить изъ Кіева своихъ училищъ, но даже завладѣли тою школою, которую Петръ Могила завелъ въ Винницѣ[259]. Коронный гетманъ Николай Потоцкій свирѣпствовалъ надъ Малороссіянами и расположилъ свои войска около Каменецъ-Подольска. Напрасно Хмѣльницкій старался отклонить новое кровопролитіе, заклиная Поляковъ Богомъ живымъ; сеймъ опредѣлилъ немедленно начать военныя дѣйствія, и битва подъ Берестечкомъ увѣнчала злобныя усилія притѣснителей Малороссіи. Козаки потерпѣли страшное пораженіе, и Кіевъ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ кровожадныя полчища враговъ. Пожары, буйства и разореніе ознаменовали пребываніе князя Радзивила во святомъ градѣ.

Обезсиленный трудностію и неравенствомъ борьбы, Хмѣльницкій началъ домогаться мира, который и заключенъ былъ въ Бѣлой-церкви: но этимъ новымъ договоромъ уничтожены всѣ выгодныя для Церкви православной статьи зборовскія и обѣщана только вообще прежняя свобода епископамъ, монастырямъ, училищамъ и церквамъ, съ возвращеніемъ имѣній, если какія во время послѣдней войны у нихъ отняты.

Не минула эта гроза и кіево-могилянской коллегіи. Угодья и вотчины ея доставались въ руки непріятеля, а плацовъ или дворовыхъ мѣстъ, состоявшихъ въ ея владѣніи, некому было нанимать[260]; члены, составлявшіе училищное братство, сами бѣдствовали, обременяемые непомѣрными налогами и воинскими требованіями, наконецъ и Лавра отобрала, по условію, свои вотчины.

Въ сію тяжкую годину митрополитъ Сильвестръ обратился съ ходатайствомъ своимъ о пособіи разоренной коллегіи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ. Внимая священному призванію первосвятителя, въ одно и тоже время четыре епископа изъявили желаніе вносить ежегодно извѣстную сумму, въ чемъ

и дали, каждый отъ себя, добровольныя записи. Такимъ образомъ Антоній Винницкій, епископъ перемышльскій и самборскій, обязался жертвовать *сто* злотыхъ ежегодно, обѣщая впредь увеличить свое приношеніе, какъ скоро вступитъ въ дѣйствительное и спокойное во всемъ завѣдываніе своею епархіей[261]. Тоже самое написали: Іосифъ Горбацкій, епископъ витебскій, оршанскій, мстиславскій и могилевскій, обязавшійся ежегодною дачею коллегіи *пятисотъ* злотыхъ; Іосифъ Чаплицъ, епископъ луцкій и острожскій, подписавшійся на столько же, и Діонисій Балобанъ, епископъ хелмскій и бѣлжскій—на *двѣсти* злотыхъ[262]. Тогда же коллегія получила отъ нѣкоей Петронелли Вороничовны—Данилевой Голубовой пляцъ вороничовскій на Подолѣ[263].

Сострадая бѣдственному положенію училища, прежніе воспитанники его Епифаній Славеницкій и Арсеній Сатановскій били челомъ царю Алексѣю Михайловичу о позволеніи пріѣзжать въ великую Россію старцамъ кіево-богоявленскаго училищнаго братства для сбора подаяній черезъ каждые три года. Великодушный государь, не смотря на то, что за годъ предъ симъ (1649) снабдилъ жалованною граматою въ этомъ же смыслѣ ректора коллегіи Иннокентія Гизеля, благосклонно принялъ ходатайство ученыхъ мужей, и 1650 года разрѣшилъ членамъ кіевскаго братства, вмѣсто прежняго срока шести лѣтъ, пріѣзжать черезъ три года. Въ этой граматѣ между прочимъ опредѣленъ и безпрепятственный проѣздъ всюду на пути слѣдованія просителей отъ Кіева до Москвы и обратно; назначено давать подводы, а при подводахъ приставовъ, »и съ ними до Москвы посылати дѣтей боярскихъ«. На путевыя издержки положено давать игумену по осьми денегъ, »а попомъ и старцомъ большимъ по пяти денегъ« на каждаго, остальнымъ по четыре деньги, а слугамъ по три деньги на день. На ремонтъ лошадей повелѣно отпускать зимою въ день по три деньги на лошадь: »а какъ, сказано наконецъ, того монастыря игуменъ или старцы »пойдутъ къ намъ къ Москвѣ или съ Москвы, и по городамъ

»таможеннымъ головамъ и цѣловальникомъ, и по мытомъ мыт»чикомъ и по рѣкамъ перевозчикомъ и мостовщикомъ и губ»нымъ старостамъ и цѣловальникомъ и всякимъ пошлинникомъ, »съ тѣхъ старцовъ и съ ихъ слугъ и съ рухляди ихъ мыту и »перевозу и мостовщины и тамги и иныхъ нѣкоторыхъ пош»линъ неимати, а пропущати ихъ безо всякія зацѣпки. А кто »на нихъ и на ихъ слугахъ что возметъ или чѣмъ изобидитъ, »и тѣмъ отъ насъ быти въ опалѣ, а взятое велимъ отдати »вдвое«[264].

Но не смотря на такое милостивое вниманіе могущественнаго монарха къ нуждамъ училища, не смотря на всѣ архипастырскія попеченія митрополита Сильвестра, не смотря наконецъ на то, что въ коллегіи еще оставались знаменитые наставники могилинскаго времени, она день ото дня ослабѣвала и клонилась къ упадку. Къ послѣднему слову усопшаго архипастыря, погрозившаго проклятіемъ всякому, кто не станетъ подъ знамена защитниковъ отечества, присоединилась вымышленная Хмѣльницкимъ *нобилитація* или производство въ козаки. Этого почетнаго титла добивался въ то время всякій молодой человѣкъ, не принадлежавшій собственно къ козачеству, ибо оно всегда почиталось нѣкотораго рода шляхетствомъ, и мѣщанинъ, въ понятіяхъ этого воинственнаго племени, стоялъ гораздо ниже регистроваго козака. Производство это разбиралось строго; только природное происхожденіе или доказательство на заслуги давали право на титло козака. Съ этою цѣлію въ самомъ Кіевѣ были нобилированы свободные жители, войсковые и городовые, которые въ прежнія времена служили волонтерами, запорожцами и въ полкахъ охочекомонныхъ. Получившіе это званіе или, по тогдашнему выраженію, *нобилитацію*, приводимы были къ присягѣ, вписывались въ козацкіе *компуты*, и считались уже на ряду съ другими козаками и въ одномъ съ ними достоинствѣ шляхетскомъ.

Можно вообразить, какое волненіе произвела эта нобили-

тація между молодыми людьми, наполнявшими кіево-могилянскую коллегію. Жажда славы и воинскихъ подвиговъ, такъ свойственная юношескому возрасту, кипѣніе свѣжихъ, непотраченныхъ силъ, просвѣщенное сознаніе своихъ обязанностей къ отечеству, невыразимыя бѣдствія его, предсмертное слово Могилы, полные энергіи ума и воли универсалы Хмѣльницкаго, наконецъ возможность пріобрѣсти почетное названіе браваго козака — все это вмѣстѣ влекло молодежь изъ мирной обители просвѣщенія на поле брани, гдѣ рѣшался великій вопросъ: быть или не быть Малороссіи. День ото дня пустѣли коллегіальныя аудиторіи, и высшіе классы едва влачили свое существованіе, постепенно утрачивая слушателей. Почти тоже было и въ среднихъ; однѣ только низшія оставались въ полномъ своемъ составѣ, да и то до времени. Достигая полнаго развитія юношескихъ силъ, ученики бросали школьныя занятія и уходили въ ряды защитниковъ родины.

Къ несчастію, эти новобранцы дорого поплатились за оставленіе лелѣявшей ихъ коллегіи. Битва берестечская для многихъ изъ нихъ была послѣднимъ подвигомъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣшила окончательное присоединеніе Малороссіи къ великой Россіи. Видя, что Поляки, соединясь съ крымскимъ ханомъ и султаномъ, грозятъ погромомъ всей Украйнѣ, Хмѣльницкій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу, и 8 генваря 1654 года присягнулъ съ приближенными своими на вѣчное подданство всероссійскому престолу. За нимъ присягнули и всѣ малороссійскіе города и мѣстечки, числомъ до ста шестидесяти шести.

Дошла очередь и до Кіева. Хмѣльницкій былъ уже тамъ съ двумя полками — переяславскимъ и кіевскимъ и тысячью русской конницы. Бояре, составлявшіе посольство, въ сопровожденіи кіевскаго наказнаго полковника прибыли къ городу 16 генваря. Девять знаменъ и тысяча козаковъ встрѣтили ихъ въ десяти

верстахъ за городомъ; за полторы версты отъ златыхъ вратъ выѣхали митрополитъ, епископъ черниговскій Зосима Прокоповичъ, печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, игумены, намѣстники и все знатнѣйшее духовенство. Первосвятитель привѣтствовалъ пословъ рѣчью; шествіе возобновилось. Въ Златыхъ Вратахъ стояло все остальное духовенство съ крестами, образами, хоругвями и святой водой. Послѣ молебствія въ Кіево-печерской Лаврѣ провозглашено было многолѣтіе всему царскому дому, а на другой день вмѣстѣ съ митрополитомъ присягнулъ и весь Кіевъ.

Такъ совершилось событіе, слившее во едино два родственныя племени и содѣлавшее Россію страшною врагамъ и непобѣдимой! Въ короткое время послѣ сего Польша лишилась Смоленска, Дорогобужа, Невеля, Могилева, Полоцка, Шклова, Гомеля, Новгородъ-Сѣверска, Чернигова и многихъ другихъ городовъ, падшихъ предъ царскими войсками. Оружіе ихъ досягнуло до самаго Вильна; а между тѣмъ Хмѣльницкій въ свою очередь разорялъ и истреблялъ все непріятельское отъ Каменецъ-Подольска до самаго Львова и Люблина.

Въ одномъ и томъ же году окончили земное свое поприще два знаменитыхъ защитника православія и отечества: 1657 года 13 апрѣля скончался митрополитъ Сильвестръ, а 15 августа Зиновій Богданъ Хмѣльницкій. Прискорбна была душа знаменитаго іерарха, сходившаго въ могилу, и болѣзненно зрѣвшаго гибельное нестроеніе возлюбленной имъ страны. Самъ »отъ ляховъ всячески обнаженъ и нищетенъ зѣло«, онъ былъ свидѣтелемъ упадка и того вертограда, который былъ переданъ ему въ красотѣ и плодоносіи великимъ предмѣстникомъ Могилою, и въ которомъ когда-то и самъ онъ былъ ревностнымъ дѣлателемъ....

Въ бытность свою могилевскимъ епископомъ, Сильвестръ

написалъ на польско-русскомъ нарѣчіи сочиненіе *о седьми тайнахъ*, напечатанное подъ названіемъ *Дидаскалія, албо наука, которая ся первый изъ устъ священниковъ подавала о седми сакраментахъ или тайнахъ, на синодѣ помѣстномъ въ градѣ Могилевѣ (1637 г.)*. Къ сожалѣнію, сочиненіе это, въ 1690 году, подверглось нападеніямъ патріарха Іоакима, который указывалъ въ немъ нѣкоторыя неправославныя будто бы мысли. Въ оправданіе Коссова и другихъ подобныхъ ему писателей юго-западной Россіи, подпавшихъ такому же преслѣдованію, св. Димитрій Ростовскій, еще въ бытность свою батуринскимъ игуменомъ, написалъ: »оставляя въ Москвѣ мудрствовати греческихъ или »греко-латинскихъ учителей, мы якоже научихомся отъ отецъ »нашихъ, тако исповѣдуемъ«[265].

Послѣ Иннокентія Гизеля нѣкоторое время должность ректора коллегіи исправлялъ *Іосифъ Кононовичъ-Горбацкій*, бывшій въ ту пору игуменомъ Михайловскаго монастыря. На его-то имя послѣдовала въ 1650 году жалованная грамата Царя Алексѣя Михайловича[266].

Въ *Лазарѣ Барановичѣ*, поступившемъ на мѣсто Кононовича, кіево-могилянская коллегія увидѣла перваго ректора изъ своихъ собственныхъ воспитанниковъ, обязанныхъ исключительно ей одной своимъ образованіемъ. Отличный богословъ, обладавшій огромною ученостью, Барановичъ не могъ однакоже остановить общее увлеченіе юношества, спѣшившаго изъ школы на подвиги ратные, и въ 1657 году сошелъ съ своего поприща съ жезломъ архипастыря черниговскаго, заслуживъ имя »великаго столпа церковнаго«[267] и блюстителя каѳедры митрополитовъ кіевскихъ. Въ 1668 году онъ былъ пожалованъ отъ бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ архіепископомъ, съ правомъ совершать богослуженіе въ саккосѣ; а въ 1694 уволившись отъ всѣхъ должностей, скончался на покоѣ въ Черниговѣ, гдѣ и погребенъ.

Изъ знаменитыхъ воспитанниковъ эпохи Сильвестра Коссова особенно замѣчательны *Варлаамъ Ясинскій, Іоаннъ Максимовичъ* и *Павелъ Моравскій*. Два первыхъ выдутъ со временемъ на дѣло и на дѣланіе свое, и скажутся намъ тѣмъ, чѣмъ они были. Что касается до послѣдняго, то хотя біографическія свѣдѣнія о немъ довольно скудны, однакожъ достаточны для того, чтобъ видѣть высокое достоинство сего знаменитаго воспитанника кіевской коллегіи. *Моравскій* 1679 года былъ уже архіепископомъ коломенскимъ, а черезъ три года въ томъ же санѣ переведенъ въ Суздаль, и черезъ годъ послѣ того назначенъ рязанскимъ митрополитомъ. Онъ скончался 4 сентября 1687 года[268].

Здѣсь же и въ этоже время воспитывался *Иванъ Самойловичъ*, бывшій потомъ гетманомъ Малороссіи. Онъ былъ сынъ священника села Зенькова, и въ пору нобилитаціи Хмѣльницкаго изъ кіевской коллегіи поступилъ въ ряды защитниковъ отечества. Дальнѣйшія сказанія выведутъ предъ насъ и *Самойловича* съ значеніемъ, которое суждено было ему имѣть въ мірѣ политическомъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Діонисій Балобанъ.

Избраніе Діонисія въ митрополиты. Гетманъ Виговскій. Гадячскій договоръ. Присяга Виговскаго и Діонисія на подданство королю польскому. Коллегія не принимаетъ титла академіи. Битва подъ Кіевомъ. Коллегія истреблена пожаромъ. Универсалъ полковника Дворецкаго. Его пожертвованія въ пользу коллегіи. Юрій Хмѣльницкій—гетманъ. Онъ постригается въ монахи. Его пожертвованія братству. Отмѣна гадячскаго договора Кончина Діонисія и искатели кіевской митрополіи.

1657—1663.

Діонисій Балобанъ, принадлежавшій къ фамиліи, извѣстной своею любовію къ просвѣщенію, еще прежде избранія своего въ митрополиты, былъ администраторомъ на Волыни отъ имени

Сильвестра Коссова и состоялъ въ санѣ епископа луцкаго и острожскаго. Избранный въ кіевскіе первосвятители, Діонисій Балобанъ истребовалъ на это благословеніе отъ константинопольскаго патріарха Парѳенія Кумкума. Нежеланіе его снестись о семъ предварительно съ патріархомъ московскимъ было причиною того, что царь Алексѣй Михайловичъ не призналъ Діонисія митрополитомъ и повелѣлъ посвященному тогда въ Москвѣ изъ кіевлянъ епископу мстиславскому и оршанскому Меѳодію Филимоновичу быть блюстителемъ кіевской митрополіи. Не смотря на это, Діонисій, по смутнымъ обстоятельствамъ того времени, пользовался правами кіевскаго митрополита и удерживалъ ихъ за собою до 1663 года, то есть, до своей кончины[269].

Преступное предвосхищеніе Виговскимъ не принадлежавшаго ему права гетманства повергло всю юго-западную Россію въ бездну золъ и несчастій. Законнаго преемника гетманской булавы, шестнадцати-лѣтняго Юрія Хмѣльницкаго, подъ предлогомъ образованія, отправилъ онъ въ кіевскую коллегію, а самъ задумалъ возсоздать изъ Малороссіи республику, соединивъ ее съ Польшею. Сбросивъ съ себя маску приверженца къ русскому престолу, Виговскій вошелъ въ открытую связь съ врагами православія, и ласкаемый сеймомъ, получилъ въ 1658 году статьи гадячскаго договора, изъ которыхъ первыя восемь касались собственно Церкви, вѣры и народнаго образованія. Такимъ образомъ *первою* статьею было положено, чтобы греческая вѣра, съ коею древній русскій народъ присоединился, оставалась при своихъ правахъ и преимуществахъ, и свободномъ отправленіи Богослуженія; во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ Польши и Литвы, также на сеймахъ, въ войскѣ и трибуналахъ, — и не только въ церквахъ, но и въ открытыхъ ходахъ и процессіяхъ, въ посѣщеніи больныхъ со св. Дарами, въ погребеніи мертвыхъ и во всемъ была бы равная съ католиками свобода. *Второю*, чтобы православныя церкви и монастыри свободно было и вновь созидать и старыя обновлять, а отня-

тыя возвратить въ теченіи полугода со всѣми ихъ волостями; уніатамъ же, какъ именно сказано въ этомъ договорѣ, »умножающимъ только раздоръ между римскою и греческою церковію«, ни духовнымъ, ни мірскимъ, ни сенаторамъ, ни шляхтичамъ не дозволять строить церквей и монастырей ни на королевскихъ, ни на собственныхъ земляхъ, и всѣ имѣнія у нихъ отобрать и отдать православнымъ; Унію въ Польшѣ и Украйнѣ вовсе истребить, и кромѣ вѣры православной и римско-католической другой нигдѣ не терпѣть; исповѣданію католическому вольно быть въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ, но помѣщикамъ и чиновникамъ сего закона не имѣть никакой судебной власти ни надъ бѣлымъ, ни надъ чернымъ духовенствомъ греко-россійскимъ. *Третьею* — кіевскому митрополиту и пяти православнымъ епископамъ засѣдать въ польскомъ сенатѣ по степенямъ своимъ съ правомъ имѣть такой же голосъ, какъ и римскіе епископы. *Четвертою* — въ кіевскомъ воеводствѣ достоинства сенаторскія давать одному лишь дворянству православному, а въ брацлавскомъ и черниговскомъ поперемѣнно, то есть, когда умретъ католикъ, то православному, а когда православный, то католику. *Пятою*—во всей Польшѣ и Литвѣ жителямъ греческой и римской вѣры наравнѣ пользоваться вольностями и правомъ къ полученію должностей, и греческое вѣроисповѣданіе да не будетъ въ томъ препятствіемъ. *Шестою* — »Академіи« въ Кіевѣ быть съ преимуществами, равными краковской, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ нее не допускать ни профессоровъ, ни учениковъ изъ аріянъ, кальвинистовъ и лютеранъ; прочія же всѣ школы католическія, какія дотолѣ были въ Кіевѣ, вывести въ другія мѣста, гдѣ нѣтъ русскихъ жителей. *Седьмою* — дозволить завести и другую академію на томъ же основаніи, гдѣ будетъ удобнѣе, и въ томъ мѣстѣ иновѣрнымъ школамъ также не быть. *Осьмою*—гимназіи, училища, школы и типографіи, сколько окажется нужнымъ, православнымъ вездѣ свободно заводить, преподавать всякія науки и печатать

какія угодно книги, хотя бы то касалось и спорныхъ религіозныхъ пунктовъ...

Чего бы, кажется, лучше? Полная свобода вѣроисповѣданій, совершенное уравненіе правъ и преимуществъ, рѣшительное уничтоженіе ненавистной уніи, высокія почести православному духовенству, для коллегіи громкое названіе Академіи съ правами, равными правамъ академіи краковской, упраздненіе враждебныхъ ей училищъ, возвращеніе всѣхъ ея угодьевъ и доходовъ; значеніе Кіева возвышено, и Малороссія готовится блаженствовать....

Такъ думалъ измѣнникъ Виговскій съ своими приверженцами; такого мнѣнія былъ и слабодушный Діонисій, присягнувшій 10 іюня 1659 года съ подвѣдомственными ему епископами въ вѣрности и повиновеніи королю[270]. Удивителенъ и непонятенъ такой поступокъ послѣдняго! Самъ же онъ присутствовалъ въ Переяславлѣ при присягѣ Виговскаго царю Алексѣю Михайловичу[271]; самъ же слышалъ изъ устъ его клятвенныя обѣщанія въ вѣрноподданнической преданности православному самодержцу, и послѣ того онъ позволяетъ тѣмъ же устамъ произносить постыдную клятву измѣны и отступничества, и даже наконецъ самъ цалуетъ крестъ чуждому властелину!...[272]

Богъ сохранилъ коллегію могилянскую отъ постыдной чести, купленной измѣною и предательствомъ. Лучше страдать честно и благородно, чѣмъ такъ благоденствовать. Она дождется принадлежащаго ей имени; съ лихвой возвратитъ всѣ права и привиллегіи свои отъ престола истинныхъ помазанниковъ Царя царей; а до тѣхъ поръ, какъ сребро въ горнилѣ, пусть искушается и просвѣтляется, да явится потомъ свѣтъ ея предъ человѣки!...

Кровополитная битва подъ Кіевомъ, остававшимся вѣрнымъ царю православному (1658 г.), пораженіе сборныхъ полчищъ Виговскаго на всѣхъ пунктахъ положили конецъ предательскимъ замысламъ измѣнника, и мечтательная республика осталась только въ воображеніи враговъ Россіи.

Около этого времени кіево-богоявленскій монастырь, со всѣми принадлежавшими къ нему строеніями и училищемъ, до тла былъ истребленъ страшнымъ пожаромъ. Коллегія уже не существовала, послѣдніе изъ возмужавшихъ питомцевъ ея взялись за оружіе, чтобъ отмстить врагамъ отечественнаго спокойствія за гибель и разрушенія, внесенныя ими. Многія изъ помѣстьевъ и угодій, ей принадлежавшихъ, отошли отъ нея; такъ Моисей Могила отобралъ Мухоѣды, пожертвованные его братомъ, и продалъ это село Сапѣгѣ; Виговскій отнялъ пустопорожнее мѣсто Рыльскаго въ Кіевѣ[273]. По крайней мѣрѣ коллегія имѣла хоть документы, которые, при лучшемъ оборотѣ дѣлъ политическихъ, могли бы послужить ей въ пользу; теперь и этого не стало.

Соболѣзнуя о такомъ бѣдствіи богоявленскаго братства и коллегіи, кіевскій полковникъ Василій Ѳедоровичъ Дворецкій, универсаломъ своимъ, даннымъ 1659 года, объявилъ »всѣмъ вообецъ и каждому зъособна«, а именно: сотникамъ, атаманамъ, есауламъ и всѣмъ козакамъ полка кіевскаго, а также кіевскимъ мѣщанамъ и поселянамъ, близъ Кіева находящимся, что доминиканскій костелъ съ грунтомъ, находящимся въ Кіевѣ и за Кіевомъ, со всѣми принадлежностями онаго, какъ-то: заложеннымъ отъ тамошнихъ ксензовъ и потомъ опустѣвшимъ селомъ Мостищами, со всемъ его грунтомъ, боромъ и рѣчкою Которемъ, со всѣми находящимися на томъ грунтѣ и рѣкѣ уцѣлевшими и погорѣвшими мельницами и со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями, составляли собственность братства, на что

оно имѣло и войсковые листы, данные Богданомъ Хмѣльницкимъ. А такъ какъ, продолжаетъ въ своемъ универсалѣ Дворецкій, документы эти, вмѣстѣ съ монастыремъ и школами, сгорѣли: то онъ завѣряетъ всѣхъ и каждаго въ законной и несомнѣнной принадлежности тѣхъ имѣній кіево-богоявленскому братству[274]. Въ то же время (1659 г.) отъ царя Алексѣя Михайловича послѣдовала, согласно ходатайству ректора коллегіи Іоанникія Галятовскаго, грамата, которою повелѣно было возвратить во владѣніе кіево-богоявленскаго братства »на строеніе церквей и школъ« мѣстечко Ксаворово и Мухоѣды, »буде, какъ »сказано въ той граматѣ, у нихъ на тѣ маетности есть при»вилия гетмана Богдана Хмѣльницкого і впредь буде спору и »челобитья отъ козаковъ не будетъ и в роздачу не отдано«. На такомъ же основаніи предоставлено было ввести коллегію во владѣніе и имѣніями Плисецкимъ, Черногородкой, пустопорожимъ мѣстомъ Рыльскаго и доминиканскимъ костеломъ[275]. Чрезъ годъ послѣ этого тотъ же полковникъ Дворецкій для возстановленія монастыря и училища пожертвовалъ три дворовыхъ мѣста на Подолѣ—Пекулитское, Оксаковское и Креницкое[276].

А между тѣмъ несчастная страна раздираема была междоусобіями. Юрій Хмѣльницкій и году не пробылъ въ кіевской коллегіи; онъ обманулъ бдительность приставленной къ нему Виговскимъ стражи и бѣжалъ. Опираясь на заслуги отца, и выставляя на видъ своихъ соотчичей обманы и предательство Виговскаго, онъ потребовалъ себѣ гетманской булавы. Царь утвердилъ его въ этомъ достоинствѣ, и Юрій сталъ гетманствовать. Первымъ дѣломъ его было представить московскому двору условія, которыя однакожь не были приняты, и Хмѣльницкій вынужденъ былъ подтвердить договорныя статьи своего отца. Но подтверждая ихъ, онъ не имѣлъ той силы духа, той административной мудрости, какими обладалъ старый Хмѣльницкій. Пользуясь внутренними нестроеніями, Поляки, къ концу 1660

года, овладѣли почти всею Малороссіей, разожгли междоусобія, и Украйна снова запылала со всѣхъ концовъ. Испуганный, Юрій началъ уговаривать свои дружины отложиться отъ Царя Московскаго, и встрѣтивъ сопротивленіе, съ нѣкоторыми волонтерами и охочекомонными объявилъ себя союзникомъ Поляковъ и Татаръ.

Недостойный сынъ великаго отца, Юрій, послѣ многихъ попытокъ удержать за собой гетманскую булаву, бросилъ все, и 1662 года въ Жидичинскомъ монастырѣ принялъ монашество отъ архимандрита Амвросія Тукальскаго, нѣкогда имъ облагодѣтельствованнаго.

Исполненіе гадячскаго договора, по самой сущности своей, представлявшаго явное противорѣчіе издавна принятымъ отъ сейма правиламъ, было болѣе невозможно, со стороны Поляковъ, чѣмъ исполненіе зборовскаго. Это была лишь ловушка, на которую, можетъ быть, и подался только митрополитъ Діонисій, забывшій на этотъ разъ значеніе сеймоваго гонора и все извиняющую іезуитскую логику. Если бы и не произошло такого оборота дѣла, какой мы уже видѣли: то и тогда ни одна изъ статей гадячскаго договора не была бы исполнена: ибо чрезъ него Малороссія возводима была на степень не покровительствуемой, а независимой республики, чего никогда не могла допустить благоразумная политика[277]. И дѣло кончилось тѣмъ, что сеймовою конституціей 1661 года гадячскій договоръ былъ вовсе уничтоженъ, и вмѣсто того всѣ вольности и права даны уніатамъ.

Среди междоусобій и нестроеній своего отечества Діонисій Балобанъ, еще въ 1658 году удалившійся изъ Кіева въ Корсунь, кончилъ прискорбную и многомятежную жизнь свою 1663

года. Тогда же въ Шароградъ, гдѣ былъ станъ королевскій, явились искатели кіевской митрополіи, нѣкто Яскульскій, уніатскій епископъ изъ Могилева, Антоній Винницкій, епископъ перемышльскій и монахъ Гедеонъ, — это Юрій, сынъ Богдана Хмѣльницкаго[278].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій

и

Антоній Винницкій.

Свѣдѣнія о жизни Іосифа. Онъ избранъ въ митрополиты восточной украйной. Антоній Винницкій избранъ западной стороной и Поляками. Іосифъ въ заточеніи. Антоній управляетъ митрополіей. Гетманъ Дорошенко. Іосифъ освобожденъ изъ заточенія и уѣзжаетъ въ Чигиринъ. Меѳодій, блюститель митрополитскаго престола. Онъ возмущаетъ Малороссію. Тукальскій противится подчиненію Кіева царю русскому. Доносъ Меѳодія на гетмана Брюховецкаго. Измѣна его. Меѳодій умираетъ подъ стражею. Лазарь Барановичъ. Его первоначальныя дѣйствія. Глуховскій договоръ. Іосифъ Тукальскій даритъ коллегіи село Стайки. Грамата Михаила Корибута коллегіи. Другая его грамата. Заботы о коллегіи. Варлаамъ Ясинскій возстановляетъ коллегію Нападеніе на братскій фундушъ. Жалобная грамата Ясинскаго. Состояніе Малороссіи. Кіевъ присоединенъ къ державѣ русской. Выгода сего для митрополіи и училища. Іосифъ Шумлянскій. Причины, лишившія патріаршій константинопольскій престолъ вліянія на церковь малороссійскую. Универсалъ гетмана Самойловича коллегіи. Другія пожертвованія. Кончина Іосифа Тукальскаго. Мѣсто его погребенія. Эксъ-митрополитъ Антоній. Возстановленіе коллегіи. Икона пресв. Богородицы, нарицаемой братской. Ректоры и профессоры: Іоанникій Галятовскій, Мелетій Дзикъ, Варлаамъ Ясинскій, Сильвестръ Головчичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ I, Іоаннъ Максимовичъ. Воспитанники извѣстнѣйшіе: Антоній іеромонахъ, Базилевичъ Іустинъ, Голенковскій Варлаамъ, Корниловичъ Захарія, Крайскій Сильвестръ, Крековскій Іоасафъ, Лазаревичъ Іосифъ, Лежайскій Иларіонъ, Лещинскій Филоѳей, Милославскій Аѳанасій, Одиновичъ Антоній, Туптало св. Димитрій, Углицкій Ѳеодосій, Яворскій Стефанъ, Яновскій Ѳеодосій. Столѣтіе коллегіи.

1663—1676.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ постриженцемъ одного изъ монастырей княжества литовскаго, и тамъ же проходилъ первоначальныя иноческія должности. Въ 1654 году онъ назначенъ архимандритомъ лищинскаго и *старшимъ* виленскаго Святодухова монастырей, откуда потомъ 1661 года избранъ былъ въ епископа могилевскаго.

Когда въ станѣ шароградскомъ представились королю искатели кіевской митрополіи, то избраніе пало на монаха Гедеона или Юрія Хмѣльницкаго; а Яскульскій и Винницкій получили рѣшительный отказъ. Но Юрій не съ тѣмъ явился въ станъ, чтобъ принять жезлъ архипастырскій; это было лишь однимъ предлогомъ: между дѣломъ онъ хотѣлъ развѣдать, не остается ли ему какой нибудь надежды снова овладѣть бунчукомъ и булавою? Неожиданное избраніе въ митрополиты изумило его; отговариваясь молодостью и неопытностью въ дѣлѣ архипастырскаго управленія, онъ искусно отклонилъ отъ себя королевское назначеніе.

Между тѣмъ, пока это происходило въ шароградскомъ станѣ, православное духовенство и шляхетство лѣвой стороны Днѣпра сами по себѣ заботились объ избраніи митрополита. На ту пору въ Чигиринѣ проживалъ Іосифъ Тукальскій, удалившійся туда отъ преслѣдованія уніатовъ. По единодушному согласію, ему предложили жезлъ первосвятительскій, и 1663 года онъ наименовался кіевскимъ митрополитомъ.

Антоній Винницкій, встрѣтивъ неудачу въ станѣ королевскомъ, обратился къ содѣйствію Тетери, бывшаго гетманомъ правой стороны Днѣпра. Такъ какъ избраніе Тукальскаго совершилось безъ согласія козаковъ другой половины раздѣленной тогда Украйны, то Тетеря сталъ ревностно хлопотать о возведеніи на митрополитскій престолъ своего кліента Винницкаго. Скоро представился удобный къ этому случай. Королевскій гетманъ Чарнецкій, получившій отъ Казиміра неограниченную власть въ Украйнѣ, желалъ, не приступая прямо къ военнымъ дѣйствіямъ, попробовать уговорить козаковъ возвратиться къ вѣрности и повиновенію коронѣ польской, и оставить враждебныя намѣренія. Зная власть духовенства надъ умами православныхъ, онъ пригласилъ къ себѣ митрополита Іосифа Тукальскаго съ Юріемъ Хмѣльницкимъ, бывшимъ тогда уже игуменомъ

мошининской пустыни. Оба они довѣрчиво явились въ станъ Чарнецкаго, подъ защитою своего сана и правъ гостепріимства. Польскій военачальникъ спросилъ у нихъ совѣта для успокоенія Украйны: но когда Тукальскій и Гедеонъ отвѣтили, что не слѣдуетъ смиреннымъ инокамъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, то Чарнецкій приказалъ взять ихъ и отправить подъ стражею въ Варшаву. Узнавъ объ этомъ, Тетеря вошелъ къ королю съ доносомъ, что будтобы Іосифъ съ Юріемъ Хмѣльницкимъ возмущали козаковъ, которые дѣйствительно, бывъ раздражены обидами, наносимыми избранному отъ нихъ митрополиту, осаждали Тетерю въ Чигиринѣ, и только Чарнецкій могъ спасти его отъ погибели. Король, по полученіи объ этомъ извѣстія, немедленно повелѣлъ Тукальскаго и Хмѣльницкаго заточить въ Маріенбургъ. Тогда Антоній Винницкій безпрепятственно уже объявилъ себя митрополитомъ, и цѣлые два года управлялъ кіевскою іерархіей, не смѣя впрочемъ жить ни въ Кіевѣ, ни въ Украйнѣ.

Въ началѣ 1665 года открылись военныя дѣйствія въ окрестностяхъ самаго Кіева. Въ это время выступилъ на сцену Петръ Дорошенко, простой чигиринскій козакъ, ознаменовавшій послѣдующую жизнь свою воинскими подвигами и разными злодѣяніями. Первымъ его дѣломъ была услуга королю, которому онъ представилъ схваченныхъ имъ, при помощи крымскаго хана, двухъ самозванцевъ Опару и Царика. Въ награду за это, король приказалъ освободить изъ-заточенія митрополита Іосифа и Юрія Хмѣльницкаго и возвратить ихъ на родину. Дорошенко увѣрилъ Казиміра, что эта мѣра кротости и милосердія удержитъ жителей Украйны въ повиновеніи и много можетъ послужить къ успокоенію ея. Не смотря на то, что Антоній получилъ уже въ это время отъ короля утвердительную грамату на санъ митрополитскій, Тукальскій продолжалъ именоваться кіевскимъ митрополитомъ. Но въ Кіевъ, безпрестанно переходившій то подъ россійскую, то подъ польскую державу, онъ не смѣлъ явиться, какъ потому, что боялся негодованія царскаго

за принятіе митрополіи, мимо вѣдома и согласія московскаго двора, такъ и потому, что ни кіевское духовенство, ни малороссійскіе козаки правой стороны Днѣпра, какъ не участвовавшіе въ избраніи Тукальскаго, не хотѣли признавать его своимъ митрополитомъ. По этому онъ на первый разъ остановился въ Вильнѣ; но опасаясь попасть въ руки Тетери, уѣхалъ въ Чигиринъ къ благодѣтелю своему Дорошенку.

Еще до освобожденія Тукальскаго изъ заточенія, Меѳодій, епископъ мстиславскій, бывшій блюстителемъ кіевской митрополіи, съ печерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ и со всѣми кіевскими игуменами, нарочно собранными въ софійскій соборъ, писали отъ 4 марта 1666 года къ царю Алексѣю Михайловичу и просили о пожалованіи имъ граматы на вольное избраніе себѣ третьяго митрополита, всемъ соборомъ, въ присутствіи гетмана Украйны восточной Брюховецкаго и боярина П. В. Шереметьева, начальствовавшаго тогда въ Кіевѣ. Въ тоже время самъ Брюховецкій въ договорѣ съ царемъ *четвертою* статьею требовалъ присылки въ Кіевъ русскихъ митрополитовъ изъ Москвы, съ подчиненіемъ ихъ патріарху всероссійскому, дабы, какъ писалъ онъ, »духовный чинъ на митро »политовъ, подъ рукою королевскою будучихъ, оглядываючись, »въ шатости войску вредительной не былъ«[279]. Но государь, не измѣняя правиламъ мудрой политики, до времени отклонилъ рѣшеніе этого вопроса, и только подтвердилъ быть Меѳодію блюстителемъ митрополитскаго престола.

Но Меѳодій дѣйствовалъ не ко благу своего отечества. Слабодушный Юрій Хмѣльницкій и подъ иноческимъ клобукомъ Гедеона питалъ честолюбивые замыслы, и въ надеждѣ замѣнить со временемъ игуменскую мантію порфирою велико-княжеской, промышлялъ разные способы къ пріобрѣтенію того, чего онъ такъ мало былъ достоинъ. Онъ уже обдумывалъ замыселъ поддаться Туркамъ со всей Малороссіей: но Дорошенко предупре-

дилъ его въ этомъ. Меѳодій явился первымъ возмутителемъ противъ благодѣтеля своего — царя православнаго; его рѣчь произвела сильное волненіе въ народѣ[280], и Малороссіи быть бы союзницей поклонниковъ магомета, еслибъ андрусовскій договоръ (1667 года) не остановилъ этого гибельнаго дѣла въ самомъ его началѣ. Россія заключила перемиріе съ Польшею, и взявъ на себя покровительство надъ исповѣдующими вѣру православную, утишила тѣмъ волненіе въ народѣ, а уступка Кіева со всѣми къ нему принадлежностями и военными снарядами во власть царю на два года послужила первымъ звеномъ, неразрывно связавшимъ юго-западную Россію съ сѣверо-восточной.

Такимъ образомъ гетманство Дорошенка, не признававшаго власти царя русскаго, было уже совершенно противно андрусовскому договору. »Все мое войско головы положимъ, а Кіева не отдадимъ!« — говорилъ онъ, поддерживаемый въ этомъ случаѣ Меѳодіемъ, возставшимъ противъ *четвертой* статьи московскаго съ Брюховецкимъ договора[281], — и Іосифомъ Тукальскимъ, поклявшимся въ непримиримомъ мщеніи оскорбившимъ его полякамъ[282]. Напрасно Иннокентій Гизель письменно убѣждалъ Тукальскаго не противиться подчиненію Кіева царю православному; напрасно выставлялъ передъ нимъ непріятныя слѣдствія такого упорства, — Іосифъ ничего не слушалъ, и писалъ воззванія къ малороссійскому духовенству, убѣждая священниковъ поминать на ектеніяхъ »благочестиваго и Богомъ даннаго гетмана Петра« (Дорошенка)[283]. Но Дорошенко еще хитрилъ; онъ не хотѣлъ вдругъ сказаться сообщникомъ крымскаго хана и подданнымъ султана; держась до времени невѣрнаго покровительства Польши, онъ убѣдилъ и Тукальскаго помогать себѣ въ этомъ. Повѣренный дворянина Дубенскаго, присланнаго съ полномочіемъ отъ царя Русскаго, имѣлъ въ Чигиринѣ неудовольствіе на обѣднѣ, совершаемой митрополитомъ Іосифомъ и архимандритомъ Гедеономъ (Юріемъ Хмѣльницкимъ) слышать

имя короля на ектеніи, и только во время переноса св. даровъ, при поминовеніи вселенскихъ патріарховъ Хмѣльницкій произнесъ имя »великаго государя всероссійскаго«[284].

Между тѣмъ Меѳодій явился въ Москву съ доносами на Брюховецкаго, гетмана восточной Украйны. Разобравъ обвиненія, царь Алексѣй Михайловичъ отпустилъ его съ титуломъ нѣжинско-украинскаго епископа, и совѣтовалъ помириться съ гетманомъ. По слову царя, вражда между сими пресловутыми людьми замѣнилась самою тѣсною дружбой.

Царь Алексѣй Михайловичъ, поступавшій такъ снисходительно и милостиво съ Меѳодіемъ, не подозрѣвалъ, что онъ расточаетъ щедроты свои закоренѣлому мятежнику. Тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Украйну, Меѳодій сталъ увѣрять народъ, что боярин Ордынъ-Нащокинъ приближается съ ратными людьми къ Кіеву за тѣмъ, чтобъ обратить въ пепелъ всѣ города малороссійскіе,—и по его слову явилось множество запорожцевъ въ Украйну. Они начали заводить въ Кіевѣ ссоры и драки съ московской ратью. Брюховецкій, подущаемый Меѳодіемъ[285], изъявилъ царю несовмѣстныя требованія, и неудовлетворенный, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшился измѣнить государю. Украйна запылала всѣми ужасами междоусобной войны, и Брюховецкій принялъ смерть подъ дубьемъ ожесточенныхъ козаковъ. Виновникъ всего этого междоусобія, Меѳодій находился тогда въ Нѣжинѣ. Дорошенко далъ повелѣніе арестовать и отправить его въ Черниговъ; мѣсяцъ спустя, его вытребовали въ станъ Дорошенковъ къ митрополиту Іосифу Тукальскому, предали суду, лишили епископскаго сана и заточили въ монастырь сперва въ чигиринскій, потомъ въ уманскій. Оттуда бѣжалъ онъ и явился въ Кіевѣ: но по повелѣнію боярина Шереметьева былъ схваченъ, отправленъ въ Москву и кончилъ жизнь подъ стражею въ монастырѣ Ново-спасскомъ[286].

Блюстителемъ престола кіевской митрополіи отъ царя былъ назначенъ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ. Съ перваго же раза онъ благотворно подѣйствовалъ на взволнованные умы несчастной Украйны и способствовалъ къ возстановленію въ ней возможной тишины. Въ 1669 году Барановичъ уговорилъ послать въ Москву посольство о принятіи всей Малороссіи въ подданство, о прощеніи вины ея и о подтвержденіи козацкихъ вольностей. Между прочимъ поручено было членамъ сего посольства настоять на томъ, чтобы не отдавать Полякамъ Кіева, »сего, какъ сказано въ инструкціи, первопрестольнаго града царства русскаго, отъ котораго искони на всю Россію возрасла благодать Божія«.

Тогда же состоялись статьи такъ называемаго глуховскаго договора; Дорошенко отвергнутъ, и Демьянъ Многогрѣшный принялъ гетманскіе клейноды и присягнулъ въ вѣрности Государю.

Но Украйна все еще не слилась во едино. Дорошенко, сохраняя впрочемъ только тѣнь прежней власти, продолжалъ распоряжаться въ Кіевѣ и окрестностяхъ его, какъ настоящій гетманъ. Универсаломъ своимъ 7 февраля 1669 года онъ уступилъ митрополиту Іосифу Тукальскому на столовое содержаніе (на кухенное) опустошенное мѣстечко Стайки, съ правомъ селиться тамъ всякому и со взиманіемъ извѣстной пошлины за стаецкій перевозъ на Днѣпрѣ[287]. Тукальскій однакожъ не захотѣлъ пользоваться этимъ даяніемъ и 27 марта того же года подарилъ его кіево-братской коллегіи. »Хоть я и самъ очень »бѣденъ, писалъ онъ въ своей граматѣ: но отдѣляю ихъ (Стай»ки), какъ двѣ лепты вдовицы, на поддержаніе того обнищав»шаго святаго мѣста«[288].

Въ этомъ же году на престолъ польскій возшелъ Михаилъ Корыбутъ-Вишневецкій. Улучая такое благопотребное время,

Варлаамъ Ясинскій, тогдашній ректоръ кіевской коллегіи, отправилъ іеромонаха Кіево-печерской Лавры Игнатія Саковича, бывшаго нѣкогда воспитанникомъ сего-же училища, съ челобитьемъ къ новоизбранному королю. Апрѣля 25 Саковичъ получилъ отъ Михаила Корыбута грамату, которою, независимо отъ прежнихъ королевскихъ привиллегій, особо признаны были законными всѣ права, фундаціи, учрежденія, льготы, въ особенности тѣ, которыя относятся къ коллегіи и школамъ, какъ-то: на мѣстечко Новоселки съ принадлежащими къ нимъ деревнями—Богушовкою, Звонками и Зобковщизною, сельцомъ Позняковками, и въ Кіевѣ на имѣнія, отдѣленныя для монастыря братскаго при церквахъ Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской, со всѣми въ тѣхъ имѣніяхъ и грунтахъ принадлежностями, угодьями, сѣнокосами, дубровами, полями, озерами и всѣми доходами. Сверхъ всего этого, »имѣя, какъ сказано въ граматѣ, въ особливомъ вниманіи важныя заслуги, постоянство, благочестіе, опытность въ св. Писаніи ректора братскаго монастыря Ясинскаго«, король утверждалъ за онымъ всѣ имѣнія, помѣстья, фольварки и хутора, со всѣми ихъ правами, документами, распоряженіями, учрежденіями, граматами, граничными и дарственными давними записями, съ подданными людьми, рынками и ихъ повинностями, не изъемля, какъ замѣчено, ни одного человѣка, живущаго на грунтѣ братскаго монастыря отъ повиновенія и оброка, съ дворовымъ строеніемъ, барщинами, поземельными взносами, данями, доходами, десятинами, прудами, озерами, рѣками, рѣчками, мельницами, рудниками, корчмами, лѣсами, рощами, дубровами, лугами, берегами, границами, торгами, ярмарками и всѣми тому монастырю принадлежащими доходами[289].

Медлить было нечего. Благосклонность короля, вынужденная политическими обстоятельствами, также легко могла утратиться, какъ легко досталась она въ эту пору. По этому ректоръ коллегіи Варлаамъ Ясинскій, тотчасъ же по полученіи

означенной граматы, отправилъ въ Варшаву того-же Саковича съ просьбою о позволеніи возстановить училища, и 10 октября того же года получена была желаемая грамата отъ Михаила. Въ ней сказано было, что »преклоняясь на уважительное челобитье Варлаама Ясинскаго, ректора кіево-могилянской коллегіи и желая, чтобы вездѣ во владѣніяхъ королевскихъ молодые люди получали образованіе«, варшавскимъ сеймомъ разсуждено, а королевскою граматою утверждено, позволить »кіевскую могилян»скую коллегію на ея мѣстахъ, грунтахъ, и давнихъ фундаціяхъ »возстановить и въ ней преподавать приходящимъ всѣ началь»ные предметы (tirocinia), искуства (exercitia), науки (studia) и »познанія (scientias) чрезъ профессоровъ, отцевъ учителей чина »св. Василія«. Училищному начальству поставлено было въ обязанность содержать своихъ учениковъ во всякой подчиненности, а буйныхъ и производящихъ безчинства строго наказывать и изгонять изъ коллегіи. Ректоръ и его преемники съ префектами, профессорами, учителями и помощниками ограждены были полною безопасностію и уваженіемъ, подъ опасеніемъ наказанія, назначеннаго оскорбителямъ королевскихъ привиллегій и нарушителямъ спокойствія[290].

Немедленно послѣ этого приступлено было къ возсозданію и устройству кіево-богоявленскихъ школъ. За восемь лѣтъ предъ симъ ректоръ коллегіи Іоанникій Галятовскій началъ было возстановлять разрушенныя зданія богоявленскаго монастыря. Медленно подвигалось это дѣло, какъ по причинѣ военныхъ переворотовъ, такъ и по недостатку средствъ, номинально лишь существовавшихъ въ рукахъ ученаго братства. Успѣли построить только деревянную богоявленскую церковь, да нѣсколько убогихъ хижинъ для небольшаго остатка уцѣлѣвшихъ учениковъ. Но въ 1665 году въ самыхъ окрестностяхъ Кіева открылись военныя дѣйствія, и коллегія подверглась совершенному разрушенію.

Горячо принялся за возстановленіе монастыря и училища

Варлаамъ Ясинскій. Получивъ въ управленіе разныя монастырско-училищныя имѣнія, онъ началъ распоряжаться, какъ умный и опытный домохозяинъ; завелъ воловъ и лошадей для обработыванія полей, упорядочилъ взимаемые доходы съ оброчныхъ статей, снабдилъ богоявленскую церковь цѣнными вещами[291],—и радовался и благодарилъ Бога за такое преуспѣяніе въ дѣлѣ священномъ.

Но не прошло осьми мѣсяцевъ отъ полученія послѣдней королевской граматы, какъ все это изчезло. Полковникъ Пиво, присланный отъ республики для занятія, въ силу андрусовскаго договора, Кіева своимъ гарнизономъ, въ отмщеніе за отказъ въ этомъ, предательски напалъ, въ надеждѣ доброй поживы, на селеніе Новоселки, съ котораго братство получало все свое содержаніе, вырѣзалъ, не щадя ни пола ни возраста, до полутораста человѣкъ, забралъ изъ церкви »всѣ шелковыя священныя облаченія и всѣ серебрянные сосуды: чаши, кресты, лампады, кадильницы«, отнялъ у домохозяевъ всѣ ихъ пожитки и рабочій скотъ, и въ довершеніе всего сжегъ до тла все мѣстечко, монастырскій замокъ съ строеніями и церковь. Три монаха изъ воспитанниковъ коллегіи, посланные въ Новоселки на хозяйство, намѣстникъ *Мелетій Миколаевичъ*, экономъ *Иннокентій Можиловскій* и шафаръ[292] іеродіаконъ *Лазарь* были въ это же время убиты за Бѣлогородкою. Надъ тѣлами этихъ страдальцевъ Варлаамъ произнесъ потомъ скорбное слово изъ текста: *положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ.*

При такомъ бѣдствіи Ясинскій обратился съ жалобною и просительною граматою ко всѣмъ сынамъ Церкви православной, свѣтскимъ и духовнымъ, начальствующимъ и простымъ христолюбивымъ людямъ, представляя имъ »тяжкую и невыносимую »скорбь и упадокъ кіево-братскаго богоявленскаго монастыря, »труждающагося около науки православной въ цвѣченью молоди »россійской на подпору Церкви святой и на помноженье хвалы

»Божіей: задержати, продолжаетъ онъ, монастыря и наукъ не »можемъ, але такъ хвалу Божую въ церкви обители нашой и »молитву вседневную за блаженныхъ ктиторовъ нашихъ, якъ »тежъ ученіе дѣтокъ православно-россійскихъ въ школахъ на»шихъ оставити мусимъ«.

Съ этой граматою Ясинскій отправилъ довѣренныхъ иноковъ ко всѣмъ благочестивымъ сынамъ святой Церкви въ Россіи, слезно умоляя о пособіи святою милостынею (о ратунокъ милостынею святою) и обѣщая быть за то »доживотнымъ ихъ богомольцемъ«[293]. Отозвался ли кто на этотъ скорбный вопль одного изъ благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ покровителей коллегіи, — увидимъ.

А Малороссія все еще волновалась. Претерпѣвая нападенія извнѣ отъ Татаръ и Поляковъ, она въ самыхъ нѣдрахъ своихъ видѣла страшное нестроеніе. Отъ двора московскаго назначаемъ былъ одинъ гетманъ, отъ королевства другой или даже два разомъ, отъ султана третій, да кромѣ того у каждой партіи былъ свой, и всякій изъ нихъ терзалъ и разорялъ несчастную Украйну.

Истекалъ срокъ андрусовскому договору; надо было возвратить Кіевъ польской коронѣ. Всегда праводушный и вѣрный слову, царь Алексѣй Михайловичъ, можетъ быть, и исполнилъ бы это: но обстоятельства были сильнѣе его царской воли. Гетманъ Многогрѣшный, митрополитъ Іосифъ Тукальскій, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и Кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель настоятельно требовали, чтобъ не отдавать священнаго города врагамъ православія. »На сеймѣ »они, писалъ Многогрѣшный въ договорѣ глуховскомъ, поста»новили всѣ церкви православныя отдать на костелы римскіе и »преподобныхъ отцевъ чудотворныя мощи хотятъ развезти въ »Польшу въ разныя мѣста«. Смуты и нестроенія въ самомъ

королевствѣ могли повергнуть и первопрестольный городъ древней Руси въ бездну несчастій; отказъ въ справедливомъ настояніи могъ бы огорчить православныхъ, — и царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился: въ концѣ 1679 года Кіевъ окончательно присоединенъ къ державѣ русской. Разъ утвердивъ это, царь уже не отступалъ ни предъ какими угрозами, и на неоднократныя требованія польскаго правительства твердо отвѣчалъ одно: »не отдамъ Кіева«! »Россія, говорилъ бояринъ князь Никита »Одоевскій въ 1675 году на третьемъ андрусовскомъ съѣздѣ: »не въ противность договоровъ владѣетъ всею западною Украй»ною, а слѣдовательно и Кіевомъ. Всѣ эти города и Кіевъ »завоеваны Россіею не у Поляковъ, а у Турокъ. Польша, не »имѣла права, безъ совѣщанія съ Россіею отдавать султану за»днѣпровскую Украйну, а если ужъ она отдала ее, то не въ »правѣ имѣть на нее никакихъ притязаній. Напротивъ того »королю должно быть пріятнѣе, чтобы Кіевомъ владѣла держава »христіанская, а не магометане. Впрочемъ, что бы ни говорили »противъ этого, а Кіевъ, пріобрѣтенный отъ Порты, не будетъ »возвращенъ королевству«[294]. Въ память этого радостнаго для всей православной Россіи событія государь принесъ въ даръ Кіево-печерской Лаврѣ ризы серебрянаго глазета съ золотыми цвѣтами; оплечье этихъ ризъ по красному бархату богато разукрашено жемчугомъ[295].

Слабость польскаго короля, допустившаго султана занять всю западную Украйну съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отуречить ее[296], оправдываетъ присоединеніе Кіева и въ политическомъ отношеніи, и грѣхъ былъ бы передъ Богомъ предать на поруганіе поклонникамъ Магомета святыя мощи угодниковъ Божіихъ и въ мѣсто святое допустить »мерзость запустѣнія«. Кровожадный султанъ съ сообщникомъ своимъ Дорошенкомъ былъ уже не далеко; онъ свирѣпствовалъ въ Чигиринѣ.

Поступленіе Кіева подъ крѣпкую руку самодержца всерос-

сійскаго спасло его еще отъ одной напасти, которая неизбѣжно отразилась бы и на древнѣйшемъ его училищѣ. Хотя въ Малороссіи въ эту пору было и два митрополита, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ своего пребыванія въ Кіевѣ. Видя это, козаки восточной Украйны предположили было и вовсе упразднить здѣсь престолъ митрополитскій. Гетманъ Многогрѣшный въ договорѣ своемъ просилъ царя, чтобы, если Кіевъ будетъ возвращенъ Польшѣ, то митрополію учредить въ Переяславлѣ, а Лазарь Барановичъ утверждалъ, что ей приличнѣе быть въ Черниговѣ. Такое рѣшеніе приводило въ отчаяніе и Іосифа Тукальскаго и все кіевское духовенство. Митрополитъ Іосифъ и безъ того уже имѣлъ много непріятностей отъ своихъ совмѣстниковъ, являвшихся поочередно. Исходатайствовавъ себѣ у константинопольскаго патріарха Меѳодія утвердительную грамату[297], и освободившись такимъ образомъ отъ притязаній Антонія Винницкаго, Тукальскій встрѣтилъ себѣ другаго соперника въ львовскомъ епископѣ Іосифѣ Шумлянскомъ, который, подъ предлогомъ старости и дряхлости митрополита, началъ искать у короля польскаго Яна Собѣскаго титла администратора кіевской митрополіи. Гетманъ Дорошенко, узнавъ объ этомъ, велѣлъ схватить его въ Могилевѣ, куда онъ пріѣхалъ было на богоявленскую ярмарку. Отсюда въ 1671 году его привезли въ Чигиринъ и подвергли заключенію: но митрополитъ Іосифъ исходатайствовалъ ему свободу. Въ благодарность за это Шумлянскій выхлопоталъ таки себѣ грамату у Собѣскаго на администрацію кіевской митрополіей съ полною властію надъ всѣми волостями, принадлежавшими митрополитскому дому, и кіевскими монастырями, не исключая и печерскаго. По кончинѣ Іосифа, этотъ святокупецъ надѣялся съ помощію короля быть и митрополитомъ кіевскимъ, и для вѣрнѣйшаго успѣха въ этомъ, 1677 года на сеймѣ гродненскомъ тайно подалъ королю письменное обязательство о принятіи уніи. Но и тутъ обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ съ досады открыто на варшавскомъ сеймѣ объявилъ себя уніатомъ, съ обѣщаніемъ обратить къ тому же

и всю свою епархію, за что и былъ награжденъ тогда дипломомъ отъ короля Августа II[298].

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ уже послѣднимъ изъ кіевскихъ митрополитовъ, принявшимъ утвержденіе отъ константинопольскаго престола. Ослабленію и наконецъ уничтоженію вліянія восточныхъ патріарховъ на Церковь россійскую была причиною стѣснительная зависимость ихъ отъ воли султана, а рѣшительному отчужденію кіевской митрополіи—неразсудительныя отлученія или анаѳемы на главнѣйшихъ дѣятелей этой эпохи. Такимъ образомъ Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, находившіеся на ту пору въ Москвѣ по дѣлу патріарха Никона, произнесли проклятіе на гетмана Брюховецкаго, обвиненнаго греческимъ выходцемъ Мигалевскимъ (Михали), отмѣненное потомъ, по приказу царя Алексѣя Михайловича[299]. Когда Дорошенко далъ присягу къ Константинополѣ на подданство султану, патріархъ Паисій далъ посламъ открытую грамату, отлучающую отъ Церкви и предающую анаѳемѣ всѣхъ непослушныхъ гетману Дорошенку и бунтующихъ противъ него[300], и вскорѣ послѣ того этотъ же предатель исходатайствовалъ у султана повелѣніе константинопольскому патріарху Меѳодію предать анаѳемѣ Многогрѣшнаго, якобы за похищеніе гетманскаго сана. Лазарь Барановичъ вступился въ это дѣло и написалъ къ московскому патріарху Іоасафу, а Іоасафъ доложилъ объ этомъ царю. Царь отнесся письменно въ Константинополь къ патріарху Меѳодію, предлагая ему снять проклятіе съ Многогрѣшнаго, что и было исполнено[301]. Но эти обстоятельства лишили навсегда Царьградъ вліянія на Церковь малороссійскую, и съ этихъ поръ главою кіевской митрополіи и всего украинскаго духовенства признанъ былъ московскій патріархъ.

Такимъ образомъ еще одно великое звѣно связало Кіевъ съ православнымъ московскимъ государствомъ, и съ благосостояніемъ его возрастетъ и древленасажденный кринъ духовно-разумнаго его просвѣщенія.

Благотворныя дѣйствія присоединенія Кіева къ державѣ русской оказались для коллегіи въ самоскорѣйшемъ времени. Въ 1672 году 7 іюня послѣдовалъ универсалъ отъ царскаго гетмана Ивана Самойловича, которымъ онъ даетъ знать »всѣмъ вобецъ и каждому того потребуючому«, что великій государь, видя, что кіевская братская »обитель — святое мѣсто, столько »потребное малороссійскому народу, особенно для образованія »греко-русскихъ дѣтей въ свободныхъ наукахъ, находится не »въ такомъ, какъ бы слѣдовало, достаткѣ, и желая святую оби»тель ту поддержать своею отеческою милостію и помочь«, пожаловалъ ректору коллегіи Варлааму Ясинскому право сытить медъ къ шести важнѣйшимъ въ году праздникамъ на свѣчи и для содержанія учителей. Вслѣдствіе сего гетманъ Самойловичъ, подтверждая это своимъ универсаломъ, строго наказываетъ, дабы »никто изъ старшихъ и меньшихъ въ войскѣ за»порожскомъ, а особенно господинъ кіевскій полковникъ, также »кіевскій сотникъ и атаманъ, равно и войтъ, бургомистры, райцы, »и никто изъ простыхъ людей города Кіева въ разсыченіи меду »къ помянутымъ праздникамъ никакимъ способомъ не осмѣли»вался чинить ни малѣйшаго препятствія«[302]. Въ томъ же 1672 году 4 апрѣля кіевскій полковникъ В. Ѳ. *Дворецкій*, по завѣщанію, отказалъ кіево-богоявленскому братству дворъ на Подолѣ близъ самаго монастыря[303], а кіевскій мѣщанинъ *Григорій Борисовъ* подарилъ, на поминъ души своей, хуторъ, лежащій на Сырцѣ[304], и страдальчествовавшая до сей поры кіево-могилянская коллегія стала предчувствовать грядущее свое благосостояніе.

Грустно и смутно померкла послѣдняя заря дней многомятежной жизни первосвятителя кіевскаго Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго. Онъ скончался 26 іюля 1676 года. Увлекаемый обстоятельствами и слабый характеромъ, тяжкими несчастіями заплатилъ онъ за свои политическія ошибки: но потомство не упрекнетъ его въ измѣнѣ православію, и самую привязанность его

къ недостойному Дорошенку отнесетъ къ движенію благородно-признательной души. Жители Кіева горячо любили своего добраго архипастыря: »архимандритъ печерскій (Иннокентій Гизель), пи»салъ въ 1668 году посланникъ Тяпкинъ къ Ордыну-Нащокину, съ »митрополитомъ Тукальскимъ великую любовь и въ народѣ силу »имѣютъ«[305]. Коллегія также не забудетъ его посильной благотворительности; не отъ избытковъ жертвовалъ онъ ей, а дѣлился собственно кускомъ хлѣба, ибо »самъ будучи барзо нищетенъ«, отдалъ ей то, что ему дано было на пропитаніе. Смуты и нестроенія своей родины, а всего болѣе Церкви глубоко волновали его добрую, но слишкомъ довѣрчивую душу, а отсутствіе возможности поправить дѣла своей іерархіи сокрушало его безконечно. »По беззаконіямъ моимъ, писалъ онъ »9 августа 1670 года къ боярину Ордыну-Нащокину, которымъ »нѣтъ числа, не признаю я себя душею страждущею за бла»гочестіе. Въ горести душа моя. Какъ могу называться па»стыремъ, когда растеряно стадо? О, да соберетъ его Создав»шій и Искупившій своею кровію«![306]

Митрополитъ Іосифъ первоначально погребенъ былъ въ чигиринскомъ троицкомъ монастырѣ, гдѣ онъ и имѣлъ свое пребываніе. Въ 1678 году, когда Чигириномъ овладѣли Турки, іеромонахъ и духовникъ того монастыря Макарій Русановичъ перенесъ тѣло его въ лубенскій мгарскій монастырь, и тамъ съ игуменомъ и братіею положилъ оное въ преображенской деревянной церкви, изъ которой потомъ перенесли его въ новоустроенную каменную, гдѣ онъ и покоится до нынѣ въ придѣлѣ по лѣвую руку отъ входа.

По кончинѣ Іосифа, совмѣстникъ его Антоній Винницкій, съ дозволенія короля польскаго, вступилъ въ управленіе кіевскою митрополіей: но не видно, чтобы православное духовенство относилось къ нему когда либо, какъ къ первосвятителю. Тогдашній блюститель митрополитскаго престола Лазарь Барановичъ завѣ-

дывалъ всѣми іерархическими дѣлами, да и гдѣ было пребываніе Антонія, неизвѣстно. Въ Кіевѣ, бывшемъ въ эту пору подъ рукою русскаго самодержца, жить онъ не могъ, какъ избранникъ короля и мятежнаго Тетери; Чигиринъ съ 1678 года занятъ былъ Турками, а западная Украйна наводнена ими еще съ 1672 года. Вѣрнѣе всего, что онъ проживалъ въ Вильнѣ или Новогрудкѣ Литовскомъ, прежнихъ столицахъ кіевскихъ митрополитовъ. Когда и гдѣ скончался *нареченный*[307] Винницкій, также неизвѣстно.

Судьба кіевской коллегіи, тѣсно связанной съ судьбою Кіева, подвергалась, какъ мы уже видѣли, разнымъ и большею частію неблагопріятнымъ измѣненіямъ. Лазарь Барановичъ оставилъ ее въ развалинахъ. Около двухъ лѣтъ (съ 1657 по 1659) послѣ него она не имѣла ни ректора, ни другихъ наставниковъ, ни наконецъ учениковъ. *Іоанникій Галятовскій*, принявшій ректуру, по приглашенію благородныхъ ревнителей просвѣщенія и особенно кіевскаго полковника Василія Ѳедоровича Дворецкаго, дѣятельно занялся возстановленіемъ коллегіи. Какбы благословляя труды и заботы его, сама Царица небесная въ своемъ изображеніи приплыла изъ Вышгорода къ высокому берегу правой стороны Днѣпра и остановилась противъ того мѣста, гдѣ устроенъ былъ страннопріимный домъ погибшей коллегіи. Съ радостію приняло кіево-богоявленское братство этотъ небесный залогъ вышняго благословенія, и внесло чудотворную икону Владычицы въ обновленную великую церковь, гдѣ она пребываетъ и донынѣ, чтимая благоговѣйно отъ поклонниковъ святыни Кіева и слывущая подъ именемъ *Братской*[308].

Устроивъ, сколько позволяли средства, помѣщеніе для преподавателей и учениковъ, *Галятовскій* открылъ классы: но по недостатку учителей и по несовершенству самихъ воспитанниковъ они были доведены только до реторики[309]. Самъ надъ всѣмъ наблюдая и самоотверженно принимая иногда на себя

учительскія обязанности въ низшихъ школахъ, *Галятовскій* утѣшалъ себя мыслію, что скоро приведетъ его Богъ открыть преподаваніе и высшихъ наукъ: но Промыслъ указалъ ему болѣе важное, по обстоятельствамъ того времени, служеніе. *Галятовскій* понадобился въ Литвѣ, обуреваемой лжеученіемъ ненавистниковъ православія. Поразивъ словомъ своимъ враговъ истины, онъ возвратился на родину, и въ 1678 году получилъ санъ архимандрита сначала новгородъ-сѣверскаго монастыря, а потомъ черниговскаго елецкаго Успенскаго, гдѣ и скончался 1688 года[310].

Преемникомъ Галятовскаго, по управленію коллегіею, былъ *Мелетій Дзикъ,* »искусный, по отзыву составителя каталога ректоровъ Кіевской Академіи, проповѣдникъ слова Божія и учитель«. Замѣчательно, что рѣчь *Дзика* далеко уже не та, какую мы находимъ у ученыхъ его предмѣстниковъ. Это былъ достойнѣйшій наставникъ св. Димитрія, которому онъ передалъ и искуство свое говорить и писать на томъ языкѣ, какой мы находимъ и какимъ восхищаемся у святителя Ростовскаго[311]. *Мелетій Дзикъ* начальствовалъ въ коллегіи съ 1662 по 1665 годъ. Внѣшнія тревожныя обстоятельства сихъ несчастныхъ временъ, »яко пещи, по выраженію св. Димитрія, бѣдами и скорбми раздеженныя«, не препятствовали *Мелетію* совершать дѣло внутренняго возстановленія коллегіи, и во все время его правленія она оставалась при тѣхъ же началахъ, которыя далъ ей Іоанникій. Нѣтъ сомнѣнія, что *Дзикъ* не остановился бы на этомъ и скоро открылъ бы высшіе классы, еслибъ въ эту пору не послѣдовало конечное разрушеніе едва оживавшаго училища. *Мелетія* перевели на игуменство въ Михайловскій монастырь, гдѣ 7 февраля 1682 года онъ и скончался.

И опять Кіевъ остался безъ любимаго своего училища, и еще минуло трехлѣтіе, пока явился достойный дѣлатель сего ертограда просвѣщенія.

За отсутствіемъ митрополита, кіевская консисторія представила тогдашнему блюстителю митрополитскаго престола Меѳодію Филимоновичу іеромонаха и учителя кіево-богоявленской школы *Варлаама Ясинскаго* въ ректоры еще находившагося тогда въ развалинахъ училища. Въ 1668 году *Ясинскій* посвященъ былъ во игумена братскаго монастыря и вступилъ въ управленіе тѣмъ, что надобно было еще возсозидать и собирать. Мы уже видѣли неутомимую его дѣятельность на этомъ поприщѣ, видѣли его ревностные труды и заботы, видѣли наконецъ и огорченіе, до глубины поразившее его прекрасную душу. Разореніе, причиненное губителемъ Пивомъ, незначительный успѣхъ окружнаго посланія *Ясинскаго* о поддержаніи погибавшаго училища, невозможность помочь этому собственными средствами, сокрушили добрую его душу, и въ 1673 году онъ перешелъ игуменомъ въ кіево-михайловскій монастырь[312].

Лазарь Барановичъ, получившій отъ Царя блюстительство кіевской митрополіи, ни на минуту не упускалъ изъ виду по всему любезнаго ему училища. Немедленно, по выбытіи Ясинскаго, онъ предложилъ братству въ ректоры коллегіи *Сильвестра Головчича*, бывшаго воспитанникомъ ея и потомъ іеромонахомъ въ Гайскомъ монастырѣ, приписномъ къ братскому, и въ 1673 году *Головчичъ* получилъ посвященіе во игумена и ректорство. Кратковременно было управленіе его коллегіею: ибо въ слѣдующемъ же году, по разстроенному здоровью, *Головчичъ* былъ переведенъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ скоро и скончался, и потому коллегіи не могъ онъ оказать особенныхъ услугъ: но самое избраніе его, по предложенію такого человѣка, какъ Барановичъ, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ образованіи *Головчича*, который, конечно, подъ руководствомъ ученѣйшаго своего протектора совершилъ бы все то, что досталось совершить его преемникамъ.

Мѣсто Головчича занялъ *Ѳеофанъ Прокоповичъ 1*, родной

дядя знаменитаго іерарха Церкви Русской, »мужъ, по отзыву св. Димитрія Ростовскаго, важный и знатный и въ Церквѣ Божіей добрѣ послужившій, проповѣдникъ сладкоглаголивый«[313]. Принявъ въ свое управленіе коллегію и снабдивъ заведенные до него низшіе классы способными наставниками, онъ въ 1776 году открылъ классъ богословія, отложивъ на время философію, такъ какъ въ ней не предстояло особенной надобности, да и не было преподавателя къ тому годнаго. *Прокоповичъ* взялъ уроки богословія на себя одного, и восемь лѣтъ несъ профессорскую службу среди многотрудныхъ и многообразныхъ занятій по должности ректора и возстановителя коллегіи. Въ 1684 году онъ »ради своего смиренія, ректорства и жадной годности »игуменской не восхотѣ, аще и на многія его промовано«; оставаясь на покоѣ въ кіево-братскомъ монастырѣ, онъ тамъ и скончался 3 апрѣля 1689 года.

Въ эту же эпоху былъ наставникомъ въ кіево могилянской коллегіи и извѣстный *Іоаннъ Максимовичъ*. Онъ родился въ Нѣжинѣ, и по окончаніи курса наукъ, остался преподавателемъ въ томъ же мѣстѣ, которому былъ обязанъ послѣднимъ, окончательнымъ своимъ образованіемъ. Какая его была каѳедра,— навѣрное сказать нельзя: но что не богословіе, это вѣрно, ибо онъ не былъ ректоромъ коллегіи, съ званіемъ котораго обыкновенно соединялось преподаваніе наукъ богословскихъ. Всего вѣроятнѣе, что предметомъ его была поэзія и реторика, къ которымъ онъ всегда питалъ привязанность, доходившую до страсти. По постриженіи въ монашество, *Максимовичъ* находился въ разныхъ монастыряхъ настоятелемъ и наконецъ былъ архимандритомъ черниговскаго елецкаго монастыря, откуда въ 1697 году посвященъ патріархомъ московскимъ Адріаномъ въ архіепископа черниговскаго, а въ 1712 году переведенъ въ званіе митрополита въ Тобольскъ, гдѣ 10 іюня 1715 года и скончался.

Іоаннъ Максимовичъ написалъ довольно оригинальныхъ и

переводныхъ сочиненій. Къ первымъ относятся: *Θеатронъ нравоучительный, или нравоучительное зерцало для царей, князей и деспотовъ*. Излагая обязанности лицъ правительственныхъ, авторъ видимо старался подражать Цицероновой книгѣ о должностяхъ (Liber de officiis), и самый планъ своего творенія расположилъ по образцу древняго оратора—философа. Въ этомъ сочиненіи авторъ показалъ обширную, многостороннюю свою ученость. Разумные совѣты свидѣтельствуютъ, что онъ отлично понималъ науку управлять людьми и хорошо изучилъ сердце человѣческое—этотъ родникъ, изъ котораго бьютъ то мутные, то чистые и прозрачные ключи нравственной дѣятельности. Извлеченія изъ книгъ ветхозавѣтныхъ, изъ писаній св. Отцовъ смѣняются у него изреченіями знаменитыхъ писателей языческой древности, и нѣтъ почти ни одного поэта и философа, мнѣніемъ котораго не воспользовался бы *Максимовичъ*, если оно шло какъ нибудь къ дѣлу. Демосѳенъ, Цицеронъ, Плутархъ, Сенека и многіе другіе всѣ принесли дань Ѳеатрону нашего витіи—философа. Гомеръ, Виргилій, Горацій, Лукіанъ, Ювеналъ и прочіе поэты древніе являются у *Максимовича* въ переводныхъ стихахъ. Второе его сочиненіе: *Царскій путь креста* имѣетъ предметомъ изложеніе разныхъ нравоученій, клонящихся къ тому, какъ должно всякому христіанину носить крестъ Христовъ. Эта книга могла бы быть очень полезною для христіанина, еслибы вниманіе невольно не развлекалось стихами, щедро въ ней разсыпанными и возбуждающими чувство совершенно противоположное благоговѣнію. Къ сожалѣнію, *Максимовичъ* страсть свою къ стихосложенію простиралъ и на такіе предметы, которые отнюдь не нуждаются въ піитическихъ вымыслахъ. Такимъ образомъ онъ положилъ въ стихи *Богородице Дѣво радуйся*, что составило у него большую книгу въ листъ; *Отче нашъ*, или семь размышленій на молитву Господню; *Осьмь блаженствъ евангельскихъ*, тоже въ стихахъ и наконецъ *Алфавитъ, собранный риѳмами, сложенный отъ св. Писаній;* это есть нечто иное, какъ календарь съ краткимъ описаніемъ житій свя-

тыхъ, расположенныхъ по азбучному порядку. Не даромъ св. Димитрій Ростовскій высказываетъ такъ явно свое неудовольствіе на страсть къ такому ремеслу. Получивъ книгу *Максимовича: Богородице Дѣво радуйся*, напечатанную 1707 года въ Черниговѣ, онъ въ февралѣ слѣдующаго года писалъ: »книга »стиховъ печатныхъ прислана мнѣ. Богъ далъ тѣмъ вирше»писателямъ типографію и охоту и деньги и свободное житіе; »мало потребныя вещи на свѣтъ происходятъ«[314].

Изъ переводныхъ книгъ *Максимовича* извѣстны: 1) *Богомысліе въ пользу правовѣрнымъ*, перев. съ латинскаго и 2) *Иліотропіонъ или соображеніе человѣка съ волею Божіею* — тоже съ латинскаго[315]. Рѣчь *Максимовича* довольно ясна, и какъ церковно-славянская, довольно правильна, хотя въ ней и попадаются иногда польско-бѣлорусскія выраженія: но съ перваго же раза видно, что онѣ вошли въ сочиненіе не потому, что авторъ не умѣлъ замѣнить ихъ русскими, а потому что не считалъ того нужнымъ, ибо въ другихъ мѣстахъ тоже самое понятіе облекается у него выраженіями чисто русскими.

Митрополитъ *Іоаннъ Максимовичъ* достопамятенъ еще и тѣмъ, что въ 1700 году открылъ первую въ Россіи семинарію черниговскую, въ которую къ слушанію уроковъ положилъ допускать всѣхъ дѣтей свободнаго состоянія. Это было какъ бы предуготовительное училище, изъ котораго потомъ лучшіе воспитанники поступали въ кіевскую коллегію для окончанія высшихъ наукъ[316].

Хотя внѣшнее и внутреннее состояніе кіево-могилянской коллегіи въ эту эпоху, то есть съ 1657 по 1676, мало представляетъ отраднаго: но все же изъ аудиторій ея вышли люди, возвеличившіе своими заслугами Церкви, престолу и отечеству значеніе того училища, которое незабвенный Могила называлъ »единственнымъ своимъ залогомъ«. Вотъ нѣсколько извѣстнѣйшихъ воспитанниковъ коллегіи сего времени:

Антоній іеромонахъ, сотрудникъ Максимовича по учрежденію въ Черниговѣ семинаріи, въ которой онъ былъ и первымъ префектомъ. Сочиненная и частію переведенная имъ книга называется: *Зерцало отъ писаній Божественныхъ*. Здѣсь, кромѣ пяти словъ св. Іоанна Златоуста, находятся стихи на страсти Господни, написанныя *Антоніемъ*, вѣроятно, изъ соревнованія своему патрону Максимовичу[317].

Базилевичъ Іустинъ, постриженецъ Кіево-печерской Лавры, гдѣ въ послѣдствіи времени былъ и начальникомъ Ближнихъ Пещеръ. Въ 1705 году онъ былъ возведенъ въ санъ епископа курскаго и бѣлоградскаго: но по разстроенному здоровью уволенъ на покой и въ 1709 году скончался, избравъ мѣстомъ успокоенія своего обитель препод. Антонія и Ѳеодосія[318].

Голенковскій Варлаамъ. Постригшись въ монашество, онъ вскорѣ достигъ сана намѣстника сначала Кіево-печерской, а потомъ Александро-невской Лавры. Памятникомъ его просвѣщенія осталась книга: *Діалогизмъ или разговоръ духовный любителя съ любовію*. Книга эта, состоящая изъ трехъ частей, содержитъ въ себѣ собственно нравственныя размышленія о приготовленіи къ таинству Евхаристіи, а въ концѣ приложены нѣкоторыя молитвы и бесѣды о духовномъ уединеніи. Но яснѣйшимъ свидѣтельствомъ ума и образованности *Голенковскаго* служитъ то, что государь Петръ I поручилъ ему завести въ Александро-невскомъ монастырѣ первую школу, изъ которой въ послѣдствіи образовалась нынѣшняя С.-Петербургская Духовная Академія[319].

Корниловичъ Захарія, постриженецъ Кіево-Михайловскаго монастыря, въ которомъ онъ проходилъ потомъ разныя послушанія и достигъ наконецъ званія игумена. Въ 1701 году онъ былъ рукоположенъ въ епископа переяславскаго, и по че-

тырнадцати-лѣтнемъ правленіи епархіей скончался 28 августа 1715 года[320].

Крайскій Сильвестръ, ректоръ московскаго Заиконоспасскаго училища. Впрочемъ недолго проходилъ онъ училищныя должности: ибо въ 1705 году былъ хиротонисанъ въ архіепископа Архангелогородскаго, а черезъ два года переведенъ въ Смоленскъ митрополитомъ, гдѣ 1712 года и скончался[321].

Кроковскій Іоасафъ. Послѣдовавшее разореніе училища и недостатокъ классовъ принудили его выѣхать за границу, гдѣ, путешествуя по разнымъ странамъ Европы и посѣтивъ тамъ многіе университеты, *Кроковскій* выслушалъ полные курсы философіи и богословія въ академіи римской, которая тогда почиталась славнѣйшею. По возвращеніи на родину, онъ принялъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, и поступилъ въ коллегію учителемъ реторики и поэзіи.

Лазаревичъ Іосифъ. Въ 1668 году онъ уже былъ архимандритомъ Чудова монастыря, а черезъ три года посвященъ въ санъ ростовскаго митрополита, гдѣ по десятилѣтнемъ управленіи паствою скончался 10 ноября 1701 года[322].

Лежайскій Иларіонъ, сотрудникъ Іоанна Максимовича въ дѣлѣ образованія черниговской семинаріи. Архипастырь не хотѣлъ разстаться съ нимъ и тогда, когда изъ теплаго юга поставленъ былъ Промысломъ вышнимъ на чреду служенія въ суровыя страны глубокаго сѣвера. *Лежайскій*, вмѣстѣ съ Максимовичемъ, переѣхалъ въ Тобольскъ, оставаясь іеромонахомъ при митрополитскомъ домѣ. Когда въ 1714 году китайское посольство переѣзжало черезъ Тобольскъ: то повелѣно было отправить съ онымъ кого либо изъ благонадежнѣйшихъ духовныхъ особъ. Съ сожалѣніемъ долженъ былъ разстаться митрополитъ Максимовичъ съ любимцемъ своимъ; *Лежайскій* въ

санѣ архимандрита и въ сопровожденіи свиты своей 1715 года прибылъ въ Пекинъ и заслужилъ такую милость у китайскаго Богдыхана, что онъ пожаловалъ его мандариномъ пятой степени, а отъ россійскаго двора въ это же время онъ получилъ право носить при священнослуженіи архимандритскую митру. Не долго однакожъ *Лежайскій* начальствовалъ миссіей. Къ общему сожалѣнію православныхъ и самихъ китайцевъ, онъ скончался въ концѣ 1719 года[323].

Лещинскій Филоѳей родился 1650 года и по выходѣ изъ коллегіи поступилъ въ священники: но лишившись супруги, принялъ монашество, и въ скоромъ времени произведенъ въ намѣстники братскаго монастыря. Мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій, соученикъ *Лещинскаго*, имѣлъ счастіе въ непродолжительномъ времени, согласно державной волѣ Петра I, рукополагать *Филоѳея* въ митрополита сибирскаго и тобольскаго. Девять лѣтъ трудился просвѣщенный архипастырь въ устроеніи Церкви въ отдаленнѣйшемъ краю нашего отечества: но приключившаяся болѣзнь заставила его просить себѣ увольненія отъ епархіи. Въ 1711 году митрополитъ сложилъ съ себя санъ архипастырскій и принялъ схиму подъ именемъ *Ѳеодора*. Черезъ годъ получивъ облегченіе въ своей болѣзни, ревностный слуга Царствія Христова, испросилъ благословеніе у своего преемника митрополита Іоанна Максимовича и позволеніе у сибирскаго губернатора князя Гагарина отправиться къ идолопоклонникамъ Остякамъ для проповѣданія имъ вѣры Христовой. Подвигъ трудный и великій! Проповѣднику приходилось имѣть дѣло съ дикарями, которые понимали только силу оружія: но *Ѳеодоръ* шелъ съ сильнѣйшимъ оружіемъ креста, и въ самое короткое время успѣлъ обратить къ христіанству остякскаго князя Алачева и до пятидесяти тысячъ Остяковъ, обитавшихъ по рѣкѣ Оби. Между тѣмъ скончался митрополитъ Іоаннъ, и государь повелѣлъ *Ѳеодору* снова принять

жезлъ архипастырскій (1715 г.). Управляя дѣлами епархіи, *Филоѳей* не упускалъ изъ виду любимой своей мысли—обращенія язычниковъ. Для этого онъ вступилъ въ сношенія съ монгольскимъ Кутухтою, и посылалъ къ нему »словесныхъ и разумныхъ учителей« съ граматами и дарами. Уваженіе, пріобрѣтенное симъ архипастыремъ отъ самыхъ жрецовъ языческихъ, было такъ велико, что самъ Кутухта не усомнился называть его въ отвѣтныхъ своихъ граматахъ *Великимъ Ламою* и *надъ Ламами Ламою*. Но усиленные труды возвратили къ нему прежнюю его болѣзнь, и *Филоѳей* въ 1721 году снова испросилъ себѣ увольненіе отъ архипастырской должности. Удалясь въ сооруженную имъ самимъ тюменскую обитель, онъ принялъ великую схиму, и пять лѣтъ провелъ въ труженичествѣ и молитвенныхъ подвигахъ. Добрый пастырь, не щадившій себя для паствы своей, скончался 31 мая 1726 года, завѣщавъ похоронить себя у самаго входа въ храмъ Троицкій, дабы, по его собственному выраженію, »мимоходящіе попирали прахъ его ногами«[324].

Милославскій Аѳанасій, архимандритъ Кіево-печерскій. Подробности о его жизни остаются неизвѣстными: но судя по характеру уцѣлевшаго и дошедшаго до насъ его сочиненія, видно, что онъ нѣкоторое время былъ однимъ изъ префектовъ и профессоровъ коллегіи, и то, что прежде читалъ въ строгой школьной системѣ, изложилъ потомъ въ понятныхъ всякому символахъ и подобіяхъ. Сочиненіе *Милославскаго* называется *Іероглифическая Ивика*, или *нравоучительная философія*. Онъ скончался въ Кіевѣ 1714 года[325].

Одиновичъ Антоній. Когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вознамѣрился завести въ Москвѣ славено-греко-латинскую академію и вызвалъ изъ Константинополя братьевъ Лихудовъ, то въ помощь имъ было вытребовано изъ Кіева нѣсколько молодыхъ монаховъ, воспитавшихся въ здѣшнемъ училищѣ; въ числѣ

ихъ былъ и *Одиновичъ*. Долго ли продолжалъ онъ училищныя должности, неизвѣстно; но въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія онъ былъ уже намѣстникомъ и потомъ архимандритомъ Донскаго монастыря[326]. Въ 1705 году *Одиновичъ* былъ посвященъ въ Коломну архіепископомъ, а въ 1716 скончался[327].

Туптало Димитрій, причисленный Церковію православною къ лику святыхъ, подъ славнымъ именемъ святителя Ростовскаго. Не вдалекѣ отъ Кіева, городѣ Макаровѣ[328], у малороссійскаго сотника Саввы Григорьевича Туптала 1651 года родился сынъ, нареченный при св. крещеніи *Даніиломъ*. Воспитанный съ младенчества благочестивыми родителями въ страхѣ Божіемъ, юный *Даніилъ* былъ отданъ въ кіево-могилянскую коллегію и началъ проходить по порядку классы, только что открытые Галятовскимъ. Томимый жаждою познаній, онъ быстро окончилъ ученіе въ начальныхъ школахъ и въ цвѣтѣ юношескихъ лѣтъ достигъ классовъ поэзіи и реторики. Здѣсь-то раскрылся передъ нимъ тотъ рудникъ слова, который потомъ разработалъ онъ самъ своимъ геніальнымъ умомъ[329]. Подъ руководствомъ знаменитаго состязательнаго богослова—Галятовскаго, *Туптало* изучилъ тѣ пріемы и обороты рѣчи, которые невольно поражаютъ въ его поученіяхъ и бесѣдахъ самаго обыкновеннаго читателя; у него занялъ онъ ту энергію и непобѣдимую силу убѣжденія, которыя явились въ послѣдствіи въ борьбѣ его съ раскольниками. И потому благодарить надобно Провидѣніе, что оно допустило будущаго святителя слушать уроки въ кіевской коллегіи. Къ сожалѣнію, онъ не могъ идти далѣе реторики: ибо кромѣ того, что другихъ классовъ не было тогда въ коллегіи, даже сама она, какъ мы видѣли, потерпѣла разрушеніе.

Семнадцатилѣтній юноша не захотѣлъ однакожъ оставаться въ мірѣ, и испросивъ у своихъ родителей благословеніе всту-

пить въ монашество, 9 іюля 1668 года въ кіево-кирилловскомъ монастырѣ принялъ постригъ и прославленное имъ потомъ имя *Димитрія*. Слѣдуя такимъ образомъ вышнему призванію, юный инокъ весь погрузился въ подвижничество: строгое уединеніе и богомысліе, отреченіе отъ всего, что имѣетъ въ себѣ міръ привлекательнаго, необыкновенная кротость, смиреніе и послушаніе, неутомимое усердіе къ Церкви Божіей и непрестанная молитва отличали его даже между старѣйшими братіями обители. Такой свѣтильникъ не могъ долго оставаться подъ спудомъ. Въ 1669 году *св. Димитрій* былъ посвященъ въ Каневѣ во іеродіакона митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ, а черезъ шесть лѣтъ послѣ этого блюститель кіевской митрополіи Лазарь Барановичъ вызвалъ его въ Черниговъ, облекъ въ санъ іеромонаха и опредѣлилъ проповѣдникомъ при соборѣ[330]. Два года проповѣдническаго служенія въ Черниговѣ столько прославили молодаго витію, что имя его сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Малороссіи, но и въ Польшѣ и Литвѣ. Упрошенный братіею слуцкаго православнаго монастыря, онъ цѣлый годъ проповѣдывалъ тамъ слово Божіе. Многія обители предлагали *св. Димитрію* принять начальство надъ ними: но онъ уклонялся отъ этихъ приглашеній и продолжалъ жить въ Слуцкѣ, не имѣя силъ разстаться съ любимцемъ души своей Іоанномъ Скочкевичемъ, строителемъ того монастыря. Лазарь Барановичъ и гетманъ Самойловичъ упрашивали его воротиться въ Малороссію, и *св. Димитрій*, дождавшись кончины своего друга и почтивъ память его надгробнымъ словомъ, 1679 года прибылъ на родину. Гетманъ »принялъ его весьма милостиво и благодѣтельствовалъ ему«[331]: но добродѣтельный и смиренный инокъ не захотѣлъ употреблять въ свою пользу расположенности сильнаго человѣка и удалился въ батуринскій Николаевскій монастырь, гдѣ усугубилъ свое подвижничество, проводя время въ постѣ, молитвахъ, чтеніи свящ. писанія и проповѣданіи слова Божія. Такъ прошелъ 1679 годъ. Въ слѣдующемъ, братія Кіево-кириловскаго монастыря обратились къ *св. Димитрію* съ убѣдитель-

нѣйшими просьбами о принятіи начальства надъ ними, извѣщая, что они единогласно избрали его своимъ игуменомъ. Они просили и гетмана ходатайствовать о томъ же: но *св. Димитрій* отправилъ представителя ихъ съ благодарственнымъ письмомъ; убѣжденія Самойловича также не подѣйствовали. Черезъ годъ послѣ сего явились къ нему два старца Максаковской Преображенской обители съ предложеніемъ игуменства. Долго отговаривался *св. Димитрій;* наконецъ неотступныя просьбы преодолѣли его глубокое смиреніе, потому болѣе, что Максаковскій монастырь, по своему уединенному мѣстоположенію, соотвѣтствовалъ строгой, отшельнической его жизни. Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, встрѣтивъ *св. Димитрія* съ письмомъ отъ гетмана Самойловича, привѣтствовалъ его слѣдующими словами: »не читая письма, сказываю: да благословитъ »васъ Господь Богъ, не только игуменствомъ, но по имени Ди»митрія желаю вамъ и митры; Димитрій да получитъ митру«[332],— и на прощаньи подарилъ ему лучшій свой посохъ, словомъ, по выраженію самаго *св. Димитрія,* обошелся съ нимъ, какъ отецъ съ сыномъ. Недолго однакожъ онъ управлялъ Максаковскою обителью: 1 марта 1682 года его перевели въ томъ же званіи въ батуринскій Крупицкій монастырь: но и здѣсь начальствовалъ онъ съ небольшимъ полтора года, и потомъ самъ отказался отъ настоятельства, и возобновилъ строгую келейную жизнь въ томъ же монастырѣ.

Въ 1684 году архимандритъ Кіево-печерскій Варлаамъ Ясинскій вызвалъ *св. Димитрія* въ Лавру и предложилъ ему собрать и исправить *Житія святыхъ.* Огромный трудъ устрашилъ *Димитрія:* но убѣжденія архимандрита и соборныхъ старцевъ вынудили его согласіе и онъ приступилъ къ занятіямъ. Дѣйствительно, работы было много; попытки предшественниковъ *Димитрія* въ этомъ дѣлѣ были далеко несовершенны; руководствоваться ими и думать было нечего: слѣдовало начинать сначала. *Димитрій* обложилъ себя книгами Метафраста, писателями вос-

точной и западной Церкви, греческими историками и жизнеописаніями святыхъ, составленными Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, подъ названіемъ Четіихъ-Миней. Два года провелъ *св. Димитрій* въ Кіево-печерской Лаврѣ, весь преданный своему занятію[333]; а въ 1686 году, подвигнутый неотступными убѣжденіями гетмана Самойловича и батуринскаго духовенства, снова принялъ начальство надъ Крупицкимъ монастыремъ. Здѣсь онъ докончилъ первыя три книги своихъ Четь-Миней, содержащія въ себѣ жизнеописанія святыхъ, память которыхъ празднуетъ православная Церковь въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ. Трудъ этотъ, разсмотрѣнный и одобренный архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ и всѣмъ лаврскимъ соборомъ, немедленно былъ напечатанъ въ печерской типографіи, и въ 1689 году представленъ царскому Двору. Патріархъ Іоакимъ разгнѣвался было, что книга напечатана безъ его разсмотрѣнія, но сдѣлавъ легкое замѣчаніе Ясинскому, одобрилъ благочестивое усердіе сочинителя[334].

Св. *Димитрій* въ томъ же году приступилъ къ продолженію своихъ Четь-Миней: но управлявшій тогда Малороссіею гетманъ Мазепа, питая уваженіе къ *Димитрію* и желая представить его Двору, взялъ съ собою въ Москву, гдѣ онъ и пробылъ около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, имѣвъ счастіе представиться царю Іоанну Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, а также и царю Петру Алексѣевичу въ Троицкомъ монастырѣ. Въ Москвѣ *Димитрій* часто посѣщалъ патріарха Іоакима, который продолжая ободрять его занятія, благословилъ иконою. Возвратившись изъ Москвы, св. *Димитрій* еще съ большею ревностію принялся за работу. Чтобъ не имѣть никакого развлеченія, онъ построилъ для себя особую келью, которую въ запискахъ своихъ называетъ *скитомъ*, и отказавшись отъ управленія ввѣренною ему Крупицкою обителью, совершенно заключилъ себя въ своемъ скитѣ, и въ 1693 году окончилъ вторую четверть своего творенія, въ которой помѣс-

тилъ жизнеописанія святыхъ, празднуемыхъ въ декабрѣ, генварѣ и февралѣ мѣсяцахъ. Въ слѣдующемъ году св. *Димитрій* былъ переведенъ игуменомъ въ глуховскій Петропавловскій монастырь, гдѣ также продолжалъ многополезныя свои занятія. Черезъ три года потомъ (1697) его перемѣстили настоятелемъ въ Кіево-кириловскій монастырь, куда за двадцать девять лѣтъ предъ симъ вступилъ онъ бѣльцомъ, а вышелъ оттуда инокомъ. Здѣсь однакожъ св. *Димитрій* начальствовалъ недолго, ибо того же года былъ наименованъ архимандритомъ черниговскаго Успенскаго Елецкаго монастыря, а въ 1699 году переведенъ былъ въ новгородъ-сѣверскую Спасскую обитель. Тутъ онъ окончилъ и третью четверть своихъ Миней: мартъ, апрѣль и май мѣсяцы. Послѣдняя четверть совершена св. *Димитріемъ* въ 1705 году; такимъ образомъ слишкомъ двадцать лѣтъ трудился святитель надъ этимъ важнѣйшимъ сочиненіемъ[335].

Слава, пріобрѣтенная св. *Димитріемъ* богоугодною жизнію, искуствомъ въ проповѣданіи слова Божія, назидательными сочиненіями, и въ особенности Четь-Минеями, обратила на него вниманіе Петра Великаго. Въ 1701 году онъ былъ вызванъ въ Москву и тогда же посвященъ въ санъ митрополита тобольскаго и сибирскаго: но здоровье, изнуренное постомъ, молитвами и трудами не позволяло ему отправиться въ отдаленный край, суровый климатъ котораго не соотвѣтствовалъ немощнымъ силамъ его и самому усердію быть полезнымъ Церкви и отечеству. Государь уважилъ просьбу знаменитаго пастыря, позволивъ ему имѣть пребываніе въ Москвѣ, и въ слѣдующемъ же году наименовалъ его митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ.

Въ то время сѣверо-восточная Россія еще не могла похвалиться своимъ просвѣщеніемъ; духовенство было мало чѣмъ образованнѣй черни: »не зная ни православія, ни кривославія и

божественная писанія точію по черному проходяще«, оно твердило, что Русскіе и безъ наукъ православны[336]. Грустно и больно было образованному и ученому сыну юго-западной Руси встрѣтить такое невѣжество въ новой своей паствѣ; св. *Димитрій* рѣшился просвѣтить и исправить сперва церковныхъ учителей, и для этого написалъ и разослалъ имъ два окружныхъ наказа съ изъясненіемъ ихъ обязанностей, какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и къ ввѣренной имъ паствѣ. А дабы на будущее время приготовить для Церкви способнѣйшихъ священнослужителей, онъ основалъ въ Ростовѣ семинарію и раздѣливъ ее на три класса, самъ надзиралъ за ходомъ ученія, а иногда, въ небытность учителей, и обучалъ дѣтей. Кромѣ этого способнѣйшимъ изъ воспитанниковъ онъ толковалъ въ свободное время свящ. Писаніе, желая восполнить этимъ недостатокъ богословскаго класса.

Но св. *Димитрію* предлежалъ еще другой, важнѣйшій подвигъ въ ростовской паствѣ. Тамъ было въ то время множество раскольниковъ, главные учители которыхъ, укрываясь въ брынскихъ лѣсахъ, чрезъ потаенныхъ своихъ проповѣдниковъ всюду разсѣевали ученіе, мятежное противъ Церкви православной. Крайне прискорбно это было просвѣщенному защитнику вѣры Христовой. Онъ рѣшился объѣзжать по нѣскольку разъ свою епархію и проживалъ въ Ярославлѣ не малое время для того, чтобы словомъ своимъ обличать закоснѣлое невѣжество отступниковъ Церкви православной. Видя однакожъ, что это не помогаетъ, св. *Димитрій* написалъ *Розыскъ* о раскольнической вѣрѣ, и при окружномъ своемъ посланіи разослалъ ко всѣмъ духовнымъ властямъ своей паствы. Это былъ страшный ударъ для невѣжества и богопротивнаго раскола. Всѣ секты и толки, всѣ ихъ заблужденія и нелѣпости выставлены были св. *Димитріемъ* на судъ міра и поражены до конца. Онъ уже не щадилъ тутъ богоотступниковъ и казнилъ ихъ праведнымъ презрѣніемъ

и финеесовымъ негодованіемъ. Противъ ихъ упорныхъ, безсмысленныхъ нелѣпостей св. *Димитрій* выставлялъ разумный глаголъ истины, находимой въ свящ. Писаніи и въ твореніяхъ Отцевъ Церкви, и облекая ее въ осязательно-понятное слово, заставлялъ своихъ противниковъ или издавать вопли буйнаго ожесточенія и безсильной злобы, или со стыдомъ безмолствовать. Ненависть, возбужденная въ раскольникахъ всѣхъ толковъ этимъ сочиненіемъ къ св. Угоднику, лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно и непріязненно имъ было оружіе слова *Димитрія*. Передъ очами всего міра стали они съ своей вѣрой неправою, своимъ душевреднымъ ученіемъ и съ дѣлами, приводящими въ ужасъ и омерзеніе всякаго испытателя судебъ человѣчества.

Изъ ученыхъ сочиненій святителя Ростовскаго особенно замѣчательна *Лѣтопись,* названная самимъ сочинителемъ, по скромности, *Келейною*, то есть, написанною для домашняго употребленія: но изъ собственнаго письма св. *Димитрія* къ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому открывается и другая, важнѣйшая цѣль этого сочиненія: »еще же и сего ради, пишетъ »онъ, священную исторію вкратцѣ написать я намѣренъ: помню, »что въ нашей малороссійской сторонѣ трудно сыскать Библію »славенскую; весьма мало гдѣ оныя обрѣтаются, и купити едва »достанетъ кто и рѣдко кто изъ духовнаго чина вѣдаетъ по»рядокъ исторій библейныхъ, что когда происходило. И для »того хотѣлъ было, аще бы поспѣшилъ Господь вашими свя»тыми молитвами, вкратцѣ библейскую исторію преподать та»ковымъ для вѣдѣнія, книжицею не зѣло великою и умѣренною, »чтобы всякъ могъ недорого купити и удобно о всѣхъ, яже въ »Библіяхъ, увѣдати исторіяхъ, каковымъ идутъ порядкомъ«. Въ этой Лѣтописи, кромѣ Библейской исторіи и свода съ исторіей гражданской, помѣстилъ онъ много богословско-герменевтическихъ и хронологическихъ изслѣдованій, съ приложеніемъ на каждый вѣкъ пасхальнаго круга. Особенно любопытно тамъ

его изслѣдованіе »о несогласномъ лѣтосчисленіи«. Вообще, Лѣтопись эта была бы единственною въ нашей литературѣ, еслибъ была окончена: но къ сожалѣнію, св. *Димитрій* успѣлъ довести ее только до 3600 года отъ сотворенія міра.

Такія многочисленныя и разнообразныя занятія, увеличивавшіяся съ году на годъ, по мѣрѣ возвышенія св. *Димитрія* по степенямъ церковной іерархіи, ни мало не погасили въ немъ проповѣдническаго жара. Будучи уже митрополитомъ, онъ все оставался тѣмъ же ревностнымъ органомъ слова Божія, какимъ былъ и въ ту пору, когда едва лишь переступилъ границу юношескаго возраста, какимъ являлся и въ Кіевѣ, и въ Черниговѣ и во всѣхъ монастыряхъ, куда приводимъ былъ, какбы на удивленіе, вышнимъ Промысломъ. Въ санѣ іерарха онъ рѣдко совершалъ литургію безъ слова поучительнаго. Проповѣдуемыя имъ истины христіанства, такъ сродныя его уму, были жизнію его сердца, и отъ того, изливаясь прямо изъ души, являлись всегда живыми и дѣйственными, — и не въ тѣсныхъ предѣлахъ школьной реторики, не въ напыщенныхъ формахъ классическаго ораторства изрекалъ онъ высокіе догматы и святыя правила жизни христіанской, а въ простой бесѣдѣ отца съ дѣтьми, учителя съ учениками. Искусно пользуясь всѣмъ, что имѣетъ въ себѣ наука, св. *Димитрій*, при необыкновенной силѣ выраженій и живости оборотовъ, умѣетъ держать въ постоянномъ напряженіи вниманіе слушателя, не позволяя ему ни на одну минуту поскучать сухимъ изложеніемъ догматическихъ или нравственныхъ истинъ. То остроумно сводитъ онъ разныя событія, возбуждая интересъ къ тому и другому, и заставляя съ нетерпѣніемъ ожидать развязки всего этого, то скрѣпляетъ мысль свою текстомъ, указавъ напередъ божественный авторитетъ его, то разсказываетъ какую нибудь исторію или событіе изъ жизни святыхъ, предоставляя иногда самимъ слушателямъ выводить изъ того для себя урокъ нравственный и давая такимъ образомъ пищу ихъ умственной дѣятельности, то приводитъ изре-

ченіе языческаго писателя, поставляя оное въ сравненіе съ ученіемъ Евангелія, то разсказываетъ какое нибудь похожденіе миѳологическаго бога Греціи или Рима, дабы отъ любопытства, возбужденнаго въ умѣ слушателя, пойти потомъ прямо къ убѣжденію сердца въ святости проповѣдуемой истины. Самый тонъ обличенія у него не грозный и потрясающій, а тихій, отечески-укорительный, выражающійся иногда въ повѣствованіи нѣсколько сатирическомъ. И доселѣ вся православная Россія читаетъ—не начитается вдохновенныхъ бесѣдъ святителя Ростовскаго[337].

Но духъ бодръ, плоть же немощна. Изнемогая въ силахъ, св. *Димитрій* все еще не прекращалъ своихъ занятій, и за два дня до своей кончины (26 октября 1709 года) больной и разслабленный совершалъ божественную Литургію. На другой день онъ позвалъ къ себѣ пѣвчихъ и заставилъ ихъ пѣть имъ же самимъ сочиненныя духовныя пѣсни. Что дѣлалось тогда въ душѣ праведника, тихо волнуемой воспоминаніями, порождаемыми этой музыкой, которую сложилъ онъ въ первой порѣ свѣжести и крѣпости силъ?!... 28 октября служители, вступившіе въ келью митрополита, увидѣли его стоящимъ на колѣняхъ и уже предавшимъ духъ свой Богу. Такъ скончался праведникъ на пятьдесятъ девятомъ году отъ рожденія!

Прошло сорокъ три года, и Господь Богъ благоизволилъ прославить Угодника своего. Не смотря на то, что мощи св. *Димитрія* лежали въ сыромъ мѣстѣ, не покрытомъ сводами, тлѣніе не прикоснулось къ нимъ; даже одежда святителя, его митра, шелковые четки вишневаго цвѣта сохранились въ прежнемъ видѣ, тогда какъ дубовый гробъ совершенно сгнилъ. Еще задолго до того времени, чудесныя исцѣленія, источаемыя вѣрующимъ молитвою и ходатайствомъ праведника, предвозвѣстили прославленіе его у Господа: 1752 года всѣ эти свѣдѣнія были повѣрены, и св. Синодъ опредѣлилъ праздновать день кончины св. *Димитрія* Ростовскаго. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ же

Кіевской Академіи Амвросій Зертисъ-Каменскій, архіепископъ московскій, сочинилъ краткую службу съ акаѳистомъ святителю[338].

Углицкій Ѳеодосій, »иже бысть мужъ разуменъ и благотворящъ кіевскому братскому монастырю«. До 1693 года онъ находился архимандритомъ черниговскаго Елецкаго монастыря, а потомъ былъ посвященъ въ черниговскаго архіепископа, въ каковомъ санѣ и скончался 7 генваря 1696 года[339].

Яворскій Стефанъ родился 1658 года въ волынскомъ мѣстечкѣ Яворѣ, состоявшемъ подъ польскимъ владычествомъ, и при крещеніи нареченъ *Симеономъ*. Родители его, принадлежавшіе къ дворянскому сословію, какъ и всѣ дворяне тогдашняго времени, обращали на себя особенное вниманіе папистовъ и уніатовъ. Отъ ихъ злобныхъ преслѣдованій Яворскіе принуждены были покинуть родину, удалились въ Малороссію и поселились со всѣмъ своимъ семействомъ въ Нѣжинѣ. Юный *Симеонъ* съ дѣтскихъ лѣтъ показывалъ необыкновенныя способности и склонность къ наукамъ. Но такъ какъ въ Нѣжинѣ въ то время не было никакого училища: то родители поручили его на воспитаніе Варлааму Ясинскому, бывшему тогда только іеромонахомъ и проповѣдникомъ въ Кіево-печерской Лаврѣ. Когда, въ званіи ректора и возстановителя кіево-могилянской коллегіи, Ясинскій перешелъ игуменомъ въ братскій монастырь, то взялъ съ собою и *Яворскаго* и опредѣлилъ его во вновь открытыя школы, имѣя самъ непосредственное надъ нимъ наблюденіе. Дорожа счастливыми способностями своего воспитанника, Ясинскій, независимо отъ школьныхъ уроковъ, самъ преподавалъ ему поэзію и реторику, читалъ и объяснялъ ему латинскихъ авторовъ, искренно радуясь понятливости и успѣхамъ своего юнаго питомца. Въ эту пору между *Симеономъ Яворскимъ* и Даніиломъ Тупталомъ образовалась тѣсная дружба, не прекратившаяся и въ послѣдствіи, когда оба они стали на высокой чредѣ служенія Церкви и отечеству, и когда одинъ изъ нихъ, по

данному слову, провожалъ въ могилу бренные, но нетлѣнные останки своего друга. Разореніе училищныхъ фундушей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и паденіе коллегіи грозило остановкою успѣховъ и просвѣщенія *Яворскому:* но Ясинскій, желая остаться достойнымъ той довѣренности, какою почтили его родители питомца, отправилъ его въ галиційскія и польскія училища, славившіяся тогда отличными наставниками. Увидимъ со временемъ, чѣмъ воротится оттуда *Яворскій,* и что принесетъ онъ родной своей коллегіи, Церкви православной и отечеству.

Яновскій Ѳеодосій, управлявшій сначала хутынскимъ монастыремъ, а потомъ бывшій первымъ архимандритомъ Александро-невской Лавры. Въ 1720 году онъ былъ хиротонисанъ въ архіепископа новгородскаго, съ предоставленіемъ ему всѣхъ правъ по архимандріи Александро-невскаго монастыря. Уважаемый и любимый Петромъ I, онъ въ знакъ особеннаго благоволенія получилъ отъ государя позволеніе носить на митрѣ водруженный крестъ, подобно тому, какъ носятъ архіереи и архимандриты въ юго-западной Россіи. Съ кончиною императора, *Яновскій* подвергся опалѣ и 11 мая 1725 года лишенъ былъ сана и сосланъ на заточеніе въ Никольскій Корельскій архангельскій монастырь, гдѣ и скончался простымъ монахомъ[340].

Совершилось наконецъ столѣтіе древнѣйшему въ нашемъ отечествѣ училищу! Благословеніе Божіе, преподанное святѣйшими патріархами не осталось втуне, и вся Россія узрѣла благодатные плоды, принесенные кіевскимъ вертоградомъ духовнаго просвѣщенія. Крѣпко стояла коллегія въ лицѣ своихъ воспитанниковъ противъ злоумышлявшаго папизма и свирѣпствовавшаго уніатства, успѣшно отражала стрѣлы, бросаемыя на вѣру православную реформаторами всѣхъ сектъ, высылала въ глубь сѣвера своихъ питомцевъ повѣдать славу Божію и устроивать просвѣщеніе народа, образовала искуснѣйшихъ богослововъ,

проповѣдниковъ и филологовъ, вмѣщала въ нешироких обителяхъ своихъ такихъ людей, для славы которыхъ сталъ потомъ тѣсенъ цѣлый міръ, и которые понесли ее съ собою за предѣлы его. Цари и патріархи, архіереи и вожди, вельможи и простецы — всѣ почтили ее именемъ славнаго и многополезнаго училища, и вознося къ Господу Богу благодарственныя моленія о благоденствіи его, въ годину бѣдствій спѣшили къ нему на помощь, отверстою рукою разсыпая на него свои благодѣянія[341].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЕДЕОНЪ СВЯТОПОЛКЪ,

КНЯЗЬ ЧЕТВЕРТЕНСКІЙ.

Состояніе Украйны. Юрій Хмѣльницкій Кіевъ. Внутреннія смятенія ослабѣваютъ. Миръ Россіи съ Польшею. Вѣроломство іезуитовъ. Прибытіе Гедеона въ Чигиринъ. Сиротство кіевской митрополіи. Нареченіе Гедеона митрополитомъ. Посвященіе его. Права, ему предоставленныя. Граматы царская и патріаршая. Прибытіе Гедеона въ Кіевъ. Протестъ Барановича и Кіево-печерской Лавры. Переписка съ восточными патріархами. Они отказываются отъ правъ своихъ на кіевскую митрополію. Дѣйствія уніатовъ. Жалобы Гедеона. Еретическія мнѣнія, посѣваемыя іезуитами и уніатами. Запросъ патріарха Іоакима. Заботы Гедеона о своей паствѣ и объ училищѣ. Разныя пожертвованія въ пользу коллегіи. Состояніе ея. Сформированіе полнаго учебнаго курса. Ректоры коллегіи: Іезекіиль Филипповичъ, Ѳеодосій Гугуревичъ, Пахомій Подлузскій, Кириллъ Филимоновичъ. Кончина Гедеона. Характеръ его и духовное завѣщаніе. Экзаменъ Стефану Яворскому, прибывшему изъ-заграницы. Остальная біографія Яворскаго. Воспитанники коллегіи: Боболинскій Леонтій, Волынскій Сильвестръ, Косовскій Варлаамъ, Краснопольскій Рафаилъ, Леонтовичъ Ѳеофанъ, Стаховскій Антоній. Денисовъ Андрей въ кіевской коллегіи.

1686—1690.

Украйна еще продолжала волноваться. Хотя Самойловичъ и былъ уже гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра: но отъ короля назначенъ былъ свой гетманъ—Гоголь, а отъ султана свой. Симъ послѣднимъ былъ недостойный сынъ славнаго и знаменитаго отца Юрій Хмѣльницкій. Сбросивъ съ себя иноческій

клобукъ и архимандритскую митру, онъ сталъ во главѣ соединеннаго турецкаго войска, и 1677 года пошелъ къ Чигирину, святотатственно оскорбляя тѣ священныя мѣста, гдѣ не такъ давно покоились кости его родителя, варварски выброшенныя изъ могилы польскимъ вождемъ Чарнецкимъ. Блистательно отраженный вѣрными Чигиринцами, на другой годъ Юрій снова двинулся въ походъ, направляясь къ Кіеву; тогда возстаніе сдѣлалось всеобщимъ. Мѣщане, посполитство[342], мастеровые, ремесленники брались за оружіе и становились въ ряды защитниковъ вѣры и родины; духовенство провозглашало войну съ врагами тишины и мира. Блюститель митрополитскаго престола Лазарь Барановичъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ пѣлъ молебны о счастливомъ окончаніи междоусобной брани, и татарскія полчища поражены были въ конецъ соединенными дружинами Великой и Малой Россіи. Царскія войска придвинулись къ границамъ Турціи.

Между тѣмъ генералъ Гордонъ укрѣплялъ Кіевъ. Полковникъ Яновъ наводилъ черезъ Днѣпръ мосты на якоряхъ, дотолѣ невиданные. Гетманъ Самойловичъ поднималъ высокій валъ вокругъ печерской обители. Войско гетманское соединилось съ войсками царскими и составило громадный оплотъ противъ магометанъ.

Внутреннія смятенія также видимо начинали ослабѣвать. Безпокойный Дорошенко давно уже сошелъ съ бурнаго своего поприща, и доживалъ свой вѣкъ въ Ярополчѣ подъ Москвою, изнывая въ безплодныхъ желаніяхъ прежней мятежной жизни; кошевой Сѣрко скончался, отравленный ханомъ крымскимъ; безпутный Юрій Хмѣльницкій, дѣйствовавшій подъ страшной анаѳемой своего отца, принялъ мучительную смерть отъ Поляковъ[343]. Польское правительство хоть и не переставало сѣять смуты и раздоры въ стихавшей Малороссіи: но это ужъ

было не то время; возмутителей ловили и предавали заслуженной казни.

Такъ прошелъ и 1683 годъ. Раздоръ Польши съ Австріей и Портой обезсилилъ ее въ конецъ, и 1686 года она приступила къ вѣчному миру съ Россіей. Но что свято было соблюдаемо со стороны послѣдней, то постоянно нарушалось первою. Едва обѣ стороны успѣли размѣняться условіями; едва Рѣчь посполитая провозгласила свободу вѣроисповѣданія, какъ начались прежніе подвиги пановъ, магнатовъ, шляхты, ксензовъ и іезуитовъ. »Не такіе тутъ порядки, писалъ посолъ нашъ Василій »Тяпкинъ, что въ государствѣ московскомъ, идѣже яко пре»свѣтлое солнце на небеси, единъ Монархъ и Государь по все»леннѣй просвѣщается и своими государскими повелѣніями, яко »солнечными лучами, всюду единъ сіяетъ. Единаго слушаемся, »единаго боимся, единому служимъ всѣ, единъ даетъ и отъем»летъ, по данной ему Государю свыше власти. А здѣсь что »жбанъ, то панъ, не боятся подобно (кажется) и Сотворшаго »самаго, не токма обранного короля своего. Идѣже отнюдь не »познаешь, какого постановленія и указу въ дѣлѣ одержать«[344]. Когда Б. П. Шереметьевъ сталъ вступаться за гонимое православіе, ссылаясь на московскій договоръ, ему отвѣтили дерзостью и полунасмѣшкой[345]. Образумить вѣроломныхъ силою оружія не было времени: ибо тогда состоялся жалкій и постыдный крымскій походъ Голицына, любимца царевны Софіи, неудачи котораго всѣ пали на несчастную голову гетмана Самойловича[346].

Въ сію-то пору клятвопреступныхъ гоненій на вѣру православную, весною 1685 года прибылъ въ Чигиринъ къ малороссійскому гетману Самойловичу Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертенскій. Двадцать пять лѣтъ управлялъ онъ луцкою епархіей, пока измѣнникъ православія Іосифъ Шумлянскій, именовавшій себя администраторомъ кіевской митрополіи, не лишилъ его епископскаго престола, въ пользу своего брата Аѳа-

насія, пока не заграбилъ все имѣніе Святополка и не выгналъ его самаго изъ Луцка. Преслѣдуемый католиками и уніатами, лишенный всего, кромѣ первосвятительскаго сана, Гедеонъ просилъ у Самойловича защиты и другой епархіи. Въ это время гетманъ съ кіевскимъ духовенствомъ и чиновниками думали объ избраніи православнаго митрополита. Уже истекалъ десятый годъ послѣ кончины Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго; кіевская митрополія сиротствовала, не признавъ своимъ архипастыремъ Антонія Винницкаго, не имѣвшаго утвержденія ни отъ одного изъ патріарховъ. Блюстителемъ престола митрополитскаго все еще оставался Барановичъ, управлявшій въ тоже время и черниговскою епархіей. Какбы по особенному распоряженію Промысла, въ эту пору общаго сознанія потребности въ дѣйствительномъ первостоятелѣ малороссійской іерархіи явился Гедеонъ Святополкъ. Многолѣтнія его заслуги Церкви, несчастія имъ претерпѣнныя, знаменитость рода и ревность по вѣрѣ православной обратили на него общее вниманіе. Созваны были въ Кіевъ окрестные православные епископы, и на соборѣ, бывшемъ въ Софійскомъ каѳедральномъ монастырѣ, по предложенію и согласію гетмана, все духовенство и чиновники единогласно избрали Гедеона.

Нареченный митрополитъ, опытно свѣдавъ слабость и медленность патріарховъ восточныхъ въ защищеніи православія, при первомъ же актѣ избранія своего изъявилъ желаніе принять жезлъ архипастырскій не отъ кого другаго, какъ отъ московскаго патріарха. Гетманъ отправилъ объ этомъ просьбу въ Москву. По долгомъ совѣщаніи въ первопрестольномъ градѣ царей россійскихъ, полученъ былъ желаемый отвѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ Гедеонъ 24 сентября 1686 года прибылъ въ Москву съ двумя игуменами и многими особами чернаго и бѣлаго духовенства, а также и прислугою, составлявшими свиту его. Тамъ, по изволенію царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны, 8 ноября того же года онъ посвященъ былъ въ

Успенскомъ московскомъ соборѣ патріархомъ Іоакимомъ съ нареченіемъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и Малыя Россіи. Новопосвященный митрополитъ получилъ отъ Царей въ даръ золотые сосуды для Софійскаго собора[347], и царскую грамату, которою опредѣлялись всѣ права и привиллегіи, ему предоставляемыя. Такимъ образомъ епархіи кіевской повелѣно быть между великороссійскими митрополіями *первоначальною;* право судебнаго разбирательства по епархіи предоставлено митрополиту безъ апелляціи, »и святѣйшій бы патріархъ, сказано, въ тѣ суды вступать не изволилъ, и челобитья ни у кого никакова не принималъ«; всѣмъ епископіямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ, монастырямъ, принадлежавшимъ митрополіи, равно какъ и черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу и Кіево-печерскому архимандриту Варлааму Ясинскому быть въ повиновеніи и послушаніи митрополита. Какъ нынѣ, такъ и впредъ предоставляется право вольнаго избранія въ митрополиты »мужа въ Божественномъ писаніи искусного и тихого »изъ тамошнихъ природныхъ обывателей«. Утверждено за митрополитомъ право невозбраннаго печатанія книгъ, а также »и »ученіе дѣтемъ греческаго и латинскаго языковъ; въ дѣлахъ »же, приключающихся Малой Россіи, какъ въ военныхъ, такъ »и въ росправныхъ, кіевскимъ митрополитамъ воля быти не »имѣетъ и вступатися не довлѣетъ«. Запрещено имѣть какія либо сношенія съ духовными особами державы польской, безъ вѣдома и совѣта гетмановъ, и потому всякая переписка »изъ странъ польскихъ и литовскихъ и иныхъ«, должна быть объявляема гетману, а чрезъ него Всероссійскому престолу[348]. Почти тѣже самые пункты слово въ слово изложены и въ граматѣ патріарха Іоакима[349].

По отпускѣ изъ Москвы, митрополитъ Гедеонъ прибылъ въ Батуринъ къ гетману Самойловичу, а 29 генваря 1687 года отъѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ духовными и мірскими властями и всѣмъ народомъ. Февраля 2-го

кіевляне, послѣ долгаго времени, увидѣли наконецъ митрополитское служеніе въ храмѣ св. Софіи.

Но подчиненные митрополитской каѳедрѣ настольною царскою граматою архіепископъ черниговскій и архимандритъ кіево-печерскій не захотѣли оставаться въ вѣдомствѣ митрополита, и представили отъ себя граматы, утверждавшія независимость ихъ ни отъ кого, кромѣ патріарховъ. Въ слѣдствіе сего новыми царскими и патріаршими граматами черниговская епископія и Кіево-печерская Лавра исключены изъ подъ вѣдомства Гедеону и подчинены непосредственно московскому патріаршему престолу, да кромѣ того получили названіе *первыхъ* въ Россіи.

Митрополитъ Гедеонъ еще во время избранія своего требовалъ, чтобъ о посвященіи его чрезъ патріарха московскаго снестись предварительно съ престоломъ константинопольскимъ: но соборъ и гетманъ положили сдѣлать это послѣ. Въ настоящую же пору непремѣнно нужно было заняться этимъ, ибо иначе легко могло произойти смятеніе въ народѣ, привыкшемъ къ зависимости отъ патріарховъ восточныхъ. За это дѣло взялся самъ гетманъ, и отправилъ нарочнаго съ просительною граматою къ константинопольскому патріарху, извиняя посвященіе кіевскаго митрополита отъ московскаго престола смутными обстоятельствами того времени, по которымъ нельзя имѣть свободнаго проѣзда ни въ Россію, ни изъ Россіи; »а ваше патрі»аршеское достоинство, писалъ Самойловичъ, хотя истинный »тоя кіевскія митрополіи архипастырь еси, обаче не возможеши »симъ въ расколѣ Церкви зыблемымъ ея членомъ подати за»ступленія, и въ недвижимое состояніе права то имъ въ благо»честіи ума предпоставити богопитаемыя пищи«. Выставивъ такое неудобство взаимныхъ сообщеній, и опасаясь, чтобы и впредъ не сиротствовала безъ пастыря русская православная Церковь, гетманъ испрашиваетъ благословенія на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріаршему престолу[350]; »а

»къ тому, заключаетъ гетманъ, аще бы изъ той польской дер»жавы кто изъ епископовъ или изъ иныхъ властей чрезъ пи»саніе или чрезъ посыльщиковъ отзывался, прося себѣ патрі»аршеской граматы на митрополій санъ престолу кіевскому, не »даждь, святѣйшій отче, таковому вѣры«. На эту просьбу въ самомъ непродолжительномъ времени получена была желаемая грамата отъ константинопольскаго патріарха Діонисія Музелима, скрѣпленная подписями девятнадцати митрополитовъ и отъ іерусалимскаго Досиѳея, бывшаго тогда въ Адріанополѣ; а цари Русскіе и патріархъ московскій прислали въ Кіевъ и свои о томъ извѣстительныя граматы, которыя обнародованы были гетманомъ всѣмъ православнымъ[351].

Между тѣмъ уніаты продолжали свирѣпствовать противъ православія тѣмъ съ большею жестокостію, что увидѣли снова тотъ іерархическій порядокъ, отсутствіе котораго доселѣ было совершенно согласно съ ихъ преступными цѣлями. Они завладѣли и всѣми митрополитскими деревнями, отшедшими, по договору, въ польское владѣніе, такъ что Гедеонъ остался только при двухъ деревняхъ въ кіевскомъ округѣ, да и то одну изъ нихъ оспоривала Лавра, во время междоусобій и небытности въ Кіевѣ митрополита присвоившая себѣ и другія софійскія угодья[352]. Межевыхъ границъ уже не было; помѣстныхъ крѣпостей тоже, и Гедеону оставалось только голословно поискивать своихъ давнихъ принадлежностей. Но не столько это обстоятельство безпокоило его, сколько угнѣтенія, терпимыя православными отъ уніатовъ. Не разъ доносилъ онъ объ этомъ патріарху московскому; не разъ жаловался даже самому Петру I: Государь писалъ, просилъ, убѣждалъ, но успѣха не было. Унять гонителей силою оружія не могъ онъ, развлекаемый въ это время внутренними государственными смутами. Оставалось терпѣть и ожидать.

Дѣйствуя насиліемъ и грабежемъ, католики и уніаты под-

сылали еще своихъ проповѣдниковъ, которые искуснымъ и хитрымъ толкованіемъ догматовъ поселяли смущеніе и соблазнъ между православными. Дѣло зашло такъ далеко, что въ Москвѣ начали уже сомнѣваться въ православіи южно-русскихъ единовѣрцевъ, и патріархъ Іоакимъ отъ 1688 года присылалъ къ митрополиту Гедеону и Лазарю Барановичу запросную грамату: »не держится ли Малороссія флорентійскаго собора«? Поводомъ къ этому были нѣкоторыя мнѣнія кіевскихъ ученыхъ о времени пресуществленія Евхаристіи, признанныя Лихудами за неправославныя[353]. Митрополитъ Гедеонъ, Лазарь Барановичъ и Кіево-печерскій архимандритъ Варлаамъ Ясинскій, за подписомъ всѣхъ духовныхъ властей, увѣрили патріарха, что они вовсе далеки отъ всякихъ толковъ и правилъ флорентійскаго собора, и что всегда стояли твердо въ восточномъ благочестіи и впредъ неуклонно пребудутъ въ ономъ[354], а св. Димитрій Ростовскій, бывшій тогда только батуринскимъ игуменомъ, Стефанъ Яворскій и другіе изъ знаменитѣйшихъ богослововъ кіевскихъ написали цѣлые трактаты въ утвержденіе догмата о пресуществленіи.

Кромѣ всего этого, митрополиту Гедеону предлежало еще много трудовъ по исправленію порядка во всей кіевской іерархіи: ибо долговременное небытіе въ Кіевѣ митрополитовъ и политическія смуты были причиною повсемственнаго упадка во всемъ. Всѣ почти церкви и самый Софійскій соборъ пришли въ ветхость и оскудѣніе; духовенство во многихъ случаяхъ распоряжалось само собою, не относясь къ высшей іерархической власти. Установивъ оное въ надлежащія отношенія, Гедеонъ испросилъ у Государя пособіе для обновленія церквей кіевскихъ, и особенно Софійскаго собора, на возстановленіе котораго не щадилъ и своихъ собственныхъ издержекъ: »помощію всесильного Бога, говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи, иле змоглемъ, »при уставичней праве немощи моей старалемсе оправляти, не »жалуючи на тое кошту«[355].

Въ граматѣ патріарха Іоакима, между прочимъ, заповѣдано было митрополиту Гедеону, »да имать о школахъ промышленіе, »яко да учатся божественныхъ письменъ чтенію и свободныхъ »наукъ во вразумительное вѣдство мнози потщаніемъ его«[356]. Во исполненіе сего, Гедеонъ, для поддержанія ректоровъ, предоставилъ имъ выдачу »вѣчныхъ памятей«, или письменныхъ видовъ на несомнительное совершеніе браковъ, не имѣющихъ никакихъ препятствій. При всемъ томъ бѣдственное положеніе коллегіи заставляло ее постоянно прибѣгать къ пособіямъ частныхъ благотворителей, и, благодаря Бога, обманутыя надежды Варлаама Ясинскаго, въ бытность его ректоромъ коллегіи, съ лихвою вознаграждались потомъ при преемникахъ его. Ревнуя о пользѣ училища, ректоры годъ отъ году пріумножали средства къ содержанію ввѣреннаго имъ *могилинскаго залога,* и ободряемые ученымъ блюстителемъ митрополитскаго престола Барановичемъ, радостно несли на себѣ бремя управленія и заботъ о благосостояніи коллегіи. Такъ еще до низверженія Меѳодія, епископа мстиславскаго, они пріобрѣли отъ него, по дарственной записи, явленной потомъ 1679 года, имъ самимъ, купленный Ивангородскій лѣсъ со всѣми угодьями »на вѣчныя времена«[357]. Въ 1681 году коллегія исходатайствовала для себя у царя Ѳеодора Алексѣевича подтвердительную жаловальную грамату о позволеніи присылать въ Москву черезъ каждые три года особо назначенныхъ для того »старцевъ« братскаго монастыря для сбора подаяній съ тѣми же самыми правами, содержаніемъ и обезпеченіемъ, какія изложены въ граматѣ царя Алексія Михайловича[358]. Въ томъ же году *дякъ* (причетникъ) *Перфилей Съменковъ,* самъ обучавшійся въ кіевской коллегіи, отдалъ братскому монастырю купленное имъ дворовое мѣсто[359]; а въ 1686 году пріобрѣла она сама за двѣсти злотыхъ польскихъ у иванковскаго козака *Ѳедора Волохова* мельницу о двухъ жерновахъ на рѣкѣ Острѣ[360]. Въ 1688 году генеральные судьи войска запорожскаго вновь укрѣпили за братскимъ монастыремъ тѣ вотчины, какія даны были гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ,

замѣнивъ этимъ Муравскъ съ приселками, Лутаву, Выповзовъ, Косачовку съ полями, сѣнокосами, отчинами, огородами и островами, селеніями Железнякомъ и Медвѣдковымъ съ лѣсами, лугами, со всѣми принадлежностями и купленною мельницею, которыми до того насильно владѣлъ сотникъ острянскій *Трофимъ Подтереба*[361]; а гетманъ Самойловичъ съ своей стороны подтвердилъ кіевскому полковнику, чтобъ »онъ въ селѣ Лутавѣ »во владѣніи хуторца никакой помѣшки братству не чинилъ«, а отдалъ бы тотъ хуторъ, со всѣми принадлежащими къ нему угодьями въ непосредственное владѣніе и распоряженіе игумена съ братіею[362]. Въ 1690 году житель Ивангорода *Даніилъ Чернецъ* отдалъ братству свой дворъ съ огородомъ и полями, съ рощами и сѣнокосами, пасѣкою и прудомъ[363].

При такомъ дѣятельномъ стараніи о благосостояніи училища, снова стали наполняться аудиторіи его воспитанниками, жаждавшими образованія. Бурныя времена мятежей и нестроенія проходили, и родители, охотно прежде благословлявшіе дѣтей своихъ на кровавое поле защиты родины, нынѣ удерживали ихъ, и отсылали въ училище подъ знамя науки. Возстановленіе митрополитской каѳедры въ сиротствовавшемъ Кіевѣ, правильное укрѣпленіе его вождями силъ царя Русскаго, высочайшее повелѣніе »имѣти ученіе дѣтемъ греческаго и латинскаго языковъ«[364] — все это много способствовало обращенію кіевлянъ и окрестныхъ жителей къ мирнымъ занятіямъ.

Полный курсъ наукъ сформировался въ коллегіи еще въ эпоху управленія Ѳеофана Прокоповича I. Въ 1679 году открыта была каѳедра философіи[365], и академическій курсъ ученія сомкнулся и послѣднимъ звѣномъ своимъ. Не отступая отъ руководителя своего Аристотеля, преподаватели философіи усовершали однакожъ ее время отъ времени, и въ скоромъ времени повели тѣмъ путемъ, какимъ она шла въ заграничныхъ учили-

шахъ. Послѣднимъ въ эту эпоху преподавателемъ наукъ философскихъ былъ *Силуанъ Озерскій*[366].

Каѳедра словесности, открытая еще при Галятовскомъ, съ перваго же раза успѣшно пошла предписаннымъ ей путемъ. Въ 1683 году преподавателемъ реторики является *Іоасафъ Кроковскій*, а черезъ шесть лѣтъ послѣ него *Іоанникій Волянскій*[367]. Съ этой наукой, какъ было тогда принято, явилась и піитика, вѣроятно, преподаваемая тѣми же наставниками.

Такимъ образомъ кіево-могилянская коллегія быстро пошла впередъ, и забытая слава ея воскресла снова. Тишина, водворившаяся въ Кіевѣ, со времени присоединенія его къ семейству городовъ русскихъ, безопасность отъ всѣхъ притѣсненій, не преставшихъ въ мѣстахъ, подвластныхъ польской коронѣ, привлекали въ кіевское училище и другихъ молодыхъ людей, не принадлежавшихъ даже державѣ русской,—и возрадовался духъ Могилы въ селеніяхъ небесныхъ, узрѣвъ возстаніе коллегіи, »единственнаго своего залога«.

Вѣчная память святителю черниговскому за его мудрое смотрѣніе и попеченіе объ училищѣ, сиротствовавшемъ долгое время безъ ближайшаго своего протектора! Онъ самъ избиралъ и поставлялъ разумныхъ и ревностныхъ дѣятелей вертограда наукъ, и выборъ такого ученаго мужа, какимъ былъ Барановичъ, есть достаточное ручательство за высокія достоинства бывшихъ въ эту пору ректоровъ коллегіи[368].

Преемникомъ Прокоповича по ректурѣ былъ *Іезекіиль Филиповичъ*, управлявшій коллегіей съ 1684 по 1686 годъ. За нимъ слѣдовалъ *Ѳеодосій Гугуревичъ*, который универсаломъ гетмана утвержденъ въ ректорствѣ 1686 года и продолжалъ эту службу до 1689. До того времени онъ былъ пять лѣтъ игуменомъ батуринскаго монастыря, а въ 1682 году переведенъ

въ Михайловскій, откуда назначенъ въ ректоры коллегіи, и черезъ три года получилъ игуменство въ монастырѣ Моксаковскомъ, »а послѣ моксаковскаго игуменства, по замѣчанію св. Димитрія Ростовскаго, въ бѣдахъ и скорбехъ пострадавъ пѣлый годъ«, скончался 25 декабря 1690 года[369].

Мѣсто Гугуревича занялъ, также по избранію Барановича, утвержденному согласіемъ митрополита Гедеона и гетманскимъ универсаломъ, *Пахомій Подлузскій*, который впрочемъ ректорствовалъ только одинъ годъ, передавъ управленіе коллегіей игумену *Кириллу Филимоновичу*.

Не долго Гедеонъ Святополкъ возсѣдалъ на митрополитскомъ престолѣ. По четырехлѣтнемъ управленіи онъ скончался 6 апрѣля 1690 года и погребенъ, по собственному его завѣщанію, въ Софійскомъ соборѣ[370]. До избранія новаго митрополита, царскимъ указомъ поручено было архіерейское священнослуженіе въ Кіевѣ прибывшему туда въ это время греческому епископу Хрисанѳу Червенскому.

Подъ бременемъ лѣтъ и перенесенныхъ несчастій, митрополитъ Гедеонъ не былъ такъ дѣятеленъ, какъ можно было бы ожидать отъ другаго на его мѣстѣ: но тѣмъ не менѣе ревность о Церкви Божіей была постоянною мыслію его доброй и кроткой души; онъ былъ, по отзыву патріарха Іоакима, »всякимъ »благодѣяніемъ украшенъ и полнъ страха Божія и вѣдства духовнаго, въ церковномъ благолѣпіи желатель усерднѣйшій«[371]. »Всесильному Творцу моему, пишетъ Гедеонъ въ своемъ завѣщаніи, отдаю благодареніе, ижъ (что) мнѣ благоволилъ родитися и выховатися (воспитаться) въ вѣрѣ святой православной »каѳолической восточной греческаго благочестія, такъ и въ »станѣ (званіи) архіерейскомъ, который чрезъ килкадесять (чрезъ »нѣсколько десятковъ) лѣтъ зъ многимъ трудомъ и коштомъ въ »уставичныхъ (безпрестанныхъ) напастехъ и преслѣдованьихъ

»на себѣ носилемъ, безъ нарушенія православной вѣры и вос»точнаго благочестія«[372]. Раздѣляя имѣніе свое на церкви и монастыри, Гедеонъ не забылъ и кіево-братскаго: »на молитвы »за душу мою, писалъ онъ, до братскаго отписую золотыхъ »двѣстѣ«[373]. Хотя кромѣ этого и не видно, чтобъ митрополитъ Гедеонъ вспомоществовалъ чѣмъ либо училищу: но если онъ не забывалъ львовской школы, которой передъ кончиною своей прислалъ въ подарокъ книгу: *Житіе святыхъ*[374], то мудрено, чтобъ онъ не благодѣтельствовалъ коллегіи, состоявшей въ ближайшемъ его покровительствѣ.

Въ эту эпоху кіевская коллегія представила зрѣлище въ высшей степени занимательное. Посреди ареопага ученыхъ стоялъ молодой человѣкъ, блистательно отвѣчавшій на всѣ задаваемые ему вопросы. Передъ экзаменаторами лежали дипломы, выданные ему отъ философскаго и богословскаго отдѣленій университетовъ львовскаго и познанскаго. Изумительныя по своему времени свѣдѣнія, рѣдкая энергія молодаго человѣка привлекли уже къ нему благорасположенность всѣхъ присутствовавшихъ: но когда, по окончаніи испытанія по предметамъ высшаго круга наукъ, онъ началъ произносить свои собственные стихи то на латинскомъ, то на русскомъ и польскомъ языкахъ,— все собраніе пришло въ восторгъ и единодушно присудило ему названіе *лавроноснаго поэта* (poëta lavreatus). Этотъ молодой ученый былъ тотъ самый *Симеонъ Яворскій*, который не задолго предъ симъ посѣщалъ убогія аудиторіи коллегіи, и потомъ оставилъ ихъ, чтобъ возвратиться отъинуды съ запасомъ свѣдѣній, нынѣ приносимыхъ имъ на служеніе родному училищу. Съ радостію слушалъ прежняго своего питомца благодѣтель его Варлаамъ Ясинскій, и тутъ же положилъ въ сердцѣ своемъ сберечь его для славы и украшенія Церкви православной. Молодой ученый не противился убѣжденіямъ своего благодѣтеля, и принялъ отъ него въ Кіево-печерской Лаврѣ иноческій чинъ съ именемъ *Стефана*. Въ тоже время *Яворскій* получилъ назна-

ченіе быть публичнымъ проповѣдникомъ, и скоро имя его сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Кіевѣ, но и во всѣхъ окрестностяхъ. Неутомимый и полный силы и энергіи, онъ принялъ на себя сверхъ этого должность учителя, и удостоенный званія префекта коллегіи[375], несъ обѣ эти обязанности съ блистательнымъ успѣхомъ. Въ 1697 году онъ уволился отъ училищной должности и получилъ игуменство въ Кіево-Николаевскомъ монастырѣ. Какъ образованнѣйшій и умнѣйшій изъ своихъ современниковъ, онъ сдѣлался необходимымъ для своего благодѣтеля Ясинскаго, бывшаго тогда уже кіевскимъ митрополитомъ. Дѣла Малороссіи, Польши и сношенія съ московскимъ дворомъ требовали искуснѣйшаго посредника, и *Яворскій* безпрестанно разъѣзжалъ по порученіямъ митрополита Варлаама. По одному изъ такихъ порученій ему привелось быть въ Москвѣ 1700 года; въ эту пору скончался тамъ бояринъ А. С. Шеинъ; Петръ Великій пожелалъ, чтобъ *Яворскій* произнесъ ему надгробное слово. Это послужило поводомъ къ необыкновенно-быстрому его возвышенію; государь приказалъ *Яворскому* остаться въ Москвѣ и продолжать проповѣданіе слова Божія. Узнавъ въ это время высокія дарованія и строгую нравственность *Стефана*, Петръ Великій въ томъ же году указалъ патріарху Адріану посвятить его изъ игуменовъ прямо митрополитомъ въ Рязань. Въ 1700 году *Стефанъ Яворскій* получилъ жезлъ архипастырскій, а черезъ два года, по смерти патріарха Адріана, наречёнъ патріаршимъ администраторомъ, экзархомъ, викаріемъ и блюстителемъ патріаршаго престола. Кромѣ того ему поручено было главное управленіе московскаго славено-греко-латинскаго училища съ наименованіемъ протектора онаго, и повелѣно вызвать изъ Кіева учителей съ производствомъ имъ годоваго жалованья изъ монастырскаго приказа[376]. Съ 1712 года, по высочайшему повелѣнію ввѣрено *Яворскому* разсмотрѣніе поправокъ славянской библіи, производившихся архимандритомъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, іеромонахомъ Софроніемъ Лихудомъ и другими. При такихъ обязанностяхъ и порученіяхъ *Стефанъ*

Яворскій только по временамъ посѣщалъ свою епархію. Государь не хотѣлъ разставаться съ нимъ на долго и занималъ его проповѣданіемъ слова Божія, служеніемъ въ соборахъ и при Дворѣ и наконецъ управленіемъ русской Церкви до учрежденія духовной коллегіи. Съ открытіемъ св. Синода въ 1721 году *Стефанъ Яворскій* былъ пожалованъ президентомъ его и переселился было на всегда въ Петербургъ: но усилившаяся въ немъ отъ каменной болѣзни хиагра и подагра заставила его просить отпуска въ Москву, гдѣ онъ 27 ноября 1722 года и скончался. Прахъ сего знаменитаго іерарха, по собственному его завѣщанію, покоится въ соборной церкви Переславля Рязанскаго.

Стефанъ Яворскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ревнителей православія. Смѣлый, благородный и откровенный онъ говорилъ правду самому Петру Великому, окруженному протестантами и питавшему чрезмѣрное довѣріе къ женевцу Лефорту. Это не мѣшало однакожъ правдолюбивому Монарху уважать святителя; за то иностранцы-лютеране смотрѣли на него какъ на непримиримаго и опаснаго своего врага. И не они одни, но и всѣ враги Церкви православной боялись сильныхъ, прямыхъ и непобѣдимыхъ его обличеній. Сочиненія *Стефана Яворскаго* служатъ живымъ свидѣтельствомъ энергической борьбы его съ противниками вѣры истинной.

Яворскій, вступивъ въ управленіе патріаршими дѣлами, засталъ въ Москвѣ разсѣеваемое раскольниками мнѣніе, что будто бы близко пришествіе антихріста, что Москва — Вавилонъ, а жители ея — вавилоняне, слуги антихрістовы и сыны погибели. Главнѣйшимъ поводомъ къ распространенію этихъ слуховъ были преобразованія Петра, дурно понятыя невѣждами. Они брались за вычисленія, назначали день и часъ, когда Христосъ придетъ на судъ, и сообразно съ такимъ вычисленіемъ рыли могилы, дѣлали гробы, закутывались въ саваны и ложились ожидать Христа. *Яворскій* рѣшился обличить и образумить грубыхъ лже-

учителей, и для этого, руководствуясь книгою испанскаго богослова Мальвенды, написалъ въ четырнадцати главахъ сочиненіе, въ которомъ обличивъ суевѣрныя мнѣнія раскольниковъ, показалъ истинные признаки пришествія антихриста, указываемые свящ. Писаніемъ.

Въ это же время образовалась въ Москвѣ секта самыхъ изступленныхъ кальвинистовъ. Стрѣлецкій полковой лекарь Димитрій Евдокимовъ Тверитиновъ-Дерюшкинъ, живя при одномъ неправославномъ врачѣ и набравшись отъ него кальвинскихъ мыслей, началъ разсѣевать дерзскія хулы на св. иконы, крестъ, мощи, Евхаристію, призываніе святыхъ, поминовеніе усопшихъ, литургію, посты, значимость добрыхъ дѣлъ и другія преданія православной Церкви. Эта зараза распространилась между стрѣльцами и мастеровыми. Цирюльникъ Ѳома Ивановъ дошелъ до такой дерзости, что публично произносилъ въ Чудовѣ монастырѣ хулу на икону св. Алексія митрополита. *Стефанъ Яворскій* немедленно приступилъ сначала къ тайному разслѣдованію относительно этого общества, и нашедши главныхъ виновниковъ, въ 1714 году предалъ нераскаянныхъ анаѳемѣ, а Ѳому Иванова смертной казни. Чтобы навсегда предохранить некрѣпкихъ вѣрою отъ подобныхъ заблужденій, *Яворскій* написалъ знаменитое свое сочиненіе: *Камень Вѣры*[377]. Не смотря на многократныя предостереженія такихъ опытныхъ въ дѣлѣ православнаго ученія лицъ, каковы были патріархи Іоакимъ и Адріанъ, св. Митрофанъ Воронежскій и *Стефанъ Яворскій*, — Петръ Великій въ бытность свою въ Парижѣ, ласковымъ обращеніемъ съ прелатами подалъ сорбонской академіи мысль о соединеніи церквей восточной и западной. Въ 1717 году прислана была въ Петербургъ записка членовъ академіи о средствахъ желаемаго ими соединенія. Петръ Великій приказалъ написать отвѣтъ на это *Стефану Яворскому* и Ѳеофану Прокоповичу. Хотя апологетическое посланіе перваго и не достигло своего назначенія: но тѣмъ не менѣе оно свидѣтельствуетъ о томъ довѣріи,

какое питалъ преобразователь Россіи къ великимъ достоинствамъ святителя Рязанскаго[378].

Въ краткій періодъ управленія Гедеономъ митрополіею кіевскою коллегія немного выпустила воспитанниковъ: но и изъ немногаго числа есть лица, блистательно ознаменовавшія свое поприще. Таковы:

Боболинскій Леонтій. Изъ сочиненія, оставшагося послѣ него, можно съ вѣроятностію заключать, что *Боболинскій* несъ при коллегіи училищную службу въ званіи наставника церковной и гражданской исторіи. Онъ былъ постриженцемъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, откуда потомъ переведенъ въ черниговскій Ильинскій и умеръ въ Новгородсѣверскѣ въ тамошнемъ монастырѣ. Сочиненіе *Боболинскаго* носитъ слѣдующее названіе: *Лѣтописецъ, си есть кроника зъ розныхъ авторовъ и историковъ многихъ написана діалектомъ* іеромонахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ, законникомъ монастыря Выдубицкаго кіевскаго року 1699 апрѣля 23 дня.

Волынскій Сильвестръ. Въ промежутокъ между 1701 и 1703 годомъ онъ является архимандритомъ Юрьева монастыря и потомъ Троицко-Сергіевой Лавры. Въ 1708 году *Волынскій* рукоположенъ въ санъ митрополита нижегородскаго, откуда 1719 года переведенъ въ Смоленскъ, а въ 1720 въ Тверь и потомъ въ Рязань епископомъ. Въ 1725 году онъ былъ пожалованъ архіепископомъ казанскимъ, а чрезъ два года возвращено ему и званіе митрополита: но по шестилѣтнемъ управленіи епархіей отлученъ и сосланъ въ Невскій монастырь, гдѣ и скончался[379].

Косовскій Варлаамъ. Неизвѣстно, въ какихъ должностяхъ состоялъ онъ до принятія намѣстничества въ Кіево-николаевской пустыни, и когда послѣ этого поступилъ въ архи-

мандриты одного изъ сибирскихъ монастырей: но въ 1707 году мы уже видимъ *Косовскаго* епископомъ и викаріемъ тобольской митрополіи; 1714 года онъ переведенъ въ Тверь съ правомъ носить архіепископскія скрижали, а черезъ шесть лѣтъ былъ уже митрополитомъ смоленскимъ. Въ 1721 году 4 мая *Варлаамъ Косовскій* скончался и погребенъ въ соборной церкви(380).

Краснопольскій Рафаилъ, первый архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря и первый ректоръ Московской академіи. Петръ I, назначивъ Стефана Яворскаго мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, ввѣрилъ (1701 г.) непосредственному его надзору и попеченію почти упадшую школу Лихудовъ. Принявъ званіе *протектора*, Яворскій доложилъ государю, что для возстановленія и устройства училища нужно взять за образецъ Академію Кіевскую, какъ »уже засвидѣтельствовавшую »долговременными опытами доброе направленіе введеннаго въ »ней образованія и даровавшую Церкви многихъ архипастырей »и ученыхъ«. Державный ревнитель просвѣщенія, внявъ голосу мудраго протектора, немедленно издалъ указъ (7 іюля 1701 г.) »завесть въ Академіи ученія латинскія«; а Яворскій обратился за учителями въ Кіевъ, которые не замедлили исполнить волю ученаго архипастыря и явились не только съ учебниками своей школы, но даже съ подготовленными уже учениками для того, чтобы при посредствѣ ихъ успѣшнѣе дѣйствовать въ возсозданіи и устроеніи училища. Въ сіе-то время прибылъ въ Москву и *Краснопольскій*. Гдѣ и какія проходилъ онъ должности до сей поры, — неизвѣстно; судя однакожъ по дальнѣйшей его службѣ, съ полной вѣроятностію можно полагать, что мѣста, занимаемыя имъ, были довольно важны: ибо въ 1703 году мы видимъ его уже ректоромъ московской академіи. Избраніе, какого удостоился *Рафаилъ* отъ такого ученѣйшаго мужа, какъ Стефанъ Яворскій, много говоритъ въ пользу его высокаго образованія и замѣчательнаго таланта. Авторъ Треязычнаго Лексикона, Поликарповъ даетъ ему первое мѣсто по Яворскомъ »въ знаніи бо-

»гословіи и свободныхъ ученій и во изрядствѣ латинскаго діа»лекта«. Въ 1704 году *Рафаилъ* былъ назначенъ архимандритомъ Симонова монастыря, а въ 1708 хиротонисанъ въ епископа архангельскаго, въ каковомъ санѣ и скончался 1711 года[381].

Леонтовичъ Ѳеофанъ родной племянникъ Ѳеофана Прокоповича 1. По окончаніи курса наукъ въ кіевской коллегіи, онъ принялъ монашество отъ св. Димитрія Ростовскаго въ батуринскомъ монастырѣ, и въ 1684 году отправился за границу, на иждивеніи своего дяди, для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ. Около шести лѣтъ путешествовалъ онъ по разнымъ странамъ, былъ въ Римѣ и Парижѣ, гдѣ слушалъ уроки философіи и богословія. По возвращеніи въ отечество, *Леонтовичъ* поступилъ въ виленскій Святодуховъ монастырь, гдѣ потомъ былъ и старшимъ или настоятелемъ; отсюда былъ переведенъ въ Тобольскъ игуменомъ Знаменскаго Успенскаго монастыря. *Леонтовичъ* былъ въ свое время однимъ изъ извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ; всѣ впрочемъ поученія его относятся ко времени пребыванія его въ Вильнѣ, ибо писаны на малороссійскомъ и польскомъ языкахъ, вовсе или очень мало извѣстныхъ въ Тобольскѣ[382].

Стаховскій Антоній. До 1713 года онъ былъ архимандритомъ Спасскаго новгородъ-сѣверскаго монастыря, и потомъ рукоположенъ въ архіепископа черниговскаго. По осмилѣтнемъ управленіи епархіей *Стаховскій* былъ переведенъ въ Тобольскъ митрополитомъ. Въ самый годъ прибытія своего сюда, онъ обратилъ вниманіе на устроеніе первоначальной школы, которая потомъ въ 1738 году получила названіе семинаріи, съ ограниченнымъ впрочемъ преподаваніемъ школьныхъ предметовъ, ибо даже черезъ шесть лѣтъ послѣ этого въ ней были классы только до піитики. Потрудившись на пользу Церкви и просвѣщенія довольное число лѣтъ, *Антоній Стаховскій* скончался 27 марта 1740 года[383].

На полевой цвѣтокъ садится и пчела, извлекающая изъ него благовонную влагу, и чужеядный шмель только оскверняющій его. Такъ было около этого времени и съ кіевской коллегіей. Когда преслѣдуемые закономъ, возмутители общественнаго спокойствія, раскольники бѣжали толпами въ Бѣлоруссію и Малую Россію, въ самомъ Кіевѣ появился одинъ изъ приверженцевъ суевѣрія съ желаніемъ слушать уроки въ коллегіи; это былъ князь *Мышецкій*, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ подъ именемъ *Андрея Денисова*. Назвавшись купцомъ, онъ вошелъ въ знакомство съ однимъ изъ ректоровъ коллегіи, поступилъ въ училище и ревностно сталъ изучать искуство краснорѣчія· »учашеся, говоритъ списатель его жизни, граматическому и реторическому разуму«. Запасшись, для виду, нѣкоторыми школьными сочиненіями и проповѣдями, *Мышецкій* явился потомъ вѣроломнымъ врагомъ ученія, уроки котораго слушалъ онъ въ святой, православной обители кіево-богоявленскаго братства[384], и осквернивъ оную своимъ присутствіемъ, засвидѣтельствовалъ однакожъ громкую славу коллегіи предпочтеніемъ ея другимъ, въ то время уже существовавшимъ школамъ[385].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ВАРЛААМЪ ЯСИНСКІЙ.

Избраніе Варлаама Ясинскаго въ митрополиты. Грамата Мазепы. Ревизія коллегіальныхъ имѣній. Пожертвованія училищу. Царское жалованье коллегіи. Грамата царская. Стеченіе воспитанниковъ въ коллегію. Просьба Варлаама. Грамата Петра I. Мазепины постройки въ братскомъ монастырѣ Универсалъ Мазепы. Разныя пожертвованія въ пользу коллегіи. Коллегія получаетъ отъ Петра I названіе Академіи. Права ея. Іезуиты изгнаны изъ Кіева. Петръ Великій въ Кіевѣ. Закладка печерской крѣпости. О доходахъ академіи. Академическія конгрегаціи. Обряды при выборѣ конгрегаціонныхъ членовъ. Обязанности ихъ. Расходъ конгрегаціонныхъ суммъ. Школы приходскія. Сборъ подаяній. Кондиціи. Міркачи. Спѣваки. Инструментальная музыка. Любовь академистовъ къ музыкѣ. Вертепы. Драматическія представленія въ академіи. Драматическія сочиненія. Мѣсто представленій. Рекреаціи Праздники академическіе. Панихида 31 декабря. Вербная суббота. Погребеніе усопшихъ, принадлежавшихъ къ академіи. Богословскіе уроки Кроковскаго. Нѣчто объ упрекахъ академіи за схоластицизмъ Экзамены. Диспуты еженедѣльные. Годичные. Двухъ-годичные. Состояніе философскихъ наукъ въ эту эпоху. Реторика. Поэзія. Геометрія. Библіотека академическая. Ректоры академіи. Воспитанники сего времени: Берутовичъ Германъ, Бужинскій Гавріилъ, Волатковскій Варнава, Гловацкій Сильвестръ, Жураковскій Иродіонъ, Заборовскій Рафаилъ, Конашевичъ Лука, Кульчицкій Иннокентій, Леницкій Варлаамъ, Линцевскій Гервасій, Лопатинскій Ѳеофилактъ, Мигура Иларіонъ, Прилуцкій Іероѳей, Прокоповичъ Ѳеофанъ, Пуцекъ-Григоровичъ Веніаминъ, Радышевскій Маркеллъ, Рогалевскій Иларіонъ, Сморжевскій Ѳеодосій, Тихорскій Епифаній, Туробойскій Іосифъ, Шпаковскій Савва, Юшкевичъ Амвросій.

1690—1707.

Недолго сиротствовавшая кіевская паства оставалась безъ своего архипастыря. Черезъ два мѣсяца, по кончинѣ Гедеона, соборомъ избранъ и Высочайше утвержденъ въ санѣ кіевскаго митрополита архимандритъ печерскій Варлаамъ Ясинскій. При-

нявъ въ Москвѣ жезлъ архипастырскій отъ патріарха Адріана, онъ, по прибытіи въ Кіевъ, немедленно обратилъ всю попечительность свою на коллегію, къ которой всегда стремились благія желанія высокой души его. Сторицею теперь вознаградились неутомимые труды его и заботы.

Съ архипастырскаго его благословенія, ректоръ коллегіи вступилъ къ гетману Ивану Мазепѣ съ просьбою о присоединеніи къ ивангородскому хутору сельца Бѣльмачовки. Снисходя къ такому прошенію и питая уваженіе къ братству, всей Малороссіи потребному »для того, что въ немъ цвѣченье всякому »зъ малороссійскихъ дѣтей хотячому учитися походитъ«, гетманъ универсаломъ своимъ отъ 1692 года утвердилъ за монастыремъ и коллегіей Бѣльмачовку, дозволивъ коллегіальному начальству отъ тяглыхъ людей того сельца требовать исполненія всякихъ повинностей[386]. Въ слѣдующемъ году коллегія произвела осмотръ и опись земель и дворовъ, принадлежащихъ братству, какъ купленныхъ, такъ и подаренныхъ разными лицами. Урядъ кіевскій, по просьбѣ коллегіальнаго начальства, записалъ все это въ городскія книги и выдалъ отъ себя надлежащій документъ на описанныя земли[387]. Тогда же коллегія исходатайствовала у гетмана Ивана Мазепы крѣпостной листъ на всѣ имѣнія и угодья, издавна принадлежавшія кіево-богоявленскому братству[388], а митрополитъ Варлаамъ ходатайствовалъ предъ Царями о подтвержденіи за училищнымъ монастыремъ угодьевъ церквей Трехъ-святительской и Воздвиженской[389]. Все это, — всѣ пожертвованія и пріобрѣтенія братства и коллегіи, отъ самыхъ первыхъ дней ея до послѣдняго времени утверждены были граматою царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, данною 11 генваря 1694 года, съ предоставленіемъ права безпрепятственно владѣть означенными въ граматѣ вотчинами со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями, пожитками и доходами.

Въ тоже самое время послѣдовала другая царская грамата,

въ слѣдствіе просьбы митрополита Варлаама, писанной еще въ предшествовавшемъ 1693 году. Здѣсь въ первый разъ назначено было коллегіальному начальству царское жалованье, состоявшее изъ пятидесяти рублей и столькихъ же четвертей ржи въ годъ. Грамата эта замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что она составляла какбы училищную инструкцію. Главнѣйшіе пункты оной суть слѣдующіе: преподавать науки »чрезъ своихъ православныхъ »преѳектовъ и проѳессоровъ и учителевъ«, а не отъинуда приходящихъ, вмѣнивъ имъ въ святую обязанность дѣлать свое дѣло »съ »великою ревностію и тщаніемъ, такъ какъ и предки ихъ, въ тѣхъ »же школахъ, радѣтельно, спокойно и свободно дѣтей учили безо »всякихъ препинаней, во всякомъ почитаніи и безопаствѣ«. Преподавать же »не токмо піитики и реторику, но и философіи и »богословіи ученія«, а также славено-россійскій, еллино-греческій и латинскій языки. Въ преподаваніи наукъ свободныхъ »ни въ чемъ не отлучатися исповѣданія святыя восточныя Цер»кви, наипаче остерегая того накрѣпко, чтобъ ученіе было бла»гочестивое, христіанское, восточнаго исповѣданія«. Къ слушанію уроковъ должны быть допускаемы »дѣти россійскаго »народа всякихъ чиновъ и изъ иныхъ »странъ приходящіе«, но только непремѣнно »ревнители благочестивой греческой вѣры. »А отступниковъ и противниковъ вѣрѣ нашей греко-россійской »также и еретиковъ въ школы не допускать, и прелесть про»тивнаго исповѣданія и еретическія обученія весьма отсѣкать »и искоренять«. Соблюдать тишину, спокойствіе и надлежащую подчиненность, »а неспокойныхъ и вражды творящихъ учени»ковъ унимать и смирять и ни до какого своеволства не до»пускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать«. Вмѣстѣ съ симъ предписано »всякихъ чиновъ ратнымъ людемъ »разныхъ полковъ полковникомъ и козакамъ и кіевскому войту »и мѣщанамъ ни ректору, ни учителямъ, ни ученикамъ, нахо»дящимся въ школахъ, никакихъ обидъ и утѣсненія не чинить«. Въ этой граматѣ коллегія названа просто *школами,* а всѣ воспитанники безъ различія *учениками*[390].

Такое крѣпкое и могущественное царское слово было самою лучшею подпорою и огражденіемъ училища, самымъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ призвать въ него отовсюду юношей, жаждавшихъ просвѣщенія. И точно, въ самомъ началѣ управленія Варлаама Ясинскаго, въ коллегію со всѣхъ сторонъ начали стекаться молодые люди въ такомъ количествѣ, что митрополитъ вынужденнымъ нашелся ограничить пріемъ воспитанниковъ только туземными жителями: но видя, что годъ отъ году умножаются просьбы отъ желающихъ поступить въ училище, митрополитъ билъ челомъ государю Петру Великому о томъ, какъ поступать ему въ такомъ случаѣ. Очевидно, что въ этомъ челобитьѣ была скрыта та мысль: не пособитъ ли Государь коллегіи воздвинуть новыя болѣе обширнѣйшія зданія, такъ какъ существовавшія оказались тѣсными, и не могли вмѣщать въ себя всѣхъ, кто хотѣлъ учиться. Въ отвѣтъ на это Петръ 1701 года пожаловалъ грамату, въ которой подтверждалось тоже самое, что и въ предыдущей, чтобы то есть допускать въ училище »дѣтей россійскаго народа всякихъ чиновъ и изъ иныхъ странъ приходящихъ«, но опять таки подъ условіемъ исповѣданія православной греко-россійской вѣры[391]. Больше ничего не было въ этой граматѣ.

Но въ чемъ не посчастливилось Ясинскому у Царя, то какъ нельзя лучше удалось ему у тогдашняго любимца царскаго гетмана Ивана Мазепы. Утвердивъ за братствомъ всѣ его прежнія владѣнія, онъ въ томъ же 1693 году положилъ основаніе нынѣшней великой каменной Богоявленской церкви, вмѣсто прежней деревянной, и началъ постройку каменнаго одноэтажнаго зданія для классовъ, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ *стараго корпуса*[392]. Такимъ образомъ коллегія увидѣла у себя аудиторіи, въ которыхъ безъ всякаго стѣсненія могло помѣститься до тысячи человѣкъ. Въ 1702 году ректоръ училища *Гедеонъ Одорскій* представилъ гетману жалованную грамату царя Алексѣя Михайловича на село Плисецкое. Такъ какъ село это, по смутнымъ об-

стоятельствамъ того времени, было обезлюдено, разорено и опустошено до того, что остались только однѣ грунты: то Одорскій просилъ у гетмана разрѣшенія заселить это мѣсто вольными людьми съ той стороны Днѣпра. »Внявъ,—писалъ въ слѣд»ствіе этого Мазепа въ своемъ универсалѣ,—справедливой просьбѣ »всечестнаго отца ректора и имѣя особенное уваженіе и на»чальническую покровительственную привязанность къ той свя»той кіево-братской обители, въ которой съ большимъ стара»ніемъ преподаются свободныя науки для общей пользы и по»требности Церкви Божіей и малороссійской отчизны«, гетманъ не только позволилъ поселить на показанномъ мѣстѣ достаточное число жителей и пользоваться всѣми статьями доходовъ, но силою своего универсала оградилъ навсегда безопасность и спокойствіе членовъ кіево-богоявленскаго братства и коллегіи въ управленіи населенными людьми[393].

Чтобы еще болѣе утвердить за училищемъ такой гетманскій даръ, митрополитъ Варлаамъ въ томъ же году отнесся объ этомъ къ государю Петру I, и 21 мая 1703 года коллегія получила царскую грамату, которою подтвержденъ универсалъ Мазепы на село Плисецкое, повелѣно вѣрнѣе размѣжевать какъ хуторскія земли съ ихъ угодьями, такъ и шестнадцать дворовыхъ мѣстъ на Кіево-Подолѣ, принадлежащихъ, по разнымъ записямъ, братству, и сверхъ того указано взыскать съ межигорскаго монастыря въ пользу училищнаго братскаго тысячу ефимковъ за незаконное провладѣніе и посягательство на нѣкоторыя имѣнія сего послѣдняго. Въ томъ же году (21 мая) государь Петръ I пожаловалъ училищу шесть дворовыхъ мѣстъ на Подолѣ; а гетманъ Мазепа 18 августа отдалъ дворъ мѣщанина Осипа Скородки, около Ильинской церкви[394].

Пріобрѣла Академія Кіевская въ это время и еще одно приношеніе, памятное не столько по цѣнности, сколько по усердію и знаменитости приносителей[395]. Главнымъ виновникомъ

онаго былъ воспитанникъ сего же училища, іеромонахъ *Антоній Стрешковскій*, »учитель тогда реторики (1705 г.) въ цар»ствующемъ великомъ градѣ Москвѣ«. По указу государскому, пишетъ онъ въ послѣсловіи къ Евангелію, сооруженному питомцами коллегіи и донынѣ хранящемуся въ академической конгрегаціонной церкви, по благословенію же преосвященныхъ »архіереевъ, великихъ ревнителей православно-восточныя вѣры, »и присныхъ рачителей ученій свободныхъ Варлаама Ясинскаго, »милостію Божіею православнаго архіепископа митрополита кі»евскаго, галицкаго, всея Малыя Россіи. Такожде преосвящен»ного Стефана Яворскаго, милостію Божіею православнаго ар»хіепископа, митрополита рязанскаго и муромскаго, въ то время »между пахріаршествомъ екзарха и блюстителя престола патрі»арха московскаго. Отъ послушанія святаго жительствующу »мнѣ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, во училищахъ, »въ лѣто отъ Рождества Христова 1702 ноемврія въ 21 день, »бысть ко мнѣ соборное посланіе отъ собранія младенческого »кіево-могиліанскаго сицевое: да быхъ памятствовалъ о мѣстѣ, »въ немже есмь со прочіими духовнѣ усыновленъ, и да быхъ »мній единъ отъ тогожде собранія здѣ на послушаніи святомъ »пребывая, попеклся между доброхотными дателі духовного и »мірского чина, о нѣкоемъ украшеніи въ вышереченный храмъ; »и той епистоліи прочтеннѣй бывшей во услышаніе всѣмъ, предъ »честными отцы учительми и братіею, по семъ начахъ воспо»минати имъ клятвы и обѣты, ими же клялися, вписующе имена »своя въ собраніе Богородичино, яко всякъ обѣщася въ коемъ »либо чинѣ Божіею помощію пребудетъ, оное святое мѣсто »блажити и всегда о немъ памятствовати. Абіе вси согласно »на благое дѣло соизволиша, и что коемуждо Господь Богъ на »сердце положи, доброхотнѣ по времени даша, съ подписаніемъ »рукъ власныхъ на хартіи«. Какая теплота искренняго чувства благодарности къ училищу, воспитавшему людей, бывшихъ уже на высокой чредѣ іерархическаго служенія! Какъ отрадно встрѣчать въ длинномъ спискѣ жертвователей такія имена, какъ Сте-

фанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій, Сильвестръ Крайскій, Антоній Одиновичъ, Рафаилъ Краснопольскій, Иродіонъ Жураковскій, Θеофилактъ Лопатинскій и другихъ, числомъ до *ста четырнадцати* — все почти питомцевъ кіево-могилянской коллегіи! Воспитанники стоили училища, но вѣрно и училище стоило такихъ воспитанниковъ!

Благочестивый жертвователь, подвигнувшій другихъ къ такому приношенію, не удовольствовался еще этимъ. Въ томъ же 1705 году онъ на свое иждивеніе соорудилъ серебряную кадильницу для той же академической церкви. Какбы соревнуя другъ другу, являлись въ это время и иные доброхотные датели: 1701 года *Пелагія Антонова* и сынъ ея *Антонъ Антоновичъ*, префектъ меньшаго собранія (minoris congregationis) внесли серебряную чашу для совершенія священнодѣйствій; въ томъ же году конгрегація получила малое Евангеліе съ обѣихъ сторонъ обложенное сребропозлащенными досками съ надписью по краямъ: hoc sanctum Evangelium obtulit societati Marianae Academiae Kiioviensis rector emeritissimus, archimandrita Kiiovopeczariensis Lavræ sanctæ Ioasaphus Krokowski anno, quo Deus exerit lapsum hominem, 1701 Martii 25. Около того же времени кіевскій бургомистръ *Тарновіотъ* подарилъ конгрегаціи большое Евангеліе, а 1706 года іеродіаконъ *Геронтій Великопольскій* завѣщалъ въ академическую церковь икону на кипарисѣ, съ изображеніемъ Владимірской Богоматери, оправленную въ серебряную ризу, »ради поминовенія души своей«. Такъ любезно было благочестивымъ воспитанникамъ въ благочестіи воспитавшее ихъ училище!

Коллегія въ эту пору получила отъ вѣнценоснаго своего покровителя то, чего ожидала она такъ долго, и что, по благому распоряженію Промысла, не дано было ей принять отъ недостойной руки самозванца-гетмана Виговскаго. Въ 1701 году

митрополиты — кіевскій Варлаамъ Ясинскій и рязанскій Стефанъ Яворскій били челомъ Государю, что »кіевскій войтъ съ мѣщанами чинитъ великую обиду« училищному начальству, съ нарушеніемъ Высочайшей граматы, присвоивая себѣ власть брать воспитанниковъ коллегіи въ ратушу, не извѣщая о томъ ни ректора, ни префекта, и препровождаетъ ихъ для расправы къ царскому намѣстнику (генералу). Въ слѣдствіе такой жалобы, граматою Петра I (26 сентября 1701 года) повелѣно: кіевскимъ намѣстникамъ и мѣщанамъ впредь надъ воспитанниками училища никакой воли и власти не имѣть, а кто изъ нихъ явится въ чемъ либо »кому виновенъ«: то искать управы у ректора и префекта школъ братскихъ; буде же они виновнымъ ученикамъ не дадутъ надлежащей расправы, то обиженные могутъ вступать съ жалобами на ректора и префекта къ митрополиту; если же и митрополиты не захотятъ дать надлежащаго удовлетворенія, въ такомъ уже случаѣ виновные воспитанники подвергаются общему суду воеводъ кіевскихъ.

Но главное, что особенно было лестнымъ для коллегіи въ этой граматѣ, — это названіе ея *Академіей*, равною по привиллегіямъ »инымъ окадеміямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ«. Вмѣстѣ съ этимъ ученики въ царской граматѣ наименованы *студентами*, съ правомъ неподсудности никому, кромѣ ближайшаго своего начальства[396]. Съ этой поры началась новая эра существованія кіево могилянской коллегіи, и возведенная въ званіе Академіи, она годъ отъ году становилась достойнѣйшею своего высокаго имени.

А іезуиты, воздвигшіе на себя справедливую кару гонимаго и оскорбленнаго ими народа, въ это время увидѣли всѣ костелы свои въ рукахъ православныхъ, и школы уничтоженными. Всѣ гетманы, начиная отъ Богдана Хмѣльницкаго до Мазепы, постепенно отбирали захваченныя учениками Лойолы имѣнія, и мстили имъ огнемъ и кровью за оскорбленіе самаго

дорогаго сердцу человѣческому чувства. Въ управленіе митрополіею Варлаама Ясинскаго въ самомъ Кіевѣ не было уже ни одного католическаго костела, и послѣдній, остававшійся послѣ Хмѣльницкаго въ разореніи, монастырь доминиканскій Николаевскій обновленъ и переименованъ въ Петропавловскій, въ честь тезоименитства Петра I, а находящійся при ономъ придѣлъ во имя Алексія человѣка Божія воздвигнутъ Ясинскимъ въ честь и память царя Алексія Михайловича[397]. Универсаломъ гетмана Мазепы предоставлено Ясинскому пользоваться всѣмъ тѣмъ, что было нѣкогда во владѣніи Доминикановъ, да кромѣ того позволено помѣстить тамъ »для повседневнаго набоженства церковнаго и законниковъ (иноковъ) болшъ десяти«[398].

Въ это время древней столицѣ русскихъ князей готовилась неожиданная радость. Намѣреніе шведскаго паладина Карла XII вторгнуться съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ въ Украйну, подвигло могущественнаго повелителя сѣвера увидѣть древнее достояніе своихъ предковъ, и Петръ I прибылъ въ Кіевъ 4 іюля 1706 года. Встрѣченный съ великимъ торжествомъ, Державный гость проѣхалъ прямо въ Софійскій соборъ, гдѣ срѣтало его все духовенство и Академія съ своими питомцами. Петръ Великій, осмотрѣвъ всѣ рѣдкости собора, посѣтилъ митрополита Варлаама и въ тотъ же день поклонился мощамъ св. Угодниковъ, почивающихъ въ Лаврѣ, въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ. На другой день Государь былъ снова въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ былъ привѣтствованъ молодымъ ораторомъ, которому суждено было потомъ содѣлаться »Великаго Петра дѣлъ славныхъ проповѣдникомъ«. »Ты, говорилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, пресвѣтлый »Монархъ нашъ, и прежде пришествія твоего присутствовалъ »еси здѣ, и всегда обитаеши; обитаеши на судѣхъ правдою, »обитаеши въ церквахъ поминаніемъ твоимъ, обитаеши въ мо»настырехъ твоими милостями, обитаеши во всемъ градѣ дер»жавою, обитаеши во всѣхъ мысляхъ славою, во всѣхъ сердцахъ »любовію«. Проницательный Монархъ замѣтилъ краснорѣчиваго

своего поздравителя, и первый шагъ къ возвышенію былъ уже сдѣланъ Ѳеофаномъ.

Около полутора мѣсяца пробылъ Государь въ Кіевѣ, ожидая своего бранноноснаго противника: но получивъ извѣстіе, что безпокойный король двинулся въ Саксонію, Петръ распустилъ свои войска, собранныя въ Кіевѣ. Замѣтивъ же, что воздвигнутая Гордономъ кіевская крѣпость устроена на мѣстѣ неудобномъ и расположена ошибочно, онъ избралъ Печерскій монастырь, самъ размѣривъ землю, и 15 августа 1706 года заложилъ собственными руками новую, доселѣ существующую крѣпость.

Такимъ образомъ Помазанникъ царства русскаго, какъ ангелъ Божій, однимъ присутствіемъ своимъ отдалилъ отъ древле-престольнаго Кіева грозившую ему опасность, и снова пошли внутреннія дѣла его прежнимъ ходомъ.

Почтенное высокимъ званіемъ Академіи, кіево-богоявленское училище, не смотря на видимыя средства внѣшняго своего благосостоянія, бывъ лишено прямыхъ пособій въ капиталахъ, находило себя вынужденнымъ прибѣгать къ сбору доброхотныхъ подаяній. Доходы съ вотчинъ и имѣній только съ виду могли казаться огромными: но въ самой вещи едва окупали самое содержаніе этихъ доходныхъ статей. Главное дѣло въ томъ, что тогдашнія села и мѣстечки были не то, что теперешнія деревни; въ самомъ многолюднѣйшемъ изъ нихъ, напримѣръ Новоселкахъ съ четырьмя своими приселками, было не болѣе *полутораста* человѣкъ жителей. И это былъ самый значительный фундушъ братства, а прочія имѣнія сравнительно съ нимъ почти ничего не значили: ибо будь это не такъ, Ясинскій бы не жаловался на безпомощность училища, доведеннаго до крайности разореніемъ Новоселокъ. Кромѣ этого, въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Академіи, между оброчными людьми жили и козаки,

которые, какъ видно изъ всѣхъ царскихъ и гетманскихъ граматъ, данныхъ монастырю и коллегіи, освобождены были, по давнимъ правамъ своимъ, отъ всякихъ податей и повинностей, и составляя численную долю народонаселенія, не приносили никакой пользы братству. Съ другой стороны, всѣми вотчинами владѣла коллегія не одна, а вмѣстѣ съ монастыремъ, и собираемые оброки прежде всего были употребляемы на содержаніе братіи, на поддержку и поправку монастырскихъ церквей и зданій, и потомъ уже на содержаніе учащихъ и учащихся, а также на возстановленіе неоднократно разрушаемыхъ школьныхъ строеній; да и владѣніе этими вотчинами никогда не бывало правильно и единовременно организованнымъ; чаще всего потеря одной недвижимости замѣняема была дачею другой, и по большой части разоренной, требовавшей устройства и собственныхъ попеченій со стороны самаго училищнаго начальства. А чего стоило выхлопотать всякій разъ утвердительную грамату, особенно отъ королей польскихъ? Лѣтописи братства кіево-богоявленскаго умалчиваютъ о тѣхъ приношеніяхъ, съ какими неизбѣжно сопряжено было исходатайствованіе королевскихъ привиллегій; а посмотрите, что говоритъ лѣтопись равнаго кіевскому братства Львовскаго. Ни одна просьба, самая законная, не обходилась безъ того, чтобъ не истощить до крайности казну монастырскую: и королю деньги, и коронному канцлеру деньги, и прокурору и секретарямъ, и всѣмъ, кто имѣлъ хоть какое нибудь вліяніе на дѣла братства. Такъ напримѣръ, въ 1676 году, по случаю наступившей коронаціи, львовское братство рѣшилось ходатайствовать о подтвержденіи прежнихъ привиллегій, и вотъ во сколько обошлось ему это дѣло: королю дано 130 червонцевъ, коронному конюшему, секретарю и воеводѣ Хелмскому по 20 червонцевъ, а прочимъ панамъ 270 злотыхъ[399]. Безъ всякаго сомнѣнія, также приплачивалось въ свое время и кіевское братство, когда нужно было пріобрѣтать новые подтвердительные документы на право владѣнія извѣстными фундушами. Самые доходы съ вотчинъ были очень невелики. Изъ

вѣдомости, представленной 1771 года кіево-братскимъ училищнымъ монастыремъ митрополиту Гавріилу Кременецкому, видно, что въ 1769 году и двухъ послѣдующихъ весь сборъ съ оброчныхъ статей простирался въ годъ только до осмисотъ пятидесяти девяти *двойницъ*[400] и шестнадцати четвертокъ съ третьми разнаго хлѣба, да до трехъ тысячъ ста девяносто четырехъ рублей девяносто семи копѣекъ деньгами. Замѣтить нужно, что такой оброкъ былъ получаемъ въ ту пору, когда братскій монастырь и Академія, кромѣ прежнихъ семи вотчинъ, имѣли за собою еще три новыхъ села, когда оброчныя статьи приносили уже больше доходу, какъ по числу народонаселенія, такъ и по развитію сельской промышленности, когда наконецъ самый сборъ оброка производился съ большей безпрепятственностью и отчетностію: что же говорить о томъ времени, когда во владѣніи коллегіи было три или четыре опустошенныхъ и безлюдныхъ вотчины, и когда все это надобно было поправлять и населять свободными людьми, съ предоставленіемъ имъ неизбѣжныхъ льготъ? Надобно взять во вниманіе и то, что въ школу поступали дѣти большею частію бѣднаго сословія, которыхъ нужно было и кормить и давать какое нибудь помѣщеніе, а все это требовало не малыхъ издержекъ. Объ одеждѣ и обуви всякій долженъ былъ самъ заботиться: ибо это предоставлялось только профессорамъ и учителямъ коллегіи, да и то потому, что они были постоянными членами братства, за то ужъ жалованья не было имъ ни копейки.

Все это заставило ректора Іоасафа Кроковскаго возобновить конгрегаціи, учрежденныя еще Петромъ Могилою, придавъ имъ особенную торжественность. За мѣсяцъ до академическаго праздника Зачатія св. Анны, воспитанники обѣихъ конгрегацій, подъ начальствомъ конгрегаціоннаго настоятеля, избирали изъ среды себя двухъ префектовъ Majoris и Minoris Congregationis. Обрядъ этотъ, производимый съ нарочитою торжественностью, назывался *элекціей*. Подача голосовъ въ пользу того или другаго

электанта происходила посредствомъ бумажныхъ карточекъ, свернутыхъ въ трубочку, куда обыкновенно вписывались имена удостоиваемыхъ этой чести. Балы эти, по перечетѣ, были запираемы въ ящикъ и за печатью конгрегаціоннаго настоятеля хранились до самаго праздника. Декабря 9, послѣ божественной Литургіи, все училищное начальство, члены братства и воспитанники обѣихъ конгрегацій собирались въ такъ называемую конгрегаціонную залу; приносимъ былъ балотированный ящикъ, и ректоръ громогласно объявлялъ кандидатовъ въ префекты, а одинъ или нѣсколько изъ членовъ братства отмѣчалъ число голосовъ, поданныхъ въ пользу того или другаго воспитанника. По сличеніи голосовъ, на кого падало большинство, тотъ и объявляемъ былъ префектомъ; это называлось *промульгаціей* (promulgatio). Каждому изъ избранныхъ тутъ же придавалось по два ассистента и по одному секретарю. Префектъ получалъ чистую прошнурованную книгу, за подписью ректора и конгрегаціоннаго настоятеля, которая называлась *альбомомъ* (album). Въ эту книгу префектъ, съ вѣдома своихъ ассистентовъ и секретаря, долженъ былъ вносить всякія пожертвованія, для сбора которыхъ онъ отправлялся ежедневно къ жителямъ Кіева. Случалось, что съ этимъ альбомомъ конгрегаціонный настоятель отправлялъ префекта съ его подчиненными и въ окружныя селенія, предоставляя себѣ самому право ходить съ тою же книгою къ знатнѣйшимъ лицамъ въ городѣ. Кромѣ этого, при конгрегаціонной церкви всегда находилась сборная кружка на содержаніе бѣднѣйшихъ учениковъ, и два раза въ годъ—въ праздникъ Зачатія св. Анны и въ день Благовѣщенія предлагаемъ былъ тотъ альбомъ гостямъ въ бурсацкой столовой, гдѣ обыкновенно братство давало парадный обѣдъ, на который приглашались значительныя особы Кіева.

Но на конгрегаціонные сборы имѣли право только тѣ изъ воспитанниковъ училища, которые жили собственно въ бурсѣ, находившейся тогда въ самомъ братскомъ монастырѣ. Прочіе

же, которыхъ бывало гораздо большее количество, должны были промышлять сами о себѣ. Нѣкоторые изъ нихъ получали пріютъ въ школахъ, существовавшихъ при церквахъ приходскихъ. Исправляя обязанности причетниковъ, они получали за это отопленіе и денежную награду, въ высшей степени скудную[401]. Въ праздники имъ также отпускалось изъ церковной *карнавки* двѣ или три копейки: но это ужъ была великая сумма въ сравненіи съ тою, какую получали они за отправленіе причетнической должности. Жалованье это значительно возвышалось отъ приходовъ, какъ скоро ученики и студенты составляли изъ себя пѣвческіе партесные хоры. Такими пѣвцами дорожили достаточнѣйшія изъ церквей, и старались содержать ихъ какъ можно лучше, ибо иначе они уходили изъ негостепріимнаго прихода въ другой.

Но и школы эти не могли вмѣстить въ себѣ всѣхъ воспитанниковъ кіевскаго училища. Безпріютные обыкновенно испрашивали себѣ у академическаго начальства паспорты[402] на опредѣленный срокъ, и безъ копейки за душой, цѣлыми толпами расходились по разнымъ городамъ и селамъ кіевской, черниговской и полтавской губерній, для сбора подаяній. Къ сроку они возвращались въ училище и истративъ собранное, снова пускались въ путь за христіанской милостыней. Случалось впрочемъ, что изо ста воспитанниковъ Академія не досчитывалась иногда цѣлой трети. Записавшись въ студенты по собственному произволу, принадлежа къ разнымъ званіямъ и состояніямъ, многіе изъ нихъ, увлекаемые обстоятельствами, уже не возвращались въ училище, и начальство, переждавъ назначенный въ билетѣ срокъ отпуска, исключало ихъ изъ списковъ. Другіе, испытавъ бѣдность и нужду школьной жизни, упадали духомъ и принимались за занятія, обѣщавшія имъ болѣе близкую и осязательную пользу. Такія путешествія обыкновенно были предпринимаемы въ лѣтнее время отъ 10 мая до 1 сентября. Впрочемъ училищное начальство не оставляло безъ вся-

каго вниманія и покровительства тѣхъ бѣдныхъ учениковъ, которыхъ не въ состояніи было принять на бурсацкое содержаніе. Многимъ изъ нихъ оно отпускало пищу, а въ послѣдствіи времени, когда доходы Академіи увеличились царскимъ окладомъ, бѣднѣйшіе изъ учениковъ стали получать помѣсячно и небольшое денежное вспомоществованіе, не смотря на мѣсто жительства ихъ.

Воспитанники высшихъ классовъ, предпочтительно предъ прочими носившіе названіе студентовъ, имѣли и еще одинъ источникъ къ содержанію. По рекомендаціи ректора или префекта, они поступали иногда въ домы зажиточнѣйшихъ изъ обывателей Кіева въ качествѣ инспекторовъ или репетиторовъ для обученія дѣтей. Это называлось тогда имѣть *кондицію*. Такіе счастливцы бывали уже аристократами между своими товарищами, и держали себя далеко отъ тѣхъ сценъ, которыя сопряжены бывали съ жалкими ролями странствующихъ *миркачей* и *комедіантовъ*.

Миркачами назывались бѣдные ученики, которые всякій день въ обѣденное время ходили по кіевскимъ улицамъ и предъ каждымъ домомъ у окна или у воротъ пѣли священные стихи, испрашивая себѣ у жителей христіанской милостыни. Самою обыкновенною ихъ пѣснію была слѣдующая: *Миръ Христовъ да водворяется во домѣхъ вашихъ. За молитувъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе сыне Божій помилуй насъ аминь. Боже, дай вашеци день добрый*[403]. Отъ перваго слова этой пѣсни и самое пѣніе называлось *миркованьемъ*, а пѣвцы *миркачами*. Къ этому жалкому средству не стыдились иногда прибѣгать и студенты, уже находившіеся въ высшихъ классахъ Академіи. Собираясь вечеромъ на площадь, они распѣвали предъ толпою торгашей, остававшихся на ночлегъ близъ своихъ лавокъ, партесные канты въ честь святыхъ или иконъ чудотворныхъ и по большой части во славу Богоматери[404]. Эти пѣвцы назывались

уже не миркачами а *спѣваками*. Музыка и самое либретто всегда бывали сочиненіемъ самихъ студентовъ, — и вотъ гдѣ зародышъ той музыкальности, которою прославилась потомъ наша сѣверная Италія, давшая Россіи Бортнянскаго, Березовскаго, Веделева и другихъ! Гимны и канты эти раздавались по селамъ особенно въ лѣтнее время, когда достаточнѣйшіе питомцы отправлялись подъ домашніе кровы своихъ родителей или родственниковъ, а бездомные и безпріютные сироты составляли изъ себя многочисленныя странствующія труппы, имѣвшія въ виду одно только: какъ нибудь пропитаться до начала ученія. Невольно приходитъ при этомъ на мысль мастерское описаніе такого миркованья, составленное Гоголемъ: »какъ только »ученики завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали »съ большой дороги и приблизившись къ хатѣ, выстроенной по »опрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и на»чинали пѣть кантъ. Хозяинъ хаты, какой нибудь старый ко»закъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими ру»ками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ »своей женѣ: жинко! то, что поютъ школяры, должно быть »очень разумное; вынеси имъ сала и чего нибудь такого, что »у насъ есть.' И цѣлая мизка варениковъ валилась въ мѣшокъ; »порядочный кусъ сала, нѣсколько паляницъ, а иногда и свя»занная курица помѣщалась вмѣстѣ. Подкрѣпившись такимъ »запасомъ, граматики, риторы, философы и богословы опять »продолжали путь. Чѣмъ далѣе однакожъ шли они, тѣмъ бо»лѣе уменьшалась толпа ихъ. Всѣ почти разбродились по до»мамъ и оставались тѣ, которые имѣли родительскія гнѣзда »далѣе другихъ«[405].

Не безъ того, конечно, чтобъ это пѣніе не сопровождалось и инструментальной музыкой. Хотя преподаваніе ея въ школѣ и не было для всѣхъ обязательнымъ: но нѣтъ сомнѣнія, что охотниковъ до этого предмета было не мало, разъ потому, что Малороссы, по природѣ своей, народъ музыкальный, а другое,

что игра на инструментѣ какомъ либо могла быть однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ пріобрѣсть расположенность, а иногда и пріютъ у какого нибудь пана или зажиточнѣйшаго козака. Въ краткомъ уставѣ православнаго луцкаго училища, основаннаго, какъ мы уже видѣли, по образцу кіевской школы, запрещается между прочимъ ученикамъ имѣть при себѣ при слушаніи уроковъ какіе либо инструменты:[406]—знакъ, что страсть къ музыкальнымъ занятіямъ въ тогдашнихъ воспитанникахъ простиралась даже до нарушенія нѣкоторымъ образомъ училищнаго порядка. Что касается до страсти къ музыкальнымъ композиціямъ: то она видна даже въ такихъ воспитанникахъ кіевской коллегіи, послѣдующія занятія которыхъ отличались особенной положительностью и серьезнымъ характеромъ. Самъ св. Димитрій Ростовскій положилъ на музыку нѣсколько священныхъ гимновъ, которые и доселѣ остаются извѣстны благочестивымъ старожиламъ. Его канты: *Взирай съ прилежаніемъ; О горе мнѣ грѣшнику сущу; Пробудись отъ сна; Іисусе мой прелюбезный,* и многіе другіе дышатъ чистою мелодіей души святой и праведной. И конечно, съ подобными-то гимнами бѣдные школьники обходили села, испрашивая себѣ дневнаго пропитанія, и не мудрено послѣ этого, что козакъ »рыдалъ прегорько«, слушая такую трогательную пѣснь.

Въ свѣтлые дни праздниковъ Рождества и Воскресенія Христова ученики ходили по домамъ съ поздравительными стихами, а искуснѣйшіе изъ нихъ устроивали такъ называемые *вертепы*, нѣчто въ родѣ райка, въ которомъ посредствомъ скрытыхъ веревочекъ приводимы были въ движеніе вырѣзныя изъ толстаго картона куклы. Фокусникъ, сидя за своей машиной, импровизировалъ, согласно дѣйствію или явленію той или другой марьонетки. Впрочемъ вертепы скоро перешли къ цеховымъ и ремесленникамъ, а ученики вмѣсто того стали представлять разныя діалоги и цѣлыя драмы[407].

Грустная картина! Но кто не преклонится предъ этими

горемыками школьниками, унижающимися до нищебродства изъ одной лишь жажды къ познаніямъ? Какой благоразумный и добрый отецъ не укажетъ нынѣ сыну своему, окруженному гувернерами и всякимъ комфортомъ, на поразительный примѣръ любви къ просвѣщенію, такъ выпукло и ярко рисующійся въ этихъ питомцахъ древней Академіи, скрывавшихъ подъ нищенскимъ рубищемъ высокія стремленія свѣтлаго духа?.. Посмѣется надъ всѣмъ этимъ лишь тотъ, кто въ состояніи разразиться громкимъ хохотомъ при зрѣлищѣ страданій человѣка или надъ калечествомъ своего ближняго!....

Но драматическія представленія, даваемыя странствующими труппами бѣдныхъ учениковъ, были только подобіемъ того, что дѣлалось тогда въ самой Академіи. Ближайшее соприкосновеніе православныхъ жителей юго-запада съ католиками было причиною того, что мистеріи ихъ, издавна тамъ существовавшія, перешли и въ кіевскія школы[408]. Еще при Петрѣ Могилѣ воспитанники коллегіи сочиняли и разыгрывали нѣкотораго рода драмы, представляя въ лицахъ библейскія произшествія и направляя ходъ такихъ представленій къ нравственнымъ цѣлямъ. Каждый учитель піитики обязывался ежегодно приготовить комедію или трагедію для лѣтнихъ *рекреацій* или гуляній. Въ смутную эпоху бѣдственнаго состоянія училища это обыкновеніе прекратилось: но память объ немъ оставалась, по крайней мѣрѣ, какъ практическое упражненіе учениковъ піитики и реторики. Св. Димитрій еще въ бытность свою въ Малороссіи написалъ четыре драмы[409], которыя заставлялъ играть при себѣ и тогда, когда уже былъ святителемъ Ростовскимъ. Одна изъ нихъ: *Есѳирь* и *Агасферъ* представлена была даже однажды въ Великій постъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на придворномъ театрѣ. Всѣ эти представленія, съ небольшими исключеніями, походили на нынѣшнія живыя картины, или лучше на пантоминные спектакли. Впрочемъ, гдѣ по ходу піэсы дѣйствіе было не такъ понятно,

слова обыкновенно были заимствуемы изъ священнаго писанія, сообразно характеру того или другаго дѣйствующаго лица.

Въ настоящую пору драматическія сочиненія начали получать уже болѣе разнообразія и движенія. Авторы стали уже скрываться за выводимыя ими на сцену дѣйствующія лица, предоставляя имъ говорить отъ себя и завязывая интересъ драмы на извѣстномъ лицѣ, управляющемъ всемъ ходомъ піесы. Одно изъ такихъ представленій дано было 3 іюля 1705 года кіевскими студентами. Это была *трагедо-комедія*, подъ названіемъ: *Владиміръ, всѣхъ славяно-россійскихъ странъ князь и повелитель*. Авторомъ оной былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ II, состоявшій тогда еще учителемъ піитики въ Кіевской Академіи[410].

Вмѣсто театральнаго зданія для представленій служила студентамъ академическая зала, или чаще всего какая нибудь роща или удобное удоліе. Обыкновенно это дѣлалось во время *рекреацій*, бывавшихъ три раза въ году въ лѣтнее время. Въ старину для этого отправлялись на Щекавицу и располагались между оврагами при урочищѣ, называемомъ Глубочица. Тамъ ученики занимались невинными играми, подъ надзоромъ своихъ сеніоровъ, а студенты составляли оркестръ, давали спектакль и пѣли разные канты.

Собственно академическихъ праздниковъ, какъ уже сказано, было два: Зачатіе св. Анны и Благовѣщеніе Пресв. Богородицы. Въ первый изъ нихъ служба была совершаема въ церкви, построенной вскорѣ по смерти Анны Гулевичевой, а во второй на Благовѣщеніе въ храмовой Великой церкви. Въ эти дни ученики и студенты старались быть какъ можно наряднѣе, и во время богослуженія стояли въ нарочитомъ порядкѣ со свѣчами въ рукахъ, участвуя въ большомъ *херувимскомъ* выходѣ[411]. Въ такомъ же парадѣ присутствовали воспитанники Академіи и при совершеніи ежегодной панихиды, бывавшей обыкновенно вече-

ромъ 31 декабря, въ память митрополита Петра Могилы[412]. Панихида отпѣваема была не хоромъ только, а всѣми учениками вмѣстѣ, и по окончаніи оной, одинъ изъ старшихъ учителей произносилъ обыкновенно панегирикъ незабвенному благодѣтелю Академіи.

Въ Вербную субботу всѣ воспитанники вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ собирались передъ вечернею въ ограду Софійскаго собора[413]. Начальствующіе съ почетнѣйшими изъ студентовъ входили къ митрополиту и пропѣвъ стихъ: *Днесь благодать Святаго Духа насъ собра,* говорили рѣчи архипастырю, и потомъ получивъ отъ него благословеніе, проходили всѣмъ собраніемъ сквозь Софійскій соборъ, и съ полной церемоніей ровными рядами отправлялись въ братскій монастырь съ пѣніемъ вышеозначеннаго стиха. Въ Великой церкви отправляема была вечерня, а одинъ изъ наставниковъ произносилъ проповѣдь.

При отправленіи такъ называемыхъ *пассій*, въ первыя четыре пятницы Великаго поста[414], всѣ студенты и ученики обязаны бывали присутствовать въ церкви, и съ начала до конца обряда стояли съ зазженными свѣчами, которыя были погашаемы тогда уже, когда кто либо изъ профессоровъ выходилъ на каѳедру съ приличнымъ обстоятельству словомъ назиданія.

Погребеніе усопшихъ учителей и студентовъ совершалось также съ нарочитой церемоніей. По благовѣсту братскаго колокола, префектъ, учители и ученики собирались къ тому мѣсту, гдѣ почивалъ усопшій; по совершеніи заупокойной литіи воспитанники выстраивались по классамъ по два въ рядъ, и въ такомъ порядкѣ шли до самаго кладбища. На флангѣ каждаго класса находился особый знаменоносецъ, въ рукахъ котораго былъ значекъ на древкѣ, съ изображеніемъ Спасителя и Божіей Матери въ звѣздахъ. При самомъ погребеніи произносимы были рѣчи и стихи на разныхъ языкахъ.

Вотъ каково было внѣшнее состояніе училища, почтеннаго отъ Державнаго Покровителя высокимъ названіемъ Академіи! Печальнымъ оно представляется по отношенію къ быту житейскому: но сквозь бѣдность просвѣчивается отрадная мысль о томъ, что питомцы ея были твердыми въ любви къ просвѣщенію и сохранили завѣтъ своихъ благодѣтелей »въ цвѣченю побожнаго живота« и въ усвоеніи »наукъ належныхъ«.

Пойдемъ теперь въ богословскій классъ и послушаемъ знаменитаго въ свое время ректора и профессора Академіи *Іоасафа Кроковскаго*. Мы переносимся за полтораста лѣтъ слишкомъ. Календарь показываетъ *18 октября 1693 года*[415].

Аудиторія полна народу, съ нетерпѣніемъ ожидающаго любимаго своего профессора. Неясный шумъ толпы внезапно стихаетъ: вошелъ *Кроковскій*. Осѣнивъ многодумное чело свое крестнымъ знаменіемъ и выслушавъ молитву, прочитанную однимъ изъ воспитанниковъ, онъ всходитъ на каѳедру, и рѣчь разумная полилась рѣкою изъ устъ его.

»Domini! говоритъ онъ: хотя общепринятая метода есть »та, чтобы начинать богословіе отъ перваго Начала всѣхъ ве»щей, отъ самаго Тріединаго Бога: но путь этотъ труденъ. Мы »пойдемъ съ вами другимъ, простѣйшимъ, и въ первый годъ »нашего четырехлѣтняго курса разсмотримъ 1) воплощеніе Бога»Слова, и 2) таинства, Имъ установленныя«.

Вслѣдъ за этимъ опредѣливъ значеніе слова Theologia, предметъ этой науки, ея достоинство, раздѣленіе на теоретическую и практическую, краснорѣчивый профессоръ обращается съ слѣдующею молитвою къ Богу: »Вѣримъ, Треблагій, что четыре »таинственныхъ животныхъ, образовавшихъ собою четвероколь»ную колесницу, показанную намъ священными книгами[416], при»носятъ Тебѣ торжественное хваленіе; се нынѣ и мы созидаемъ

»четверокольную колесницу — четырехлѣтнія наши занятія бо»гословіемъ къ сохраненію, умноженію и преспѣянію славы »Твоея, Тебѣ же самому споспѣшествующу«.

И передъ нами рѣшаются вопросы, составляющіе сущность догмата о воплощеніи Бога-Слова. Постижимость этого таинства, дѣйствительность воплощенія и сообразность его съ началами разума составляютъ первую главу системы ученаго богослова. За тѣмъ онъ излагаетъ необходимость воплощенія, сообразность его съ волею божественною, избравшею вочеловѣченіе Сына Божія средствомъ къ удовлетворенію за грѣхи всего міра, дѣйствительность этого удовлетворенія, принятаго на себя Іисусомъ Христомъ, побудительныя причины, предопредѣлившія воплощеніе Его. Необыкновенная глубина богословскихъ изслѣдованій невольно изумляетъ самыхъ привычныхъ слушателей, и утружденное вниманіе отдыхаетъ потомъ на ученіи наставника о святости, непричастности грѣху и вѣчной свободѣ Искупителя міра.

»Довольно уже разсуждали мы, продолжаетъ профессоръ, »о воплощеніи Сына Божія въ богословіи созерцательномъ; въ »дополненіе къ прежнему предлагаемъ еще слѣдующія чтенія, »составляющія часть состязательную, которая такъ важна и не»обходима въ наши времена для обличенія новѣйшихъ ерети»ковъ. И такъ прежде всего разсмотримъ: въ чемъ состоятъ »и состояли главнѣйшія заблужденія еретиковъ касательно та»инства воплощенія«.

Разрѣшивъ этотъ вопросъ, профессоръ приступаетъ къ разсмотрѣнію другихъ, изъ которыхъ каждый способенъ возбудить вниманіе самаго разсѣяннаго слушателя. Вездѣ ли присутствуетъ Іисусъ Христосъ человѣчествомъ своимъ? Таковъ ли Онъ посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, что другихъ посредниковъ уже не нужно, и что поэтому не должно уже призывать

святыхъ? Въ такой ли мѣрѣ удовлетворено Искупителемъ правосудіе Божіе, что съ нашей стороны уже не требуется никакихъ заслугъ? Что такое наши добрыя дѣла? Вопль Спасителя на крестѣ былъ ли воплемъ отчаянія и ослабленія духа? За всѣхъ ли Христосъ умеръ, или за однихъ лишь избранныхъ? Воистинну ли Христосъ сходилъ въ преисподняя? Страданія и смерть Спасителя міра были ли для Него Самаго какою либо заслугою? Какъ мы должны представлять себѣ Господа Христа и святыхъ Его?

Всякій можетъ видѣть, какихъ еретиковъ заблужденія подвергаемы были знаменитымъ профессоромъ неотразимому анализу, и всякій послѣ этого убѣдится, что было чего послушать воспитанникамъ, стремившимся отовсюду въ древнюю Академію. Полные восторженной благодарности выходили они изъ тѣсной аудиторіи, и на тетрадяхъ своихъ надписывали окончаніе перваго академическаго семестра: *10 февраля 1694 года въ четыре часа по полудни.*

»Въ предшествовавшемъ трактатѣ мы разсуждали, говоритъ профессоръ, при открытіи втораго семестра, о Словѣ воплощенномъ, какъ о »Сынѣ человѣческомъ, по описанію Іоанна Бо»гослова, опоясанномъ поясомъ златымъ и имѣющемъ главу и »власы бѣлые, какъ бѣлая волна и какъ снѣгъ, а очи, какъ »пламень огненный, разсматривали, то есть, Его святость, сво»боду и другія совершенства. Теперь обратимъ взоры наши на »сего же Сына человѣческаго, какъ на ходящаго среди седми »свѣтильниковъ златыхъ и держащаго седмь звѣздъ въ десницѣ »своей, какъ на Учредителя седьми таинствъ во св. Церкви. »Трактатъ этотъ очень важенъ и необходимъ, и мы, по приня»тому обыкновенію, раздѣлимъ его на двѣ части, изъ которыхъ »въ одной будемъ говорить о таинствахъ вообще, а въ другой »о таинствахъ въ частности«.

Пять мѣсяцевъ длится этотъ второй семестръ, и въ про-

долженіе его мы выслушали все, что только можно знать по вопросу, близко касающемуся жизни православнаго христіанина. *30 іюня 1694 года въ осьмомъ часу утра* была послѣдняя лекція нашего профессора. Наступило вакаціальное время, и наставникъ и воспитанники отдыхаютъ.

Сентября 10 мы уже снова въ аудиторіи, жаждая слышать что нибудь новое отъ мудраго профессора. И вотъ онъ ставитъ насъ предъ лицемъ папистовъ, лютеранъ и кальвинистовъ, ободряя Вышнимъ покровительствомъ, возбуждаетъ ревность нашу указаніемъ пользъ Церкви православной, и учитъ, какъ побѣждать ея противниковъ. Слушайте же, какъ онъ держитъ отвѣтъ на вопросъ о томъ: на какомъ хлѣбѣ совершилъ Іисусъ Христосъ таинство Евхаристіи; подивитесь, какъ неотразимо поражаетъ онъ дерзающихъ преподавать мірянамъ таинство причащенія подъ однимъ только видомъ, какъ непобѣдимо доказываетъ дѣйствительное присутствіе Тѣла и Крови Христовой подъ таинственными видами хлѣба и вина, какъ объясняетъ святѣйшее таинство Евхаристіи, какъ убѣдительно говоритъ о силѣ и дѣйствіи крещенія и причащенія на несмысленныхъ младенцевъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ вы ждете продолженія этихъ чудныхъ уроковъ: но довольно,—вы и такъ прослушали знаменитаго профессора болѣе мѣсяца, ибо теперь уже *16 октября*. Завтра начнутся уроки другой половины этого семестра.

»Хотя мы уже и разсуждали, начинаетъ профессоръ, о по»каяніи, тогда какъ разсматривали всѣ прочія таинства: но по»елику предметъ покаянія — наши грѣхи, весьма обширенъ и »многосложенъ, то мы снова побесѣдуемъ о покаяніи, во пер»выхъ, какъ о добродѣтели, и во вторыхъ, какъ о таинствѣ«.

И дѣйствительно, нельзя обширнѣе читать перваго отдѣленія этой части, какъ это дѣлаетъ краснорѣчивый профессоръ. Въ системѣ его только пять диспутацій: но что за многообъ-

емлемость взгляда, что за начитанность и какое глубокомысліе! Только къ *15 февраля 1695 года* окончено было это отдѣленіе, тогда какъ слѣдующее за нимъ прочитано всего въ восемь дней.

По естественному ходу, послѣ трактата о покаяніи, какъ очистительномъ средствѣ отъ грѣховъ, нужно ждать, что профессоръ будетъ говорить о самомъ грѣхѣ во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Такъ оно и сталось. Къ *22 мая* слушатели его уже имѣли полный курсъ нравственнаго богословія: но по намѣренію профессора, трактатъ этотъ еще не былъ законченъ. »Какъ тѣнь за солнцемъ, говоритъ онъ, такъ и я слѣдую тому »общепринятому въ школахъ обычаю, по которому окончатель»ное рѣшеніе дѣла требуетъ разсмотрѣнія всѣхъ возраженій на »извѣстную матерію«, и въ слѣдствіе этого занимается изслѣдованіемъ вопросовъ: точно ли первородный грѣхъ состоялъ въ вожделѣніи плоти? Различны ли, по природѣ своей, грѣхъ простительный и грѣхъ смертный? Что такое чистилище у католиковъ и мытарства у православныхъ? Разрѣшивъ эти вопросы, профессоръ дѣлаетъ слѣдующій переходъ: »до сихъ поръ мы »говорили о томъ, что отдаляетъ насъ отъ Бога — о грѣхахъ »нашихъ; теперь будемъ разсуждать о благодати, приближаю»щей насъ къ вѣчному Началу«. И вотъ трактатъ за трактатомъ идутъ у него изслѣдованія о свойствѣ благодати, о совмѣстимости ея съ природою человѣка, о значеніи благодати предваряющей, дѣйствующей, содѣйствующей, оправдывающей или освящающей, о необходимости благодати и нашихъ собственныхъ заслугахъ предъ Богомъ.

28 іюня 1696 года кончился третій семестръ этого курса.

Наступилъ послѣдній. Черезъ годъ воспитанники Академіи станутъ лицомъ къ лицу съ антагонистами вѣры православной. Мудрый наставникъ задержалъ важнѣйшій пунктъ, который придется имъ отстаивать въ неуставающей борьбѣ съ кліентами

папскаго престола. Но настаетъ *7 сентября 1696 года*, и профессоръ открываетъ лекціи свои трактатомъ о Церкви. Вниманіе слушателей дошло до высшей степени, ибо предметъ близокъ сердцу каждаго изъ нихъ, и вотъ передъ нами раскрывается православное ученіе о Церкви и ея членахъ, о признакахъ Церкви истинной, и наконецъ о главѣ Церкви. Профессоръ не щадитъ здѣсь ни богословскихъ, ни историческихъ, ни юридическихъ изслѣдованій. Разсматриваніе первыхъ вопросовъ, давно уже рѣшенныхъ въ умѣ и сердцѣ каждаго изъ его слушателей, было какбы приготовленіемъ къ послѣднему, гдѣ выходитъ на сцену патріархъ Рима, забывшій, что царство Христово *нѣсть отъ міра сего*. Разгоряченные и взволнованные вдохновенною рѣчью своего наставника, воспитанники готовы хоть сейчасъ выдти на состязаніе съ поборниками папы: но мудрый профессоръ охлаждаетъ ихъ излишнюю и несвоевременную ревность, толкуя вслѣдъ за тѣмъ о четырехъ основныхъ добродѣтеляхъ истиннаго христіанина — справедливости, благоразуміи, умѣренности и терпѣніи. Онъ не пользуется энтузіазмомъ, возбужденнымъ въ молодыхъ умахъ его рѣчью правою, не ведетъ своихъ питомцевъ, какъ это дѣлали іезуиты, фанатической толпою на сокрушеніе противнаго ученія, а твердо убѣжденный, что дѣло это въ рукѣ Божіей, облекаетъ только своихъ учениковъ *во вся оружія Божія, да возмогутъ противитися въ день лютъ и вся содѣявше стати.*

Остается заключить дѣло богословствованія преподаваніемъ ученія о Богѣ, Единомъ въ Троицѣ и Троичнымъ въ единствѣ. »Этимъ трактатомъ, говоритъ профессоръ, по обычаю, приня»тому въ школахъ, слѣдовало бы начать богословіе, такъ какъ »Богъ Тріединый есть начало всего: по поелику Онъ же есть »и конецъ всего, то весьма прилично будетъ и привести къ »сему концу всѣ наши богословскія изслѣдованія въ продолже»ніи цѣлаго четырехлѣтія«. Профессоръ послѣ такого вступленія погружается въ глубину философско-богословскихъ изслѣ-

дованій и разсуждаетъ о существѣ и бытіи Божіемъ, о недѣлимости и несложности Существа высочайшаго, и Его невидимости, всевѣденіи, всесовершенной свободѣ, о провидѣніи и наконецъ о тріехъ Ѵпостасехъ во единомъ Божествѣ.

Понятны православному христіанину всѣ эти вѣрованія, ибо онѣ срослись съ его жизнію отъ самой купели крещенія, вошли въ духъ и душу его въ пору младенческаго лепета молитвы Господней и Символа вѣры: но темны и необъяснимы онѣ для помраченныхъ духовныхъ очей язычника и атеиста, составляютъ слово пререкаемое для ходящихъ невѣрнымъ путемъ, созданнымъ отъ ума человѣческаго, вземлющагося на разумъ Божій. Все это видитъ и знаетъ опытный наставникъ, и потому для антагонистовъ вѣры истинной предлагаетъ и разсматриваетъ вопросъ: можетъ ли троичность Божества быть постигнута и объяснена при свѣточѣ ума человѣческаго? Рѣшая это отрицательно, онъ приводитъ свидѣтельства Ветхаго и Новаго завѣта о святѣйшемъ таинствѣ Троицы, о Лицѣ Сына Божія о божествѣ Его и наконецъ о Лицѣ Духа Святаго.

Такимъ образомъ *27 іюня 1697 года* окончился и послѣдній академическій семестръ: но ревнитель православія еще предлагаетъ своимъ слушателямъ нѣсколько уроковъ, необходимыхъ для успѣха въ возможныхъ состязаніяхъ съ ближайшими врагами православія. Онъ разбираетъ догматъ о Св. Духѣ, и утверждая, согласно ученію Церкви православной, исхожденіе Его отъ единаго Отца, доказываетъ это свидѣтельствами свящ. Писанія, положеніями и авторитетомъ отцевъ Церкви, доводами умственными, опровергая вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ возраженія противниковъ, заимствующихъ оныя изъ тѣхъ же источниковъ.

Finis et Dei gloria! пишетъ христіанинъ — профессоръ на послѣдней страницѣ своей высокой системы, и означаетъ, для памяти, что при помощи Божіей, онъ окончилъ уроки *13 іюля 1697 года*[417].

Мы привыкли называть старинное образованіе схоластическимъ, привыкли соглашаться, что »тогдашній родъ ученія »страшно расходился съ образомъ жизни, что эти схоластическія, граматическія, реторическія и логическія тонкости рѣ»шительно не прикасались ко времени, никогда не примѣнялись »и не повторялись въ жизни, что учившіеся имъ ни къ чему »не могли привязать своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схо»ластическихъ«[418]. Многіе писатели, какъ скоро дойдетъ дѣло до образованія, получаемаго нѣкогда въ древней Кіевской Академіи, безъ дальнѣйшаго размышленія клеймятъ его неприложимымъ къ жизни, потому что »тамъ считалось первою необ»ходимостью только знаніе латинскаго языка, что философіею »завѣдывала схоластика, богословіемъ діалектическая полемика; »не нужному Академія учила много, а нужному мало«[419], что коллегія потому и не принесла плодовъ столько, сколько можно было ожидать отъ нея[420]. Пора наконецъ подумать, что такое схоластическое ученіе юго-западной Россіи, на которое такъ постоянно и усердно нападаютъ? Вглядитесь пристальнѣй въ философскіе конспекты, которые больше всего должны выражать схоластическое направленіе, — въ самомъ ли дѣлѣ въ нихъ нѣтъ ничего такого, о чемъ любомудрствуетъ современная наука? Оставляемъ діалектику, тоже впрочемъ необходимую по тогдашнему времени, и возьмемъ прямо логику. Всѣ дѣйствія и отправленія ума человѣческаго подведены подъ законы, которые едва ли могутъ когда либо измѣняться; указаны предразсудки, препятствующіе видѣть истину, уложены и приведены въ порядокъ формы мышленія, преподаны правила, какъ управляться потомъ съ запасомъ будущихъ свѣдѣній, чтобъ они выходили изъ головы стройными, послѣдовательными, непротиворѣчащими себѣ и умными, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Спрашивается: чего же тутъ не достаетъ противъ нынѣшнихъ логикъ? Взглянемъ теперь на такъ называемую физику, какъ часть философіи: всѣ предметы, входящіе въ область ума философствующаго, начиная отъ Источника всего видимаго и невидимаго

до послѣднихъ явленій естества, совмѣщены и разобраны стройно, ясно и послѣдовательно[421]. Конечно, ближайшее ученіе натуры много открыло такого, что было невѣдомо нашимъ предкамъ и привело къ необходимости вымышлять особыя части философствованія: но можно ли осуждать за это нашихъ древнихъ ученыхъ? Они не были знакомы съ явленіями магнетизма и сомнамбулизма, не знали силы паровъ и электричества: слѣдуетъ ли изъ этого, что они были круглые невѣжды? Упрекъ, дѣлаемый имъ за преподаваніе наукъ, будто бы неприложимыхъ къ жизни, зависитъ отъ того, что мы не отдѣляемъ наукъ, такъ называемыхъ свободныхъ, отъ наукъ, чисто положительныхъ и механическихъ: но всѣмъ управляетъ духъ времени. Самое развитіе разсудка, »до излишества строгое и разборчивое«, тоже, по видимому, поставляемое Академіи въ упрекъ[422], было необходимымъ и естественнымъ приготовленіемъ его къ изысканію средствъ болѣе утилитарныхъ. Алхимисты дѣйствовали подъ вліяніемъ даже ложныхъ началъ, а между тѣмъ ихъ фантастическія работы принесли величайшую пользу химіи и другимъ естественнымъ наукамъ. Кіевскіе діалектики, по видимому, спорили изъ пустяковъ: но они обработали и сдѣлали способнымъ разсудокъ смотрѣть на вещи прямо, погружаться въ глубину ихъ и изъ нѣдръ природы извлекать тѣ ея тайны, которыя человѣкъ употребилъ потомъ въ свою пользу.

Соглашаемся однакожъ, что все это дѣло не безспорное, и что предки наши мало оказали успѣховъ въ наукахъ чисто естественныхъ и механическихъ, что изъ среды тогдашнихъ ученыхъ не явились ни Декарты, ни Спинозы, ни Канты, ни Лейбницы; но можно ли съ основательностію утверждать неприложимость къ жизни ученія, преподаваемаго древними богословами? Мы видѣли изъ конспекта Іоасафа Кроковскаго, какіе вопросы были затрогиваемы и разрѣшаемы этимъ знаменитымъ профессоромъ; мы видѣли, что онъ сообщилъ все, что требуется для благочестія, которое, нужно замѣтить, »на все полезно есть«.

Пусть же докажутъ намъ, что евангельское ученіе неприложимо къ жизни: тогда и мы согласимся съ тѣмъ, что Кіевская Академія ничего не сдѣлала для просвѣщенія народа, что такъ называемая схоластика ея была самая безполезная вещь въ свѣтѣ. И пусть между тѣмъ вдумаются получше, что такое жизнь, какая цѣль ея и назначеніе, что прежде всего должны мы просвѣщать и усовершать въ себѣ: тогда увидятъ, справедливъ ли извѣстный упрекъ, дѣлаемый Кіевской Академіи. Она виновата тѣмъ, что всѣ познанія устремляла къ одной метѣ — христіанству, какъ основанію земнаго благосостоянія, и въ этомъ отношеніи мы вполнѣ соглашаемся съ замѣчаніемъ автора Исторіи Русской Церкви, что »для славы ея довольно и того, что она »была разсадникомъ православія и слѣдовательно выполняла »свое назначеніе«[423]. Желательно было бы знать, чѣмъ же другимъ должны быть русскія, и по преимуществу духовныя, училища, какъ не разсадниками православія, которое есть корень всему — и любви къ Престолу и Отечеству и сохраненію своей народности? Если Академія была разсадникомъ православія, то значитъ богословскими ея уроками не завѣдывала исключительно діалектическая полемика. Правда, полемика входила тогда во всѣ науки: но, съ одной стороны, самое усовершенствованіе діалектики имѣло цѣлію вооружать молодые умы проницательностью и умѣньемъ различать всякія тонкости, а съ другой — это было крайне необходимо тогда по духу вѣка и въ высшей степени приложимо къ жизни. Не для препровожденія же времени учились всему этому, а съ цѣлію ясною и опредѣленною. Воспитанники Академіи выходили на борьбу съ злонамѣреннымъ просвѣщеніемъ, вооружавшимся всѣми діалектическими хитростями, всѣми пособіями современной науки; надобно жъ было и имъ имѣть то оружіе, которое было у ихъ противниковъ. Пусть же теперь самъ читатель рѣшитъ, справедливо ли замѣчаніе одного изъ нашихъ историковъ, что Академія Кіевская »ненужному учила много, а нужному мало«, и дѣйствительно ли такіе люди, какъ Галятовскій, Барановичъ,

св. Димитрій Ростовскій, Яворскій и подобные имъ ненужнаго знали много, а нужнаго мало?....

Многіе изъ писателей, поверхностно изучившихъ духъ и характеръ древней Кіевской Академіи находятъ въ существовавшихъ тамъ *диспутахъ* новое доказательство мнимо-схоластическаго направленія оной; а между тѣмъ эти диспуты были много похожи на то, что доселѣ водится въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ при защищеніи диссертацій на извѣстную степень. Надобно знать, что за полтораста лѣтъ тому въ Академіи, по окончаніи каждой трети учебнаго года, производимы были испытанія ученикамъ низшихъ школъ учителями тѣхъ классовъ, въ которые воспитанники, соотвѣтственно успѣхамъ и прилежанію своему, должны были переходить. Ученики граматическихъ классовъ, кромѣ устнаго экзамена, представляли въ своихъ окупаціяхъ граматическіе разборы и переводы съ латинскаго и греческаго языковъ на русскій, польскій и обратно. Ученики поэзіи и реторики, кромѣ подачи третныхъ сочиненій, тутъ же, во время самыхъ экзаменовъ, составляли русскіе, латинскіе и польскіе стихи, а также разнаго рода рѣчи и письма. Студенты же философіи и богословія, кромѣ сочиненія диссертацій, преимущественно на языкѣ латинскомъ, ни къ чему другому не обязывались. Начать съ того, что въ этихъ классахъ не было уже ни нотатъ, ни авдиторовъ, что студенты непосредственно подчинялись только высшему своему начальству, — третные экзамены для нихъ тоже не существовали. Вмѣсто ихъ установлены были домашніе диспуты, происходившіе каждую субботу. Въ этотъ день самъ профессоръ иногда становился въ позицію дефендента, позволяя всякому изъ студентовъ возражать противъ уроковъ, прочитанныхъ имъ въ теченіи недѣли; иногда же въ присутствіи и при содѣйствіи его диспутовали между собою воспитанники о какомъ либо изъ вопросовъ данныхъ и рѣшенныхъ уже наставникомъ. Мысль глубокая и практически-мудрая! Профессоръ не задавалъ уроковъ, а между тѣмъ вполнѣ могъ

быть увѣренъ, что все сказанное имъ не пройдетъ даромъ, что воспитанникъ непремѣнно будетъ вдумываться во всякую его мысль, обсуживать каждое его слово для того, чтобы не явиться при диспутѣ немогузнайкою и не уронить себя какъ предъ наставникомъ, такъ и передъ своими товарищами. Для благороднаго соревнованія тутъ открывалось широкое поприще; а лѣнивымъ и неспособнымъ не оставалось никакой возможности скрыться, ибо самое молчаніе ихъ служило бы тому сильнымъ обличеніемъ. Можно даже сказать, что самое изученіе лекцій не приносило бы такой пользы, какую эти диспуты. Урокъ въ состояніи заучить и малоспособный, а чтобъ защитить оспориваемый вопросъ, для этого требуется, кромѣ твердаго знанія его, много и своего собственнаго соображенія, ловкости и оборотливости ума. Это не было опять и пустымъ словопреніемъ: ибо профессоръ строго наблюдалъ, чтобъ диспутующіе не отдалялись отъ своего предмета, а вели разговоръ точно, вѣрно, сообразно указаннымъ правиламъ. Значитъ, не изъ педантства, не отъ близорукости положены были нѣкоторыя формулы диспутованія. Что же касается до занимательности и достоинства домашнихъ академическихъ диспутовъ, — стоитъ только припомнить богословскую систему Кроковскаго; а чтобъ убѣдиться въ благородствѣ и осторожности каждаго, выступающаго на состязательную арену, нужно принять во вниманіе только, предъ какими профессорами говорили диспутующіе[424].

Точно въ такомъ же порядкѣ производились и годичные экзаменаторскіе диспуты, съ той только разницей, что президентомъ ихъ бывалъ митрополитъ, а присутствующими знатнѣйшіе чиновники города. По рѣшеніи вызваннымъ студентомъ заданнаго вопроса, предлагаемо было выдти кому либо для состязанія. Охотникъ являлся, и дѣло завязывалось. Экзаменаторы безъ труда могли видѣть, кто изъ диспутующихъ ученѣе, ловче и изворотливѣй, и приговоръ ихъ послѣ этого бывалъ непогрѣшительно вѣренъ: ибо студентъ являлся здѣсь со всемъ

запасомъ своихъ свѣдѣній, со всѣмъ постоянствомъ въ занятіяхъ и умной вдумчивостью въ каждый вопросъ. Онъ выходилъ на состязаніе, не условившись предварительно; онъ столько же, сколько и товарищъ его, долженъ былъ знать всю сущность вопроса, опасаться, чтобъ изъ наступательнаго положенія постыдно не перейти въ оборонительное, и не отправиться на свое мѣсто побѣжденнымъ и уничиженнымъ. Дѣло слишкомъ щекотливое для честолюбія молодаго ученаго, и веденное съ искреннимъ участіемъ, оно не могло быть не интереснымъ для самихъ экзаменаторовъ. Отъ того то эти диспуты были такъ любимы образованными жителями Кіева; отъ того-то они привлекали къ себѣ и ученыхъ иновѣрцевъ. Замѣтимъ кстати, что диспутантъ, кромѣ прямаго и ближайшаго своего противника, обязывался отвѣчать и всякому на данное возраженіе; случалось, что такой споръ заходилъ далеко, особенно когда вопросъ давалъ кто нибудь изъ иновѣрныхъ посѣтителей; тогда на сцену выступалъ и самъ профессоръ, и состязаніе рѣшалось приговоромъ президента.

Но по окончаніи двухгодичнаго курса диспуты эти производились еще съ большей торжественностью. Впрочемъ, это ужъ не были собственно ученыя собранія, а нѣчто въ родѣ публичныхъ экзаменовъ или нынѣшнихъ актовъ, non propter praxin, какъ говаривали въ старину, sed pompam. На канунѣ назначеннаго дня для диспутовъ на большихъ вратахъ братскаго монастыря прибивали большой, вычурно раскрашенный листъ или афишу, извѣщавшую Кіевлянъ о времени, а иногда о самомъ предметѣ ученыхъ состязаній. Такой листъ обыкновенно назывался *конклюзіей*. Это уже были подготовленные диспуты, и самыя темы избирались какъ можно ближе къ понятію большинства посѣтителей. А чтобы сдѣлать ихъ сколько нибудь вразумительнѣй и для простаго народа, незнакомаго съ языкомъ латинскимъ, на которомъ преимущественно производились эти ученыя состязанія,—для того нѣкоторыя изъ положеній

были переводимы на языкъ русскій. По прибытіи митрополита въ академическую залу произносимы были привѣтствія на разныхъ языкахъ, и потомъ начинались диспуты, въ промежуткахъ между которыми ученики низшихъ классовъ произносили діалоги и читали стихи собственнаго сочиненія. На этихъ диспутахъ уже не считалось приличнымъ возражать постороннимъ, и право это предоставлялось только митрополиту и важнѣйшимъ изъ посѣтителей.

Первое мѣсто на состязательной аренѣ всегда принадлежало студентамъ богословія; философы же рѣдко допускаемы были къ диспутамъ, особенно на торжественныхъ собраніяхъ. Тогдашняя философія, строго подчиненная вліянію началъ аристотелевскихъ, представлялась какбы служебною наукою для высшаго класса и была разумѣема, какъ средство къ развитію разсудка для усвоенія важнѣйшаго ученія. Иначе эту науку тогдашняя Академія и не должна была вести, если только имѣла въ виду оставаться вѣрною тому началу, которое положено въ основаніе ея: »учити наукамъ належнымъ къ цвѣченю побожнаго живота и вызваню вѣры непорушно и догматъ св. Вселенскими седьмю Соборами установленныхъ«. Отъ этого, всѣ учебники, относящіеся къ сему времени, отличаясь тою же строгостію и послѣдовательностію изложенія, ни мало не измѣнились ни формою, ни содержаніемъ своимъ, и преподавая только то, чего безнаказанно можетъ касаться умъ человѣческій, отсылали его за рѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ къ источнику вѣры православной, и Аристотель продолжалъ господствовать безопасно для ученія, драгоцѣннаго христіански-просвѣщаемымъ умамъ[425].

За то реторика годъ отъ году усовершалась болѣе и болѣе. По мѣрѣ развивавшейся потребности проповѣданія слова Божія и успѣховъ быта гражданственнаго открывались нужды, которымъ не въ состояніи были удовлетворять ни Квинтиліанъ, ни

Цицеронъ, ни Діонисій Александрійскій. Хотя общіе вопросы о строеніи и развитіи рѣчи рѣшаемы были, какъ и прежде, по указанію классиковъ, — но были затрогиваемы и живые элементы собственно русскаго краснорѣчія. Въ учебникѣ Ѳеофана Прокоповича, относящемся къ 1706 году, мы находимъ уже болѣе самобытности въ развитіи трактатовъ о судебномъ, совѣщательномъ и историческомъ родѣ сочиненій; профессоръ уже касается психологическихъ вопросовъ и ведетъ свою рѣчь, замѣтно удаляясь отъ древлепринятыхъ руководствъ. У него уже является особая часть краснорѣчія церковнаго, правила для котораго онъ извлекаетъ изъ сущности самыхъ предметовъ, преподаваемыхъ на священной каѳедрѣ[426].

Поэзія или піитика остается однакожъ все тѣмъ же искуствомъ слагать вирши, и даже какъ будто мелчѣетъ въ сравненіи съ минувшимъ своимъ состояніемъ, ибо больше прежняго трактуетъ о механическихъ пріемахъ составленія стиховъ русскихъ, латинскихъ и польскихъ, утверждая, что въ этомъ и состоитъ весь интересъ дѣла (in hoc omnis concluditur curiositas). Впрочемъ она не оставляетъ и прежнихъ трактатовъ о разныхъ видахъ стихотворства, но дѣлаетъ это какъ будто оффиціально и безъ искренняго убѣжденія въ томъ, что толки ея могутъ быть приложены, какъ слѣдуетъ, къ дѣлу.

Въ 1707 году, по предложенію митрополита Варлаама Ясинскаго, возобновлено въ Академіи преподаваніе геометріи. Распоряженіе это родилось въ слѣдствіе вопіющей потребности имѣть ученыхъ свидѣтелей при размежеваніи земель, принадлежавшихъ училищу. Умный архипастырь предупреждалъ этимъ злоупотребленія насылаемыхъ землемѣровъ, которые своей »всемогущей астролябіей« надѣлали такихъ дѣлъ при отмежеваніи для Меньшикова почепской волости[427].

Первымъ учебнымъ пособіемъ въ правильно устроенномъ

заведеніи справедливо почитается библіотека. Кіевская Академія имѣла ее; еще въ бытность протекторомъ этого училища Петра Могилы заведено было здѣсь книгохранилище, которое онъ самъ старался увеличивать и обогащать, и въ которое завѣщалъ потомъ и свою собственную библіотеку. Судя по этому библіотека кіево-могилянской коллегіи была не бѣдна: но пожаръ 1658 года и разореніе Поляками училища въ 1665 году уничтожили ее почти безъ остатка. Въ общей суматохѣ не время было думать о книгахъ, и потому часть ихъ гибла въ пламени, а другая попадалась въ частныя руки. Изъ надписи, находящейся на одной книгѣ, уцѣлѣвшей изъ древней академической библіотеки, видно, что нѣкоторые изъ кіевскихъ жителей даже торговали потомъ найденными и изъ другихъ рукъ пріобрѣтенными книгами. Въ нынѣшней библіотекѣ сохранилась только одна, надписанная рукою самаго Петра Могилы, и безспорно принадлежавшая къ его собранію, поступившему по смерти его въ коллегію. Это *Трактатъ о таинствахъ* Ѳомы Аквината. Не видно однакожъ ни откуда, чтобы до времени митрополита Варлаама Ясинскаго была собираема Академіею правильная библіотека; уже этотъ архипастырь началъ устроивать ее, положивъ въ основаніе свои собственныя книги, и съ тѣхъ поръ она съ каждымъ годомъ стала возрастать отъ вновь прибывавшихъ пожертвованій. Такимъ образомъ въ нынѣшней библіотекѣ академической находятся многія книги Ѳеофана Прокоповича, Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго, Іосифа Ямницкаго, Іоасафа Миткевича и многихъ другихъ, имена которыхъ собственноручно вписаны ими самими на пожертвованныхъ книгахъ.

Достойные сподвижники митрополита Варлаама, по управленію кіевской коллегіей, трудами своими способствовавшіе возведенію ея въ высокое званіе Академіи были ректоры:

Филимоновичъ Кириллъ, управлявшій училищемъ съ 1690 по 1693 годъ. До насъ не дошли остатки его профессорскихъ

трудовъ: но Академія сохранитъ имя *Филимоновича*, какъ одного изъ ходатаевъ своего благоденствія. По его-то прошенію гетманъ Мазепа уступилъ училищу сельцо Бѣльмачовку. Гдѣ послѣ этого продолжалъ свое служеніе *Филимоновичъ*, и гдѣ скончался — неизвѣстно.

Кроковскій Іоасафъ, до 1693 года служившій Академіи въ должности учителя, и потомъ принявшій званіе ректора. Нѣтъ надобности говорить много объ умѣ и талантахъ этого необыкновеннаго человѣка; довольно припомнить ту систему богословія, какую преподавалъ онъ счастливымъ воспитанникамъ того времени. Глубина изслѣдованій, геніальная смѣлость въ рѣшеніи самыхъ отвлеченныхъ вопросовъ, увлекательность изложенія сами собою свидѣтельствуютъ то, что *Кроковскій* и въ первѣйшихъ училищахъ Европы былъ бы знаменитымъ преподавателемъ. Грустно было Академіи разставаться съ такимъ наставникомъ, когда Промыслу угодно было воззвать его на чреду служенія въ первѣйшей обители россійской: но изчерпавъ глубину человѣческой мудрости, онъ долженъ былъ погрузиться еще въ животворящія воды высокаго самоотверженія, истекающія отъ пещеръ, гдѣ нетлѣнно почиваютъ угодники Божіи. И выйдетъ онъ скоро на дѣло и дѣланіе свое достигшимъ вполнѣ въ мѣру возраста исполненія Христова.

Калачинскій Прокопій, преемникъ Кроковскаго, правившій Академіею съ 1697 по 1702 годъ. Заботливость его о правахъ училища блистательно была награждена Высочайшимъ переименованіемъ коллегіи въ Академію, и огражденіемъ какъ наставниковъ, такъ и воспитанниковъ ея отъ всякихъ притязаній мѣстнаго управленія. Въ 1706 году *Калачинскій* былъ уже игуменомъ кіево-николаевскаго монастыря, но гдѣ и когда скончался — неизвѣстно.

Одорскій Гедеонъ, принялъ ректуру Академіи въ 1702 году.

При немъ, въ осень слѣдующаго года, заложенъ былъ фундаментъ нынѣшняго *стараго корпуса,* а весною выведены были стѣны, подъ наблюденіемъ самаго гетмана Мазепы, часто посѣщавшаго работы. Въ 1705 году *Одорскій* былъ переведенъ въ Батуринъ архимандритомъ Крупицкаго монастыря; дальнѣйшая же судьба его неизвѣстна.

Поповскій Иннокентій послѣ Стефана Яворскаго въ 1700 году занялъ должность префекта, а въ 1705 ректора Академіи. Черезъ годъ онъ былъ переведенъ неизвѣстно куда; а преемникомъ ему былъ

Чарнуцкій Христофоръ, бывшій до того времени префектомъ. Въ 1709 году онъ поступилъ въ кіево-николаевскій монастырь.

Завистливое время сокрыло отъ насъ другихъ низшихъ дѣлателей вертограда христіанскаго просвѣщенія, и лѣтопись Кіевской Академіи не внесла въ скрижали свои ихъ достоуважаемыя имена: но труды и заботы ихъ вписаны въ ту книгу живота, изъ которой не изглаживается ни одна буква, ни одна іота дѣлъ человѣческихъ.

Цвѣтущее состояніе училища вѣрнѣе всего измѣряется обиліемъ воспитанниковъ, отличившихся потомъ на поприщѣ служебномъ. Въ этомъ отношеніи Кіевская Академія сей эпохи представляетъ изумительное явленіе. Подняться въ такое короткое время, собрать разсѣянное стадо свое, увидѣть на чредѣ академическаго служенія своихъ же знаменитыхъ воспитанниковъ—профессоровъ, выпустить въ какія нибудь семнадцать лѣтъ столько лицъ, прославившихъ ее своими трудами въ пользу Церкви и Отечества,—это дѣло видимаго благословенія Божія, почившаго на ней. Престарѣлый архипастырь іерархіи кіевской съ душевною радостію зрѣлъ при концѣ дней своихъ пи-

томцевъ того училища, которое стоило ему столькихъ заботъ и попеченій, въ которомъ и онъ провелъ нѣкогда лучшее время своей жизни, и благословлялъ онъ ихъ на подвигъ добрый.....

Вотъ эти воспитанники, вышедшіе изъ подъ іераршескаго крова Варлаама Ясинскаго:

Берутовичъ Германъ, много потрудившійся для украшенія храмовъ Божіихъ. Воспитанникъ и постриженецъ кіевобратскаго монастыря, онъ въ числѣ прочихъ сотоварищей своихъ по училищу прибылъ въ Казань, гдѣ послѣ наставнической службы былъ посвященъ въ архимандрита Спасо-преображенскаго монастыря. Отсюда въ 1737 году *Берутовичъ* переведенъ былъ въ московскую Спасо-андроніеву обитель: но по разстроенному здоровью не долго тамъ оставался, и прибылъ въ Кіевъ на родину, чтобъ успокоиться тамъ на вѣки отъ трудовъ своихъ[428].

Бужинскій Гавріилъ родился въ Украйнѣ, находившейся подъ владычествомъ Польши. Съ малыхъ лѣтъ отданный въ кіевское училище, онъ проходилъ по порядку всѣ классы, совершивъ такимъ образомъ полный курсъ академическій. По вызову Стефана Яворскаго, тогдашняго блюстителя патріаршаго престола, *Бужинскій* поступилъ въ московское Заиконоспасское училище въ качествѣ наставника. Въ 1707 году онъ принялъ санъ монашескій, а черезъ семь лѣтъ опредѣленъ префектомъ при той же школѣ, переименованной въ московскую славяно-греко-латинскую академію. Отличная способность къ сочиненію и сказыванію проповѣдей пріобрѣла ему уваженіе всей Москвы, и наконецъ вниманіе самаго Государя Петра I, который въ 1719 году вызвалъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ оберъ-іеромонахомъ флота. Находясь въ этой должности, *Бужинскій* часто въ присутствіи самаго Государя говорилъ проповѣди, и всегда заслуживалъ отличное одобреніе. Не обладая ни пламенностью,

ни трогательностью чувствованій, *Бужинскій* особенно дѣйствовалъ силою и основательностью размышленія. Это было причиною того, что воображеніе его никогда самовольно не порывалось въ область чувствованій, а шло ровно и спокойно по указанію ума; это же самое спокойствіе сдѣлало то, что въ ораторскихъ произведеніяхъ *Бужинскаго* можно видѣть свѣжіе слѣды жизни, ему современной и обстоятельныя указанія на тѣ великія событія и новыя учрежденія, какими ознаменовалось славное царствованіе преобразователя Россіи. Съ этой стороны онъ совершенно справедливо названъ »глашатаемъ величія Петровыхъ дѣлъ«[429]. Слово его въ день годичнаго поминовенія Петра Великаго тогда же было переведено бывшимъ въ Петербургѣ англійскимъ пасторомъ Ѳомою Консетто на латинскій языкъ для иностранцевъ и напечатано въ Берлинѣ. Въ 1721 году *Бужинскій,* по указу Государя, произведенъ въ архимандриты костромскаго Троицкаго Ипатьевскаго монастыря, и тогда же опредѣленъ присутствующимъ въ новооткрытый св. Синодъ съ титломъ директора и протектора надъ всѣми типографіями и училищами, зависящими отъ Синода. Наконецъ въ 1726 году *Гавріилъ* былъ хиротонисанъ въ епископа рязанскаго, и немедленно, по прибытіи своемъ въ епархію, занялся возстановленіемъ славено-латинской школы, упразднившейся за недостаткомъ учителей. Труды архипастыря скоро увѣнчались желаемымъ успѣхомъ: ибо въ слѣдующемъ же году въ новооткрытой школѣ онъ увидѣлъ болѣе трехсотъ воспитанниковъ[430]. Къ сожалѣнію, разстроенное здоровье не позволило *Бужинскому* продолжать управленіе епархіей: пробывъ въ ней съ небольшимъ три года, онъ воротился въ Москву, гдѣ 27 апрѣля 1731 года и скончался. Прахъ его покоится въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ училище котораго завѣщалъ онъ и свою библіотеку[431].

Волатковскій Варнава, бывшій проповѣдникомъ Заиконоспасскаго монастыря. Въ 1712 году онъ былъ посвященъ въ санъ архіепископа архангелогородскаго. По прибытіи въ

епархію, встрѣтивъ крайнее невѣжество даже между духовенствомъ, онъ немедленно занялся устройствомъ училища: но не легко было просвѣщенному архипастырю бороться съ закоренѣлой грубостью. Съ великимъ трудомъ собралъ онъ уже къ концу 1723 года въ свое училище всего тридцать девять человѣкъ, которые обучались букварю, часослову, псалтири и отчасти латинскому языку. О дальнѣйшихъ наукахъ и думать было нечего: ибо и этихъ воспитанниковъ удерживала только крѣпкая воля святителя; съ кончиною его разстроилось и училище. *Варнава Волатковскій* скончался 8 октября 1730 года[432].

Гловацкій Сильвестръ родился въ той половинѣ Малороссіи, которая принадлежала коронѣ польской, и до поступленія своего въ монашество носилъ имя *Стефана*. Вмѣстѣ съ Пуцекъ-Григоровичемъ онъ отправленъ былъ коллегіею въ Казань къ учительской должности, гдѣ и поступилъ въ монахи съ принятіемъ имени *Сильвестра*. Въ 1732 году *Гловацкій* назначенъ префектомъ и потомъ ректоромъ училища съ предоставленіемъ ему архимандріи свіяжскаго Богородицкаго монастыря; 1749 года онъ былъ рукоположенъ въ санъ митрополита тобольскаго, а черезъ шесть лѣтъ переведенъ оттуда въ суздальскую епархію, гдѣ 20 мая 1760 года и скончался[433].

Жураковскій Продіонъ, архимандритъ кіево-межигорскаго монастыря. Когда, въ 1721 году, указомъ св. Синода повелѣно было избрать въ кіевскіе митрополиты изъ архимандритовъ, игуменовъ или іеромонаховъ »добраго, умнаго и школьнаго человѣка«: то выборъ всего освященнаго собора палъ на *Жураковскаго*. Тогда же онъ отправился для посвященія въ Петербургъ: но дѣло это не состоялось, и *Продіонъ* рукоположенъ былъ только въ архіепископа черниговскаго. Послѣ двѣнадцатилѣтняго управленія епархіей, онъ оставилъ жезлъ архипастырскій, и удалился на покой въ любимый свой кіево-межигорскій монастырь, гдѣ и скончался 8 октября 1736 года[434].

Заборовскій Рафаилъ родился 1677 года въ польскомъ мѣстечкѣ Заборовѣ львовскаго уѣзда. Отецъ его былъ польскій шляхтичъ католическаго закона, а мать греко-россійскаго; при крещеніи будущій святитель церкви православной нареченъ былъ *Михаиломъ*. По достиженіи отроческихъ лѣтъ, *Заборовскій* отданъ былъ отцомъ своимъ въ іезуитскія школы: но мать, опасаясь вреднаго вліянія отъ противнаго православію исповѣданія, упросила своего мужа перевести сына въ православное училище. Опасенія матери были справедливы: юный *Михаилъ* слишкомъ рано началъ выказывать блестящія свои способности, а такими воспитанниками крѣпко дорожили католическіе и уніатскіе пѣстуны, дѣлая изъ нихъ въ послѣдствіи ревностнѣйшихъ споборниковъ своимъ преступнымъ замысламъ. Время поступленія *Заборовскаго* въ коллегію было эпохою, когда въ ней находились отличнѣйшіе наставники—Кроковскій и Яворскій. Послѣдній такъ полюбилъ *Заборовскаго*, что когда поручено было ему завести въ Заиконоспасскомъ училищѣ полный курсъ наукъ на языкѣ латинскомъ, онъ вызвалъ *Михаила* для того, чтобъ воспитать его подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ. Хотя *Заборовскій* уже выслушалъ въ Кіевской Академіи половину философскаго курса: но не желая огорчить своего протектора, отправился въ Москву, гдѣ и докончилъ уроки философіи и богословія. По выходѣ изъ училища, *Заборовскій* принялъ монашество отъ руки своего благодѣтеля съ именемъ *Рафаила*, и тотчасъ же опредѣленъ учителемъ реторики; черезъ нѣсколько времени, по рекомендаціи Бужинскаго, онъ поступилъ на флотъ оберъ-іеромонахомъ, а въ 1723 году, по окончаніи морскихъ экспедицій, посвященъ въ архимандриты тверскаго Колязина монастыря съ пожалованіемъ въ званіе ассессора св. Синода. Въ 1725 году хиротонисанъ былъ во епископа псковскаго и наварскаго, съ оставленіемъ въ званіи синодальнаго члена: но черезъ два года послѣ сего былъ уволенъ въ свою епархію. Здѣсь онъ озаботился заведеніемъ славено-россійской школы, положивъ для ней программу только первоначальныхъ наукъ,

собственно для образованія тѣхъ, которые были удостоиваемы потомъ сана іерейскаго[435]. Но не такому училищу сужденъ былъ этотъ великій протекторъ; явится онъ вскорѣ тамъ, гдѣ просвѣтится свѣтъ его предъ человѣки и всѣ увидятъ добрыя дѣла его...

Конашевичъ Лука одинъ изъ тѣхъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, которые, по волѣ державнаго Петра, понесли съ собою свѣтъ просвѣщенія во глубину Россіи. Долго ли оставался *Конашевичъ* въ зависимости отъ другихъ, высшихъ себя по образованію и значенію, — не знаемъ; видимъ только, что въ 1736 году онъ былъ архимандритомъ московскаго Симонова монастыря, а черезъ два года епископомъ устюжскимъ и тотемскимъ. Здѣсь онъ оставилъ памятникъ своей просвѣщенной ревности, учредивъ въ Великомъ Устюгѣ семинарію, которая потомъ, по упраздненіи епархіи велико-устюжской, соединена была съ вологодскою. Въ 1738 году *Конашевичъ* былъ назначенъ въ Казань, гдѣ цѣлыя семь лѣтъ былъ недремлющимъ блюстителемъ училища, отказавшись въ пользу его и отъ богатой своей библіотеки, которую онъ собиралъ въ теченіи своей жизни. Въ 1755 году *Конашевичъ* былъ переведенъ въ Бѣлгородъ, и по двухлѣтнемъ управленіи епархіей скончался 1 генваря 1758 года[436].

Кульчицкій Иннокентій (святый), епископъ иркутскій и нерчинскій, чудотворецъ, прославленный россійскою Церковію, родился въ Малороссіи отъ древней дворянской фамиліи. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Кіевской Академіи, онъ постриженъ въ монашество въ Печерской Лаврѣ и отправленъ былъ вмѣстѣ съ другими въ Москву къ должности учителя въ тамошнюю славено-греко-латинскую академію. Четыре года несъ онъ училищную службу, и достигнувъ званія префекта, былъ переведенъ въ Петербургъ въ Александро-невскую Лавру съ званіемъ соборнаго іеромонаха. По рукоположеніи бывшаго

тамъ архимандрита Ѳеодосія Яновскаго во епископа новгородскаго, *Иннокентій* въ 1720 году назначенъ былъ исправляющимъ должность намѣстника Лавры: но когда Петръ I вознамѣрился учредить въ Китаѣ епископію, на равнѣ съ римско-католической миссіей, *Иннокентій* 5 марта 1721 года хиротонисанъ былъ въ епископа переяславскаго, и въ томъ же году отправленъ къ посланнику Измайлову въ Пекинѣ, на мѣсто бывшаго тамъ архимандрита. О прибытіи его послана была къ китайскому правительству предувѣдомительная грамата. Къ несчастію, она не застала уже въ Пекинѣ Измайлова, пользовавшагося отличнымъ уваженіемъ Богдыхана. Католическіе миссіонеры, поселившіеся тамъ еще съ 1581 года, сильно встревожились такимъ распоряженіемъ Россійскаго Двора, и начали интриговать. Вслѣдствіе сего Мунгальскій Тушетуханъ Очирой-Бату возвратилъ грамату селенгинскому начальнику съ такимъ изъясненіемъ, что »по »указу богдыханскому, господина *Иннокентія Кульчицкаго* въ »Пекинъ пропускать не велѣно для того, что отъ сибирскаго »губернатора никакого объ немъ письма нѣтъ и знаку печати, »каковыя даны Измайлову, не приложено«[137]. По этому *Иннокентію* повелѣно было до времени оставаться въ Селенгинскѣ, гдѣ онъ и пробылъ до 1725 года, а за тѣмъ, по указу Синода, выѣхалъ въ Иркутскъ на житье въ тамошнемъ Вознесенскомъ монастырѣ. Здѣсь онъ занялся, согласно Высочайшему повелѣнію, учрежденіемъ русской и монгольской школы, въ которой, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ ученія, была преподаваема и монгольская грамота: но къ сожалѣнію, она существовала только до тѣхъ поръ, пока состояла подъ непосредственнымъ надзоромъ святителя[138]. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины I, повелѣно, для окончательнаго рѣшенія дѣлъ съ китайскою имперіей, отправить туда полномочнымъ чрезвычайнаго посланника графа С. Л. Владиславича-Рагузинскаго, а также ѣхать съ симъ посломъ и *Иннокентію,* если не будетъ со стороны Китайцевъ какого либо препятствія. Но іезуиты давно уже успѣли подготовить правительство къ рѣшительному

отказу; ктому же и царствовавшій тогда въ Китаѣ Іонгъ-Чшенгъ или Юнгъ-Дженнъ объявилъ открытое гоненіе противъ своихъ подданныхъ, осмѣливавшихся принимать вѣру христіанскую. Но чтобы не оскорбить посланника могущественной Монархини прямымъ отказомъ, іезуиты указали министрамъ поднебесной имперіи въ самой граматѣ русскаго посольства пунктъ, на которомъ они могли основать свое несогласіе принять епископа. »Въ листѣ сибирскаго губернатора въ мунгальскій трибуналъ, доносилъ Рагузинскій 1726 года, епископъ *Иннокентій* названъ »духовною особою, *великимъ господиномъ*, а изъ сего Китайцы »взяли подозрѣніе, будтобы онъ превеликая особа, и министры »ихъ агенту Лангу говорили, что Богдыханъ такую превеликую »особу никогда принять не повелитъ, ибо у нихъ великій гос»подинъ называется ихъ Кутухта, и намъ такую превеликую »особу, какъ *Иннокентій Кульчицкій*, не надобно«. Какъ бы то ни было, но и въ этотъ разъ не состоялось отправленіе святителя въ Китай. 1727 года 15 генваря *Иннокентій* назначенъ былъ викаріемъ тобольскаго митрополита въ Иркутскѣ, съ подчиненіемъ ему Вознесенскаго монастыря; и такимъ образомъ уроженецъ юга поставленъ былъ Промысломъ благовѣстить Евангеліе сынамъ суровой Сибири. Вышнее помазаніе, щедро изліянное въ душу и сердце Угодника Божія не являлось тщетнымъ; полудикіе обитатели дальняго сѣвера убѣждались вдохновенною его проповѣдію, и толпами стекались къ купели крещенія. Чтобъ упрочить дѣло обращенія идолопоклонниковъ, *Иннокентій* открылъ при Вознесенскомъ монастырѣ училище для дѣтей всякаго званія, гдѣ преподавали имъ русскій букварь, чтеніе и пѣніе, толковали заповѣди, и учили читать, писать и переводить по монгольски: но съ кончиною святителя эта школа упала и потомъ совсѣмъ уничтожилась. Св. *Иннокентій* мирно кончилъ благочестивую жизнь свою 26 ноября 1731 года, и въ простой монашеской мантіи погребенъ былъ въ склепѣ подъ церковію Тихвинскія Божія Матери. Въ царствованіе императора Павла I, сенаторы Ржевскій и Левашовъ, ревизовавшіе

Иркутскую губернію, донесли Государю о нетлѣнно почивающихъ мощахъ святителя *Иннокентія;* а въ 1800 году Амвросій, митрополитъ новгородскій, объявилъ Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, изъясненныхъ въ рапортѣ сенаторовъ и приложенныхъ при немъ свѣдѣній отъ тогдашняго иркутскаго епископа Веніамина съ краткой выпиской о чудесахъ, происходившихъ при гробѣ угодника. По слѣдствію оказалось, что мощи и самая одежда въ Бозѣ почившаго пребыли совершенно нетлѣнными, а чудеса, бываемыя отъ нихъ, не подвержены никакому сомнѣнію. Чрезъ два года послѣ сего снова произведено дослѣдованіе, и какбы во свидѣтельство несомнѣннаго прославленія угодника Божія, въ томъ же году, когда сгорѣлъ весь монастырь, уцѣлѣла одна лишь деревянная церковь, подъ которою почивали мощи св. *Иннокентія*. Въ 1804 году, указомъ св. Синода отъ 1 декабря, въ слѣдствіе доклада, Высочайше утвержденнаго 28 октября, установлено праздновать память святителя *Иннокентія* 26 ноября. Въ 1805 году 9 февраля, по облаченіи мощей въ святительскія ризы, они были перенесены въ соборную Успенскую церковь, гдѣ и до нынѣ открыто почиваютъ въ серебряной позолоченой ракѣ, источая всѣмъ вѣрующимъ исцѣленія[439].

Леницкій Варлаамъ знаменитый особенною любовію къ просвѣщенію. Гдѣ и какія проходилъ онъ должности, по выходѣ изъ Академіи, остается неизвѣстнымъ. Во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка мы видимъ его уже игуменомъ кіево-михайловскаго монастыря, а 1719 года рукоположеннымъ въ суздальскаго епископа. Первымъ дѣломъ *Варлаама,* по прибытіи въ епархію, было учрежденіе школы, въ которую тотчасъ же собралось болѣе ста учениковъ. Черезъ четыре года *Варлаамъ* былъ переведенъ въ Коломну, гдѣ также завелъ училище и изъ первопоступившихъ въ него тридцати человѣкъ не болѣе какъ въ три года возвысилъ это число до семисотъ двадцати. Въ 1723 году *Леницкій* былъ уже въ Астрахани; здѣсь онъ об-

ратилъ все свое вниманіе на латинскую школу, заведенную тамъ еще до прибытія его, по требованію всего купеческаго сословія, на собственномъ ихъ иждивеніи. Одобривъ училище, онъ нашелъ, что управленіе онымъ ввѣрено человѣку не совсѣмъ способному, и исходатайствовалъ у св. Синода о присылкѣ »въ ту школу изъ латинскихъ школъ иного учителя«, что и было исполнено[440]. Въ 1731 году *Варлаамъ* былъ переведенъ во Псковъ, гдѣ въ два года образовалъ семинарію и имѣлъ удовольствіе къ послѣднему времени своего тамъ пребыванія видѣть открытыми въ ней всѣ классы включительно до философскаго. Черезъ семь лѣтъ получивъ увольненіе отъ епархіи, прибылъ въ Кіево-печерскую Лавру, гдѣ и скончался[441].

Линцевскій Гервасій, по мѣсту рожденія Кіевлянинъ, а по происхожденію сынъ священника. По окончаніи курса въ Кіевской Академіи, *Линцевскій* принялъ монашескій постригъ въ Михайловскомъ монастырѣ: но тотчасъ же былъ вызванъ оттуда къ учительской должности и довольно долго преподавалъ въ Академіи синтаксиму и поэзію. Семь лѣтъ послѣ этого онъ былъ намѣстникомъ Михайловскаго монастыря, а въ 1742 году году произведенъ въ архимандриты съ пожалованіемъ ему наперснаго креста и отправленъ въ Пекинъ настоятелемъ миссіи. *Линцевскій* прибылъ въ Китай 27 ноября 1745 года; десять лѣтъ оставался онъ тамъ, и заслуживъ уваженіе отъ самыхъ Китайцевъ, возвратился въ отечество, гдѣ »за труды свои и добропорядочную жизнь«, по именному указу, рукоположенъ 1757 года въ епископа переяславскаго: но спустя нѣсколько лѣтъ былъ отрѣшенъ отъ епархіи и посланъ на пребываніе въ монастырь, гдѣ 22 декабря 1769 года и скончался[442].

Лопатинскій Ѳеофилактъ родился на Волыни отъ благородной фамиліи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ заграничныхъ училищахъ, а окончательное въ Кіевской Академіи. По выходѣ изъ оной, *Лопатинскій* былъ вызванъ въ

Москву къ учительской должности, гдѣ съ 1706 по 1708 годъ былъ префектомъ, а потомъ до 1722 ректоромъ Академіи. Отличная ученость и строгая жизнь обратили на него милостивое вниманіе Великаго Петра, по указу котораго *Лопатинскій* опредѣленъ былъ архимандритомъ московскаго Чудова монастыря и совѣтникомъ св. Синода. Въ 1723 году онъ рукоположенъ въ епископа тверскаго и кашинскаго; а черезъ два года пожалованъ архіепископомъ и синодальнымъ вице-президентомъ. Тѣсно было такому ревнителю православія отовсюду. Съ болѣзнію сердца видѣлъ *Ѳеофилактъ* незаслуженное несчастіе одного изъ прежнихъ своихъ сослуживцевъ по Синоду и соблазнительную вражду двухъ знаменитыхъ іерарховъ Церкви русской; съ тяжкимъ предчувствіемъ смотрѣлъ онъ на фаланги иностранцевъ, осадившихъ святыню русскаго царства, — и рѣшился сколько можно противодѣйствовать распространяемому ими невѣрію. Когда появилось въ Москвѣ противъ книги Яворскаго: *Камень Вѣры* сочиненіе какого-то подложнаго Буддея, *Ѳеофилактъ* написалъ большой трактатъ подъ названіемъ: *Апокрисисъ или отвѣтъ на писаніе отвѣтное Франциска Буддея къ нѣкоему другу, на Москвѣ живущему, о лютеранской ереси, на книгу Камень Вѣры.* Это было страшнымъ оскорбленіемъ для многихъ вельможъ того времени, исповѣдовавшихъ кальвинскую и лютеранскую вѣру, и еще не успокоившихся отъ удара, нанесеннаго имъ Яворскимъ. Въ тоже время *Ѳеофилактъ* написалъ другой трактатъ подъ названіемъ: *Иго Господне благо.* Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ въ этомъ случаѣ въ виду сочиненіе Прокоповича *Объ иѣ неудобоносимомъ*, или нѣтъ,—только Ѳеофанъ принялъ трактатъ *Лопатинскаго* личнымъ оскорбленіемъ собственно себѣ, и досадуя на *Ѳеофилакта* еще за пропускъ къ печатанію *Камня Вѣры*, сдѣлался врагомъ его и заставилъ, при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, удалиться въ епархію. Тотчасъ послѣ этого приказано вездѣ и всюду отбирать книгу Стефана Яворскаго. Между тѣмъ *Ѳеофилактъ* спокойно занимался въ своей епархіи устроеніемъ семинаріи въ Отрочѣ монастырѣ,

проповѣданіемъ слова Божія и сочиненіемъ духовныхъ книгъ. Вдругъ услышалъ онъ, что рукопись его *объ игѣ Господнемъ* была разсматриваема въ Тайной Канцеляріи, и вслѣдъ за тѣмъ 1732 года потребовали къ отвѣту и самаго сочинителя. Его привезли подъ крѣпкой стражею, и *строго допрашивали* по тремъ первымъ пунктамъ, касавшимся лютеранъ и кальвинистовъ. Почти полтора мѣсяца послѣ этого прожилъ *Ѳеофилактъ* на петербургскомъ тверскомъ подворьѣ со всею своею свитою подъ строжайшимъ карауломъ. Октября 6 его отвезли *тайно* въ Тверь *безъ обвиненія*, и дѣло, по видимому, кончилось. Но Ѳеофанъ не любилъ останавливаться на половинѣ; хотя дѣло *Лопатинскаго* происходило и втайнѣ: но объ немъ говорила вся Москва, смѣлѣе Петербурга судившая въ то время дѣйствія лютеранъ и кальвинистовъ, окружавшихъ престолъ царскій. Чтобъ остановить такую молву, бросавшую неблагопріятную тѣнь на самаго Ѳеофана, нужно было покончить дѣло формальнымъ порядкомъ, и въ 1735 году *Ѳеофилактъ* былъ снова привезенъ въ столицу, и преданъ синодальному суду, предсѣдателемъ котораго былъ Прокоповичъ. Немедленно по судебному приговору того самаго, кто сочинялъ указъ о мнимыхъ преступленіяхъ Ѳеодосія Яновскаго, несчастный святитель лишенъ былъ архіерейства, даже монашества, и подъ мірскимъ именемъ *Ѳеодора* переданъ въ Тайную Канцелярію... Умолчимъ о возмущающихъ душу истязаніяхъ уничиженнаго страдальца истины[443]... Три года послѣ этого содержался *Лопатинскій* на подворьѣ подъ тайною стражею и въ это время получилъ апоплексическій ударъ въ слѣдствіе претерпѣнныхъ имъ пытокъ. Отсюда больной и увѣчный онъ перевезенъ былъ въ казарму петербургской крѣпости, гдѣ оставался цѣлые два года въ душной и тѣсной комнаткѣ до кончины Анны Іоанновны и до паденія Бирона. Въ концѣ 1740 года *Лопатинскій*, по повелѣнію правительницы Анны Леопольдовны, былъ освобожденъ изъ заключенія, съ возвращеніемъ ему святительскаго сана. Хилый, изувѣченный вступилъ *Ѳеофилактъ* въ то священное

мѣсто, въ которомъ нѣкогда и самъ онъ вице-президенствовалъ; всѣ члены синодальные залились слезами, увидѣвъ страдальца, и сами облекли его въ святительскія ризы: но *Θеофилактъ* уже не могъ слѣдовать въ свою епархію, и претерпѣвъ »отъ лукавыхъ человѣкъ до кончины жизни несносное гоненіе и страданіе«[444], умеръ 6 мая 1741 года на своемъ подворьѣ и погребенъ со всѣми почестями въ Александро-невской Лаврѣ. Передъ кончиною своею онъ имѣлъ счастіе удостоиться посѣщенія Государыни Елисаветы Петровны, бывшей тогда еще Великой Княжною[445].

Мигура Иларіонъ, уроженецъ кіевскій, знаменитый художникъ своего времени. Нельзя съ полной вѣроятностію утверждать, чтобы начальныя науки онъ проходилъ въ Академіи: но то несомнѣнно, что *Мигура* выслушалъ полный курсъ реторики, философіи и богословія. Въ одной своей картинѣ, посвященной Стефану Яворскому, въ память пребыванія въ Кіевѣ Петра I, онъ самъ называетъ себя olim in Rhetoricis, philosophicis et theologicis per septennium Almae Kiiovianae discipulus. По окончаніи воспитанія, *Мигура,* еще въ школѣ обратившій на себя вниманіе искуствомъ рисованія, приглашенъ былъ Иларіемъ, намѣстникомъ Софійскаго монастыря для производства нѣкоторыхъ работъ въ древнѣйшемъ храмѣ Ярослава. Проходя сіе послушаніе, или какъ онъ выражается, obsequia, *Мигура* принялъ монашество, сохранивъ впрочемъ прежнее имя свое *Іоанна,* и 1704 года возведенъ былъ въ званіе архидіакона; черезъ два года послѣ сего, въ честь и память своего благодѣтеля Иларія, *Мигура* принялъ имя *Иларіона.* Въ 1710 году онъ назначенъ былъ игуменомъ батуринскаго Крупицко-Николаевскаго монастыря,—но что потомъ съ нимъ сталось, и гдѣ онъ скончался—неизвѣстно. Изъ уцѣлѣвшихъ рисунковъ *Мигуры* открывается дивный, художественный талантъ, подобнаго которому не было тогда во всей Россіи. Не говоря уже объ

изобрѣтеній, показывающемъ въ художникѣ огромную начитанность и самое блестящее воображеніе, не говоря о богатствѣ вымысла, всегда смѣлаго, и при всемъ томъ скромно-христіанскаго,—самое исполненіе глубоко задуманныхъ имъ картинъ поражаетъ опытнаго знатока необыкновенною легкостію, вѣрностію и отчетливостью въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Одно только роняетъ нѣсколько высокое достоинство ихъ: это отсутствіе строгой перспективы, но и то не на столько, чтобъ фигуры казались нагроможденными одна на другую. *Мигура,* кромѣ сего, былъ и поэтомъ своего времени; къ каждой картинѣ онъ присоединялъ надписи, которыя хоть и не такъ художественны, какъ его картины: но все же далеко выше тѣхъ стиховъ, которые читала Русь черезъ десятки лѣтъ[446]. За то посвященія, писанныя имъ на языкѣ латинскомъ, превосходны какъ по мыслямъ, такъ и по слогу, и быть не можетъ, чтобы такой человѣкъ въ пору своего игуменства не былъ отличнымъ проповѣдникомъ! Изъ приводимыхъ имъ въ безчисленномъ множествѣ текстовъ, приспособительно къ тому или другому положенію лицъ, изображаемыхъ на картинахъ, можно видѣть, какъ хорошо зналъ онъ Свящ. Писаніе, какъ тепла была душа его, и какъ умѣлъ онъ пользоваться словомъ божественнымъ къ назиданію и вразумленію тѣхъ, кому подносилъ свои созданія. Искуство, какъ видно, было задушевною страстію *Мигуры;* всякое событіе, выходившее изъ ряда обыкновенныхъ, возбуждало его художническій талантъ; всякая знаменитость являлась у него въ картинѣ, окруженная многозначительными аттрибутами. Можно сказать, что съ этой стороны рисунки *Мигуры* есть оживленная лѣтопись временъ давно-минувшихъ[447].

Прилуцкій Іероѳей родился 1682 года въ городѣ Немировѣ подольской губерніи и принадлежалъ къ дворянской фамиліи. При крещеніи онъ былъ нареченъ *Димитріемъ;* поступивъ въ кіевскую коллегію и окончивъ въ ней полный курсъ наукъ, *Прилуцкій* отправился вмѣстѣ съ благодѣтелемъ и по-

кровителемъ своимъ Варлаамомъ Косовскимъ въ Сибирь, гдѣ 1707 года принялъ монашество въ городѣ Тюменѣ и переименованъ въ *Дамаскина*, а при посвященіи въ санъ іеромонаха, по желанію своего благодѣтеля Косовскаго, бывшаго тогда епископомъ иркутскимъ, наречёнъ *Іероѳеемъ*. Въ 1718 году онъ былъ назначенъ флотскимъ іеромонахомъ, и черезъ три года, по возвращеніи изъ экспедиціи, пожалованъ въ совѣтники св. Синода и архимандритомъ Новоспасскаго московскаго монастыря. *Прилуцкій* скончался 28 октября 1728 года[448].

Прокоповичъ Ѳеофанъ II, явившійся уже передъ нами, какъ учитель той Академіи, гдѣ такъ недавно самъ былъ ученикомъ. Удивительна вообще быстрота въ перемѣнѣ судьбы его. *Прокоповичъ* родился 8 іюня 1681 года отъ кіевскаго мѣщанина, и при крещеніи нареченъ былъ *Елеазаромъ*. Въ дѣтствѣ лишившись родителя, онъ поступилъ на воспитаніе къ родному своему дядѣ іеромонаху Ѳеофану Прокоповичу, бывшему тогда ректоромъ коллегіи. *Елеазару* было всего три года: но съ каждымъ мѣсяцемъ показывались въ немъ отпрыски того могучаго ума и несокрушимой воли, которыми въ послѣдствіи изумлялъ онъ всѣхъ своихъ современниковъ. Достигнувъ отрочества, онъ поступилъ въ низшіе классы училища, и еще разъ остался сиротой, лишившись, на осьмомъ году своего возраста, благодѣтеля — дяди. Какой-то кіевскій мѣщанинъ, имя котораго остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, взялъ мальчика къ себѣ на воспитаніе, и далъ ему возможность продолжать начатое ученіе. Семнадцати лѣтъ отъ роду *Елеазаръ Прокоповичъ* уже окончилъ полный курсъ академическихъ наукъ: но жажда къ познаніямъ только что разгорѣлась въ немъ. Въ 1698 году онъ поѣхалъ въ Литву, и встрѣтивъ препятствіе въ исповѣдуемой имъ греческой вѣрѣ, назвался уніатомъ, и даже вступилъ въ братство витебскаго базиліанскаго монастыря, подъ именемъ *Елисея,* — все это для того, чтобъ имѣть возможность еще разъ выслушать курсъ высшихъ наукъ. Настоятель отправилъ его

въ волынское владимірское училище, находившееся при каѳедральномъ монастырѣ уніатскаго епископа. Блистательные успѣхи въ наукахъ скоро обратили на него вниманіе всего училищнаго начальства, и *Елисей* изъ ученика сдѣлался учителемъ поэзіи и реторики. Черезъ нѣсколько времени провинціалъ базиліанскаго ордена отправилъ *Прокоповича* вмѣстѣ съ другими канониками въ римскую академію для изученія философскихъ и богословскихъ наукъ. Три года пробылъ онъ тамъ, исполняя всѣ обязанности, сопряженныя съ принятымъ имъ званіемъ: но пылкость характера *Прокоповича* была причиною того, что секретъ его обнаружился, и мнимый *Елисей* долженъ былъ бѣжать черезъ Венецію и Австрію въ Польшу. Прибывъ въ православный почаевскій монастырь, онъ принялъ монашество съ переименованіемъ въ *Самуила*. Спустя нѣсколько времени, *Прокоповичъ* былъ приглашенъ въ Кіевъ митрополитомъ Варлаамомъ, который лично зналъ необыкновенныя его способности, и 1704 года опредѣлилъ его въ Академію учителемъ піитики. Въ слѣдующемъ году *Прокоповичъ* принялъ имя *Ѳеофана*, въ память своего покойнаго дяди, и съ тѣмъ уже остался до своей смерти. Возведенный въ 1707 году въ званіе префекта Академіи, *Прокоповичъ*, сверхъ своего предмета, преподавалъ еще геометрію. Рѣчь, произнесенная имъ Петру I, и похвальное слово всемогущему любимцу царя Меньшикову довершили возвышеніе *Ѳеофана*. Въ 1711 году онъ сопутствовалъ Государю въ Молдавію, и былъ свидѣтелемъ достопамятныхъ событій, произшедшихъ при р. Прутѣ; тотчасъ же послѣ этого *Прокоповичъ* былъ именованъ игуменомъ кіево-братскаго монастыря, и вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ Академіи.

Но преобразователю Россіи скучно стало безъ своего любимца. Въ 1716 году *Ѳеофанъ* уже былъ снова въ Петербургѣ, гдѣ во все время путешествія Государя занимался проповѣданіемъ, и черезъ два года нареченъ былъ епископомъ псковскимъ и нарвскимъ съ правомъ носить саккосъ, что тогда почиталось

особеннымъ монаршимъ благоволеніемъ, ибо епископы облачались въ священническія ризы только съ омофоромъ[449]. Съ этой поры *Прокоповичъ* становится болѣе министромъ, чѣмъ святителемъ Церкви. Въ 1719 году онъ составляетъ *Духовный Регламентъ;* въ 1721 садится вице президентомъ св. Синода; въ 1722 сочиняетъ *Уставъ о монахахъ и училищахъ,* также о *новомъ распоряженіи всей Россійской Іерархіи,* — и все это Петръ I скрѣпляетъ и утверждаетъ своимъ подписомъ. Въ 1724 году выходитъ Высочайшій указъ о распоряженіи монастырскихъ доходовъ; *Прокоповичъ* составляетъ по этому случаю іерархическіе штаты, и пріобрѣтаетъ такое довѣріе государя, что Петръ Великій, не смотря на то, что *Прокоповичъ* былъ моложе многихъ іерарховъ въ Россіи, повелѣваетъ ему совершить священный обрядъ коронованія Екатерины I. Но съ кончиною Великаго рушились многіе изъ обширныхъ плановъ и предначертаній *Прокоповича.* Дѣйствительно, не могъ послѣ этого не вырваться изъ души его тотъ вопль, которымъ такъ поразилъ онъ всѣхъ при отпѣваніи Державнаго благодѣтеля своего: »что се есть? »До чего мы дожили, о Россіяне? Что мы видимъ? Что дѣ»лаемъ? Петра Великаго погребаемъ«!...

Наступили часы томительнаго ожиданія: кто приметъ державу, бывшую въ такихъ мощныхъ рукахъ? *Θеофанъ* бывшій при послѣднихъ минутахъ императора, рѣшилъ дѣло: Екатерина I взошла на престолъ, а *Прокоповичъ* въ томъ же году возведенъ на мѣсто Θеодосія въ степень архіепископа новгородскаго и первенствующаго члена св. Синода. Дѣйствуя за одно съ Меньшиковымъ, управлявшимъ тогда кормиломъ государства, *Θеофанъ* двигалъ тайныя пружины государственной политики. Кончина императрицы Екатерины I (1727 г.) еще болѣе запутала *Прокоповича* въ придворныя интриги; согласно завѣщанію, представленному Меньшиковымъ отъ имени Императрицы, *Θеофанъ* обручилъ наслѣдника престола Петра II съ дочерью Меньшикова: но черезъ пять мѣсяцевъ онъ же самъ, сидя въ своемъ

кабинетѣ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ развязки великой драмы паденія Меньшикова. Трудно было выпутаться изъ такихъ сѣтей, какими самъ себя окружилъ *Прокоповичъ:* но трудно для другаго, а не для него. Сразу постигнувъ характеръ Петра II и уступивъ могуществу новыхъ пѣстуновъ его Долгоруковыхъ, *Θеофанъ* пышнымъ пріемомъ и забавами, устроенными для юнаго императора, заставилъ его забыть все прежнее, и въ 1729 году снова совершалъ обрученіе его съ княжною Долгоруковою. Неожиданная кончина Петра II разрушила всѣ планы его пѣстуновъ, и *Θеофану* предстали заботы большія прежнихъ. Онъ уже удаленъ былъ Долгоруковыми отъ совѣщаній; слѣдовательно, тутъ искать было нечего. Попробовавъ явно оказать свое усердіе къ избранной Верховнымъ Совѣтомъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ совершеніемъ торжественнаго молебствія, имъ самимъ сочиненнаго, и получивъ на это запрещеніе, *Θеофанъ* тайно отправилъ въ Митаву нарочнаго съ увѣдомленіемъ о дерзкихъ замыслахъ вельможъ, и спокойно сталъ ожидать развязки этого государственнаго переворота. Онъ даже согласился на прибавку въ присягѣ къ слову: *Государынѣ*, другаго слова: *и отечеству.* Анна Іоанновна прибыла; актъ былъ уничтоженъ; крамольные честолюбцы истреблены, а *Θеофанъ,* короновавшій Государыню, пріобрѣлъ такую отъ нея довѣренность, какой еще не имѣлъ никогда отъ вѣнценосныхъ своихъ покровителей... Но пришелъ конецъ и его многомятежной жизни; въ устрашающихъ образахъ проходили предъ нимъ минувшія событія, и готовясь предстать суду Божію, онъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу, произнесъ: »о главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь«?... 8 сентября 1736 года *Θеофанъ Прокоповичъ* скончался. Прахъ его покоится въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ въ ризничной палатѣ[450].

Опустимъ завѣсу на дѣйствія *Θеофана* противъ благороднотвердаго и нельстиваго Стефана Яворскаго, противъ добраго и благодушнаго Θеодосія Яновскаго[451], противъ нетрепетнаго рев-

нителя православія Ѳеофилакта Лопатинскаго и другихъ многихъ невинныхъ страдальцевъ... *Прокоповичъ* хитрый и дальновидный, умѣлъ устоять и удержать все вліяніе въ такую эпоху, когда знатнѣйшіе дѣятели на поприщѣ политическомъ кончали жизнь свою въ снѣгахъ Сибири; когда отъ пытокъ и тѣлесныхъ наказаній не избавляли ни личныя достоинства, ни высокій санъ. Постигнувъ своимъ многообъемлющимъ умомъ всю ткань преобразованій Петра, онъ содѣйствовалъ ему во всемъ, какъ ближайшій министръ, и приносилъ въ жертву даже то, что обязанъ былъ хранить и оберегать, какъ служитель алтаря Господня[452]. За всѣ дальнѣйшія свои дѣйствія въ томъ мірѣ, въ какомъ *Ѳеофанъ* вращался, онъ самъ себѣ произнесъ приговоръ въ послѣднія минуты своей бурной жизни[453].

Пуцекъ-Григоровичъ Веніаминъ одинъ изъ первыхъ учителей казанской школы, и потомъ знаменитый іерархъ Церкви русской. Онъ родился въ Кіевѣ и въ мірѣ назывался *Василіемъ*. Въ 1733 году, по требованію Иларіона, архіепископа казанскаго, выслано было нѣсколько отличнѣйшихъ воспитанниковъ Академіи, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежало *Григоровичу*, давно уже состоявшему на училищной службѣ при Академіи, въ званіи іеромонаха. По прибытіи въ Казань, онъ нашелъ училище только что устроиваемымъ, а науки еще вовсе не введенными. Содѣйствуя своими трудами и заботами скорѣйшему образованію школы, *Григоровичъ* имѣлъ удовольствіе видѣть успѣхъ своихъ неутомимыхъ хлопотъ, и когда въ отстроенный нижній этажъ училищнаго зданія переведены были ученики изъ Зилантова монастыря, молодой профессоръ открылъ 1739 года философскія лекціи[454]. Въ 1744 году *Григоровичъ* опредѣленъ ректоромъ и архимандритомъ Спасо-преображенскаго монастыря, а черезъ четыре года рукоположенъ въ епископа нижегородскаго. Въ 1753 году переведенъ въ тверскую епархію; черезъ пять лѣтъ во псковскую, черезъ три года пожалованъ архіепископомъ с.-

петербургскимъ, а въ 1762 году казанскимъ. Двадцать лѣтъ управлялъ онъ той епархіей, которой нѣкогда принесъ первые плоды своего высокаго образованія, и имя *Веніамина* для казанской академіи пребудетъ вѣчно памятнымъ, точно также, какъ имена Могилы и Рафаила Заборовскаго для Кіевской. Его заботливости она обязана всѣмъ тѣмъ благосостояніемъ, которымъ пользовалась и пользуется доселѣ. И на одрѣ смертномъ не забылъ онъ своего училища, отказавъ ему всю свою библіотеку. Сей пастырь, вѣрою и правдою служившій Церкви и отечеству, имѣлъ однакожъ несчастіе быть оклеветаннымъ предъ Государыней во время бунта пугачевскаго. По доносу сообщника самозванцева, Ильи Аристова, къ *Веніамину* приставлена была стража, два члена слѣдственной тайной коммисіи неотлучно находились при немъ, не допуская никого, и даже не позволяя ему ни съ кѣмъ переписываться. Параличный ударъ едва не прекратилъ его жизнь. Къ счастію *Веніамина*, слѣдователи надъ нимъ были люди разумные и осторожные; они донесли Государынѣ, что архіепископъ казанскій не причастенъ постыдной измѣнѣ, »обнесенъ и страждетъ невинно, двадцать »пять лѣтъ неусыпно пасетъ стадо свое, являя оному примѣръ »добродѣтели, вѣры и вѣрности«. Императрица тотчасъ же успокоила встревоженнаго пастыря, пожаловавъ его 1775 года митрополитомъ. »Къ крайнему удовольствію моему, писала »Екатерина въ своемъ рескриптѣ: узнала я, что невинность »вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте по»чтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да бу»детъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжест»вующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, »кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволив»шей васъ прославить по несчастнымъ и смутнымъ обстоятель»ствамъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу, а »я съ отмѣннымъ доброжелательствомъ есмь и проч.« Митрополитъ *Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ*, обремененный лѣтами и пятидесятитрехлѣтней службой, въ 1782 году уволенъ на по-

кой, и отшелъ въ седмиезерную казанскую пустынь, гдѣ въ скоромъ времени и скончался[455].

Радышевскій Маркеллъ, первый ректоръ новгородской семинаріи. Въ 1741 году онъ принялъ въ полное свое распоряженіе училище, изключенное епископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ изъ вѣдомства Розряда и Казеннаго Приказа новгородскаго архіерейскаго дома, а въ слѣдующемъ году былъ пожалованъ епископомъ корельскимъ и ладожскимъ, коадъюторомъ новгородскаго архіепископа: но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался и погребенъ въ Юрьевскомъ монастырѣ въ паперти соборной церкви[456].

Рогалевскій Иларіонъ. До 1728 года онъ былъ игуменомъ лубенскаго Мгарскаго монастыря и потомъ назначенъ архимандритомъ московскаго Донскаго. Апрѣля 1732 года *Рогалевскій* былъ хиротонисанъ въ архіепископа казанскаго, и по прибытіи въ епархію въ слѣдующемъ же году занялся образованіемъ правильной школы. Имъ положена основа тому заведенію, которое нынѣ извѣстно подъ именемъ академіи казанской. На первый разъ *Иларіонъ* открылъ славяно-латинскія школы въ Зилантовѣ монастырѣ, гдѣ первыми учителями были вызванные имъ студенты Кіевской Академіи Василій Пуцекъ-Григоровичъ и Стефанъ Гловацкій. Въ 1735 году архіепископъ *Иларіонъ* былъ переведенъ въ Черниговъ: но по трехлѣтнемъ управленіи сею епархіей отошелъ на пребываніе въ Кіево-печерскую Лавру, и кончилъ тамъ послѣдніе дни свои[457].

Сморжевскій Ѳеодосій. Въ 1743 году онъ, въ званіи іеромонаха Кіево-михайловскаго монастыря, былъ посланъ въ пекинскую миссію, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ возвратился оттуда въ Петербургъ вмѣстѣ съ Гервасіемъ Линцевскимъ.

За труды свои *Сморжевскій* былъ пожалованъ архимандритомъ сѣвскаго Троицкаго (нынѣ женскаго) монастыря, гдѣ въ 1758 году и скончался. Будучи еще въ Пекинѣ, *Сморжевскій* составилъ обстоятельную исторію россійской пекинской миссіи и всѣхъ бывшихъ тамъ нашихъ миссіонеровъ: но къ сожалѣнію, это въ высшей степени любопытное сочиненіе не было напечатано[458].

Тихорскій Епифаній, увѣковѣчившій свое имя основаніемъ харьковскаго коллегіума. Рукоположенный въ 1722 году изъ архимандритовъ Благовѣщенскаго нѣжинскаго монастыря въ епископа курскаго и бѣлгородскаго, *Епифаній* въ томъ же году открылъ въ Бѣлгородѣ училище: но упрошенный генералъ-фельдмаршаломъ княземъ М. М. Голицынымъ и бывшимъ тогда генералъ-губернаторомъ Украйны генералъ-майоромъ Ѳ. В. Шидловскимъ, и не желая терять такихъ сильныхъ пособниковъ себѣ, онъ перенесъ свою школу въ Харьковъ. Голицынъ на первый разъ снабдилъ вновь открытое училище вотчинами, подаривъ ему село Песочки со всѣми хуторами, а Шидловскій уступилъ каменный, недостроенный впрочемъ домъ свой, который потомъ уже докончилъ самъ *Епифаній,* пристроивъ къ нему нѣкоторыя необходимыя для училища службы, и сверхъ того приписалъ къ училищу бывшую приходскую о двухъ престолахъ Покровскую церковь. Въ 1731 году Государыня Анна Іоанновна утвердила коллегіумъ высочайшею граматою, повелѣвая »учить въ немъ всякаго народа и званія дѣтей право»славныхъ не только піитикѣ, реторикѣ, но и философіи и бо»гословіи, славено-греческимъ и латинскимъ языки; такожде »стараться, чтобъ такія науки вводить на собственномъ россій»скомъ языкѣ и преподавать ученіе съ усерднымъ тщаніемъ, »ревностію и радѣніемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ св. »восточныя Церкви исповѣданія«. Высочайше утвержденный въ званіи протектора новоустроенной школы »яко первый строитель оной«, *Епифаній,* выписавъ изъ Кіева студентовъ на учи-

тельскія должности, немедленно открылъ классы, и не далѣе какъ черезъ четыре года въ коллегіумѣ были уже преподаваемы не только языки — славянскій, греческій и латинскій, но и піитика и реторика и философія; а въ 1731 году открытъ и классъ богословія. Къ великому сожалѣнію, въ семъ же самомъ году іюля 2 *Епифаній* скончался, оставивъ по себѣ вѣчную память, какъ ревностный покровитель просвѣщенія, »особливымъ попеченіемъ и тщаніемъ« обратившій на себя Высочайшее вниманіе самой Императрицы[459].

Туробойскій Іосифъ, бывшій первымъ префектомъ московской академіи. Въ 1704 году онъ принималъ участіе въ торжественной встрѣчѣ Петра Великаго, возвращавшагося въ Москву, по завоеваніи Лифляндіи, для чего составилъ особенный церемоніалъ съ разными привѣтствіями. Тоже самое сдѣлалъ *Туробойскій* въ честь вѣнценоснаго побѣдителя послѣ полтавской битвы. Для объясненія картинъ, эмблемъ и надписей на латинскомъ, греческомъ и русскомъ языкахъ онъ составилъ цѣлую книгу. Въ 1708 году *Туробойскій* былъ назначенъ архимандритомъ Симонова московскаго монастыря; дальнѣйшая же судьба его неизвѣстна[460].

Шпаковскій Савва въ 1739 году изъ архимандритовъ нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря былъ посвященъ въ архіепископы архангелогородскіе, а черезъ годъ переведенъ въ Коломну, гдѣ по девятилѣтнемъ управленіи епархіей 29 іюля 1749 года скончался[461].

Юшкевичъ Амвросій первоначальное воспитаніе получилъ въ польскихъ школахъ, и потомъ для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ поступилъ въ Кіевскую Академію. По окончаніи курса, *Юшкевичъ* вступилъ въ монашество

и проходилъ въ низшихъ школахъ званіе учителя синтаксимы; за тѣмъ былъ опредѣленъ въ старшіе виленскаго Святодухова монастыря, а въ 1734 переведенъ въ московскій Симоновъ. Черезъ два года онъ былъ рукоположенъ въ епископа вологодскаго, а 29 мая 1740 года назначенъ въ Новгородъ. Къ прибытію *Амвросія* въ епархію состоялся Высочайше утвержденный 24 мая того же года штатъ для новгородской семинаріи. *Амвросій* ревностно принялся за исполненіе того, что такъ согласно было съ его собственными желаніями. Немедленно отдалъ онъ приказъ выбрать изъ бывшей до того времени при архіерейскомъ домѣ школы понятнѣйшихъ и успѣшнѣйшихъ учениковъ, и составить изъ нихъ первый семинарскій курсъ. Хотя же въ регламентѣ и предположено было завести училище въ хутынскомъ монастырѣ: но поелику онъ слишкомъ удаленъ отъ города, то *Амвросій* рѣшился открыть семинарію въ ближайшемъ Антоніевѣ монастырѣ и префектомъ оной опредѣлилъ *Иннокентія Мигалевича*[462]. Это тоже былъ воспитанникомъ Кіевской Академіи, и высланъ сюда Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. *Мигалевичъ* былъ однимъ и единственнымъ учителемъ вновь образовавшейся школы и вмѣстѣ съ этимъ публичнымъ катихизаторомъ. Но *Амвросій* самъ бодрствовалъ надъ любимымъ своимъ училищемъ; онъ вызвалъ изъ Кіевской Академіи на учительскую должность двухъ студентовъ: *Ямницкаго* и *Миткевича* и началъ въ тоже время постройку семинаріи, примѣняясь къ образцу родныхъ ему, по воспитанію, школъ кіевскихъ, и кромѣ того принялъ на свой счетъ содержаніе нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ учениковъ. Въ одинъ годъ *Амвросій* поставилъ свое училище на надлежащую степень, и радовался всей душой, когда питомцы его представляли, въ присутствіи Государыни Елисаветы Петровны, драму, сочиненную префектомъ семинаріи *Иннокентіемъ Миткевичемъ*. Недолго однакожъ блаженствовало училище подъ начальствомъ своего основателя, покровителя и благодѣтеля. *Амвросій Юшкевичъ* скончался 17 мая 1745 года. Но и по смерти своей онъ не

захотѣлъ разстаться съ залогомъ своихъ просвѣщенныхъ трудовъ и заботъ: вмѣсто того, чтобъ почить въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ обыкновенно погребаются святители новгородскіе, *Амвросій* завѣщалъ похоронить себя въ паперти соборной церкви Антоніева училищнаго монастыря, гдѣ почиваетъ и нынѣ къ вѣчному воспоминанію воспитываемаго въ заведенномъ имъ училищѣ юношества[463].

КОНЕЦЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Лѣтопись, изд. 1767 г. въ С.-Петербургѣ, стр. 21.

2. Степен. кн. 1 глав. 40.

3. Math. Stryikowski Chronicon Polono-Lithano-Moscoviticum, издан. на польскомъ языкѣ въ Кенигсбергѣ 1582 г.

4. Лѣтопись Нестора стр. 106.

5. Ростовск. Лѣтоп. Спис. Новгор. Владык.

6. *Столповое* пѣніе, названное римскою церковію cantus planus, было пѣніе единогласное, речитативное, безъ кадансовъ или тактовъ, а только по однимъ акцентамъ и удареніямъ въ одну ноту, и чрезъ всю піэсу, какъ это можно слышать и до нынѣ въ греческихъ монастыряхъ на Востокѣ. Почти таковожъ было и пѣніе *демественное,* только въ немъ допускалось подпѣваніе другихъ пѣвцовъ или даже всѣхъ предстоящихъ въ церкви, либо въ тотъ же голосъ, либо одною только квинтою или басомъ (basse-continue) въ одинъ тонъ чрезъ всю исполняемую пьесу, или съ перемѣною не болѣе трехъ нотъ

7. Осмогласное пѣніе разумѣется здѣсь не симфоническое, а единогласное, съ различіемъ только напѣвовъ, изъ которыхъ четыре у Грековъ называются *прямыми* (toni recti), а другіе четыре *косвенными* или побочными (toni obliqui). *Трисоставное,* то есть трехголосное (trio) есть уже симфоническое, которое съ тѣхъ поръ долго употреблялось въ Россіи, подъ названіемъ *троестрочнаго,* пока не ввелось четырехголосное, осмиголосное, двѣнадцати и даже двадцатиголосное.

8. Татищева Росс. Истор. томъ II. стр. 181.

9. Истор. Госуд. Россійск. томъ IV. стр. 10. изд. 1833 г.

10. Histor. Polon. Lib. IV. p. 649.

11. На эту лѣтопись ссылается и Карамзинъ въ Ист. Госуд. Рос. Томъ V. примѣч. 220.

12. Церковь эта называлась Успенскою Богородицкою; она была

на Подолѣ на такъ называемой Гнилой улицѣ, тамъ гдѣ нынѣ колокольня Покровской церкви. Опис. Кіевософ. соб. стр. 106.

13. Cromer. Lib. XX.

14. Dzieje królewstwa Polskiego. Tom. II. 168.

15. Въ выпискѣ Лосицкаго сказано, что Кириллъ Терлецкій былъ двоеженецъ, не соблюдалъ монашескихъ постовъ, убилъ маляра Филиппа, велъ преступную жизнь съ женою брата своего, давалъ у себя пристанище ворамъ, приносившимъ къ нему краденое, поддѣлывалъ монету. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій во всемъ этомъ обличилъ его: но Кириллъ за то поссорилъ его съ однимъ знатнымъ вельможею.

16. Митрополитъ Евгеній полагаетъ, что это былъ Ипатій Поцѣй. См. Опис. Кіевософ. собора стр. 137.

17. Памятники Времен. Коммис. въ Кіевѣ 1845 г. Томъ 1. стр. 224. См. Совѣтъ о благочестіи.

18. Кіевлянинъ 1840 г. стран. 90.

19. Опис. Кіевософ. собора стр. 151.

20. Памятники Томъ III. стр. 1.

21. Тамже стр. 28 и 29.

22. Тамже стр. 40.

23. Тамже стр. 87.

24. Тамже стр. 60.

25. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 150.

26. Истор. Рос. Іерархіи. Част. III, стр. 538.

27. Тамже стр. 441.

28. Описан. Кіевософ. собора стр. 151.

29. Изъ пригласительнаго посланія короля Казиміра Іоанна на люблинскій сеймъ видно, что это братство было въ цвѣтущемъ состояніи и въ 1679 году. Памятн. томъ 1. стр. 201.

30. Тамже стр. 212.

31. Подъ этимъ листомъ подписались слѣдующія лица, искони принадлежавшія православной Церкви: Димитрій *Балобанъ;* Андрей изъ Баража *Воронецкій;* Александръ *Зубцевскій;* Іезекіиль *Курцевичъ,* архимандритъ трехтемировскій; іеромонахъ *Исаакій,* Григорій *Ушакъ-Куликовскій;* Константинъ *Хорошко;* Христофоръ *Еловицкій;* Филонъ *Еловицкій;* Иванъ *Марковскій;* Иванъ *Виговскій;* Александръ *Пузина;* Андрей

Пузина; Лаврентій *Древинскій*; Абрамъ *Грабовецкій*; Михаилъ *Гулевичъ-Воютинскій*; Христофоръ *Кольчицкій*; Юрій *Кульчицкій*; Павелъ *Выборскій*; Павелъ *Друцкій*; Ѳома *Гуляницкій*; Иванъ *Исайковскій*; Яковъ *Гулевичъ-Воютинскій*; Иванъ *Банковскій*; Николай *Нападовскій*; Александръ *Немъричъ*; Александръ *Волковскій*; Семенъ *Гулевичъ-Воютинскій*; Иванъ *Гулевичъ*; Ѳедоръ *Гулевичъ-Воютинскій*; Иванъ *Волковскій*; Григорій *Черникъ*; Романъ *Гулевичъ*; Петръ *Гулевичъ*; Григорій *Баковецкій*; Михайло *Мышка-Холоневскій*; Григорій *Забокржицкій*; Адамъ *Свищовскій*; Петръ *Суринъ*; Павелъ *Щолгень*; Богданъ *Братковскій*; Андрей *Завадскій*; Григорій *Сенницкій*; Ѳедоръ *Кузмичъ*. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ подписались по польски и съ означеніемъ своихъ должностей. Тамже стр. 12.

32. Тамже стр. 13.
33. Тамже стр. 22.
34. Тамже стр. 28.
35. Тамже стр. 36.
36. Тамже стр. 123.
37. Тамже стр. 135.
38. Тамже стр. 149.
39 Тамже стр. 175.
40. Тамже стр. 178.
41. Тамже стр. 133.
42 Тамже стр. 139.
43. Триста злотыхъ. Тамже стр. 146.
44. Тамже стр. 204.
45. Исгор Росс. Іерарх. Част. IV. стр. 883.
46. Тамже. Часть III. стр. 440.
47. Pisma rozmaite Jana Śniadeckiego Tom. I. str. 1—121.
48. Опис. Кіевософ. собора стр. 119.
49. Тамже.
50. Тамже стр. 161 и Лѣтопись Зубрицкаго стр. 54 и 68.

51. Онъ посвященъ въ митрополиты 1577 года. Польскіе историки пишутъ, что Илія Куча, не пробывъ и года, самъ отказался отъ митрополіи. Опис. Кіевософ. соб. стр. 119.

52. Памятн. Томъ II. стр. 291 и 292.

53. См. въ Опис. Кіевософ. соб. прибавл. № 14. стр. 65. собственное письмо М. Рагозы къ кіевскому воеводѣ князю Константину Константиновичу Острожскому.

54. Опис. Кіевософ. собора стр. 127

55. Тамже стр. 128.

56. Тамже стр. 145.

57. Тамже стр. 146.

58. Тамже стр. 150.

59. Въ Исторіи Русск. Церкви (Пер. Патр. стр. 101) *Карповичъ* названъ воспитанникомъ острожскихъ училищъ. На чемъ основано такое свѣдѣніе — неизвѣстно. Въ цитованной тамъ граматѣ короля Владислава нѣтъ на это ни малѣйшаго указанія. Напротивъ, іеродіаконство *Карповича* въ Кіево-печерской Лаврѣ скорѣй можетъ привести къ тому заключенію, что и мѣстомъ воспитанія его былъ Кіевъ.

60. Mnemosyne stanu, pracy i trudów Piotra Mohiły. Остались только двѣ проповѣди *Карповича:* на Преображеніе Господне, и на Успеніе Пресв. Богородицы. Оба эти поученія составляютъ цѣлую книгу въ пятдесятъ четвертныхъ листовъ. Словарь историч Часть II. стр. 8

61 Тамже стр. 7. Неизвѣстно, почему *Карповичъ* не упомянутъ въ спискѣ епископовъ владимірскихъ авторомъ Исторіи Росс. Іерархіи.

62. Памятникомъ этого служатъ 1) *Казаніе на честномъ погребѣ блаженнаго мужа и превелебнаго отца Кирѣ Елиссея* (Плетенецкаго) и 2) *Омилія* (слово) на годичное поминовеніе его. Омилія эта есть цѣлый ученый трактатъ, изъясняющій a) что воспоминаніе и молитвы объ усопшихъ установлены въ Церкви со временъ апостольскихъ; b) что такое годовое поминовеніе, третины, девятины и сорочины, и c) какія побужденія къ сокрушенію и умиленію о усопшихъ и къ памятованію смерти и суда.

63. Исторія Русск. Церкви. Періодъ патріарш. стр. 108. Примѣч. 182.

64. Словарь Историч. Часть I стр. 187.

65. Преосв. Амвросій въ своей Исторіи Росс. іерарх. Томъ II. стр. 47, относитъ это къ 1617 году. Почему мы не принимаемъ этого мнѣнія, можно будетъ видѣть изъ послѣдующаго.

66. Въ исторіи Кіевской Академіи на стр. 29 сказано, что неизвѣстно, гдѣ обучался *Саковичъ*. Мы утверждаемъ, что онъ воспиты-

вался въ кіевскомъ училищѣ, во первыхъ на томъ основаніи, что, по свидѣтельству Мацѣіовскаго, онъ былъ первоначально домашнимъ учителемъ у Адама Кисѣля, почти постоянно проживавшаго въ Кіевѣ (См. Москвитянинъ за 1854 годъ № 2. Отдѣл. Смѣси стр. 199); во вторыхъ, что онъ написалъ вирши на смерть Сагайдачнаго, извѣстнаго благодѣтеля и покровителя кіевской школы. Опис. Кіевопеч. Лавры стр. 68.

67. Въ сочиненіяхъ *Транквилліона*, точно также какъ и въ другихъ книгахъ, печатанныхъ въ Кіевѣ и вообще въ малороссійскихъ типографіяхъ, найдено нѣчто сходное съ ученіемъ папистическимъ о пресуществленіи Евхаристіи. Споръ объ этомъ, особенно возбужденный Лихудами, произвелъ въ Москвѣ великое смущеніе. (См. Словарь историч. Част. I. стр. 237—240). По этому-то случаю св. Димитрій Ростовскій написалъ тогда: »оставляя въ Москвѣ мудрствовать гречес»кихъ или грѣко-латинскихъ учителей, мы, якоже научихомся отъ отецъ »нашихъ, тако исповѣдуемъ«. Истор. Русск. Церкви Періодъ патріарш. стр. 140. Примѣч. 247.

68. Словарь историч. Часть I. стр. 335.

69. Исторія Малороссіи Н. Маркевича Томъ I. стр. 151.

70. Тамже Томъ II. стр. 72 и 75.

71. Pamiętniki o dziejach, piśmienictwie i prawodawstwie Słowian. Maciejowski Tom. III. 455.

72. Тамже.

73. Книга эта хранится въ библіотекѣ Кіевософійскаго собора.

74. Каталогъ кіевскихъ митрополитовъ, напечат. въ Московскомъ Любопытномъ Мѣсяцословѣ на 1776 годъ.

75. Описаніе Кіевософ. собора стр. 154.

76. Такъ ограничивается это мѣсто въ записи Гулевичевой: »одною стороною къ улицѣ, которая ведетъ отъ рынка къ Днѣпру, мимо двора пана Василія Ходики Креницкаго, кіевскаго скарбнаго (казначея); другою также къ улицѣ, которая ведетъ отъ рынка къ Днѣпру, мимо двора мѣщанъ кіевскихъ, Христофора Золотаря и Петра Нечая; третьею стороною со входу отъ рынка ко двору Соленика; а четвертою заднею стороною къ огорожѣ двора покойнаго Ѳедора Миткевича, бывшаго бургомистра кіевскаго«. Это есть то самое мѣсто, гдѣ нынѣ существуетъ Академія.

77. Памятник. Томъ II. стр. 1.

78. Церковь эта была на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ новый академическій корпусъ. Исторія Кіевск. Академіи стр. 18.

79. Пэмятник Том II. стр 36.

80 Въ этой подписи ученѣйшаго мужа того времени слышенъ намекъ на введеніе новаго календаря, называемаго Грегоріанскимъ, отринутаго православными еще при митрополитѣ кіевскомъ Онисифорѣ Дѣвочкѣ и запрещеннаго тремя увѣщательными граматами константинопольскаго патріарха. Опис. Кіевософ. собора стр. 121.

81. *Камень воску* — двадцать четыре фунта.

82. Памятник. Томъ II. стр 42

83. Тамже стр. 54 и 55.

84. Тамже стр. 58.

85. Тамже стр. 59.

86. Тамже.

87. Тамже стр. 61.

88. Тамже.

89. Тамже стр. 62.

90. Тамже стр 63

91. Тамже стр 67

92. Тамже стр. 68.

93. Тамже Том. III. стр 7.

94. Тамже.

95. Тамже.

96. Тамже Том. II. стр 71.

97. Тамже Томъ III. стр. 11.

98. Тамже.

99. Тамже Томъ I. стр. 74.

100. Тамже стр. 76.

101. Тамже стр. 78.

102. Тамже стр. 116.

103. Тамже стр. 83 и 94.

104. Вѣроятно, дидаскала: но опиской или опечаткой этого принять нельзя, потому что слово *даскалъ* упоминается не одинъ разъ.

105. *Пенитархомъ* назывался кассиръ, который собиралъ сумму отъ бѣдныхъ учениковъ, поступавшихъ въ школу; названіе это произошло отъ словъ: *πένης*, бѣдный и *ἄρχων* начальникъ.

106. Памятник. Том. I. стр. 103.

107. Тамже стр. 114.

108. Тамже стр. 85.

109. Тамже стр. 115.

110. Тамже стр. 106.

111. Истор. Кіевск. Акад. стр. 129.

112. Бопланъ, состоявшій на службѣ королей польскихъ Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казиміра, въ своемъ описаніи Кіева говоритъ, что подъ горою на Подолѣ, между бернардинскимъ монастыремъ и рѣкою, до 1646 года стоялъ костелъ іезуитскій, училище котораго было подъ горою Уздыхальницею, пониже нынѣшней Андреевской церкви. См. Опис. Кіевософ. собора стр. 179.

113. Такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ поступокъ іезуитовъ Петръ Могила въ своихъ запискахъ.

114. Опис. Кіевософ. собора стр. 154.

115. Памятники Томъ II. стр. 51.

116. Тамже стр. 65.

117. Подъ симъ названіемъ, конечно, разумѣются низшія, приготовительныя школы. Опис. Кіевософ. собора стр. 155.

118. Описаніе этого креста можно видѣть въ Воскресномъ Чтеніи на 1840—41 годъ.

119. Памятникъ Томъ II. стр. 74.

120. Въ концѣ Уписа кіевскаго братства отъ 1616 по 1631 годъ сказано: »и прочіихъ въ братство безчисленныхъ вписавшихся«. Тамже стр. 48.

121. Сочиненіе Мелетія Смотрицкаго называется Werificacya niewinności, а книга Іова Justificacya niewinności.

122. Исторія Малороссіи Н. Маркевича Томъ I. стр. 114. Кромѣ попеченій и заботъ объ устройствѣ Кіевобратскаго училища, Сагайдачный въ завѣщаніи своемъ, 1622 года, отказалъ на луцкую школу 250 талеровъ. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 69. *Битый* талеръ стоилъ 91 грошъ, а такъ называемый талеръ *левковый* 81 грошъ.

123. Исторія объ Уніи. Соч. Бантышъ-Каменскаго стр. 77.

124. Къ сожалѣнію, могила Сагайдачнаго остается неизвѣстною. Вѣроятно, онъ былъ похороненъ близъ созданной имъ деревянной цер-

кви Богоявленія Господня: но когда строилась нынѣшняя каменная, то могила его вошла въ средину храма.

125. Козаки утопили въ Днѣпрѣ Выдубицкаго игумена Антонія Грековича, бывшаго генеральнымъ намѣстникомъ въ Кіевѣ и шпіономъ уніатскаго митрополита Велямина Рутскаго.

126. Описаніе Кіевософ собора стр 160

127. Сочиненія Смотрицкаго, кромѣ его граматики, относятся къ тремъ разнымъ эпохамъ; въ однѣхъ онъ является ревностнымъ защитникомъ восточной Церкви; въ другихъ хитрецомъ, желающимъ скрыть свое отступничество, а въ остальныхъ открытымъ противникомъ вѣры истинной. Къ *первому* разряду принадлежатъ a) Θρῆνος, to iest lament jedyney i Powszechney Apostolskiej Wschodniey Cerkwi, z obiaśnieniem Dogmat wiary. Wilno. 1610 (Θρῆνος, то есть плачъ единой Вселенской Апостольской Восточной Церкви, съ объясненіемъ догматовъ Вѣры); b) Weryficacya niewinności y omylnych po wszystkiey Litwie y Białey Rusi rozsianych żywot uczciwe cnego narodu Ruskiego o upad przyprawić zrądzonych Nowin chrześciańskie uprzątnienie (оправданіе невинности и христіанское опроверженіе мнѣній, разсѣянныхъ по всей Литвѣ и Бѣлоруссіи съ цѣлію унизить бытъ и честность добраго русскаго народа); c) Obrona Weryficaciey (Защита Оправданія) 1621 г: d) Appendix na Examen Obrony Weryficaciey (Прибавленіе къ разбору Защиты Оправданія) и e) Elenchus pism uszczypliwych, 1628 г. (Обличеніе ѣдкихъ сочиненій). Ко *второму* разряду относятся a) Apologia peregrinaciey do kraiow wschodnich 1618 г. (Оправданіе путешествія по землямъ восточнымъ); b) Considerationae abo uważania szeżciu różnic mędzy cerkwią wschodnią y zachodnią, strony wiary zasłych (Разсмотрѣніе или разборъ шести отличій, произшедшихъ въ религіозномъ отношеніи между восточною и западною церквами. 1629 г.); c) Listy do oyca Boreckiego i innych (Письма къ отцу Борецкому и къ другимъ 1628 г.); d) Protestatia przeciw Soborowi w tym roku 1628 we dni Augusta miesiąca w Kiiowie monasteru Pieczerskim obchodzonemu, uczyniona przez ukrzywdzonego na nim (Протестъ противъ Собора, состоявшагося въ августѣ мѣсяцѣ сего 1628 года въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, написанный оскорбленной имъ особой. Къ *третьему* разряду принадлежитъ одно сочиненіе, въ которомъ Смотрицкій выступилъ противъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ со всею яростію и повторилъ все, что только высказалъ прежде, только съ большимъ уже ослѣпленіемъ страсти. Оно

называется Exenthesis albo expostulatia to iest rosprawa między Apologią i Antidotem o ustanek błędów heresyi y kłamstw Zyzaniowych, Philaletowych, Orthologowych y klerykow uczyniona do oboiey strony narodu ruskiego. 1629. (Разсужденіе или показаніе остальныхъ заблужденій, ереси и клеветъ Зизаніевыхъ, Филалетовыхъ, Ортологовыхъ и Клериковыхъ, составленное для обѣихъ сторонъ народа русскаго).

128. Важное въ этомъ отношеніи свидѣтельство находимъ въ современной брошюрѣ Рутскаго, подъ заглавіемъ: Sowita wina (Сугубая вина), гдѣ пишется: »о Смотрицкомъ многое знаю и кое-что скажу, »остальное сохранивъ въ тайнѣ Онъ долго сносился съ нашими (уні»атскими) начальниками, при чемъ свидѣтелями были и нѣкоторые свѣт»скіе люди; обѣщался и самъ перейти къ намъ и паству свою тоже при»вести къ согласію съ нами«.

129. Въ описаніи отступничества Мелетія Смотрицкаго здѣсь есть значительная разность съ тѣмъ, что говоритъ объ этомъ митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ Томъ II. стр. 48 и въ Описаніи Кіевософ. собора стр. 161: но мы въ этомъ случаѣ предпочитаемъ держаться позднѣйшихъ разысканій, сдѣланныхъ г. Мацѣіовскимъ и основанныхъ на вѣрнѣйшихъ документахъ.

130. Москвитянинъ за 1854 годъ. Отд. Смѣси стр. 199.

131. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 68.

132. Описаніе Кіевософ. собора стр. 159.

133. Исторія Малороссіи Томъ I. стр. 122 и 125.

134. Памятники Томъ II. стр. 91.

135. Сочиненіе это называется *Λίθος* albo Kamien z pracy prawdy Cerkwie swętey prawosławnéy ruskiey. Изд. въ Кіевопеч. Лаврѣ. 1644 г. Оно имѣется въ печати и на русскомъ языкѣ. (Опис. рукописей графа Толстаго I. 323). Мацѣіовскій утверждаетъ, что авторъ этого сочиненія былъ нѣкто Евсевій Пименъ, православный іерей (Москвитян. 1854 г. № 20 въ отдѣл. Смѣси стр. 193) а митрополитъ Евгеній говоритъ, что оно написано Петромъ Могилой, избравшимъ себѣ такой псевдонимъ. (Словарь историч. Часть II. стр. 164). Кажется, что Мацѣіовскій тутъ не совсѣмъ правъ: сдѣлавъ вѣрное заключеніе по духу самаго сочиненія объ авторѣ, какъ о лицѣ православномъ и принадлежащемъ къ чину духовному, онъ ошибочно принялъ имена нарицательное и прилагательное за собственноличныя; отъ того у него изъ словъ: *εὐσεβὴς*

пол҃ипу, означающихъ *благочестивый пастырь*, вышелъ Евсевій Пиминъ. По этому мы за лучшее считаемъ въ этомъ случаѣ держаться мнѣнія митрополита Евгенія.

136. А тотъ дворъ лежитъ въ Кіевѣ подъ горою в Скольникахъ противъ церкви Рождества Христова. Памятн. Томъ II. стр. 292.

137. Тамже стр. 293.

138. Описаніе Кіевософ. собора стр. 165.

139. Исаія Кушинскій управлялъ училищемъ всего одинъ годъ.

140. Словарь Историч. Ч. II. стр. 205.

141. Надпись эта составлена по польски; здѣсь представляется она сполна:

W księgi sławy wieczystey drukarzie drukuycie,
Żałobnę epigraphę Tarasemu kuycie;
Żyli wy nim, gdy on żył, godna rzecz on wami,
Zmarły by żył z godnemi swoimi sprawami,
Księgi, ktory was obmioł z smieciska wnętrznego,
Przywrócił do ozdoby y szczęscia pierwszego:
Pozyteczne y z tymi bądzcie Tarasemu,
Ktorzy was dziś wartuie k pożytkowi swemu:
Mówcie: niech pozdrowiona ta będzie mogiła,
Która tak zacną w sobie osobę zakryła.

См. также Кіевлянинъ на 1840 г. стр. 159.

142. Авторъ Исторіи Русской Церкви (Періодъ патріарш. стр. 110) отдавъ справедливость Копыстенскому, Галятовскому и нѣкоторымъ другимъ, по его мнѣнію, большею частію воспитанникамъ не кіевскаго а другихъ училищъ, говоритъ: »далеко бѣднѣе этихъ даровитыхъ воспи»танниковъ той же кіевской школы: Тарасій Земка, Иннокентій Гизель«. Позволяемъ себѣ вѣрить въ этомъ случаѣ больше Петру Могилѣ, избравшему ихъ для посылки за границу, какъ даровитѣйшихъ воспитанниковъ, и потомъ, какъ »старшихъ изъ ученыхъ« опредѣлившему ихъ на почетное мѣсто проповѣдниковъ Лавры и за тѣмъ ректорами училища. Наконецъ и отзывы митрополита Евгенія намъ кажутся стоющими большей довѣренности.

143. Авторъ Исторіи Русской Церкви (тамже стр. 106 примѣч. 178) говоритъ, что Трофимовичъ и Коссовъ въ 1631 году вызваны были Петромъ Могилою изъ львовскаго братства въ кіевское. На чемъ ос-

новано такое показаніе, — неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, въ цитованной авторомъ записи, находящейся въ примѣч. къ описанію Кіевософ. собора отъ стр. 15 до 31 нѣтъ ни малѣйшаго на то намека. Всѣ поименованныя лица посыланы были за границу Петромъ Могилою еще до полученія имъ сана кіевопечерскаго архимандрита, значитъ до 1631 года. Митрополитъ Евгеній ясно говоритъ (Опис. Кіевософ. собора стр. 172) что Могила »избравъ съ согласія всего кіевскаго духовенства нѣсколько »молодыхъ монаховъ и бѣльцовъ, отправилъ въ *разныя* иностранныя »училища, для обученія словеснымъ и высшимъ наукамъ«. А гдѣ онъ могъ найти достаточно приготовленныхъ къ тому? Конечно, въ какомъ либо училищѣ, и всего вѣрнѣе—въ Кіевобратскомъ: ибо ему не за чѣмъ было обращаться въ другія, когда свое было тутъ же. Кромѣ того, извѣстно, что въ львовскомъ училищѣ кончилъ свое воспитаніе только одинъ изъ посланныхъ Могилою, именно Иннокентій Гизель, а прочіе, какъ собственно русскіе уроженцы, ѣздили далѣе за границу. Словарь историч. Часть I. стр. 198.

144. Памятник. Томъ II. стр. 17. Впрочемъ это не было непремѣннымъ закономъ, какъ это видно изъ актовъ, данныхъ въ послѣдствіи Петру Могилѣ, въ коихъ между прочимъ сказано, что преемникомъ ему, по управленію училищемъ, можетъ быть избираемъ и изъ »свѣцкаго стану и кондиціи«. Тамже стр. 111.

145. Тамже стр. 13.

146. Отъ глагола *σπεύδαιω*, studeo: учусь; отсюда *студенты*.

147. Исторія Малорос. Част. I. стр. 131.

148. Полное заглавіе сочиненія Исаіи Купинскаго слѣдующее: »Лѣствица духовнаго по Бозѣ иноческаго жительства, содержащая въ »себѣ тридцать три главы, тридцать три степени, трудолюбнѣ составлена въ пользу душевную усердствующимъ и внимающимъ постниче»скому жительству«. Есть и другое его сочиненіе называемое *Алфавитъ духовный*. Словарь историч. Часть I. стр. 212.

149. Мацѣіовскій говоритъ, что Петръ Могила былъ сынъ Валашскаго воеводы Іереміи. Москвитянинъ 1854 г. № 20 въ Смѣси стр. 196.

150. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 24.

151. Описаніе Кіевософ. собора стр. 166.

152. Тамже стр. 172.

153. Москвитянинъ тамже стр. 196.

154. *Стефанъ Зизаній*, братъ извѣстнаго Лаврентія Зизанія, написалъ. »Изложеніе о православной вѣрѣ короткимъ пытаньемъ и отповѣданьемъ для латвейшаго (удобнѣйшаго) выразумѣня христіанскимъ дѣтямъ«. См. о немъ Словарь историч. Часть II. стр. 3.

155. Этимъ *ортологомъ* былъ самъ же Смотрицкій, писавшій нѣкогда подъ этимъ псевдонимомъ. На одномъ польскомъ экземплярѣ Смотрицкаго сочиненія *Θρῆνος*, находящемся въ библіотекѣ львовскаго университета, при имени автора Theophil. Ortholog написано: verum nomen: Meletius Smotrickі. Библіограф. Іохера Томъ III. стр. 554.

156. Памятник. Томъ II. стр. 93 и далѣе.

157. Объ этомъ упомянуто и въ актѣ Кіево-Богоявленскаго Братства. Тамже стр. 105.

158. Не далѣе, какъ въ прошедшемъ столѣтіи, все пространство отъ Кіево-Подола до Лавры было покрыто густымъ лѣсомъ, изъ остатковъ котораго образовался нынѣ Царскій садъ; а Липки и теперь помнятъ старожилы, какъ непроходимую чащу.

159. И объ этомъ есть намекъ тамже.

160. Что они входили сначала съ словеснымъ представленіемъ, это видно изъ самаго акта, въ послѣдствіи ими даннаго.

161. На что намекали здѣсь актодатели — не совсѣмъ понятно. Вѣрнѣе всего, на ставропигію, какъ неприкосновенную собственность Братской Богоявленской церкви. См. граматы патріарха Θеофана Памятн. Томъ II.

162. Памятник Томъ II. стр 100—112.

163. Подъ сею граматою подписался собственноручно Исаія Купинскій митрополитомъ. Замѣчаемъ это для того, что нѣкоторые утверждаютъ, и между прочими преосвящ. Евгеній (Опис. Кіевософ. собора стр. 171) что Купинскій не былъ митрополитомъ. Этимъ они хотятъ оправдать поступокъ Петра Могилы, который и безъ того не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

164. Памятники. Томъ II. стр. 113.

165. Тамже стр. 141.

166. Въ Исторіи Кіевской Академіи акты эти названы проситель-ными листами стр. 37.

167. Памятник. Томъ II. стр. 143.

168. Тамже стр. 40.

169. Тамъ гдѣ нынѣ монастырская трапеза. См. Описаніе Кіевософ. собора стр. 173.

170. Она стояла рядомъ съ церковію св. Анны на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ новый академическій корпусъ. Тамже.

171. Ostrowski. Dzieje i prawa Kościoła Polskiego Tom. III. 466.

172. Описаніе Кіевософ. собора стр. 168—170.

173. Къ Братству Луцкому Могила писалъ пригласительную грамату, утверждая свое избраніе королевскою привиллегіей и волею патріарха константинопольскаго. Памятн. Томъ I. стр. 135.

174. Тамже стр. 137.

175. Впрочемъ въ граматѣ Владислава IV, данной по сему случаю Петру Могилѣ, сказано только: szkoły, seminaria, drukarnie, których oni byli in possessione, ztwerdzamy.

176. Ostrowski. ibidem. Tom. III. 485.

177. Описаніе Кіевософ. собора стр. 171.

178. Русская Истор. Устрялова Часть I. стр. 292 изд. 1849 г.

179 Описаніе Кіевософ. собора стр. 35.

180. Этотъ поступокъ Петра Могилы нимало не нарушалъ права ставропигіи, даннаго патріархомъ Θеофаномъ: ибо ставропигія принадлежала не монастырю, а только церкви, существовавшей въ то время.

181. Она была деревянная, двухъэтажная. См. Прибавл. къ описанію Кіевософ. собора стр. 213.

182. »Которое лежитъ, какъ сказано въ записи, противъ церкви Добраго Николы«. Памятник. Томъ II. стр. 293.

183. Тамже стр. 294.

184. Книжка эта называется такъ: Exegesis, to iest, Danie sprawy o szkołach Kiiowskich y Winnickych, w których uczą zakonnicy Religiey Greckiey, przez Wielebn. Oyca Sylwestra Kossowa, Elekta, episkopa Mscisławskiego, Mohilowskiego, przed wiekiem teraznieyszym w tychże szkołach przez trzy lata Professora napisane съ девизомъ изъ псалма CXVII: Libera me a calumniis hominum, ut custodiam mandata tua. Drukow. w Ławrze Pieczarskiey R. P. 1653.

185. Никольскій монастырь Доминикановъ послѣ переименованъ въ Петропавловскій. Это нынѣшняя Петропавловская церковь, при которой состоитъ и Духовная Семинарія.

186. Chodykiewicz in Commentario de rebus gestis in provincia Russiae ordinis Praedicatorum pag. 142, 143.

187. Древняя Крестовоздвиженская церковь стояла на площадкѣ, между нынѣшними Андреевской и Десятинной церквами и мѣстомъ, гдѣ домъ Анненкова. См. Чертежъ Стараго Кіева, прилож. къ Кіевлянину за 1840 годъ.

188. Памятник. Том. II. стр. 144.

189. Король Владиславъ IV издавалъ четыре раза конституціонныя граматы въ защиту православныхъ: въ 1635, 1638, 1641 и 1647 годахъ. См. Опис. Кіевософ. собора стр. 178.

190. Ciekawe opisanie Ukrainy Polskiey i rzeki Dniepru od Kiowa aż do mieysca, gdzie rzeka ta wrzuca się w morze, przez P. Beauplan, Indzyniera w służbie Królow Polskich Żygm. III. Wład. IV. Jana Kazimierza.

191. Рукописный подлинникъ этого руководства хранится донынѣ въ бібліотекѣ Кіевософійскаго собора. Вотъ настоящее его оглавленіе: Liber artis Poeticae, anno Domini 1637. Capita: I) De origine, dignitate et nomine poetarum. II) Quae materiae poetae, et quomodo dividitur poema. III) De aeropacia et ejus partibus. IV) De comedia et trahicomedia. V) De tragedia. VI) De bucolica et elegiaca poesi. VII) De linea poesi. VIII) De jambea et satirica poesi. IX) De epigrammate ejusque speciebus, nempe a) emblemmate, b) symbolis c) aenigmate d) logogriphis e) echone f) anagramatismo g) epitaphio, epicaedio, naenia h) colosso, pyramide, inscriptione vexillorum obelisco.

192. Отъ этого не свободны самые знаменитые наши проповѣдники и богословы, получившіе воспитаніе въ древней кіевской коллегіи. Такъ напримѣръ Сильвестръ Коссовъ на 10 страницѣ своего Патерика (1635 г.) желая возвеличить Кіевъ, говоритъ: mów Stentorea voce: Kiovia nostra coelum est, и вслѣдъ за тѣмъ пускается въ объясненія, сравнивая Печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ и проч.

193. Всѣ руководства по части реторики принадлежатъ эпохѣ послѣ-могилинской: но это нисколько не мѣшаетъ признать ихъ ближайшими, по характеру, къ тѣмъ, которыми пользовались воспитанники Могилы. Такимъ образомъ древнѣйшее изъ уцѣлѣвшихъ носитъ слѣдующее названіе: Subsidium Rhetoricum, variis refertum notatis, Roxolano Rhetori ad rostra Kiiovo-Mohilana oblatum, anno in subsidium generi humano oblati Oratoris Dei 1670. Руководство это состоитъ изъ трехъ частей: въ первой говорится о изобрѣтеніи (de inventione), во второй о расположеніи (de

dispositione) въ третьей о изложеніи (de elocutione). »Двѣ остальныя обыкновенныя части реторикъ, о памяти (de memoria) и о произношеніи (de pronunciatione) мы, говоритъ авторъ, оставляемъ, потому что память и произношеніе зависятъ болѣе отъ природы, чѣмъ отъ искуства«. Учебникъ этотъ наполненъ примѣрами, большею частію на латинскомъ, и индѣ на польскомъ языкахъ.—Второй, по времени, учебникъ озаглавливается такъ: Penuarium Tullianae Eloquentiae, ad usus politicos Roxolanae iuventuti in Collegio Kiiovo-Mohilano a reverendo Patre et Professore Rhetorices Ioasaph Krokowsky accommodatum, anno status humani restavrati 1683. Онъ раздѣляется на три части; въ первой предлагаются нѣкоторыя правила объ изображеніи; во второй показывается, какъ сочинять похвальныя рѣчи, а въ послѣдней, какъ располагаются всякаго рода сочиненія. Реторика эта, вся написанная на языкѣ латинскомъ, содержитъ въ себѣ множество примѣровъ и между прочимъ благодарственныхъ и похвальныхъ рѣчей Петру Могилѣ. Третье руководство называется: Rhetor Roxolanus ad mentem suae patriae eruditus, nobili iuventuti in Collegio Kiioviensi ad usum productus per fratrem Ioannicium Volanski anno 1683. Въ этомъ руководствѣ только двѣ части, въ которыхъ совмѣщено тоже, что и въ прежнихъ учебникахъ. См. Исторію Кіевск. Академіи стр. 63 и д.

194. Одинъ изъ такихъ учебниковъ, относящійся впрочемъ къ 1692 году, озаглавливается такъ: Tractatus praeternumerarius, hoc est, promptuarium Dialecticum, referens elementa Logices, resolutus in Collegio Kiiovo-Mohileano. 1692.

195. Памятник. Томъ I. стр. 248.

196. Что науки эти были преподаваемы въ древней коллегіи, это видно изъ печатной оды, поднесенной въ день Воскресенія Христова 1632 года Петру Могилѣ учениками Лаврской школы, по соединеніи ея съ Богоявленскимъ училищемъ. Эта ода озаглавлена такъ: »Геликонъ, то есть, »садъ умѣтности (просвѣщенія) осмь кореній вызволеныхъ (свободныхъ) »наукъ въ себѣ маючій, презъ пречестнѣйшаго его милости господина »отца Киръ Петра Могилу въ Россіи новофундованый и проч. За тѣмъ изчисляются эти коренія: »корень умѣтности першій—граматика, вто»рый реторика, третій діалектика; четвертый—ариѳметика; пятый—му»зыка; шестый—геометрія; седьмый—астрономія, восьмый корень и верхъ »всѣхъ наукъ умѣтности—ѳеологія«.

197. Исторія Уніи Б. Каменскаго стр. 69.

198. Въ Кіевософійской библіотекѣ находится учебникъ, по богословію, относящійся ко времени Петра Могилы. Онъ составленъ, безъ малѣйшаго измѣненія въ порядкѣ, по руководству Ѳомы Аквината, и былъ прочитанъ между 1642 и 46 годами.

199. Памятник. Томъ II. стр. 190.

200. Отмѣтки эти бывали слѣдующія: *s.* то есть scit — знаетъ; *ns* — nescit — не знаетъ; *er* — errabat — ошибался; *nt* — non totam, не весь урокъ; *pns* — prorsus nescit, вовсе не знаетъ; *nr* — non recitabat, не сдавалъ урока.

201. Учитель подписывалъ сверхъ этого на оккупаціи одобреніе или неодобреніе на языкѣ латинскомъ. Общеупотребительныя для этого слова были: bene, optime, elegantissime, или напротивъ: non male, male, pessime и проч.

202. Памятник. Томъ I. стр. 115.

203. См. предисловіе къ граматикѣ Зизанія. Словарь Истор. Част. II. стр. 2, а также Учебная книга Росс. Словесн. Греча Том. IV. стр. 648.

204. Что Смотрицкій былъ въ кіевской школѣ учителемъ, объ этомъ сказано въ Апологіи Коссова, хоть и неопредѣлено. Впрочемъ навѣрное можно положить, что время учительства Мелетія Смотрицкаго относится къ концу перваго десятилѣтія XVII вѣка: ибо въ 1615 году онъ жилъ въ Виленскомъ манастырѣ, а въ 1620 былъ уже архіепископомъ полоцкимъ.

205. Таково прибавленіе не бывалаго дотолѣ *предложнаго* падежа; установленіе двухъ глагольныхъ спряженій, основанныхъ на окончаніи втораго лица настоящаго времени изъявительнаго наклоненія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдовалъ Смотрицкому и Ломоносовъ, не измѣнилъ и Соколовъ, удержался частію и Востоковъ; за то Гречъ, увлеченный страстію къ преобразованію, совершенно спуталъ и затемнилъ эту важнѣйшую часть граматики.

206. Онъ приложенъ къ граматикѣ его, изданной въ Вильнѣ 1596 года.

207. Описаніе книгъ графа Толстаго № 60.

208. Авторъ Исторіи Русской Церкви (періодъ патріарш. стр. 106), утверждаетъ, что Памва Берында образовался во Львовѣ, какъ это показываютъ его собственныя слова: »пребывая иногда въ дому пресвѣт-

»ломъ благочестиваго пана Θеодора Болобана« и проч. (Строева опис. книгъ, издан. М. 1841 г. стр. 16); а митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ историческомъ (часть II стр. 150) пишетъ, что Берында постриженъ въ монашество въ Іерусалимѣ, гдѣ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ должностяхъ, что онъ пріѣхалъ оттуда въ Кіевъ въ началѣ XVII вѣка и опредѣленъ надзирателемъ въ лаврскую типографію. Митрополитъ Евгеній не говоритъ здѣсь ни слова о мѣстѣ воспитанія Берынды. Всего вѣроятнѣе, что Берында школьнымъ образомъ не воспитывался ни въ Кіевѣ ни въ Львовѣ. Онъ прибылъ въ Россію, конечно, уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ поступить въ первоначальныя школы, ибо, какъ замѣчаетъ Евгеній, Берында, *достигнувъ* сана іеросхимонашескаго (на что, конечно, требуется время), провелъ въ Іерусалимѣ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ должностяхъ; а что онъ »пребывалъ иногда въ дому Болобана«, то изъ этого отнюдъ не слѣдуетъ, что Берында и воспитывался во львовскомъ училищѣ. На пути къ Кіеву онъ останавливался во Львовѣ, былъ принятъ благочестивымъ и просвѣщеннымъ защитникомъ православія, какъ странникъ, и притомъ человѣкъ образованный, — вотъ и все, что можно вывести изъ собственнаго показанія Берынды. Да и нечему учиться ему было ни въ кіевскихъ, ни въ львовскихъ тогдашнихъ школахъ. Онъ и безъ того былъ высоко образованъ, ибо тотчасъ же по опредѣленіи своемъ въ Печерскую Лавру получилъ въ управленіе типографію — постъ, довольно важный по тому времени. Составленный имъ Словарь показываетъ, что Берында изучалъ языкъ русскій не за школьной скамьей, а дома, въ своей кельѣ надъ книгами свящ. Писанія и существовавшихъ тогда переводовъ отеческихъ твореній, да еще тамъ, гдѣ слышалось живое слово, простая молвь, обогатившая *синонимическими выраженіями его лексиконъ*.

209. Памятник. Томъ II. стр. 190.

210. Это самое подтверждено и граматою Петра Великаго, данною 1701 года 26 сентября. См. Памятник. Томъ II. стр. 330, 331.

211. Отъ глаголовъ caleo, calesco: *горячу* и facio *дѣлаю*. Впрочемъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, названіе калефакторовъ присвояемо было и надзирателямъ въ болѣе облагороженномъ смыслѣ.

212. .... które oddałem na Congregacią studentów Collegium mego. Памятник. Томъ II. стр. 166.

213. Лѣтописи Зубрицкаго стр. 81.

214. Исторія Малороссіи Маркевича. Часть I. стр. 156.

215. Тамже стр. 162.

216. Завѣщаніе это скрѣплено собственноручными подписями: самаго Петра Могилы, Адама Кисѣля, каштеляна кіевскаго; печатниковъ: Андрея Солтана, Андрея Ставицкаго, Даніила Голубя и Мелетія Красносельскаго; Василія Дворецкаго, полковника войска Запорожскаго, Филарета Губиневича, уставника печерскаго; Ананіи Куликовскаго, эконома Лавры; Ѳеодосія Оранскаго, соборнаго старца. Подъ этимъ завѣщаніемъ въ послѣдствіи подписался гетманъ Юрій Хмѣльницкій слѣдующимъ образомъ: »не уймуючи того права съ подписомъ рукъ и съ печатьми ихъ »милостей положенныхъ, еще ствержаю власною рукою Юрій Хмель»ницкій гетманъ войска Его Царскаго Величества Запорожскаго«. Душеприкащиками своими Могила назначилъ слѣдующихъ лицъ, издревле принадлежавшихъ къ православію: Александра Огинскаго, воеводу Минскаго; Адама Кисѣля, каштеляна кіевскаго; Богдана Стеткевича, каштеляна новгородскаго; другаго Огинскаго, бывшаго хорунжимъ великаго княжества Литовскаго; Ѳедора Проскуру-Сущанскаго, кіевскаго земскаго писаря, князя Николая Четвертинскаго и четырехъ другихъ лицъ, подписавшихъ только имена свои безъ прозванія. См. Памятник. Томъ II. стр. 149—181.

217. Превосходный примѣръ для всѣхъ нашихъ духовныхъ училищъ! Каждое изъ нихъ имѣетъ основателемъ своимъ какого либо архипастыря; каждому посылалъ Богъ благотворителей; въ каждомъ есть наставники, которымъ свыше суждено было in cathedra mori: чѣмъ же отблагодарить этихъ людей, какъ не молитвой о упокоеніи ихъ въ царствіи небесномъ? Пусть бы потомки стали предъ престоломъ Божіимъ съ возглашеніемъ вѣчной памяти тѣмъ, которые учили и питали отцовъ и дѣдовъ ихъ. День кончины іерарха, основателя училища, долженъ быть днемъ совокупнаго моленія воспитанниковъ о всѣхъ усопшихъ пастыряхъ, благодѣтеляхъ и наставникахъ училища. Тогда живые будутъ подвизаться еще съ большимъ рвеніемъ въ той отрадной увѣренности, что имена ихъ, какъ тружениковъ просвѣщенія, передадутся дальнему потомству, и молитвы Церкви, которой они были истинными служителями, не умолкнутъ о нихъ до конца вѣка. Какъ желательно, чтобъ мысль эта осуществилась самымъ дѣломъ во всѣхъ духовныхъ училищахъ православной Россіи!...

218. Впрочемъ Іерличъ въ дальнѣйшихъ своихъ разсказахъ представляетъ Могилу въ самомъ мрачномъ видѣ: но показанія его больше походятъ на клеветы, невѣроятны по своей крайней нелѣпости и не стоютъ никакого опроверженія.

219. См. примѣч. 215.

220. Памятник. Томъ II. стр. 153.

221. См. Труды Высочайше утвержд. Вольнаго Общества Любителей Русской Словесности. Часть VII стр. 117.

222. Словарь Историч. Часть II. стр. 159 и 160. Описаніе Кіевософ. собора стр. 175 и 176.

223. Описаніе Кіевософ. собора стр. 172.

224. Изъ проповѣдей *Оксеновича* уцѣлѣла только одна: »Казане »погрѣбовое надъ тѣломъ ясне освѣчоного князя Иліи Святополка на »четвертнѣ Четвертенскаго, ротмистра войска Кварцяного, Его Коро»левской милости презъ велебнаго господина отца и игумена монастыря »Братскаго, отправованное въ Тишоновче 1641 года«.

225. Митрополитъ Евгеній (Описаніе Кіевософ. собора прим. стр. 226) пишетъ, что *Оксеновичъ* опредѣленъ ректоромъ коллегіи 13 мая 1642 года и въ томъ же году переведенъ въ Выдубицкій монастырь. Это ошибка. *Оксеновичъ* принялъ ректорство въ 1640 году, ибо въ эту пору (7 іюня 1640 г.) на имя его, какъ игумена Кіево-Богоявленскаго, послѣдовала грамата короля Владислава IV. (Памятник. Томъ II. стр. 144). И опять въ вышеприведенной проповѣди своей, относящейся къ 1641 году, онъ ясно названъ Братскимъ игуменомъ, а извѣстно, что игумены эти были вмѣстѣ съ тѣмъ и ректорами коллегіи.

226. Сказаніе патріарха Нектарія, напечат. при книгѣ: »православное исповѣданіе вѣры«.

227. У митрополита Евгенія (Описаніе Кіевософ. собора стр. 226) сказано, что *Кононовичъ* ректорствовалъ съ 1643 по 1648 годъ. И это ошибка. Промежутка между ректорствомъ Оксеновича и Кононовича не могло быть такого значительнаго, и еще при самомъ Могилѣ; а что онъ въ 1647 и 48 году не былъ ректоромъ, это видно изъ самаго завѣщанія Могилина, въ которомъ ректоромъ наименованъ Иннокентій Гизель. См. Памятник. Томъ II. стр. 176.

228. Сочиненія св. Димитрія Ростовскаго. Ч. III. стр. 580,581,599.

229. Тамже стран. 578.

230. На счетъ времени кончины Иннокентія Гизеля есть значительное разногласіе. Въ надгробіи его ясно сказано: »здѣ опочиваетъ »яснепревелебный господинъ отецъ Иннокентій Гизель, трудолюбивый и »благоразумной, правленіе свое чрезъ двадесятъ семь лѣтъ и полчварта »мѣсяца, въ сей обители святой печерской имѣвшій архимандритъ, къ »вѣчнымъ же обителемъ преставившійся року 1683 мѣсяца ноемврія 18 »дня«. Соображая даже время служенія его, означенное въ семъ надгробіи, выходитъ, что показаніе кончины Гизеля тутъ вѣрно. Между тѣмъ митрополитъ Евгеній въ Описаніи Кіевософ. собора, стр. 227 и въ своемъ Словарѣ Историч. Часть I. стр. 198, а также и Амвросій въ Исторіи Росс. Іерархіи Часть II. стр. 49 относятъ кончину его къ 24 февраля 1684 года. Конечно, въ основаніе этого они взяли то, что св. Димитрій Ростовскій 24 февраля 1685 года сочинилъ и говорилъ на годичное поминовеніе Гизеля похвальное ему слово: но оно было сказано въ годъ *по погребеніи*, а не по кончинѣ, не по упокоеніи его. (Соч. св. Димитрія Часть III. стр. 574). Ничего нѣтъ мудренаго, что и этого знаменитаго человѣка отпѣвали окончательно также точно, какъ и Петра Могилу, съ торжественнымъ и полнымъ собраніемъ игуменовъ и архимандритовъ окрестныхъ монастырей, слишкомъ черезъ три мѣсяца. Точно въ такой же срокъ похороненъ и Могила, и однакожъ это не помѣшало автору Словаря отнести кончину его къ 31 декабря. На основаніи всего этого мы признаемъ надгробное означеніе времени смерти Иннокентія Гизеля болѣе правильнымъ.

231. Словарь Историч. Часть I. стр. 198.

232. Гизелю приписывается также: *Наука о тайнѣ св. покаянія, сирѣчь о правдивой и сакраментальной исповѣди* и *Истинная Вѣра* (Prawdziwa Wiara), написанная противъ іезуита Павла Боймы.

233. Сочиненія Галятовскаго суть слѣдующія: 1) *Ключъ разумѣнія*, гдѣ собраны поученія на всѣ господскіе и праздничные дни. 2) *Бесѣда Бѣлоцерковская* или разговоръ, бывшій 1663 года между Галятовскимъ и іезуитомъ Адріаномъ Пѣкарскимъ о церковномъ священноначаліи. 3) *Небо новое, съ новыми звѣздами сотворенное*, или сказаніе о чудесахъ Пресв. Богородицы. 4) *Мессія правдивый*, или разговоръ христіанина съ евреемъ о Мессіи. 5) *Скарбница* (сокровищница) *похвалы чудотворной иконы Богородицы Елецкой Черниговской*. 6) *Старая Церковь новой Церкви Римской исхожденіе Св. Духа отъ Отца*

единаго показуетъ. Сочиненіе это написано имъ противъ іезуита Боймы, написавшаго книгу: »Старая вѣра о власти папы римскаго и о исхожденіи Св. Духа«. 7) *Алфавитъ различныхъ еретиковъ* для наученія ихъ вѣрѣ православной. 8) *Отвѣтъ Грекороссійской Церкви Римлянамъ на книгу ихъ:* Фундаментъ вѣры. Это послѣднее сочиненіе принадлежало извѣстному своей ученостью и краснорѣчіемъ іезуиту Петру Скаргѣ, нашедшему наконецъ въ Галятовскомъ достойнѣйшаго себѣ соперника. 9) *Алкоранъ Магометовъ, отъ Когелета Христова разрушенный и ни во что обращенный.* 10) *Боги поганскіе* или о языческихъ богахъ. 11) *Души людей умерлыхъ* или Трактатъ о троякомъ состояніи душъ по смерти — на небеси, въ адѣ и въ мытарствахъ. 12) *Лебедь*— сочиненіе, въ которомъ раскрываются причины появленія и быстраго распространенія вѣры магометанской. Подробнѣе обо всемъ этомъ см. въ Словарѣ историч. Часть I. стр. 229 — 232.

234. Словарь Историч. Часть I. стр. 178.

235. Собственные переводы Славеницкаго суть слѣдующіе: 1) *Житіе св. Іоанна Златоуста.* 2) *Шесть словъ о священствѣ*—его-же. 3) *Пятдесятъ различныхъ словъ св. Григорія Назіанзена.* 4) *Шестодневъ* св. Василія Великаго. 5) *Четыре слова* св. Аѳанасія Александрійскаго *на Аріанъ.* 6) *Небеса,* или *Изложеніе Православныя Вѣры* препод. Іоанна Дамаскина. 7) Матѳея Властаря *Сокращеніе по алфавиту правилъ св. соборовъ и отецъ.* 8) *Правила св. Апостолъ и Климентовыхъ апостольскихъ завѣщаній, Соборовъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ и правилъ св. Отецъ,* пріемлемыхъ Восточною Церковію, съ Фотіевымъ Номоканономъ и толкованіемъ на оный Вальсамоновымъ. Это есть полнѣйшая славянская Кормчая Книга. 9) Константина Арменопула *Сокращеніе Божественныхъ и священныхъ правилъ и Градскихъ законовъ.* Эту книгу Славеницкій переводилъ въ другой разъ, по повелѣнію патріарха Никона, такъ какъ первый переводъ его погибъ во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ 1653 и 1654 г. моровой язвы. 10) *Космографія* часть первая, а вторая переведена Сатановскимъ Арсеніемъ. 11) *Предисловіе скрижали,* изданной 1655 г. патріархомъ Никономъ. Онъ же перевелъ и многія статьи этой книги. Изъ собственныхъ сочиненій Славеницкаго, кромѣ упомянутаго Греко-Славено-Латинскаго лексикона, извѣстны: 1) *Филологическій Лексиконъ,* или сводъ разныхъ мѣстъ изъ св. Отцевъ Греческихъ, объясняющій и опредѣляющій смыслъ

словъ и выраженій свящ. Писанія. 2) Небольшая книжка, въ вопросахъ и отвѣтахъ, о томъ, »достоитъ ли о святыхъ, сущихъ уже на небеси, »молитися намъ, да оставится имъ грѣхъ, или да упокоются со святыми »въ мѣстѣхъ свѣтлыхъ и зрятъ лице Божіе, и о насъ да молятся« 3) *Граматическія примѣчанія* на Символъ Вѣры, самимъ Епифаніемъ буквально переведенный съ греческаго. 4) *Разсужденіе о ученіи греческаго языка* и 5) множество бесѣдъ, поученій, каноновъ и проч.

236. Сотрудниками Славенцкаго въ дѣлѣ перевода и исправленія свящ. книгъ, кромѣ прибывшихъ съ нимъ изъ Кіева монаховъ, были: *Сергій*, игуменъ Путивльскаго Молчанскаго монастыря; *Евфимій*, монахъ Чудовскій, іерей *Никифоръ*, справщикъ печатнаго дѣла; *Моисей*, іеродіаконъ Чудова монастыря, *Михаилъ Родостамовъ* и *Флоръ Герасимовъ* книгописцы. »Симеону же Полоцкому, говоритъ старинная запись, не »изволи отецъ Епифаній у дѣла сего быти того ради, зане аще и ученъ »бѣ и знаяше нѣчто, но латински точію; гречески же ниже малѣйше »что либо знаяше«. Главнымъ предсѣдателемъ этого общества самимъ Государемъ назначенъ былъ Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій. Словарь историч Часть I. стр 180

237. Надъ могилою Славенцкаго положена слѣдующая надпись:

Проходяй человѣче! здѣ ставъ, да взираеши,
Дондеже въ мірѣ семъ обитаеши.
Здѣ бо лежитъ мудрѣйшій отецъ Епифаній,
Претолковникъ изящный священныхъ писаній,
Философъ и іерей въ монасѣхъ честный,
Его же да вселитъ Господь и въ рай небесный,
За множайшіи его труды въ писаніихъ,
Тщанно-мудрословные въ претолкованіихъ
На память ему да будетъ
Вѣчно и не отбудетъ.

238. Первая книга, переведенная *Сатановскимъ* съ латинскаго на славянскій была: *о градѣ Царскомъ* или описаніе Константинополя. 2) *О чинахъ царства Греческаго и великія церкви Константинопольскія* соч. Георгія Кодина. Въ *Аѳологіонѣ си есть Цвѣтословіи* помѣщены слѣдующія переводныя статьи Сатановскаго: a) *Житія*: св. великомученицы Екатерины, Ѳеодора Стратилата и Алексѣя, человѣка Божія. b) *Главизна* Максима исповѣдника. c) *Четверострочіе* Григорія Богослова и d) *Молитва къ Богородицѣ*, стихотвореніе Димитрія Кантакузена.

239. Сочиненія Лазаря Барановича относятся къ тремъ разрядамъ: гомилетическому, историческому и стихотворному. Къ первому разряду принадлежатъ: 1) *Трубы Словесъ* или поученія на праздники Господскіе, Богородичные и различныхъ святыхъ цѣлаго года. 2) *Мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій,* также собраніе разныхъ бесѣдъ и поученій. 3) *Слово благодарственное* Господу Іисусу Христу. 4) *Новая мѣра старой вѣры.* 5) *Благодать и истина Христова,* или похвальное слово царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Къ историческимъ сочиненіямъ относятся: 1) *Животы* или житія *святыхъ* и 2) *Разговоры* о вѣрѣ и житіи святыхъ. Изъ стихотворныхъ мы имѣемъ: 1) *Плачъ* о преставленіи Великаго Государя Царя Алексѣя Михайловича и привѣтствіе царю Ѳеодору Алексѣевичу 2) *О случайностяхъ жизни человѣческой.* Кромѣ сего много стихотвореній Барановича приложено къ собранію его бесѣдъ, и къ книгѣ *Руно орошенное*, напечатанной въ Черниговѣ. Барановичъ писалъ на малороссійскомъ и на польскомъ языкахъ. Послѣдній избралъ онъ потому, что онъ былъ общеупотребителенъ.

240. Описаніе Кіевософ. собора стр. 174.

241. Исторія Русск. Церкви (Пер. Патр.) стр. 195. Примѣч. 338.

242. Словарь Историч. Часть I. стр. 240.

243. Исторія Росс. іерархіи Часть VI. стр. 809.

244. Словарь Историч. Часть I стр. 194 и Исторія Рос. іерархіи Часть III. стр. 441—455.

245. Извѣстны двѣ книги Радивиловскаго: 1) *Огородокъ Маріи Богородицы* или поученія на праздничные богородичные дни и нѣкоторыхъ святыхъ. 2) *Вѣнецъ Христовъ,* съ проповѣдій недѣльныхъ, »аки зъ цвѣ»товъ рожаныхъ, на украшеніе православно-каѳолической святой Вос»точной Церкви исплетенный, или казанья недѣльныи на вѣнецъ всего »лѣта изъ писма святаго и съ разныхъ учителей на пользу душевную »собранный«.

246. Патріархъ крѣпко не любилъ иностранцевъ, и даже въ духовномъ завѣщаніи своемъ просилъ Государя изгнать всѣхъ ихъ изъ Россіи, какъ презрителей Церкви, отринуть ихъ услуги и не вводить чужеземныхъ обычаевъ. Полнѣйшее извѣстіе о жизни и дѣяніяхъ Іоакима Савелова см. въ сочиненіи: Московскіе Патріархи. А. Н. А. стран. 87—100.

247. Вотъ полное изчисленіе твореній патріарха Іоакима: 1) Из-

вѣщеніе чудесе о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ въ знаменіе креста. 1677 г. 2) Слово увѣщательное къ раскольникамъ о соединеніи ихъ къ православной святой Церкви. 3) Слово на суздальскаго попа Никиту Пустосвята 1684 г. 4) Увѣтъ духовный 1682 г. 5) Слово поучительное и благодарственное ко Господу Богу за Его великую милость, яко благоволилъ чудеснымъ Промысломъ избавить Церковь свою святую отъ тѣхъ отступниковъ и злыхъ навѣтниковъ, чтенное всему священному чину 1682 г. 6) Поученіе о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ. 7) Поученіе іереямъ. 8) Поученіе отъ іереевъ къ людемъ, чтобы не пѣли бѣсовскихъ пѣсенъ, не творити игръ, не ходити къ волхвомъ и не призывати ихъ въ домы. 9) Поученіе въ нашествіе варваровъ. Подъ его же редакціей составлено Лихудами сочиненіе: *Остенъ*, состроенный изъ »духовѣщанія св. Отецъ, низвергающій напирающіяся къ нему«.

248. Полное заглавіе Хроники Сафоновича слѣдующее: *Хроника зъ Лѣтописцовъ стародавныхъ, зъ святого Нестора Печерскаго и иншихъ, такжде зъ хроникъ польскихъ о Русіи, отколь Русь почалася и о первыхъ князехъ Русскыхъ и по нихъ далшихъ наступующихъ князехъ и о ихъ дѣлахъ, собраная працою іеромонаха Ѳеодосія Сафоновича, игумена монастыря Михайловскаго, Золотоверхаго Кіевского, року отъ сотворенія свѣта* 7180 *а отъ Рождества Христова* 1672.

249. См. Словарь историч. Часть II. стр. 286—290.

250. Тамже стр. 294.

251. Исторія Малороссіи стр. 244—248. Описаніе Кіевософ. собора стр. 181.

252. Памятник. Томъ II. стр. 182, 183. Напрасно по этому, митрополитъ Евгеній въ Описаніи Кіевософійскаго собора (Примѣч. стран. 213) говоритъ, что »Лавра данныя на нихъ (на учениковъ коллегіи) во»лости отобрала назадъ, хотя онъ (Петръ Могила) въ духовномъ завѣ»щаніи своемъ и просилъ преемника своего оставить ихъ еще хотя на »три года«. Если онѣ въ послѣдствіи времени и взяты Лаврою обратно: то это сдѣлано въ силу записи, въ которой между прочимъ было сказано: »а по истеченіи назначеннаго срока они (отцы Братства) должны »будутъ уступить и отдать въ цѣлости то имѣніе Печерскому монас»тырю, какъ его собственное« (i tę majętność, iako własną Pieczarską, po wyściu naznaczonego terminu w całości ustąpić i oddać mają). Тамже стр. 185.

253. Тамже стр. 186—195.

254. Тамже.

255. Исторія Малороссіи Часть I. стр. 261.

256. Описаніе Кіевософ. собора стр. 182.

257. Памятник. Томъ II. стр. 210 и 224.

258. Описаніе Кіевософ. собора примѣч. стр. 211.

259. Тамже стр. 180.

260. Братство училищное, какъ извѣстно, съ дворовыхъ мѣстъ своихъ получало доходы отдачею ихъ мѣщанамъ и другимъ частнымъ лицамъ на поселеніе.

261. Памятник. Томъ II. стр. 198.

262. Тамже стр. 204.

263. Описаніе Кіевософ. собора стр. 211. Всѣ эти пожертвованія были сдѣланы въ 1650 году.

264. Памятн. Томъ II. стр. 205 и д.

265. Молодикъ 1844 г. стр. 230—232.

266. Въ этой грамотѣ Іосифъ поименованъ уже не Михайловскимъ, а Кіево-Богоявленскимъ игуменомъ. Во всѣхъ каталогахъ ректоровъ коллегіи за Иннокентіемъ непосредственно слѣдуетъ Барановичъ: но изъ сказанной граматы открывается, что между ректурою того и другаго былъ небольшой промежутокъ, и что коллегіею управлялъ нѣкто Іосифъ. Ктожъ онъ такой? Кромѣ Кононовича-Горбацкаго и Тризны, Кіево-Печерскаго архимандрита, другаго Іосифа въ Кіевѣ тогда не было.

267. Такъ названъ онъ св. Димитріемъ Ростовскимъ въ Дневныхъ его запискахъ. См. Словарь историч. Часть II. стр. 7.

268. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 133, 180, 246.

269. Въ уніатскихъ каталогахъ говорится, что по случаю военныхъ и другихъ замѣшательствъ, послѣ Сильвестра Коссова, не было будтобы въ теченіи шести лѣтъ православнаго митрополита кіевскаго, и что самый Діонисій посвященъ уже около 1663 года. Показаніе это легко опровергается во первыхъ какъ самымъ избраніемъ его, совершившимся оффиціально и возбудившимъ нѣкоторыя особенности, такъ и граматою, данною царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 1665 года, въ которой подъ 1657 годомъ Діонисій Балобанъ названъ митрополитомъ. Что касается до свидѣтельства митрополита Гедеона, который въ одной граматѣ своей къ князю В. В. Голицыну (1688 г.) говоритъ, что Діо-

нисій »едва по однолѣтнемъ строеніи своемъ остави престолъ митрополитанскій« (Описан. Кіевософ. собора стр. 187), то это не то значитъ, чтобы онъ отказался отъ митрополитства, а то, что онъ, по смутнымъ обстоятельствамъ того времени, выѣхалъ изъ Кіева въ Корсунь. Въ послѣдствіи Діонисій принималъ во всемъ участіе, какъ законный митрополитъ кіевскій. Можетъ быть, и неблаговидныя дѣйствія его въ современной политикѣ были причиною того, что преемнику Діонисія по первосвятительской каѳедрѣ не хотѣлось считать его въ числѣ достойныхъ своихъ предшественниковъ: но исторія должна быть безпристрастна, и говорить все, что было.

270. Исторія Малоросс. Часть II. стр. 35.

271. Описаніе Кіевософ. собора стр. 187.

272. Діонисій даже избранъ былъ Виговскимъ въ посредники между имъ и полковникомъ Пушкаремъ, не желавшимъ измѣнять присягѣ Царю. Исторія Малорос. Ч II. стр. 20.

273. См. грамату царя Алексѣя Михайловича въ Памятник. Томъ II. стр. 224.

274. Памятник. Томъ II. стр. 213—222.

275. Тамже стр. 225.

276. Описаніе Кіевософ. собора стр. 211

277. Островскій въ книгѣ своей: Dzieje i prawa kościoła Polskiego Tom. III. 223 говоритъ, что подписавшіе этотъ трактакъ вскорѣ раскаялись и ожидали только случая уничтожить оный.

278 Исторія Малоросс. Часть II. стр. 88.

279. Исторія Малой Россіи Б. Каменскаго Томъ II. стр. 201.

280 Тамже стр. 91.

281. Исторія Малороссіи Часть III. стр. 135.

282. Тамже стр. 147.

283. Тамже стр. 181.

284. Тамже стр. 151, 152.

285. Исторія Малой Россіи Томъ II. стр. 106

286. Исторія Малороссіи Часть II. стр. 164, 165.

287. Памятник Томъ II. стр. 227.

288. Грамата эта прислана митрополитомъ Іосифомъ изъ Канева. Тамже стр. 232 и д.

289. Тамже стр. 238—247.

290. Тамже стр. 256.

291. На все это есть указанія въ жалобной граматѣ самаго Ясинскаго.

292. *Шафарь*—бухгалтеръ, счетчикъ, строитель, собиравшій также доходы съ оброчныхъ статей.

293. Памятник. Томъ II. стр. 257—266.

294. Исторія Малоросс. Томъ II. стр. 187.

295. Исторія Росс. іерарх. Часть II. стр. 34.

296. Вотъ что пишетъ Георгій Конисскій: »Султанъ вошелъ въ »Чигиринъ торжественно и все предъ нимъ падало и ползало по азіатски. Церковные колокола замолкли, самыя церкви были заперты и »запечатаны; не смѣлъ никто пошевельнуться ни по богослуженію, ни »по жительству, не считая себя ни живымъ, ни мертвымъ. Турки же »дѣлали съ мужчинами и женщинами, что только вздумали«... Дѣвицы, продолжаетъ г. Маркевичъ, были размѣщены по сералямъ. Повсюду были поставлены паши и кадіи, которые старались отуречить Украйну. Нѣсколько тысячъ мальчиковъ, денежныя суммы и награбленные пожитки были повержены Дорошенкомъ къ стопамъ Магомета IV, который немедленно велѣлъ обратить (дѣтей) въ исламизмъ. Исторія Малороссіи Томъ II. стр. 229.

297. Въ 1668 году и львовское ставропигіальное братство получило отъ патріарха Меѳодія грамату, для объявленія всенародно, что онъ утвердилъ Іосифа Тукальскаго митрополитомъ кіевскимъ и своимъ экзархомъ по всей Россіи. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 113.

298. Объ этомъ пишетъ Стребельскій въ книгѣ своей: »Жизнеописанія Евфросиніи и Параскевіи Полотскихъ игуменій«. Томъ III. стр. 232. См. Описаніе Кіевософ. собора стр. 194 и т. д.

299. Исторія Малоросс. Томъ II. стр. 155.

300. Тамже стр. 180.

301. Тамже стр. 194, 195. Г. Маркевичъ приводитъ здѣсь воззваніе къ народу какого-то *кіевскаго митрополита Сильвестра.* Что это за митрополитъ? Ужъ, конечно, не Сильвестръ Коссовъ, который, какъ извѣстно, скончался въ 1657 году; другаго же въ эту пору не было даже и между претендентами на кіевскую митрополію.

302. Памятник. Томъ II. стр. 267—275.

303. Описаніе Кіевософ. собора стр. 211.

304. Памятник. Томъ II. стр 297.

305. Исторія Мал. Россіи Томъ II. Примѣч. 61.

306. Исторія Русской Церкви (Пер. патр.) стр. 57.

307. Сначала и Іосифъ и Антоній носили названіе *нареченныхъ:* (Описаніе Кіевософ. собора стр. 191) но когда первый изъ нихъ получилъ утвержденіе отъ константинопольскаго патріарха, то собственно нареченнымъ остался уже одинъ Антоній Винницкій.

308. Въ Альбомѣ Академическомъ сохраняется древнѣйшій рисунокъ этой иконы, сдѣланный въ 1706 году *Иларіономъ Мигурою.* Подъ иконою находится слѣдующая, весьма замѣчательная надпись: »Истинное »изображеніе чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы Братской Кі»евской, иже прежде въ Вышгородѣ въ церквѣ св. страстотерпецъ кня»зей Россійскихъ Романа и Давида бѣ намѣстнымъ. Въ лѣто же 1662, »егда Татаре чрезъ Вышгородъ за Днѣпръ на плѣненіе Христіанъ ити »хотѣша: сотворше же плити (плоты), яшася плаванію, и сію убо икону »единъ вземъ Татаринъ, плы на ней. Божіимъ же изволеніемъ буря воз»ставши всѣхъ истопи Агарянъ, сему токмо живу сущу, его же та бо»жественная икона, волнамъ шумящимъ, невредимо принесе и ста про»тиво монастира Братского чудовнѣ. Стояше же доселѣ, донелѣже иноци »братстіи, пришедше, честно взяша ю отъ воды и поставиша такожде »во церквѣ святыхъ страстотерпецъ князей Россійскихъ. Сицевое чудо »видя Татаринъ, вѣрова и крестися. Чудотворная же икона доднесь не »престаетъ въ обители Братской чудодѣйствовати«. Каждую субботу въ Кіевобратскомъ училищномъ монастырѣ соборнѣ отправляется акаѳистъ предъ сею чудотворною иконою Заступницы міра.

309. Словарь историч. Часть I. стр. 116.

310. Тамже стр. 228.

311. Смотри письмо Дзика къ св. Димитрію Ростовскому въ сочиненіяхъ сего святителя. Часть I. стр. 461.

312. Изъ сочиненій Ясинскаго осталась одна только соборная книга, подъ названіемъ: »Икона или изображеніе дѣлъ Московскаго патріаршаго престола«: но она хранится доселѣ рукописною въ патріаршей библіотекѣ.

313 Сочиненія св. Димитрія. Часть I. стр. 480.

314. Исторія Русск. Церкви (Пер. Патр.) стр. 111. Примѣч. 186

315. Голиковъ приписываетъ Максимовичу еще одну книгу: *Со-*

браніе чужестранныхъ словъ, употребительныхъ въ русскомъ языкѣ: но она не издана и неизвѣстно гдѣ находится. Словарь истор. Часть I. стр. 288.

316. Исторія Росс. іерархіи. Часть I. стр. 421.

317. Словарь историч. Часть I. стр. 59.

318. Исторія Росс. іерарх. Часть II. стр. 449, 450 и 487.

319. Словарь историч. Часть I. стр. 42.

320. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стр. 171.

321. Тамже стр. 153, 164, 554.

322. Тамже стр. 122.

323. Тамже Часть II. стр. 449.

324. Словарь достопамятн. людей Русской земли. *Бантыша-Каменскаго.* Часть III. стр. 219. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 111.

325. Словарь историч. Часть I. стр. 59.

326. Истор. Росс. іерарх. Часть I. стр. 247. Часть II. стр. 377.

327. Одиновичъ былъ однимъ изъ вкладчиковъ при сооруженіи большаго Евангелія въ богатой серебряной оправѣ, присланнаго изъ Москвы воспитанниками коллегіи. Оно донынѣ находится въ конгрегаціонной академической церкви. При концѣ Евангелія припечатанъ полный списокъ всѣхъ жертвователей.

328. Нынѣ мѣстечко Макаровъ кіевскаго уѣзда.

329. Авторъ Исторіи Русской Церкви (Періодъ Патріарш. стран. 128) »благодаритъ Провидѣніе, что оно не допустило Димитрія доконч»ить уроки въ кіевской коллегіи; иначе, продолжаетъ онъ, св. Димит»рій говорилъ бы намъ въ Минеяхъ языкомъ Иннокентія Гизеля или »Галятовскаго, то есть, странною смѣсью русскаго съ польскимъ и лат»инскимъ«. Едва ли умѣстно такое замѣчаніе. Во первыхъ нельзя такъ аподиктически утверждать, что св. Димитрій говорилъ бы непремѣнно такъ, какъ утверждаетъ авторъ: это дѣло темное. Во вторыхъ, для такого необыкновеннаго таланта, какимъ обладалъ воспитанникъ Галятовскаго и Дзика, не стоило ровно никакого труда создать себѣ новый языкъ, какъ и создалъ онъ потомъ, при помощи школьнаго образованія. Если онъ не сдѣлался по слогу подражателемъ Гизеля и Галятовскаго въ пору юности, когда въ человѣкѣ такъ сильно развивается всякая пріимчивость, то тѣмъ болѣе не могъ онъ сдѣлаться рабомъ ихъ въ пору сознательнаго принятія всего, что ему говорилось. Самъ же авторъ

Исторіи Русской Церкви говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, что »языкъ св. Ди»митрія образовался по образцамъ древней славянской словесности, ко»торые были предъ его глазами въ древнихъ памятникахъ«. Почему же онъ полагаетъ, что того не могло быть, еслибъ св. Димитрій окончилъ курсъ высшихъ наукъ въ коллегіи? Словесность онъ вѣдь ужъ прошелъ; оставались философія и богословіе, которыя, бывъ преподаваемы на языкѣ латинскомъ, едва ли могли бы испортить то, что уже сложилось въ умѣ юнаго и талантливаго питомца. Не отрицаемъ, что св. Димитрій усовершилъ рѣчь свою вниканіемъ въ древніе памятники нашей словесности: но это было довольно поздо, — и за чтожъ оскорблять коллегію, которая приготовила его къ тому?

330. Значитъ, св. Димитрій на двадцать четвертомъ году отъ рожденія уже былъ іеромонахомъ, уже успѣлъ обратить на себя вниманіе Барановича, какъ проповѣдникъ: когдажъ это онъ успѣлъ усовершить свой талантъ изученіемъ памятниковъ древней Россіи? Какъ это такъ скоро образовалъ онъ себѣ слогъ, если, какъ говоритъ авторъ Исторіи Русской Церкви, онъ не былъ одолженъ этимъ ни Кіеву, ни коллегіи? Ни откуда не видно, чтобъ до сей поры св. Димитрій занимался изученіемъ памятниковъ древней Россіи.

331. Такъ говоритъ самъ св. Димитрій въ своихъ Дневныхъ Запискахъ.

332. Сочиненія св. Димитрія Ростовскаго. Часть I. стр. 468.

333. Въ большой Успенской церкви Кіево-печерской Лавры показываютъ мѣсто, гдѣ св. Димитрій всегда становился въ эту пору при Богослуженіи. Оно находится съ лѣвой стороны отъ входа близъ памятника князя Константина Острожскаго; тамъ теперь и икона Святителя, богато украшенная серебряною вызолоченною одеждою.

334. Исторія Русск. Церкви (Пер. патр.) стр. 126.

335. И это сдѣлалъ человѣкъ, ничѣмъ не обязанный коллегіи! Откудажъ онъ могъ научиться латинскому и греческому языкамъ, такъ необходимымъ при чтеніи сочиненій, принадлежащихъ древнимъ писателямъ Церкви восточной и западной? Не понятно!...

336. Прибавл. къ Творен. св. Отецъ 1845 г. стр. 150 и д.

337. Полное и обстоятельное показаніе многочисленныхъ сочиненій св. Димитрія можно видѣть въ Словарѣ историч. Часть I. стран. 125—134.

338. Св. Димитрій и Стефанъ Яворскій условились между собою, чтобы тотъ, кто первый изъ нихъ умретъ, былъ погребенъ другимъ. Рязанскій митрополитъ сдержалъ данное слово: онъ явился въ Ростовъ на погребеніе своего друга, оросилъ слезами священные останки его, произнесъ усопшему надгробное слово и сочинилъ ему надгробную надпись въ стихахъ. Словарь достоп. людей Рус. Земли. Часть I. стр. 532.

339. Исторія Росс. іерархіи. Часть I. стр. 153.

340. Словарь достопамятн. людей Русской земли. Часть III. стр. 609. Полное собраніе Законовъ Росс. Имперіи изд. 1830 г. № 4717.

341. Только авторъ Исторіи Русской Церкви находитъ, что кіевская »коллегія въ продолженіе своего столѣтія не столько принесла »зрѣлыхъ плодовъ, сколько можно было ожидать по времени«. Періодъ патріарш. стр. 100.

342. *Посполитыми* людьми въ Малороссіи назывались простолюдины, земледѣльцы, принадлежащіе тому или другому владѣльцу. См. Опытъ повѣств. о древностяхъ Русскихъ изд. 1818 г. стр. 725.

343. Юрію Хмѣльницкому выкололи глаза, повѣсили за ребра, мучили другими разными муками и налили олова въ ротъ. Изъ Польскихъ Дѣлъ, хранящихся въ Колл. Архивѣ. Исторія Малороссіи. Часть I. стр. 269.

344. Книга Русскаго Посольства въ Польшѣ, въ 1673—77 годахъ А. Попова.

345. Исторія Малорос. Часть I. стр. 291 и д.

346. Тамже стр. 292.

347. Сосуды эти сохраняются донынѣ въ ризницѣ Кіевософійскаго собора.

348. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. № 19 стр. 87.

349. Тамже № 20 стр. 95.

350. Тамже № 21 стр. 103.

351. Тамже стр. 108.

352. Тамже стр. 205.

353 Найдено сходное съ папистами мнѣніе о пресуществленіи въ Евхаристіи хлѣба и вина словами Христовыми во многихъ даже книгахъ, печатанныхъ въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ типографіяхъ, какъ то: въ *Служебникахъ* кіевскихъ, виленскихъ и стратинскихъ, и *Толкованіи Евангелій*, въ *Большомъ Кіевскомъ Требникѣ*, въ *Богословіи* Кирилла Транк-

вилліона, въ его же *Перлъ многоцѣнномъ*, въ обоихъ малыхъ *Катихизисахъ* Петра Могилы, въ книгахъ: *Камени, Трубѣ, Мирѣ съ Богомъ, Мечѣ, Ключѣ разумѣнія, Дидаскаліи о седми тайнахъ*, *Мессіѣ* и другихъ. Патріархъ тогда же запретилъ читать эти книги въ церквахъ и народѣ, а православное исповѣданіе о времени пресуществленія включилъ въ обрядъ православія и въ архіерейскую присягу. См. Словарь историч. Часть I. стр. 232—241.

354. Граматы сіи въ спискахъ находятся между малороссійскими дѣлами Московскаго иностранныхъ дѣлъ архива, а также и въ библіотекѣ Кіевософійскаго собора.

355. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. № 23. стр. 116.

356. См. Грамату патріарха въ прибавл. къ описанію Кіевософ. собора стр. 100.

357. Памятник. Томъ II. стр. 297.

358. Тамже стр. 276.

359. »Въ нижнемъ городѣ Кіевѣ, близъ ограды того монастыря«. Тамже стр. 298.

360. Тамже.

361. Тамже. Въ Лутавѣ однакожъ оставался небольшой хуторокъ во владѣніи Братства, какъ это видно изъ послѣдовавшаго за тѣмъ гетманскаго универсала.

362. Тамже стр. 299.

363. Тамже.

364. Описаніе Кіевософ. собора. Прибавл. № 19 стр. 93.

365. До насъ дошла и система философіи 1679 года, озаглавленная такъ: Cursus philosophicus, doctrinam Aristotelis ea methodo, qua traditur in scholis, complectens.

366. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. стр. 228.

367. Учебники Кроковскаго и Волянскаго показаны и разобраны въ 193 примѣч. къ сей книгѣ, на стран. 332.

368. Авторъ Исторіи Кіевской Академіи на стран. 86 говоритъ: »не знаемъ, много ли содѣйствовали ему (Кроковскому) другіе настав»ники, его сотоварищи, каковы были три бывшіе за Прокоповичемъ »ректоры: Іезекіиль Филиповичъ, Ѳеодосій и Пахомій Подлузскій, его »предшественникъ, и были ли между ними люди, подобно ему, образо»ванные и дѣятельные«. На такое замѣчаніе почтеннаго автора и мы

замѣтимъ, что *содѣйствуетъ* обыкновенно младшій старшему, а Кроковскій при Филиповичѣ и Гугуревичѣ былъ только учителемъ,—стало быть онъ имъ содѣйствовалъ, а не они ему. Что они были образованы,—это доказывается ихъ выборомъ отъ Лазаря Барановича: что они были дѣятельны, это видно изъ состоянія коллегіи, доведенной ими до значительнаго совершенства: »отъ плодъ ихъ познаете ихъ«.

369. Сочинен. Димитрія Ростовск. Часть I. стр. 488. Неизвѣстно, на какомъ основаніи митрополитъ Евгеній время кончины Гугуревича относитъ къ 3 апрѣля 1689 года Свидѣтельство святителя Ростовскаго, современника Гугуревича, безъ всякаго спора, вѣрнѣе.

370. Митрополитъ Гедеонъ Святополкъ почиваетъ въ алтарѣ, гдѣ памятникъ Ярослава, какъ разъ противъ него на лѣвой сторонѣ.

371. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. № 20 стр. 97.

372. Тамже стр. 113.

373. Тамже стр. 117.

374. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 132.

375. Митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ историч. Часть II. стр. 253, говоритъ, что Стефанъ Яворскій *первый* получилъ въ кіевской коллегіи званіе префекта. Это не совсѣмъ вѣрно: Сильвестръ Коссовъ въ 1632, а Силуанъ Озерскій въ 1690 году также назывались префектами.

376. Жалованье это было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: ректору и учителямъ — каждому по 100 рублей, да на учениковъ по 15 р. съ копейками Учителей полагалось отъ осми до девяти человѣкъ, а учениковъ отъ двухъ до трехъ сотъ съ половиною. См. Исторію Рос. іерарх. Часть I. стр. 547.

377. Сочиненіе Стефана Яворскаго: *Камень Вѣры* сдѣлалось въ послѣдствіи времени поводомъ ко многимъ неудовольствіямъ не столько самому автору, сколько почитателямъ его, со стороны важнѣйшихъ въ то время сановниковъ — лютеранъ и кальвинистовъ, находившихся въ русской службѣ. При Петрѣ, который изъ своихъ рукъ билъ палкою Татищева за превратное толкованіе свящ. Писанія, и вообще не любилъ тѣхъ иностранцевъ, которые осмѣливались распространять свое вѣроученіе, Яворскому опасаться было нечего. При всемъ томъ, сочиненіе его не было пропущено цензурою; въ послѣдствіи времени, когда оно вышло въ свѣтъ, (1728 г.) русскіе и заграничные протестанты подняли

противъ него ожесточенную войну. Въ самой Москвѣ появилось отъ имени *какого-то* Буддея посланіе къ другу противъ Стефана Яворскаго, а въ Лейпцигскихъ ученыхъ запискахъ напечатана была бранчивая критика на *Камень Вѣры*. Изъ брошюры: Stephani Javorscii genius видно, что протестанты писали противъ него много бранчивыхъ статей, а когда членъ Петербургской Академіи Наукъ Бильфингеръ сообщилъ въ латинскомъ переводѣ послѣднюю главу *Камня Вѣры* лютеранскому богослову Мозгейму, то онъ въ 1731 году издалъ противъ нее цѣлую диссертацію подъ заглавіемъ: *de poenis haereticorum cum Stephano Javorscio disputatio.* Полемическія состязанія такимъ образомъ разгорались болѣе и болѣе. Бернардъ Рибейра доминиканецъ и извѣстный своимъ просвѣщеніемъ и несчастіями Ѳеофилактъ Лопатинскій въ свою очередь издавали сочиненія въ защиту Яворскаго. Противъ перваго изъ этихъ защитниковъ вооружился, къ стыду и сожалѣнію, *кто-то* изъ русскихъ, написавшій *Млатъ, разбивающій Камень Вѣры.* Авторъ этого сочиненія, оспоривая книгу Яворскаго, по лютеранскому умствованію, не пощадилъ ученія и преданій Церкви Восточной, но что всего постыднѣе, — коснулся мелочныхъ обстоятельствъ жизни и службы Стефана, выставляя ихъ въ черномъ цвѣтѣ. Бирономъ, управлявшій всѣмъ въ царствованіе Анны Іоанновны, запретилъ сочиненіе Яворскаго, подвергнувъ въ тоже время жестокимъ истязаніямъ друга и защитника его Ѳеофилакта Лопатинскаго: но при Елизаветѣ Петровнѣ книга *Камень Вѣры* была разрѣшена къ печатанію.

378. Памятникомъ проповѣдническаго таланта Стефана Яворскаго остались Поученія его, подробно изчисленныя въ Словарѣ историческ. Часть II. стр. 299.

379. Исторія Росс. іерархіи стр. 167. Часть II. стр. 180. Часть VI. Том. II. стран. 808.

380. Тамже Часть I. стр. 113, 139, 165.

381. Исторія Моск. Акад. стр. 80 и 193.

382. Св. Димитрій Ростовскій въ Дневныхъ Запискахъ своихъ упоминаетъ о Ѳеофанѣ Леонтовичѣ въ двухъ мѣстахъ. Подъ 1684 годомъ значится: »былъ у меня въ Печерскомъ монастырѣ братъ Ѳеофанъ »изъ Батуринскаго монастыря мой постриженецъ, который отправился »въ дальнія страны, Богъ вѣсть, съ какимъ намѣреніемъ«, а подъ 5 генваря 1691 года записано: »въ навечеріи Богоявленія возвратился въ

»домъ свой, въ монастырь Батуринскій братъ Θеофанъ монахъ, мой по»стриженецъ, который вышелъ изъ своего монастыря въ 1684 году, ходилъ »по разнымъ землямъ въ Парижѣ и Римѣ, философіи и богословіи учился и »проч.« Въ изданіи сочиненій св. Димитрія, вышедшемъ 1837 года въ Кіево-печерской Лаврѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи сдѣлана выноска, что этотъ Θеофанъ былъ »уповательно Прокоповичъ, бывшій потомъ архіепископъ Новгородскій«. Замѣтка неправильная: ибо въ 1691 году Прокоповичу было только десять лѣтъ, а слѣдовательно въ 1684 всего три года, такъ какъ извѣстно, что онъ родился въ 1681 году.

383. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 111, 153, 442.

384. Тамже Часть III. стр. 625. Исторія Русск. Церкви (Синод. Управл.) стр. 138.

385. Въ Москвѣ тогда уже было Заиконоспасское училище.

386. Памятник. Томъ II. стр. 281.

387. Тамже стр. 300—303.

388. Тамже стр. 303—310.

389. Тамже стр. 310—312.

390. Тамже стр. 316—324.

391. Тамже стр. 335.

392. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. стр. 217.

393. Памятник. Томъ II. стр. 338—345.

394. Тамже и Описан. Кіевософ. собора прибавл. стр. 211 и 212.

395. Впрочемъ пожертвованное Евангеліе и само по себѣ довольно цѣнно. Кромѣ превосходной работы, въ немъ одного серебра, употребленнаго на оправу съ позолотою 10 фунтовъ съ четвертью. На оборотной доскѣ вырѣзана слѣдующая надпись: »Благоволеніемъ Бога Отца, »благодатію же, Имже благодать дана бысть, Бога Сына, и дѣйствомъ »Всесвятаго животворящаго и всеосвящающаго Духа, ходатайствомъ »Пречистыя Богоматере, при державѣ Благочестивѣйшаго Государя на»шего Царя и Великаго Князя Петра Алексіевича, всея Великія и Малыя »и Бѣлыя Россіи Самодержца, при Благороднѣйшемъ Государѣ нашемъ »Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Алексіи Петровичѣ, въ лѣто отъ во»площенія Господня 1705 мѣсяца сентемврія дня 26, въ царствующемъ »великомъ градѣ Москвѣ, сооружися сіе Божественное Евангеліе, въ »храмъ преславно и всемірно радостнаго праздника Благовѣщенія Пре»святыя Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, иже обрѣтается въ Свято-

»Богоявленскомъ монастырѣ Братскомъ Кіевскомъ при училищахъ; по»даяніемъ доброхотныхъ дателей, духовнаго и мірскаго чина, наипаче »же клевретовъ собранія Маріина, ихже имена въ сей Богодухновенной »книзѣ при концѣ написана. Тщаніемъ же недостойнаго іеромонаха Ан»тонія Стрешовскаго, смиреннаго послушника выше реченныя обители »въ то время во училищахъ царствующаго града Москвы съ послушанія »святаго пребывающаго учителя риторики. Вся же сія да будутъ въ »славу Божію и Богородичну. Аминь«.

Корень честенъ Іесей честнѣйшій жезлъ родитъ
Марію, иже скиптры Царей превосходитъ,
Отъ жезла же прозябе цвѣтъ неувядаемъ,
Его же благовонія вси ся наслаждаемъ.

Въ 1834 году найдена была на академическомъ дворѣ, во время копанія земли, серебряная медаль, осыпанная разноцвѣтными камнями, во многихъ мѣстахъ выпавшими, а въ иныхъ потертыми; на одной сторонѣ медали изображены буквы I. X. C. а на другой находится надпись, изъ которой видно, что медаль эту 2 іюля 1705 года пожертвовалъ іеромонахъ *Антоній Стрешевскій* въ конгрегаціонную церковь для украшенія образа Благовѣщенія.

396. Памятник. Томъ II. стр. 325—334.

397. Тамже стр. 335. Описаніе Кіевософ. собора стр. 211.

398. Тамже. Прибавл. № 28 стр. 148.

399. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 121.

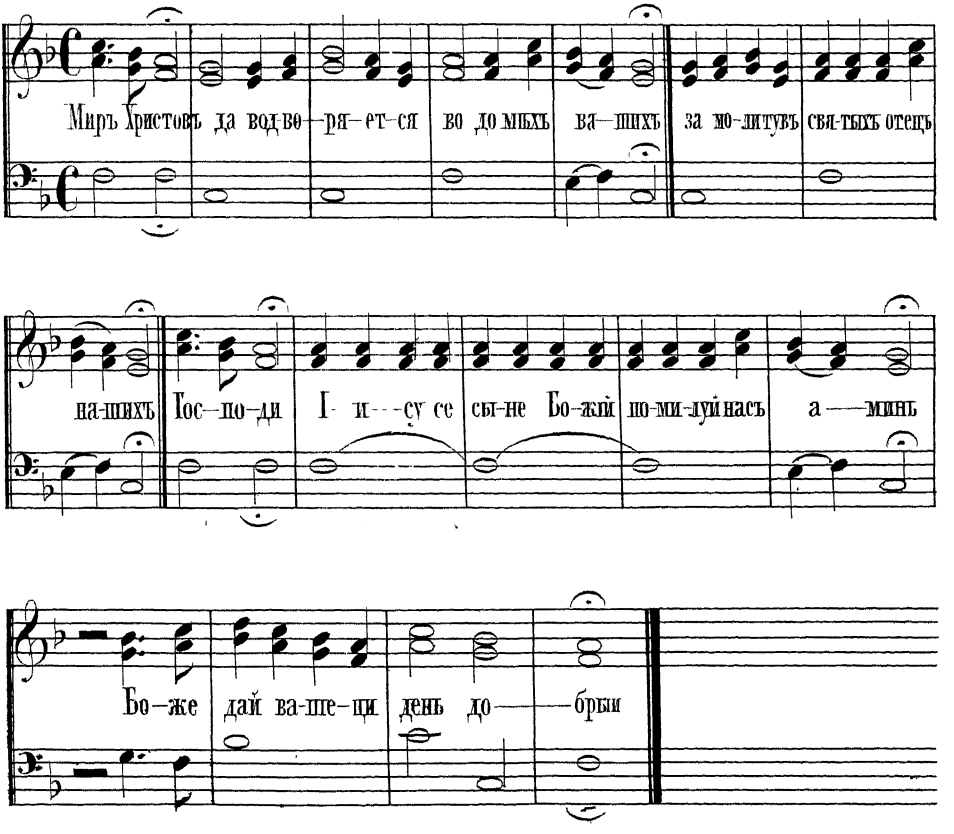
400. *Двойница* равняется четверику.

401. Изъ приходорасходной книги старокіевской Георгіевской церкви видно, что 23 апрѣля 1754 года уплачено за всенощную дьячку, пономарю и *школьникамъ* семь копѣекъ; 1 октября 1756 года »дано »школярамъ праздниковаго на Покровъ двѣ копейки«. Въ 1757 году 30 марта (т. е. въ первый день Пасхи) »дано въ школу школьникамъ ради праздника двѣ копейки«.

402. Вотъ образчикъ такого паспорта: »объявители сего Академіи »Кіевскія студенты *такіе-то*, по прежнему обыкновенію, яко неимѣющіе »ни откуду въ ученіи своемъ снабдѣнія, отпущены для испрошенія ми»лостыни за Днѣпръ въ Малороссійскіе и Слободскіе полки по 1 число »сентября мѣсяца *такого-то* года, а далѣе кромѣ упомянутыхъ полковъ »съ симъ пашепортомъ не ходить, а будебъ кто изъ прописанныхъ уче-

»никовъ сверхъ означеннаго числа еще ходить куда дерзнулъ, съ та»ковымъ чинить по силѣ законовъ; имъ же (студентамъ), испрашивая »ради снабдѣнія своего милостыню, поступать вездѣ добропорядочно, »безъ всякаго вымагательства и подозрѣнія; такожъ ни у кого, какъ изъ »духовнаго, такъ и мірскаго чина людей ради наученія въ дому дѣтей »ни подъ какимъ видомъ не оставаться подъ жестокимъ за то наказа»ніемъ, но при окончаніи прописаннаго сроку прямо слѣдовать въ Кі»евъ, куда за возвращеніемъ отдать сей въ Академію пашепортъ не»премѣнно«.

403. Самый мотивъ этой пѣсни переданъ мнѣ однимъ престарѣлымъ кіевляниномъ по фамиліи *Середою*, учившимся нѣкогда въ Академіи. Тогда же, именно въ 1836 году, съ голосу моего разскащика, я положилъ ее на ноты, аранжировавъ потомъ для фортепіана:



Послѣдній стихъ бывалъ уже заключительнымъ, когда миркачи получали какое либо подаяніе. Въ этой пѣсни встрѣчаются два полонизма: *за молитувъ*, по старопольски za modlitów—молитвами, и *вашеци* сокращенно waszej mości — вашей милости. Либретто это находится и у митрополита Евгенія въ его Описаніи Кіевософ. собора (прибавл. № 41. стр. 215, впрочемъ нѣсколько въ измѣненномъ видѣ.

404. Въ книгѣ, называемой *Богогласникъ*, изданной въ Почаевѣ 1776 года собрано множество такого рода гимновъ и положено на ноты.

405. Сочиненія Гоголя Томъ II. стр. 313, 314. Вообще Гоголь и особенно Нарѣжный, не смотря на юмористическій тонъ и нѣкоторую каррикатурность своихъ картинъ довольно вѣрно очертили бѣдственное состояніе воспитанниковъ Академіи послѣднихъ годовъ XVII и первыхъ XVIII вѣка.

406. Памятник. Томъ I. стр. 114.

407. Гречъ въ своей Учебной книгѣ Россійск. Словесн. изд. 1822 г. Часть IV. на стр. 327 говоритъ, что эти представленія сопровождались разными шутовствами и кривляньями. Съ голоса его повторяютъ тоже самое и другіе историки Русской Литературы и писатели разныхъ повѣстей. Но откудажъ это видно? Кто бы рѣшился, да и кто бы позволилъ кривляться и шутить особенно въ тѣ времена и предъ тогдашнимъ народомъ, незнакомымъ ни съ модной цивилизаціей, ни съ извѣстнымъ прогрессомъ и благоговѣвшимъ къ самой обрядности священной, при представленіи такихъ событій, какія служили предметомъ древнѣйшимъ драмамъ?...

408. Зубрицкій въ лѣтописи Львовскаго Братства пишетъ: около »1688—89 года перешелъ отъ іезуитовъ къ ученикамъ Братской (Львов»ской) школы обычай разыгрывать діалоги (священныя драматическія »представленія) въ церкви. Въ 1689 году дано такое представленіе съ »великою пышностію при многочисленномъ стеченіи зрителей« стр. 131. Замѣтимъ, что подобныя представленія въ Кіевѣ никогда не давались въ церкви, а въ конгрегаціонной академической залѣ или подъ открытымъ небомъ во время рекреацій.

409. Драматическія сочиненія св. Димитрія суть слѣдующія: 1) *Грѣшникъ кающійся*; 2) Драма *Успенская*. 3) Драма *Дмитріевская*. 4) *Есѳирь и Агасферъ* и 5) *Воскресеніе Христово*. Всѣ онѣ написаны рифмованными стихами по силлабическому размѣру. Въ нѣкоторыхъ изъ

нихъ, для представленія достопокланяемыхъ лицъ Господа Іисуса Христа и Пресв. Богородицы были выставляемы иконы. См. Словарь историч. Часть I. стр. 143.

410. Такія представленія вмѣстѣ съ кіевскими учеными перешли и въ Москву, гдѣ обыкновенно разыгрывались драмы Симеона Полоцкаго, Прокоповича, св. Димитрія Ростовскаго, и другихъ. Такимъ образомъ въ 1701 году воспитанниками Московскаго славено-греко-латинскаго училища сыграна была *комедія: Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная.*

411. Объ этомъ упомянуто и въ универсалѣ гетмана Самойловича. Памятник. Томъ II стр. 270.

412. Въ послѣдствіи времени въ поминальный синодикъ вошли и другіе митрополиты, особенно благодѣтельствовавшіе Академіи. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. *№* 41. стр. 223.

413. По возсозданіи церкви св. Георгія, студенты и ученики собирались туда, и съ вербой въ рукахъ вступали потомъ въ ограду Софійскаго собора нынѣ закладенными вратами, носившими названіе церемоніальныхъ.

414. Указатель святыни Кіева изд. 1853 г. стр. 189.

415. Всѣ эти хронологическія отмѣтки находятся въ рукописи одного, какъ видно по почерку, изъ слушателей Іоасафа Кроковскаго. Само собою разумѣется, что лекціи эти писаны на языкѣ латинскомъ.

416. Іезекіиль X. ст. 9—15.

417. Подлинникъ хранится въ библіотекѣ Кіево-печерской Лавры.

418. Сочинен. Гоголя. Томъ II. стр. 81. Онъ даже говоритъ, что »самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что »вовсе были удалены отъ опыта«.

419. Исторія Русской Церкви (Синод. Управл.) стр. 49 и 50.

420. Тамже (Періодъ патріарш.) стр. 100.

421. См. конспектъ одного изъ руководствъ, читаннаго въ 1686 и 1687 годахъ, помѣщенный въ Исторіи Кіевск. Академіи стр. 67, 68.

422. Тамже стр. 68.

423. Періодъ патріарш. стр. 100.

424. Всѣ наши романисты и разскащики страхъ какъ охочи глумиться надъ этими диспутами единственно для остраго словца и для того, чтобъ позабавить читателя. Таково, напримѣръ, изображеніе кіев-

скихъ диспутовъ въ романѣ К. Полеваго: *Михайло Васильевичъ Ломоносовъ*. Часть I. стр. 105—111. Надо отдать справедливость автору, что онъ ловко схватилъ наружные пріемы этихъ состязаній: но заставивъ дѣйствующія лица держаться голыхъ силлогистическихъ формулъ, онъ окаррикатурилъ чрезъ это состязанія, для которыхъ намѣренно выдумалъ и тему странную, включивъ въ нее *Фаларидова быка*. Впрочемъ авторъ хотѣлъ лишь посмѣшить, и разумѣется достигъ своей цѣли.

425. Въ Исторіи Кіевск. Академіи на стр. 144 показано нѣсколько учебниковъ, относящихся къ первымъ тремъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка.

426. Оглавленіе реторическаго конспекта Θеофана Прокоповича можно видѣть въ Исторіи Кіевск. Академіи стр. 148.

427. Исторія Малороссіи Часть II. стр. 551.

428. Исторія Росс. іерарх. Часть V. стр. 637.

429. Слова эти взяты изъ слѣдующей надписи, сочиненной Гавріилу однимъ изъ нашихъ прежнихъ поэтовъ:

На стогнахъ городскихъ, въ святилищѣ церквей,
Въ поляхъ среди полковъ и средь морскихъ зыбей,
Бужинскій истины вѣщая гласъ народу,
Храмъ, грады и полки и съ жителями воду,
Съ восторгомъ радостнымъ внимающими зрѣлъ,
Когда величіе гласилъ Петровыхъ дѣлъ.

430. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стр. 424.

431. Полное свѣдѣніе о сочиненіяхъ Бужинскаго см. въ Словарѣ историч. Часть I. стр. 78—81.

432. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 194, 426

433. Тамже стр. 182 и 580.

434. Тамже стр. 153. Описаніе Кіевософ. собора стр. 217.

435. Исторія Росс. іерархіи стр. 430.

436. Тамже стр. 102, 253, 443, 577. Часть II. стр. 364.

437. Измайлову даны были въ Пекинѣ сто сургучныхъ печатей для прикладыванія ихъ къ паспортамъ о свободномъ пропускѣ купцовъ Русскихъ. Тамже Часть II. стр. 461.

438. Тамже Часть I. стр. 428.

439. Тамже стр. 428. Часть II. стр. 452—466. Часть III. стр. 580 и Словарь историч. о святыхъ, прославленныхъ въ Росс. церкви стран.

120—122. Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи Томъ XXVIII. № 21, 540. стр. 724.

440. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 431, 439.

441. Съ его-то племянникомъ знаменитый нашъ туристъ Барскій началъ свое путешествіе. См. Описаніе путешествій его.

442. Исторія Росс. Іерархіи Часть I. стран. 211. Часть II. стран. 477—480.

443. Любопытные могутъ прочитать объ этомъ подробнѣе въ Словарѣ достопамятн. людей Русск. земли. Бантышъ-Каменскаго, въ статьѣ о Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ.

444. См. Предисловіе св. Синода къ книгѣ Ѳеофилакта: *Обличеніе неправды раскольническія.*

445. Сочиненія Лопатинскаго показаны въ Словарѣ историч. Том. II. стр. 329.

446. Для примѣра приводимъ слѣдующую надпись на картинѣ, посвященной *Мигурою* генеральному писарю *Симеону Савичу* въ день его ангела. Напередъ замѣтимъ, что подъ изображеніемъ св. Симеона Богопріимца находится гербъ, какъ можно полагать, Савича; на щитѣ герба изображенъ крестъ, подъ крестомъ луна, а подъ ними мечъ и стрѣла, положенныя крестообразно.

Виждь образъ Симеона, зрителя первенца!
Старъ сый, Духомъ водимый, подъемлетъ Младенца,
Нуждѣ смотритъ на Его, мира испрашаетъ,
Узривши спасеніе, умрѣти желаетъ.
Духомъ бѣ обѣщанно первѣі Хріста зрити,
Таже вѣкъ свой старческій радостно вершити.
О, да удостоиши тезоименита
Симеона, зерцаяй Хріста, драга свита!
Радуйся, пѣстунствуяй имя то по Бозѣ!
Мечъ, стрѣла, крестъ и луна сіяютъ на мнозѣ.
Крестъ съ луною будетъ ти путь, ведущь къ небу,
Стрѣла, мечъ возъисполнятъ Марсову потребу.
Твое благородіе тымъ днесь привѣствую,
Написавши сей образъ, усердно дарствую.
Пріими отъ богомольца даръ Іларіона,
Приносящаго тебѣ зъ любви Симеона.

Въ этой картинѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ ликъ старца Симеона. Это морщиноватое, старческое лицо, этотъ согбенный станъ и между тѣмъ какое-то благородство въ постановкѣ, эта голова съ едва уцѣлевшими и рѣдкими волосами, эта волнистая до пояса борода, наконецъ какое-то благоговѣйно-радостное выраженіе въ лицѣ, невольно бросаются въ глаза всякому. За то изображеніе Божественнаго Младенца очень неудачно.

447. Къ сожалѣнію, картинъ *Мигуры* уцѣлѣло немного. Мнѣ удалось собрать ихъ, и то въ самыхъ плохихъ оттискахъ, всего 13. Всѣ онѣ подарены мною Кіевской Академіи, и вошли въ составъ академическаго Альбома.

448. Исторія Росс. іерархіи Часть II. стр. 301.

449. Тамже Часть I. стр. 352.

450. Подробнѣйшія свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Ѳеофана Прокоповича. См. въ Словарѣ достопамятн. людей Русск. земли Часть III. стр. 604—627. Изд. 1847 г.

451. Бантышъ-Каменскій въ своемъ же Словарѣ (тамже стр. 613) называетъ Ѳеодосія »честолюбивымъ, дерзкимъ, самонадѣяннымъ«, совершенно не подозрѣвая того, что самъ же послѣдующимъ своимъ разсказомъ опровергаетъ несправедливый свой отзывъ о несчастномъ архипастырѣ новгородскомъ, — человѣкѣ образованномъ, пользовавшемся уваженіемъ Великаго Петра и независимо отъ того, что Ѳеофанъ »умомъ и дѣломъ (дѣлами?) бралъ верхъ надъ нимъ«, отличавшемся строгою нравственностью. Что касается до анекдота, взятаго изъ Вейдемейера, то кромѣ вопіющей нелѣпости его, никого не удивитъ то, что иностранецъ такъ маретъ честь и достоинство русскаго архіерея, точно также какъ никто не повѣритъ такому злонамѣренно составленному разсказу. Иностранцамъ естественно было держать во всемъ сторону Ѳеофана: ибо онъ былъ ихъ покровителемъ. См. тамже стр. 608.

452. См. Сѣверн. Пчелу за 1833 годъ *№* 70. стр. 280. *Похороны Карлика.*

453. Полнѣйшее показаніе многочисленныхъ сочиненій Ѳеофана Прокоповича см. въ Словарѣ историч. Часть II. стр. 303—322.

454. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр 577.

455. Тамже стр. 129, 140, 582. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли стран. 263—267.

456. Исторія Росс. іерархіи Часть VI. Томъ II стр. 811.

457. Тамже Часть I. стр. 154 и 577. Часть II. стр. 378.

458. Тамже Часть II. стр. 478 и 480

459. Тамже Часть I. стр. 171 и 632.

560. Словарь историч. Часть I. стр 37.

461. Тамже стр. 195, 248.

462. Онъ скончался архимандритомъ Новгородскаго Антоніева монастыря 1744 года и погребенъ въ паперти Большой церкви. Тамже Часть III. стр. 253.

463. Тамже Часть I. стр. 82, 186, 591, 607 и Часть II. стр. 363. Словарь достопамятн. людей Русск. Часть I. стр. 42—44.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Начатки Русской грамоты въ Кіевѣ Училища при св. князѣ Владимірѣ. Наказъ митрополита св. Михаила Училища для женскаго пола при великихъ князьяхъ Кіевскихъ. Первая Библіотека въ Россіи. Кіевъ разсадникъ училищъ. Церковное пѣніе. Первая училищная ревизія. Правда Русская. Баянъ вѣщій . . . . 3—8

ГЛАВА II.

Бѣдствія Кіева отъ междоусобія князей. Батый разоряетъ Кіевъ. Галицкіе князья дѣлаются владыками Кіева. Появленіе католиковъ на юго-западѣ Россіи. Распространеніе латинскихъ школъ. Миссіонеры доминиканскіе въ Кіевѣ. Виды папы Иннокентія IV на кіевскую митрополію. Societas Peregrinantium. Католическая епископія въ Кіевѣ. Гоненіе на православныхъ при Ольгердѣ, Болеславѣ, Казимірѣ IV и при Людовикѣ, королѣ Венгерскомъ Дѣйствія папъ Григорія XII и Урбана VI. Дѣйствія Societatis Peregrinantium. Кіевскій митрополитъ Кипріанъ Сербянинъ. Ягайло, великій князь литовскій Доминиканцы хозяйничаютъ въ Кіевѣ. Владиславъ Ягелло и дѣйствія его. Князья и знатнѣйшіе дворянскіе роды—защитники православія. Два въ одно время кіевскихъ митрополита. Митрополитъ Григорій въ Римѣ. Учрежденіе постоянной католической епископіи въ Кіевѣ. Армяне въ Кіевѣ. Гоненія въ Литвѣ . . . . . 11—16

ГЛАВА III.

Начало уніи. Митрополитъ Исидоръ на флорентійскомъ соборѣ. Прибытіе его въ Кіевъ. Бѣгство Исидора въ Римъ. Первое введеніе уніи. Письма Исидора изъ Рима. Кіевъ—уѣздный городъ. Княгиня Елена. Кіевскій митрополитъ Іосифъ. Козаки. Митрополитъ Іона II. Сигизмундъ I. Преслѣдованіе древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ. Завоеванія великихъ московскихъ князей и слѣдствія того. Реформаты въ Польшѣ и Литвѣ. Вѣротерпимость Сигизмунда Августа. Отвѣтъ его Іоанну Эку. Борьба реформатовъ съ іезуитами. Протестантизмъ въ юго-западной Россіи. Михаилъ Рагоза и Ипатій Поцѣй. Введеніе уніи во всемъ ея объемѣ. Бѣдствія православія. Сочиненіе Поцѣя. Іезуитъ Скарга. Апологеты уніи. Ученые защитники православія. *Рада* о сохраненіи вѣры въ русскомъ народѣ . . . . . 23—35

ГЛАВА IV.

Появленіе православныхъ училищъ. Училища: Острожское, Львовское, Виленское, Полоцкое, Стрятинское, Луцкое, Кутеинское. Братская школа въ Могилевѣ. Сравненіе ихъ съ училищами католическими. Изчисленіе сихъ послѣднихъ. 35—42.

ГЛАВА V.

Основаніе краковской академіи. Внутреннее ея устройство Раздѣленіе на факультеты и коллегіи. Бурсы. Училищный порядокъ въ бурсахъ. Академическія степени. Обязанности членовъ факультета. Призваніе (vocatio). Содержаніе коллегіатовъ. Полученіе ученыхъ степеней. Persona promota. Patres Universitatis. In cathedra mori. Фундуши коллегіальные. Приходъ и расходъ академическихъ суммъ. Запасная сумма. Жалованье профессорамъ. Денежныя награды ученикамъ. Права академіи. Вторженіе іезуитовъ. Борьба краковскихъ ученыхъ съ іезуитами. Вліяніе іезуитовъ на академію. . . . . 43—56

ГЛАВА VI.

Основаніе кіевскаго училища. Митрополитъ Іона IV. Королевская привиллегія. Братство. Ослабленіе власти и вліянія католическаго духовенства. Предметы, преподаваемые въ православныхъ училищахъ. Состояніе кіевскаго училища въ первую эпоху его существованія. Упись. Гоненія отъ уніатовъ на православныя училища. Причины бѣдствія кіевской школы. Іезуиты и Доминиканы основываютъ въ Кіевѣ свои училища. Войны—причина упадка кіевской школы. Воспитанники первобытнаго кіевскаго училища: Карповичъ Леонтій. Копыстенскій Захарія. Плетенецкій Елисей. Саковичъ Кассіанъ-Каллистъ. Транквилліонъ-Ставровецкій Кириллъ. Хмѣльницкій Богданъ. Наставники: Мелетій Смотрицкій. Іовъ Борецкій . 57—68.

ГЛАВА VII.

Королевская привиллегія. Лавра возвращаетъ свои помѣстья. Богоявленское училище начинаетъ возрождаться. Анна Гулевичева. Запись Гулевичевой. Исаія Купинскій, фундаторъ кіевской школы. Дѣйствія кіево-богоявленскаго братства. Братскія засѣданія. Обязанности дидаскала Порядокъ поступленія учениковъ въ школу Старшіе. Обязанности учениковъ, по отношенію къ Церкви Божіей. Занятія въ школѣ. Домашнія занятія учениковъ. Частныя обязанности школьниковъ. Поведеніе учениковъ внѣ училища. Лица, имѣвшія право поступать въ кіевскую школу. Раздѣленіе учениковъ по разрядамъ. Науки, преподаваемыя въ кіевской школѣ. Іезуиты. Прибытіе въ Кіевъ патріарха Ѳеофана. Обозрѣніе училищнаго порядка. Граматы Ѳеофана братству и училищу. Стеченіе народа къ 15 августа. Посвященіе Іова Борецкаго въ митрополиты. Клеветы уніатовъ. Гоненіе на православныхъ отъ Сигизмунда III Сочиненіе Мелетія Смотрицкаго. Посланіе Іова Борецкаго. Ужасы уніатскаго гоненія. Разореніе кіево-братской школы. Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Сочиненіе его въ защиту православія и кончина. Слѣдствіе, произведенное Сигизмундомъ III о патріархѣ Ѳеофанѣ. Дѣйствія по сему случаю іезуитовъ. Козаки—гроза гонителей православія . . . . . 71—92

ГЛАВА VIII.

Іовъ Борецкій.

1620—1631.

Смотрицкій и его отступленіе отъ православія. Волненіе по сему случаю. Соборъ въ Кіево-печерской Лаврѣ 1628 года. Катихизисъ Іова. Состояніе кіевской школы. Вмѣшательство шведскаго короля Густава Адольфа въ дѣла Малороссіи. Обѣщаніе Сигизмунда III и его магнатовъ. Іовъ отправляетъ пословъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу. Неуспѣшность сего посольства. Новыя жалобы митрополита королю. Королевская грамата братству. Дозволеніе королевское о кіевскомъ помѣстномъ соборѣ. Дѣйствія уніатскаго митрополита Велямина-Рутскаго. Вмѣшательство папы. Уніатскій соборъ во Львовѣ. Постановленіе короннаго сейма 1631 года. Пріобрѣтенія братства въ эту эпоху. Типографія въ Михайловскомъ монастырѣ. Ректоры кіевскаго училища: Саковичъ Кассіанъ. Земка Тарасій. Префектъ школы Сильвестръ Коссовъ. Воспитанники. Училищныя должности. Содержаніе школы. . . . . 95—104

ГЛАВА IX.

Исаія Купинскій.

1631—1633.

Льгота православію. Исаія Купинскій проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ. Первые годы Петра Могилы. Поступленіе его въ Лавру. Дума о преобразованіи учебной части. Пишетъ въ защиту православія. Посвященіе Могилы въ архимандриты. Прибытіе изъ-за границы воспитанниковъ его. Заведеніе школы при лаврскомъ больничномъ монастырѣ. Невыгоды сего для богоявленскаго училища. Жалобы кіевлянъ. Петръ Могила присовокупляетъ лаврское училище къ братскому. Актъ дворянства и мѣщанства кіевскаго. Актъ митрополита Исаіи и всего освященнаго собора. Актъ гетмана Петрижицкаго и войска запорожскаго Дѣйствія Петра Могилы по училищу. Петръ Могила на варшавскомъ сеймѣ. Ему предлагаютъ жезлъ кіевской митрополіи Могила принимаетъ предложеніе. Оправданіе поступка Петра Могилы. Посвященіе его въ митрополиты. Послѣднее ходатайство Могилы въ пользу училища. Возвращеніе его въ Кіевъ. Кончина Исаіи . . . . . 107—122

ГЛАВА X.

Петръ Могила.

1633—1647.

Война между Польшею и Великой Россіей Уніаты снова поднимаются противъ православныхъ. Могила возвращаетъ и возобновляетъ Софійскій соборъ. Занятія его по училищу. Преобразованіе школы Пожертвованія Могилы и прочаго братства. Интриги іезуитовъ. Возстаніе кіевлянъ на братскую школу Апологія Коссова Кіевляне успокоены. Костелъ доминиканскій. Уніатскій митрополитъ Рафаилъ Корсакъ. Грамата Владислава IV богоявленскому училищу. Угнѣтеніе Малороссіи. Козацкія войны. Новые происки іезуитовъ. Безмятежность кіево-братскаго училища Обезпеченіе его въ содержаніи. Распредѣленіе классовъ. Классы низшіе. Классы средніе. Піитика и реторика. Діалектика. Любовь воспитанниковъ къ словеснымъ наукамъ. Классы высшіе. Философія. Холодность воспитанниковъ къ этой наукѣ Другія науки, входившія въ классъ философскій. Богословіе. Причины цвѣтущаго его состоянія. Руководства по богословію. Гомилетика. Великая и малая инструкція. Преподаваніе языка латинскаго. Авдиторы. Нотаты. Субботки. Экзерциціи и оккупаціи. Соревнованіе учениковъ. Calculum Языкъ славянскій. Бѣдность преподаванія его въ коллегіи Теоретическое изученіе и филологическая разработка русскаго слова. Граматика львовская. Граматика Зизанія. Граматика Смо-

трицкаго. Словарь Зизанія. Памва Берында и словарь его. Преподаваніе греческаго языка. Польскій языкъ. Начальствующія лица въ коллегіи. Ректоръ и обязанности его. Префектъ. Суперъ-интендентъ. Визитаторы. Сеніоры. Директоръ. Цензоры. Magistri sodalium. Инспекторы. Калефакторы. Студенты и ученики. Наименованіе кіевскаго училища коллегіей. Патріотическое слово Петра Могилы и слѣдствіе того для коллегіи. Завѣщаніе Петра Могилы. Его пожертвованія въ пользу коллегіи. 31 декабря Послѣднее слово о Могилѣ. Состояніе коллегіи послѣ Петра Могилы. Ректоры коллегіи: Трофимовичъ Исаія. Початскій Софроній. Оксеновичъ Игнатій. Кононовичъ Іосифъ. Гизель Иннокентій. Наставники: Галятовскій Іоанникій Славеницкій Епифаній. Сатановскій Арсеній Замѣчательные воспитанники: Барановичъ Лазарь. Домецкій Гавріилъ. Іовлевичъ Игнатій. Радивиловскій Антоній Савеловъ Іоакимъ. Софоновичъ Ѳеодосій . . . . . 125—166

ГЛАВА XI.

Сильвестръ Коссовъ.

1647—1657.

Избраніе Сильвестра въ митрополиты. Подвиги Хмѣльницкаго. Зборовскій договоръ. Хмѣльницкій въ Кіевѣ. Запись кіево-печерскаго архимандрита Іосифа Тризны. Посѣщеніе коллегіи патріархомъ Паисіемъ. Отзывъ его объ училищѣ. Замѣтка его о бѣдствіяхъ Церкви. Сильвестръ на варшавскомъ сеймѣ Утвержденіе Зборовскаго договора. Универсалъ Хмѣльницкаго. Вѣроломство поляковъ. Битва подъ Берестечкомъ. Бѣлоцерковскій трактатъ. Бѣдствія коллегіи. Пожертвованія въ пользу ея. Ддѣ граматы царя Алексія Михайловича кіево-богоявленскому братству. Упадокъ кіевской коллегіи. Малороссія поступаетъ въ подданство Царю Всероссійскому. Присяга кіевлянъ Завоеванія Русскихъ. Кончина митрополита Сильвестра и гетмана Хмѣльницкаго. Сочиненія Коссова. Ректоры коллегіи: Иннокентій Гизель, Іосифъ Кононовичъ, Лазарь Барановичъ. Замѣчательнѣйшіе воспитанники: Ясинскій Варлаамъ, Максимовичъ Іоаннъ, Моравскій Павелъ, Самойловичъ Иванъ. 169—180

ГЛАВА XII

Діонисій Балобанъ.

1657—1663.

Избраніе Діонисія въ митрополиты. Гетманъ Виговскій. Гадячскій договоръ. Присяга Виговскаго и Діонисія на подданство королю польскому. Коллегія не принимаетъ титла академіи. Битва подъ Кіевомъ. Коллегія истреблена пожаромъ. Универсалъ полковника Дворецкаго. Его пожертвованія въ пользу коллегіи. Юрій

Хмѣльницкій—гетманъ. Онъ постригается въ монахи. Его пожертвованія братству. Отмѣна гадячскаго договора. Кончина Діонисія и искатели кіевской митрополіи . . . . . 183—190

ГЛАВА XIII.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій

и

Антоній Винницкій.

1663—1676.

Свѣдѣнія о жизни Іосифа. Онъ избранъ въ митрополиты восточной украйной. Антоній Винницкій избранъ западной стороной и Поляками. Іосифъ въ заточеніи. Антоній управляетъ митрополіей. Гетманъ Дорошенко. Іосифъ освобожденъ изъ заточенія и уѣзжаетъ въ Чигиринъ. Меѳодій, блюститель митрополитскаго престола. Онъ возмущаетъ Малороссію. Тукальскій противится подчиненію Кіева Царю русскому. Доносъ Меѳодія на гетмана Брюховецкаго. Измѣна его. Меѳодій умираетъ подъ стражею. Лазарь Барановичъ. Его первоначальныя дѣйствія. Глуховскій договоръ. Іосифъ Тукальскій даритъ коллегіи село Стайки. Грамата Михаила Корибута коллегіи. Другая его грамата. Заботы о коллегіи. Варлаамъ Ясинскій возстановляетъ коллегію. Нападеніе на братскій фундушъ. Жалобная грамата Ясинскаго. Состояніе Малороссіи. Кіевъ присоединенъ къ державѣ русской. Выгода сего для митрополіи и училища. Іосифъ Шумлянскій. Причины, лишившія патріаршій константинопольскій престолъ вліянія на церковь малороссійскую. Универсалъ гетмана Самойловича коллегіи. Другія пожертвованія. Кончина Іосифа Тукальскаго. Мѣсто его погребенія. Эксъ-митрополитъ Антоній. Возстановленіе коллегіи. Икона пресв. Богородицы, нарицаемой братской. Ректоры и профессоры: Іоанникій Галятовскій, Мелетій Дзикъ, Варлаамъ Ясинскій, Сильвестръ Головчичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ I, Іоаннъ Максимовичъ. Воспитанники извѣстнѣйшіе: Антоній іеромонахъ, Базилевичъ Іустинъ, Голенковскій Варлаамъ, Корниловичъ Захарія, Крайскій Сильвестръ, Кроковскій Іоасафъ, Лазаревичъ Іосифъ, Лежайскій Иларіонъ, Лещинскій Филоѳей, Милославскій Аѳанасій, Одиновичъ Антоній, Туптало св. Димитрій, Углицкій Ѳеодосій, Яворскій Стефанъ, Янковскій Ѳеодосій. Столѣтіе коллегіи. . . . . 193—299

ГЛАВА XIV.

Гедеонъ Святополкъ,

КНЯЗЬ ЧЕТВЕРТЕНСКІЙ.

1686—1690.

Состояніе Украйны. Юрій Хмѣльницкій Кіевъ. Внутреннія смятенія ослабѣваютъ. Миръ Россіи съ Польшею. Вѣроломство іезуитовъ. Прибытіе Гедеона въ Чигиринъ. Сиротство кіевской митрополіи. Нареченіе Гедеона митрополитомъ. Посвященіе его. Права, ему предоставленныя. Граматы царская и патріаршая. Прибытіе Гедеона въ Кіевъ. Протестъ Барановича и Кіево-печерской Лавры. Переписка съ восточными патріархами. Они отказываются отъ правъ своихъ на кіевскую митрополію. Дѣйствія уніатовъ. Жалобы Гедеона. Еретическія мнѣнія, посѣваемыя іезуитами и уніатами. Запросъ патріарха Іоакима. Заботы Гедеона о своей паствѣ и объ училищѣ. Разныя пожертвованія въ пользу коллегіи. Состояніе ея. Сформированіе полнаго учебнаго курса. Ректоры коллегіи: Іезекіиль Филипповичъ, Ѳеодосій Гугуревичъ, Пахомій Подлузскій, Кириллъ Филимоновичъ. Кончина Гедеона. Характеръ его и духовное завѣщаніе. Экзаменъ Стефану Яворскому, прибывшему изъ-заграницы. Остальная біографія Яворскаго. Воспитанники коллегіи: Боболинскій Леонтій, Волынскій Сильвестръ, Косовскій Варлаамъ, Краснопольскій Рафаилъ, Леонтовичъ Ѳеофанъ, Стаховскій Антоній. Денисовъ Андрей въ кіевской коллегіи . . . . . 233—252

ГЛАВА XV.

Варлаамъ Ясинскій.

1690—1707.

Избраніе Варлаама Ясинскаго въ митрополиты. Грамата Мазепы. Ревизія коллегіальныхъ имѣній. Пожертвованія училищу. Царское жалованье коллегіи. Грамата царская. Стеченіе воспитанниковъ въ коллегію. Просьба Варлаама. Грамата Петра I. Мазепины постройки въ братскомъ монастырѣ. Универсалъ Мазепы. Разныя пожертвованія въ пользу коллегіи. Коллегія получаетъ отъ Петра I названіе Академіи. Права ея. Іезуиты изгнаны изъ Кіева. Петръ Великій въ Кіевѣ. Закладка печерской крѣпости. О доходахъ академіи. Академическія конгрегаціи. Обряды при выборѣ конгрегаціонныхъ членовъ. Обязанности ихъ. Расходъ конгрегаціонныхъ суммъ. Школы приходскія. Сборъ подаяній. Кондиціи. Миркачи. Спѣваки. Ин-

струментальная музыка. Любовь академистовъ къ музыкѣ. Вертепы. Драматическія представленія въ академіи. Драматическія сочиненія. Мѣсто представленій. Рекреаціи Праздники академическіе. Панихида 31 декабря. Вербная суббота. Погребеніе усопшихъ, принадлежавшихъ къ академіи. Богословскіе уроки Кроковскаго. Нѣчто объ упрекахъ академіи за схоластицизмъ Экзамены. Диспуты еженедѣльные. Годичные. Двухъ-годичные. Состояніе философскихъ наукъ въ эту эпоху. Реторика. Поэзія. Геометрія. Библіотека академическая. Ректоры академіи. Воспитанники сего времени: Берутовичъ Германъ, Бужинскій Гавріилъ, Волатковскій Варнава, Гловацкій Сильвестръ, Жураковскій Иродіонъ, Заборовскій Рафаилъ, Конашевичъ Лука, Кульчицкій Иннокентій, Леницкій Варлаамъ, Линцевскій Гервасій, Лопатинскій Θеофилактъ, Мигура Иларіонъ, Прилуцкій Іероθей, Прокоповичъ Θеофанъ, Пуцекъ-Григоровичъ Веніаминъ, Радышевскій Маркеллъ, Рогалевскій Иларіонъ, Сморжевскій Θеодосій, Тихорскій Епифаній, Туробойскій Іосифъ, Шпаковскій Савва, Юшкевичъ Амвросій . . . . . 254—316